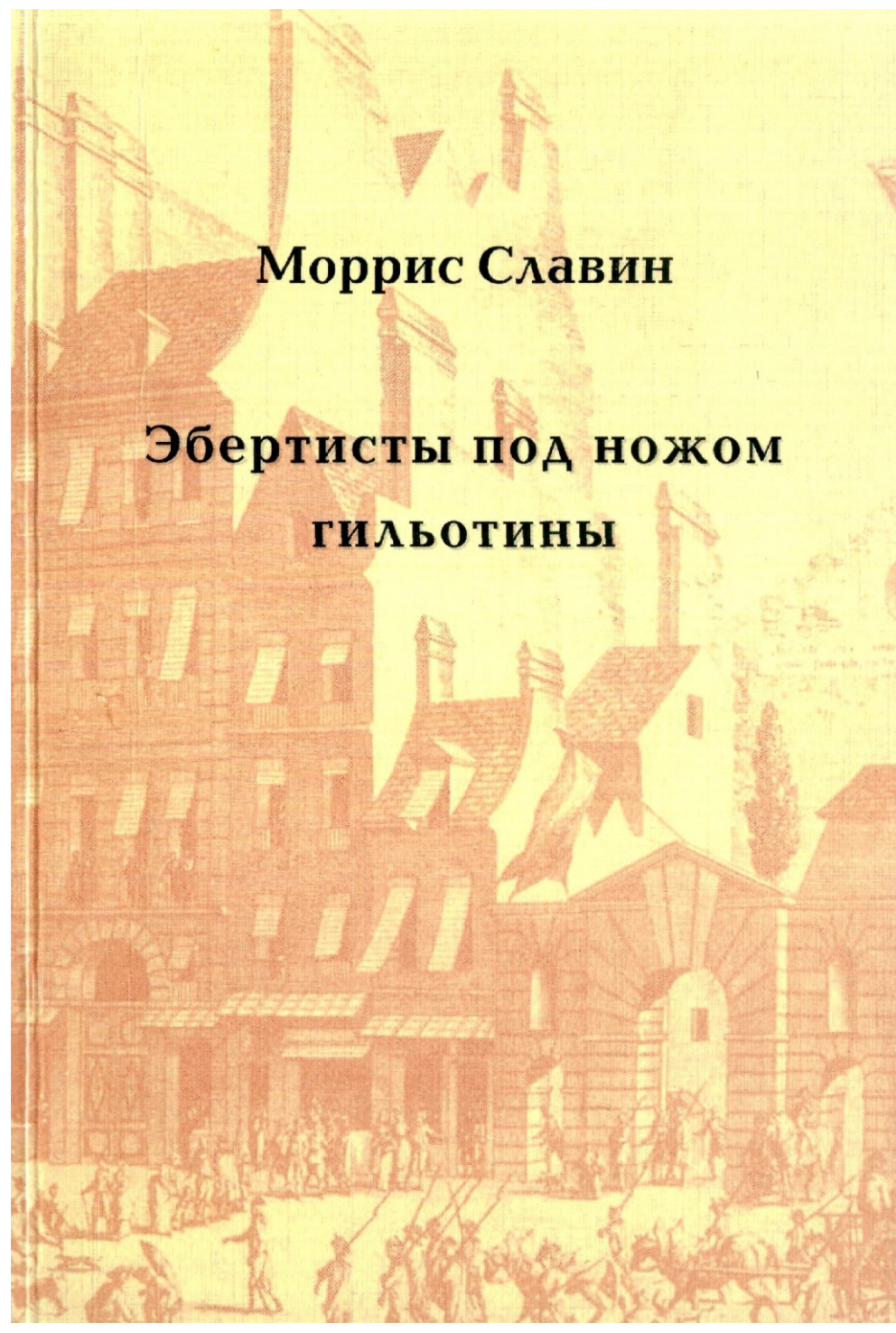
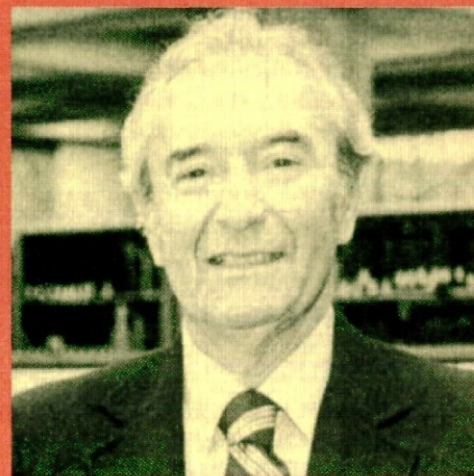




Моррис Славин

**Эбертисты под ножом
гильотины**



МОРРИС СЛАВИН (р. 1913 г.) — доктор наук, почетный профессор Янгстаунского государственного университета (Огайо, США). Уроженец г. Киева. Эмигрант первой волны. В США — с 1923 г. После окончания в 1938 г. Огайского государственного университета работал на металлургических предприятиях, принимал активное участие в рабочем движении. Позже занялся преподавательской деятельностью, с 1947 г. читал лекции в Янгстаунском государственном университете.

Автор многочисленных научных работ по истории французской и русской революций. Среди его пяти книг наибольшую известность приобрели: "The French Revolution in Miniature: Section Droits de l'Homme, 1789-1795" (Princeton: Princeton University Press, 1984), "The Making of an Insurrection: Parisian Sections and the Gironde" (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1986) и, в особенности, "The H⁷bertists to the Guillotine: Anatomy of a 'Conspiracy' in Revolutionary France" (Baton Rouge and London: Louisiana State University Press, 1994), с русским переводом которой читатель имеет возможность теперь ознакомиться.

Моррис Славин — член Американской ассоциации историков и Академии истории штата Огайо.

МОРРИС СЛАВИН

ЭБЕРТИСТЫ ПОД НОЖОМ ГИЛЬОТИНЫ

АНАТОМИЯ «ЗАГОВОРА» В РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Перевод с английского

А. В. Панцова

ООО «Соверо-Принт»
Москва, 2005

ISBN 5-900939-32-4

© М.Славин. 2005

© А.В.Панцов. 2005

В монографии впервые на широчайшем архивном материале анализируются общественно-политические взгляды эбертистов...

Да, пожалуй. Об архивном материале сказано справедливо. "Эбертистам" в историографии не очень везет: Жан Жорес обвинял их в демагогии и милитаризме, не более глубоко вдавался в социально-политическую платформу "эбертистов" и Олар; чуть внимательней к этой группе был Матьез. Действительную попытку проанализировать явление "эбретизма" предпринял Альбер Собуль. Были у них и другие "защитники", как правило, в лице анархистски настроенных политических деятелей второй половины XIX века, полусториков-полупублицистов (Гюстав Тридон, Жорж Авенель, Даниель Герен и др.). В отечественной историографии "эбертисты", как тема научных и научно-популярных штудий, пережили краткий период торжества в послеоктябрьский период (1918-1930), а затем надолго были "задвинуты" другими темами, персонажами и характерным для нашей историографии "якобиноцентризмом", и так продолжалось вплоть до публикаций проф. В.Г.Ревуненкова в середине 1970-х годов (разумеется, по документальной базе Владимир Георгиевич до М.Славина никак не дотягивает).

...представителей наиболее радикальной группировки времен Великой французской революции 1789-1799 гг...

Это общее место, которое трудно доказать. По каким показателям "измеряется" их "радикальность"? С тем же успехом можно считать наиболее радикальными "бешеных".

...В центре внимания автора - драматическая история сотрудничества и борьбы двух крупнейших политических партий Франции того времени: Клуба кордельеров, возглавлявшегося Эбером, Моморо, Ронсеном, Венсаном и др., и Клуба якобинцев, во главе которого стоял Робеспьер...

Что ни слово, то песня (. Во-первых, ни один клуб, ни другой не были "партиями", хотя кое-какие черты массовой партии демократического (в противоположность либеральному) типа XX века можно подметить у якобинцев; клуб же кордельеров ограничивался Парижем и его предместьями. Во-вторых, кордельеры совсем не тождественны "эбертистам". В-третьих, Робеспьер на тот момент Якобинский клуб не возглавлял, авторитет других политических деятелей, в том числе противников Робеспьера, в клубе был достаточно велик. В-четвертых, якобинский клуб не тождествен Конвенту и его Комитетам, а ведь линия противостояния выстраивалась именно между революционным правительством и "эбертистами".

...Движение эбертистов - предшественников российских большевиков - детально исследуется на фоне бурных событий революции...

Мы уверены, что составитель аннотации саму книгу не читал либо ничего в ней не понял. Тем более что автор, М.Славин, недвусмысленно указывает на другую аналогию - аналогию между "эбертистами" и "левой" оппозицией сталинской ВКП(б) в 1930-е годы.

...Для специалистов-историков, студентов гуманитарных вузов, всех интересующихся историей французской революции.

Безусловно. Студентам и не студентам нужно читать обязательно).

О переводе

В целом перевод неплохой, но Александру Вадимовичу Панцову стоило бы проконсультироваться у специалистов по истории Великой французской революции и относительно имен собственных, и по поводу употребления терминов ("дистрикты", а не "районы"), и тем более по поводу специфических понятий, без знания которых "болотные жабы" (определенная часть депутатов Конвента, за которыми закрепилась такая кличка) превращаются в никому и ни о чем не говорящих "гадин Марэ".

О библиографии

Некоторые, и даже многие из документов, привлеченных автором, теперь можно отыскать на сайте Национальной библиотеки Франции (gallica.bnf.fr/).

Работы, имеющиеся в русском переводе, отмечены нами в списке (см. с.274-278)

ВЕР-ПЮЛЕНКЕГН: VIVE LIBERTA' 2009

Пришествие эбертистов было пришествием науки и разума в своей наиболее радикальной и популистской форме, но только в таком виде наука и разум могли достичь подлинного триумфа. Наука, которую жирондисты . . . хотели ограничить рамками литературной олигархии, вырвалась из будуара на народную площадь.

— Ж. Тридон, член Парижской коммуны 1871 года,
«Эбертисты»

*Республиканцы, что стало с вашими клятвами? . . .
Вы сотни раз клялись умереть; так умрите, ибо у вас
нет больше свободы.*

— Письмо кордельера Робера членам Клуба кордельеров
1 жерминаля II года (21 марта 1794 года)

Дополнительно материалы в нашей библиотеке <http://istmat.info/node/31148>

документы

«ОТЕЧЕСТВО в ОПАСНОСТИ!»: международное и военное положение 1791-92 гг.
ФРАКЦИОННАЯ БОРЬБА 1793-94 гг.: монтаньяры, эбертисты, дантонисты, «бешеные»
ПАРИЖСКАЯ КОММУНА в БОРЬБЕ с РЕЛИГИЕЙ и ЦЕРКОВЬЮ (ИЗ АРХИВА ШОМЕТТА)
Выступления А.Клоотса
Мемуары А.Шометта

исследования

Старосельский Я.В. Проблемы якобинской диктатуры
Ростиславлев Д.А. Из истории журналистики периода якобинской диктатуры («Пер Дюшен»)
Фрейберг Н.П. Шометт, генеральный прокурор парижской Коммуны
Виноградская П.С. Анахарсис Клоотс
Захер Я.М. Дехристианизаторская деятельность Фуше
Тонкова-Яковкина Р.М. Борьба течений внутри якобинского блока по вопросам максимума и революционного террора
Захер Я.М. Парижские секции 1790-95 годов: политическая роль и организация
Абердам С. Право избирать и право решать в 1793 г.
Собуль А. Политические аспекты санкюлотской демократии
Гусева Ю.В. Террор периода Великой французской революции в интерпретации Д.Герена

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Введение

Глава 1. Эбер и его «Пер Дюшен»

Глава 2. Хлеб и политика

Глава 3. Вандея и фракционные конфликты

Глава 4. Новое восстание?

Глава 5. Якобинцы против кордельеров

Глава 6. Аресты и санкюлоты

Глава 7. Эбертисты

Глава 8. «Амальгамированные» участники «заговора» и интересы государства

Глава 9. Процесс

Глава 10. Репрессии

Заключение

К РОССИЙСКОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Работа, предлагаемая вниманию российского читателя, посвящена истории французской революции, но сам я был свидетелем вашей, русской, революции. Я родился в Киеве в 1913 году и уехал из Советского Союза вместе с семьей в 1923 году. Я был мальчиком, когда Гражданская война полыхала на Украине, и помню это время отчетливо. Моя семья пережила войну благодаря тому, что мои родители были зубными врачами, служившими в Красной армии.

Америка тоже была рождена в результате революции, которая предвосхитила французскую тринадцатью годами. Почему я не занялся изучением русской революции, а посвятил свою жизнь исследованию французской? К тому времени, когда я был в состоянии выбирать, чем заниматься в науке, я уже знал, что в результате сталинской контрреволюции необходимые архивы были мне как американцу недоступны. Я решил заняться французской революцией, чьи архивы были открыты, полагая, что смогу использовать мой русский опыт и в изучении революции во Франции.

Я попытался взглянуть на французскую революцию снизу. В конце концов, революции делаются массами — мужчинами и женщинами, которые не желают жить по-старому. Одним из оружий их борьбы являлись политические клубы. В одном из них, радикальной организации, именуемой кордельеры¹, ведущую роль играли эбертисты, которые защищали интересы санкюлотов. Как это часто бывает в период глубокой социальной революции, радикалы, стоявшие в оппозиции революционному правительству, вступили в конфликт с последним. Они желали повышения жизненного уровня населения, в то время как правительство должно было вести войну против контрреволюционеров и их зарубежных союзников. Патриотизм восторжествовал над нуждами санкюлотов. Кордельеры были разгромлены, и революционное правительство стало еще более бюрократизированным и нетерпимым к оппозиции. За Термидором последовал Наполеон и реставрация 1815 года. Нечто подобное происходит в России сейчас, где крушение сталинизма расчищает дорогу русской реставрации.

Таким образом, несмотря на существенные различия между французской и русской революциями, обе они явно следуют одной схеме.

Моррис Славин

¹Официальное название клуба было «Общество друзей прав человека и гражданина». Прозвище «кордельеры» члены клуба получили потому, что заседали в бывшем монастыре францисканцев, подвешивавшихся веревкой («кордо») параллельно с этим клубом действовал клуб якобинцев («Общество друзей конституции» впоследствии переименованный в «Общество друзей свободы и равенства»). «Якобинцами» членов этого клуба называли потому, что они проводили свои заседания в библиотеке монастыря святого Якова. *Прим. переводчика*

ПРЕДИСЛОВИЕ

События в Центральной и Восточной Европе конца 1980-х годов вновь напомнили нам, что революции делаются снизу. Точно так, как в 1789 году именно санкюлоты, крестьяне и буржуа — иными словами, народ — начали великие *jours* (дни), положившие конец старому режиму, в 1989 году рабочие, студенты и фермеры свергли номенклатуру, которая управляла ими с конца II мировой войны. Обозреватели и исследователи этих современных революции говорят о движении снизу, о революциях снизу с тем, чтобы описать неожиданное крушение мощных режимов. Таким образом, политика в общем смысле слова вернулась в историю, продемонстрировав тем самым еще раз живучесть данного Аристотелем определения человека как политического животного.

Этот новый акцент на политику не преуменьшает значение важнейших исследований французской революции, которые появились в последние два десятилетия. Работы в области социальной истории, а также философии, идеологии и всего того комплекса, который мы называем культурой, от общественных фестивалей до народного фольклора, все это обогащает наше понимание революции. Тем не менее, исследование, которое я представляю вашему вниманию, отражает мои собственные интересы, которые фокусируются на политических сражениях 1793-1794 годов.

Как и другие революции, французская содержит в себе парадоксы. Мое исследование ставит перед собой задачу продемонстрировать, что смертельная борьба между эбертистами и дантонистами (между «радикалами» и «умеренными») неизбежно вела к уничтожению обеих групп. Ни одна из фракций не понимала, что не могла бы существовать без другой, если бы стала подрывать «общую волю», которую проповедовал Робеспьер. Для того, чтобы существовал баланс сил в революционном французском государстве, должны были существовать обе фракции. Но поскольку Комитет общественного спасения уничтожил эбертистов, он вынужден был расправиться и с дантонистами.

Второй парадокс уходит корнями в первый. Конвент и два его Ве-

ликих комитета чувствовали, что они должны подавить фракционные разногласия, подрывавшие единство Республики, ибо только единство, как они считали, могло обеспечить победу над врагами Франции. Но, разрушая фракции Эбера и Дантона, они неизбежно подрывали свою собственную основу в секциях, в Парижской коммуне, в политических клубах и в целом среди населения. Таким образом, так же, как эбертисты зависели от умеренных, без которых не могли существовать ни в политическом, ни физическом смысле, так же и революционное правительство зависело от фракции, обеспечивавших ему массовую поддержку, без которой никакая «общая воля» не могла быть эффективной.

Более того, если французская революция и может научить нас чему-то для понимания восстаний в Центральной и Восточной Европе, так это, безусловно, тому, что мы можем предвидеть возникновение в бывшем Восточном блоке фракционной борьбы, аналогичной той, которая имела место во Франции. Расколы среди различных политических партий и группировок становятся там острее, точно так же, как это было внутри политических обществ, секции и институтов, созданных французской революцией. Общественные классы действительно обладают экономическими, политическими и культурными различиями, и эти различия несомненно находят свои выражения — так же, как это имело место в 1793-1794 годах. Нельзя, кроме того, игнорировать предубеждения и амбиции личностей. Они тоже играли свою роль во Франции 200 лет назад. Дают они знать о себе и в Восточной и Центральной Европе сегодня.

* * *

Мне доставляет удовольствие признать, что я нахожусь в огромном долгу перед коллегами и друзьями, которые помогли мне завершить эту работу.

Джеймс Фригуглетти улучшил рукопись бесчисленными предложениями, касавшимися стиля и переводов с французского языка. Эрик Арнольд прочел ранний вариант рукописи и дал некоторые полезные советы. Вирджиния Филипе раскрыла перед мной тайны компьютера и научила меня в достаточной степени пользоваться им. Хильдегард Шнутген оказала бесценную помощь в приобретении документов и издании из Национального архива и Национальной библиотеки Франции, а также книг по межбиблиотечному обмену. Марк Булуазо и Вальтер Марков были любезны, отвечая на мои воп-

росы и стимулируя меня к продолжению исследования. Мэри Бетлато оказала мне большую поддержку в подготовке рукописи в ее окончательном виде.

Год, проведенный в Принстонском институте передовых исследований, дал мне время для завершения моего труда в атмосфере благоприятствовавшей творчеству. Роберт Р. Палмер помогал мне, ведя меня по лабиринтам Фаинерстоунской библиотеки Принстонского университета и делаясь со мною мыслями о французской революции. Научно-исследовательский центр магистрантов Янгстаунского государственного университета оказал мне финансовую поддержку в приобретении микрофильмов и ксероксов. Я в большом долгу перед покойным Джоном Холлом Стюартом, который впервые познакомил меня с эбертистами на одном из его потрясающих семинаров, а также во время наших бесчисленных дискуссий по различными проблемам Французской революции.

Вряд ли нужно добавлять, что все ошибки в суждениях или фактах, которые, возможно, содержатся в моем исследовании, только мои.

В конце я хочу сказать, что, как и прежде, я в огромнейшем долгу перед моей женой, Софи С. Славин, чье терпение и поддержка помогли мне завершить эту работу.

* * *

Переводчик выражает благодарность Е. Б. Богословской, А. В. Гордону, Н. С. Панцовой и Д. А. Спичак за помощь при подготовке рукописи к печати.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

AN	Archives nationales (Национальный архив Франции)
AP	<i>Mavidal M. J., M. E. Laurent et al.</i> , eds. <i>Archives parlementaires de 1787 à 1860. Recueil complet des débats législatifs et politiques des chambres françaises. Série I</i> , 90 vols. Paris, 1879.
APP	Archives de la Préfecture de Police (Архив префектуры полиции г. Парижа)
BN	Bibliothèque nationale (Национальная библиотека Франции)
B & R	<i>Buchez P. J. B., P. C. Roux</i> , eds. <i>Histoire parlementaire de la Révolution française</i> . 40 vols. Paris, 1834-1838.

ВВЕДЕНИЕ

14 июля 1989 года французский журнал «Экспресс» опубликовал результаты опроса, проведенного среди трехсот учителей истории старших классов. Журнал интересовало, как преподаватели относятся к тем или иным эпизодам французской революции, к тем или иным ее деятелям. В разделе опроса, озаглавленном «Барометр революционеров», был задан вопрос о том, кому из одиннадцати выдающихся фигур революции они отдают предпочтение. Наивысший позитивный ответ получил Кондорсе — 91 %; Снейес и Дантон получили по 72 % каждый, Робеспьер — 68 % и Марат — 43 %. Самые низкие показатели были у Эбера: ему отдали свои голоса всего 27 %. Правда, две трети опрошенных были робеспьеристами².

Такая низкая оценка Жака Рене Эбера историками-профессионалами создает проблему для ученых, изучающих его роль в революции. Некоторые из его биографов стремятся подчеркнуть его добродетели, игнорируя характерные слабости. Другие абстрагируются от его характера, уделяя прежде всего внимание его политической деятельности. При этом все они сталкиваются с вопросом о том, имели ли его политические представления и поступки твердые философские и моральные основы или же они носили оппортунистический характер, определяясь сиюминутными возможностями?

Дополнительную проблему создают «эбертисты». Строго говоря, у Эбера не было никаких последователей, так что сам этот термин вряд ли отражает реальность. Каждый из так называемых «эбертистов» был лидером на свой лад; все они являлись активистами Клуба кордельеров и своих собственных секций, несли службу в качестве офицеров Революционной армии (не следует смешивать с регулярной профессиональной армией) или занимали важные посты в Военном министерстве или административных департаментах Парижской коммуны. Шарль Филипп Ронсен, Франсуа Николя Венсан и Антуан Франсуа Моморо, хотя и тяготели к Эберу, сами оставались вождями, вокруг которых, в свою очередь, группировались сторонники.

² См. L'Express (Paris), July 14, 1989. P. 48. Другие деятели получили следующие оценки: Сен-Жюст — 66 %, Грегюар — 65 %, Лафает — 62 %, Бабеф — 59 %, Мирабо — 59 %. На вопрос о том, как они оценивают роль Робеспьера, 64 % опрошенных ответили, что позитивно.

Невысокое мнение современных историков об эбертистах находится в противоречии с оценками, которые давали последним такие великие историки-патриархи, как Токвиль и Олар, рассматривавшие их весьма позитивно. Анализируя мнения «классиков исторической науки», становится очевидным, что многие из них в своих общих работах по истории революции относятся к эбертистам гораздо более субъективно, чем строго научно. Нельзя сказать, что эти историки к ним благосклонны. Один Лефевр в целом эбертистам симпатизирует. Генрих фон Зибер, Ипполит Тэн, Огюст Минье и Адольф Тьер просто ненавидят и презирают их. Луи Блан, Альфонс де Ламартин, Жюль Мишле, Жан Жорес и Альбер Матьез также весьма критичны к ним самим и их целям, хотя и не допускают излишней резкости.

Альфонс Олар, которого можно рассматривать как демократа-республиканца, противопоставляет эбертистское требование «крови» призыву Камилла Демулена к «терпимости». Он убежден, что эбертисты стремились к осуществлению переворота и уничтожению Конвента, как о том говорилось в их обвинительном приговоре. И все же Олар признает, что суд над эбертистами «был простой пародией на справедливость»³.

Лефевр, в отличие от других историков, о которых мы говорили, понимает, что «этот кризис [мартовские события 1794 года, по революционному календарю — конец вантоза — начало жерминаля II года] был решающим; в истории революционного движения падение эбертистов означало начало спада. Впервые с 1789 года правительство сдерживало народное движение, подавляя его лидеров». Робеспьер и его сподвижники считали, что они не потеряют доверия народа, однако они не смогли понять, насколько глубокие моральные последствия имела драма, разворачивавшаяся в тот март.

Вслед за «бешеными» Клуб кордельеров и особенно Эбер, благодаря их чрезвычайно популярной газете «Пер Дюшен» («Папаша Дюшен»), стали настоящими лидерами санкюлотов. Эбертисты, оставшиеся в живых, обвиняли Комитет общественного спасения в смерти своих друзей. «Кто из толпы не был разочарован, видя, как этих патриотов сбросили с пьедестала как предателей?» — спрашивает Лефевр. Экономическая политика Комитета была с тех пор направлена на ведение войны, а не на удовлетворение потребностей народа. Могла ли социальная политика Комитета привлечь народ к монтаньярам (якобинским депутатам Конвента)? Ответ очевиден: не могла.

³ Alphonse Aulard, Histoire politique de la Révolution française. Origines et développement de la démocratie et de la république (1789 — 1804). Paris, 1901. P. 460, 61, 462, 463.

Комитет общественного спасения считал, что, уничтожив дантонистов после эбертистов, он приобретет поддержку Конвента. Но Комитет вводил самого себя в заблуждение, пишет Лефевр. Конвент никогда не простил Комитету то, что он силой заставил его принести в жертву своих членов, и слишком много пустых мест в зале заседаний напоминало депутатам о Терроре, который мог ударить и по ним. Более того, Комитет играл роль посредника между Конвентом и санкюлотами. С подавлением народного движения комитет в этой его роли депутатам был больше не нужен. Депутаты стали отныне свободны от его опеки. Все, что им теперь было надо, чтобы его уничтожить, так это разделить его членов и направить их одного против другого, заключает Лефевр⁴.

Консервативный немецкий ученый Генрих фон Зибел очерняет революцию языком, который мало отличается от языка его французского партнера, Ипполита Тэна. В глазах Зибела эбертисты представляли «партию Отеля де Виль [то есть Парижской коммуны], собранную воедино сверху донизу из беспорядка и беззакония». Эта партия, по его словам, хотела установить «беспокойную свободу, насильственное равенство, бурлескную философию, омерзительную для каждого рационально мыслящего человеческого существа». Робеспьер, утверждает он, приобрел определенную популярность среди средних слоев своей оппозиции Эберу. Но все партийные распри были результатом личной амбиции и борьбы за власть⁵.

Хотя Тэн не проводил различия между эбертистами и монтаньярами, его мнение о партии Эбера можно легко представить на основании данной им характеристики якобинцев как «амнистированных бандитов и других висельников . . . бродяг и бездельников, восставших против труда и дисциплины, целого такого класса . . . который хранил в себе инстинкт дикарей и утверждал авторитет народа для того, чтобы удовлетворять свои естественный аппетит к привилегиям, лени и жестокости»⁶. Тэн сваливал в одну кучу все фракции левых и потому не утруждал себя выделением эбертистов из остальных.

Огюст Минье также был убежден, что «городская фракция» (эбертисты) представляла собой «демократию без границ». Их принципа-

ми-близнецами были «политическая анархия» и «религиозный атеизм» (sic!) Эта партия опиралась на революционные комитеты в парижских секциях, в которых можно было найти много иностранцев, являвшихся агентами, посланными Англией для разложения Республики путем подталкивания ее в направлении анархии и экстремизма⁷. Другими словами, эбертисты и Парижская коммуна, которую они контролировали, были на самом деле предателями Франции и Революции.

Рассказывая о разногласиях между фракциями, Адольф Тьер в своей книге гораздо более сбалансирован, чем процитированные выше фон Зибел или Минье. И все же он верит, что Ронсен и Венсан были сумасшедшими, стремившимися к тому, чтобы управлять Францией с помощью диктатора («верховного судьи»), которым должен был стать мэр Парижа, т.е. Николя Паш, и гильотины. Тьер с одобрением цитирует Луи Антуана Сен-Жюста, члена Комитета общественного спасения и известного террориста: «Одна из этих фракций [эбертисты] хочет превратить свободу в оргию, другая [дантонисты, известная также как «снисходительные»] — протитуировать ее»⁸.

Удивительно, что Жан Жорес принимает обвинения, которые правительство выдвинуло против арестованных лидеров Клуба кордельеров, а именно, организацию заговора с целью роспуска Конвента, удушения Парижа голодом, массовой резни заключенных и провозглашения «верховного судьи» с тем, чтобы восстановить монархию. Еще более странно, что он поддерживает якобинскую атаку на народные общества. Его рассуждения заключаются в том, что, если бы секционные общества присоединились к якобинцам, они могли бы превратить якобинский «дух» в кордельерский, в результате чего «эбертизм приобрел бы великую силу». Жорес также убежден, что Ронсен хотел расширить численность Революционной армии (которой он командовал) для того, чтобы использовать ее против Конвента. Таким образом, заключает Жорес, эбертисты готовили «своего рода военный переворот, который бы обесславил, окровавил и обратил в руины Францию»⁹.

⁴ Georges Lefebvre, *La Revolution Française*, Paris, 1951, P. 375, 376, vol. XIII of *Louis Halpén Philippe Sagnac*, eds., *Peuples et civilisations*, 20 vols.

⁵ Heinrich von Sibel, *Geschichte der Revolutionzeit von 1789 bis 1795*, B. II, 3d ed., Düsseldorf, 1866-1870, S. 444, 448, 454. См. его также: *Parteiempfehle unter den Jakobinern*.

⁶ Hippolyte Adolphe Taine, *La Revolution*, Paris, 1882, P. 38, vol. II of Hippolyte Adolphe Taine, *Les Origines de France contemporaine*, 6 vols., 11th ed.

⁷ Auguste Mignet, *Histoire de la Revolution Française depuis 1789 jusqu'en 1814*, Vol. II, 2d ed., Paris, 1869, P. 30-31.

⁸ Adolphe Thiers, *Histoire de la Revolution Française*, Vol. V, 3d ed., Paris, 1832, 332, 337, 346.

⁹ Jean Jaurès, *Histoire socialiste de la Revolution Française*, Vol. 6, Paris, 1924, 191, with notes by Albert Soboul, New York, 1973, P. 406-407, 410, 415.

Луи Блан был не более благожелателен к кордельерам, чем Жорес. Из всех сил защищая Робеспьера против эбертистов, он верил сфабрикованным правительством измышлениям свидетелей о том, что, находясь в тюрьме, Ронсен и Венсан устраивали оргии и банкеты. Достоинным сострадания он считал только Анахарсиса Клоотса, полагая, что Клоотс был связан с эбертистами только общими ненавистью к священникам. Блан был убежден, что Эбер стремился превратить Парижскую коммуну в правительство Франции и таким образом стать главой государства. Хотя он и представил хорошие очерк фракционной борьбы, которую вели так называемые умеренные или «снисходительные». Блан восхвалял робеспьеровскую политику террора. Более того, он был уверен, что эбертисты не только мечтали о восстании, но и готовили его. Таким образом, хотя он и рассматривал суд над ними как «пародию на справедливость», он тем не менее верил, что эбертисты заслужили свою долю¹⁰.

В сравнении с работой, написанной Бланом, труд Ламартина написан с гораздо большим изяществом, но к нему следует относиться с недоверием, поскольку автор не раскрывает свои источники. Ламартин приводит слова Робеспьера, который якобы за обедом в доме Эбера предложил создать триумvirат с Дантоном и Эбером. Даже если предположить, что такой обед действительно имел место, трудно поверить, что Робеспьер излагал мысли, явно чуждые его политическому мировоззрению, и уж, разумеется, никогда бы не сделал этого перед Эбером. Ламартин не сомневался, что правительство должно было сокрушить Эбера, иначе последний уничтожил бы правительство. Болезнь Робеспьера и Жоржа Кутона подтолкнула эбертистов, как он пишет, пойти ва-банк, и если бы эбертисты достигли успеха, Жан Мари Колло д'Эрбуа поддержал бы победившую фракцию¹¹.

Жюль Мишле тоже был убежден в том, что эбертисты думали о восстании и собирались с этой целью использовать находившуюся под командованием Ронсена Революционную армию, которая насчитывала до 100 000 человек. В случае успеха Ронсен стал бы военным диктатором. Хотя Мишле верил, что эбертисты на самом деле хотели умиротворить Париж голодом и вырезать заключенных, т.е. не под-

вергал сомнению слова общественного прокурора, он все же не мог принять обвинение эбертистов в монархизме¹².

Матьез, как хорошо известно, твердо защищал политику Робеспьера, осуждая как эбертистов, так и их оппонентов дантонистов. Он считал, что борьба между этими двумя фракциями угрожала разрушением правительства, которое одно могло консолидировать революцию. Если бы эбертисты обладали хотя бы маленьким «политическим чутьем», писал он, они сгруппировались бы вокруг Комитетов. Но так как у них не было социальной программы, которая шла бы в сравнение с предлагаемой правительством программой конфискации собственности осужденных контрреволюционеров и ее распределением среди патристически настроенной бедноты, они жаждали только удовлетворить свое «честолюбие и злобу». Более того, кордельеры были убеждены в том, что они могли осуществить успешное восстание, которое привело бы их к власти. (Матьез цитирует признание одного свидетеля, как если бы оно было правдивым); таким образом, Комитеты общественного спасения и общими безопасности должны были нанести удар по «ультра в целях самозащиты»¹³.

Поскольку в этой работе я часто ссылаюсь на Альбера Собуля и Даниеля Герена, изучавших эбертистов и кордельеров довольно подробно, лучше всего оставить комментарии по поводу их работ для самого текста книги. Читатели сами смогут оценить тот огромный вклад, который сделали эти два историка в изучение эбертизма. Вряд ли нужно говорить, что знакомство с их трудами очень помогло мне в работе. Вместе с тем я корректировал, а иногда и опровергал их точки зрения на отдельные события и личности. Герен, например, рассматривал санкюлотов как нечто, напоминавшее «предпролетариат» нашего времени, стараясь применить теорию Троцкого о «неравномерном и комбинированном развитии» к французской революции. Троцкий своей теорией пытался объяснить скачок от царизма к «пролетарской диктатуре» в обход стадии капитализма и «буржуазной демократии»¹⁴. Даже если эта теория и применима к русской революции, вряд ли она может объяснить французскую революцию.

¹² Jules Michelet Histoire de la Revolution française Vol 2 Paris, 1961 P 768-769

¹³ Albert Mathiez La Revolution française Vol 3 11th ed Paris, 1951 P 135-137, 148-149, 150, 151, 153, 156 (Цит по Альбер Матьез Французская революция Ростов-на-Дону, 1995 С 514 ([Прим. переводчика])

¹⁴ Daniel Guérin La Lutte de classes sous la premiere republique Bourgeois et "bras nus" (1793-1797) 2 vols, Paris, 1946.

¹⁰ Louis Blanc Histoire de la Revolution française Vol IX 2d ed Paris, 1864-1870 P 485 471-473 Блан вкратце дает четкую картину дискуссии между фракциями (см. ibid P 223-234, 293-303).

¹¹ Alphonse de Lamartine Histoire des Girondins Vol 7 Brussels, 1847 P 294, 289, 291

Собуль, с другой стороны, считал, что революция могла быть спасена, если бы в нее были активнее вовлечены санкюлоты, мобилизовать которых, по-видимому, могли эбертисты. На практике это можно было сделать, писал он, репрессировав умеренных, осуществив террор, и быстро применив меры, уже апробированные в вантозе — имеется в виду распределение конфискованной собственности подозреваемых и эмигрантов. В том, что говорит Собуль, есть много справедливого, однако его позиция вызывает и некоторые вопросы. Во-первых, обладали ли санкюлоты знанием и опытом, чтобы обрабатывать землю и превратиться в успешных фермеров? Во-вторых, не могло ли получиться так, что репрессии в отношении действительно умеренных революционеров, умеренных в политике и идеологии (но не обязательно «снисходительных»), вызвали бы новый взрыв недовольства среди многих членов революционного правительства? И если могло получиться именно так, то к оппозиции коммерческих классов и небольших держателей земельной собственности, а также самой буржуазии, добавилась бы новая оппозиция, что создало бы серьезную угрозу существованию самого правительства. Продолжение террора вряд ли обеспечило бы санкюлотов и их семьи хлебом и мясом. В конце концов именно нехватка товаров первой необходимости и являлась причиной непрекращавшихся бурных волнений в их среде. Более того, пока продолжалась война, проблемы со снабжением и высокие цены были неизбежны¹⁵.

Все историки, о которых мы говорили, согласны с тем, что Эберт заключил бы мир с центральными властями, предложи они ему пост министра внутренних дел. Другими словами, он был готов пожертвовать принципами ради чечевичной похлебки. Тот факт, что лично он был амбициозен, не следует использовать против него. Все политики амбициозны. Но великие лидеры народных движений слишком ревностно относятся к своей исторической роли, чтобы предать возглавляемые ими движения ради министерского кресла. И если бы эбертизм был лишь демагогией, персональной амбицией и мщением, то не было бы проблемы в его осуждении. Главный вопрос, следовательно, связан с тем, насколько эбертисты-кордельеры развивали, выражали и защищали чаяния и интересы санкюлотов. Не так уж важно, говорили ли они от имени тех, кого некоторые историки называют «плебеями», или от имени «bras nus» (голые руки, пустые ру-

¹⁵ *Albert Soboul* Les Sans-Culottes parisiens en l'an II. Mouvement populaire et gouvernement révolutionnaire, 2 juin 1793 – 9 thermidor an II. Paris, 1958. P. 738

ки) или от имени «patriotes prononcés» (самопровозглашенные патриоты, букв. произнесенные патриоты), поскольку они выступали против буржуазных элементов Французской республики. Вопрос только в том, насколько они способствовали массовому вовлечению простых людей в политический процесс.

Возможно, было бы правильнее сказать, что эбертисты-кордельеры более преломляли, нежели отражали интересы санкюлотов. Политические партии, как известно, часто искажают чаяния своих членов. Тем не менее, в период глубоких общественных кризисов революционеры часто применяют политику «критической поддержки» режима, даже если он искажает идеалы его народа.

Советский историк Альберт Манфред считал, что, хотя уничтожение эбертистов ослабило якобинский режим, внутренняя природа последнего не изменилась: по существу это была «революционно-демократическая диктатура». Как многие другие советские историки, он рассматривает французскую революцию как «цельный комплекс», со всеми противоречиями между общественными классами и группами. Он не верит в то, что главным конфликтом того времени был конфликт между санкюлотами и революционным правительством (тезис Собуля). Якобинцы представляли не только буржуазию, но и другие классы. По его словам, за месяц после восстания против жирондистов они сделали больше для разрешения аграрной проблемы, чем было сделано за все годы до 13 мая 1793 года. Таким образом, считает он, якобинская диктатура была «блоком демократической средней и мелкой буржуазии, крестьянства и городских плебеев, или, говоря другими словами, санкюлотов»¹⁶.

Эта попытка применить формулу русской революции к Франции (игнорируя на какой-то момент различия между «блоком пролетариата и крестьянства» — ранняя концепция Ленина — и «диктатурой пролетариата, поддержанной крестьянством», как ее видел Троцкий) не помогает в определении роли фракций во французской революции. Точнее, она оставляет открытым вопрос о том, являлся ли эбертизм прогрессивным явлением в сравнении с революционным правительством Франции 1793 и 1794 годов.

Если эбертисты способствовали тому, что простые мужчины и женщины принимали массовое участие в секционных собраниях, народных обществах, Парижской Коммуне и политических манифе-

¹⁶ *Albert Manfred* La nature du pouvoir Jacobin — La Pensee 1970. Vol. CV. P. 62-83. Манфред пишет, что «логика» события вынудила якобинцев ввести террор, чтобы защитить исторические интересы буржуазии. После казни эбертистов, они сокрушили «правых», т.е. дантонистов (Ibid., P. 78, 79-80).

стациях, проявляя свою инициативу, тогда можно считать, что эбертизм был на самом деле явлением прогрессивным. Это, конечно, не означает, что каждый раз подобное участие было рациональным, терпимым или демократичным. И все же, несмотря на их вербальный экстремизм, эбертисты постоянно апеллировали к санкюлотам с тем, чтобы проводить более демократическую политику и первыми выдвигать социальные требования, которые удовлетворяли бы интересам последних и их союзников, ограничивая власть собственников или новой бюрократии, или создавая новый общественный институт. В целом они способствовали политическому образованию простого народа, воспитывая его в духе самоуважения. И в этом смысле они заслуживают благожелательного исследования со стороны историка.

Глава 1

ЭБЕР И ЕГО «ПЕР ДЮШЕН»

Человек, который дал свое имя партии, Жак Рене Эбер, родился 15 ноября 1757 года в Алансоне, городе на северо-западе Франции. Он происходил из семьи ювелира, который, будучи членом городского магистрата и успешным бизнесменом, стал городским нотаблем. В 1685 году, после того, как его дед, также Жак, завершив срок обучения на ювелирных дел мастера, получил лицензию на открытие собственного магазина, семья обосновалась в провинции Дофине. Сын этого Жака, отец нашего героя, также став мастером-ювелиром, в 1734 году купил небольшой участок земли, превратившись таким образом в алансонского буржуа. В возрасте 60 лет он женился во второй раз. Его невесте, Маргарит Бенош де ла Удри, было 29 лет. Она родила ему четырех детей, из которых Жак Рене был вторым¹⁷.

Отец Эбера умер в возрасте 74 лет, когда Жаку Рене было всего одиннадцать. Образованием мальчика занималась мать, которая решила, что ему следует поступить в коллеж Алансона вместо того, чтобы податься в подмастерья к своему дяде, занимавшемуся, как и все в их семье, ювелирной торговлей. После окончания коллежа Эбер получил место клерка в офисе прокурора. Он стал вкручивать любовь с одной вдовой, и против него было возбуждено уголовное дело за оскорбление некоего врача. Он проиграл тяжбу с врачом и в 1779 году был оштрафован на 1000 ливров, сумму, которая разорила семью. После этого он уехал из Алансона в Руан, откуда вскоре отправился в Париж. Он стремился чего-то достичь в жизни и вынужден был терпеть нищету и даже голод. Некоторые друзья, один из которых был по профессии писатель, а другой парикмахер, пытались помочь ему. В 1786 году он получил скромную должность контролера контрамарок в Театре Варьете. В конце концов, когда он уже был на самом дне, он обратился к одному знакомому врачу, который нашел для него работу: отредактировать какую-то безграмотную рукопись¹⁸.

¹⁷ *Louis Duval* Hébert chez lui — La Revolution française 1886 Vol XII P 961-981, *Gerard Walter* Hebert et le "Le Pere Duchesne" (1757-1794) [Dijon], 1946 P 11, 12, 13

¹⁸ *Louis Duval* Hebert chez lui — 1886 Vol XII P 980-981, 1887 Vol XIII P 44-46, 49-50, 52-53, *Louis Jacob* Hébert le Pere Duchesne Chef des sans-cullotes Paris, 1960 P 22-37, *Alexandre Tuetey* Repertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Revolution française Vol XI Paris, 1890-1914 P 1-11

В 1790 году Эбер опубликовал памфлет «Маленький гарем аббата Мори», обретя наконец свою настоящую профессию. Его газета «Пер Дюшен», ставшая более популярной, чем газета Марата, возможно, появилась к концу того же года¹⁹. Эбер умел разоблачать контрреволюционные интриги и проницательно предвещать ход событий. Как и другие, он был вначале умеренным монархистом. Он говорил о Людовике XVI как о представителе независимого государства, порвал с Лафайетом и был настроен предубежденно против священников, в особенности высших иерархов церкви. Но что прежде всего сделало его газету популярной, так это его талант общения с санкюлотами на их собственном языке. Никто не использовал язык улицы более эффективно. Его «великая радость» или его «великий гнев» заставляли тысячи его читателей принимать или отрицать что-либо или что-либо²⁰.

Эбер обосновался в секции Бон-Нувель на улице Нёв де л'Эгалите (на правом берегу Сены, к северу от реки) и вскоре погрузился в политическую жизнь столицы. Он познакомился с бывшей монахиней, Мари Маргарит Франсуазой Гупиль в популярном клубе «Братское общество патриотов обоого пола, защитников Конституции», который располагался в здании Клуба якобинцев.

Мари Гупиль решила отказаться от своего религиозного обета и вернуться к мирским делам еще в июне 1790 года. Она была молода, умна и знала, как готовить хорошую еду. Эбер женился на ней, и 7 февраля 1793 года она родила ему дочь. Если верить словам некоего очевидца, посещавшего дом Эберов, бывшая монахиня, казалось, так и не изменила своим религиозным чувствам. Этот свидетель приводил ее слова: «Я, месье, очень предана христианству». В доме Эбера на столе стояла репродукция гравюры Тициана, изображавшая

Иисуса с двумя учениками. Под этой гравюрой Эбер написал. «Иисус санкюлотов за завтраком с двумя учениками в замке бывшего дворянина». Мадам Эбер называла это одной из «плохих шуток» своего мужа²¹.

В январе 1791 года Эбер поднял свой голос против разделения общества на так называемых «активных» и «пассивных» граждан²², изменив свое отношение как к королю, так и к Национальному собранию. Он перешел в атаку: «Вы разрушили дворянскую аристократию и духовенство, создав новую аристократию, которая в тысячу раз более ненавистна; это аристократия богатства» К этому времени он эволюционировал от умеренного монархиста к демократическому республиканцу. К марту 1791 года он, вероятно, присоединился к Клубу кордельеров и, после бегства Людовика в Варенн, стал твердым республиканцем²³.

Возрастающая политическая активность Эбера привела к тому, что его избрали в Электоральное собрание, где он стал представлять свою секцию. После побоища на Марсовом поле он стал осторожен, однако резко раскритиковал высокий имущественный ценз, необходимый для выборов в Законодательное собрание, агитируя за «хороших депутатов», таких как Максимилиан Робеспьер (который в то время был лишен возможности баллотироваться по постановлению о «самоотречении», принятому 16 мая 1791 года Учредительным соб-

¹⁹ Луи Дюваль (*Louis Duval* Hebert chez lui Vol. XIII P. 58) цитирует *Dufiches-Desgenettes*, *Souvenirs du XVIIIe siècle au commencement du XIXe* Tome II P. 237-254. Похоже, что Деженетти помогал Эберу, когда тот был беден, ибо когда он пришел навестить Эбера в его доме, тот немедленно вынул 100 золотых франков и дал ему с благодарностью (*Ibid.* *Alexandre Tuetey*, *Repertoire general* Vol. XI P. II).

Г. Тридон, почитатель Эбера, в своих «*Les Hebertistes. La Commune de Paris de 1793*» (2d ed. Paris, 1871 P. 50) ссылается на источник, озаглавленный «*Hommes celebres de la Revolution*» и написанный Лертиолье, который описывает Эбера как «очень красивого мужчину, с открытым выражением лица, живого и благожелательного». Его манеры были элегантны, и его жена председательствовала за эпикурейским столом, хотя сама была одной из наиболее духовных женщин своего времени. Квартира Эбера была обставлена с хорошим вкусом, на стенах висели картины старых мастеров.

²² Разделение граждан на «активных» и «пассивных» было зафиксировано в статьях Французской конституции, принятых в середине сентября 1789 года. «Активными» считались граждане, уплачивавшие налог определенного размера. Только они пользовались избирательными правами. Это разделение было отменено в конце августа 1792 года. *Прим. переводчика*.

²³ *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P. 65 *Jacques Guilhaumou* Le «Moment actuel» et processus discursif Le Pere Duchesne d'Hebert et le Publiciste de la Revolution française de Jacques Roux (14 juillet – 6 septembre 1793) – *Bulletin du centre d'analyse du discours* 1975 Vol. III P. 148, *Michael Sonenscher* The Sans-Culottes of the Year II Rethinking the Language of Labour in Revolutionary France – *Social History* 1984 Vol. IX P. 301-328, *William H. Sewell Jr* Work and Revolution in France The Language of Labor from the Old Regime to 1848 Cambridge Eng. 1980 P. 3.

¹⁹ *Eugene Hatin* Histoire politique et litteraire de la presse en France Vol. 6 Geneve, 1967 P. 487-488. Вплоть до января 1791 года номера газеты не указывались, и только с 131-го номера Эбер стал подписывать газету своим именем. Атен прослеживает происхождение «Пер Дюшен» и роль предшественника Эбера Лемера, который возродил ее (*Ibid.* P. 452-459, 466-469). Вальтер (*Gerard Walter* Hebert et le «Le Pere Duchesne» P. 45, 48) считает, что Эбер, вероятно, начал издавать газету в июне или июле 1790 года. В последние дни 1790 года еще три номера «Пер Дюшен» были опубликованы в Париже.

²⁰ Об идеологии «Пер Дюшен» см. *Jacques Guilhaumou* L'ideologie du Pere Duchesne Les Forces adjuvantes (14 juillet – 6 septembre 1793) – *Le Mouvement social* 1973 No. 85 P. 81-116 и *Nicos Poulantzas* Political Power and Social Classes London, 1973 P. 173-180.

Фердинанд Бруно, прекрасный лексикограф, называл Эбера «почтовым голубем гряды». Цит. по *Jules Michelet* Histoire de la Revolution française Vol. II Paris, 1961. См. также *Louis Duval* Hebert chez lui Vol. XIII P. 53-54, *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P. 42-66, *Alexandre Tuetey*, *Repertoire general* Vol. XI P. II и *Paul Lafargue* La Langue française avant et apres la Revolution – *Paul Lafargue* Marxisme et linguistique Paris, 1977 P. 109-112.

ранием — предшественником Законодательного собрания), а также за будущего мэра Парижа Жерома Петиона. 5 марта 1792 года он был арестован за нападки на «мадам Вето» (Марию-Антуанетту), но вскоре освобожден.

В 1792 году Эберу было 35 лет, и он являлся единственным владельцем и издателем газеты «Пер Дюшен», игравшей заметную роль в мобилизации федератов (национальных гвардейцев департаментов Франции) и представителей секций на антимонархическую демонстрацию 20 июня 1792 года. В следующем месяце он был избран председателем Клуба кордельеров, принявшем радикальную политическую программу: устранение короля, замена агентов Людовика комиссией и осуществление некоторых мер для демократизации управления. Эбер советовал своим читателям: «Посмотрите на то, как господин Вето будет превращен в ничто; да, мать вашу, если ему природой предназначено ковать замки, пусть кует их с утра до вечера, но мы должны принять меры, чтобы эти замки не превратились в кандалы, в которые бы нас заковали»²⁴.

В ночь с 9 на 10 августа Эбер присутствовал в Коммуне в качестве комиссара. Именно тогда было принято решение свергнуть короля. Об этом событии он напишет вскоре в своей брошюре. В следующем месяце во время трагических дней сентябрьской резни в тюрьмах²⁵, Коммуна направила его вместе с другими, чтобы остановить избияния. Эта миссия провалилась, после чего он опубликовал памфлет по поводу казней в тюрьме Эбэ²⁶. 12 сентября Электоральное собрание Парижа постановило, что депутаты, избранные в новое законодательное собрание, Конвент, должны будут пройти тщательную проверку с тем, чтобы «вычистить» тех, кто окажется недостойным депутатского мандата. Эбер протестовал против этого, поскольку большинство выборщиков были на фронте, а секции состояли только из фейянов (консерваторов, в особенности тех из них, которые покинули Якобинский клуб, как слишком радикальный) и патриотов, не решавшихся поднять головы. На следующий день он убедил Коммуну

принять его предложение изготовить афишу в защиту избранных депутатов Парижа, проект которой он лично составил. На следующей неделе он протестовал против вновь избранных в Комитет Коммуны по надзору, как новичков, не приспособленных к работе в городской полиции. Ему удалось добиться их отзыва. Среди этих вновь избранных в Генеральный Совет был Жан Поль Марат. В декабре 1792 года Пьер Гаспар Шометт был избран прокурором Коммуны, а Эбер — его заместителем. Таким образом, Эбер был членом Коммуны, образованной 10 августа, выборщиком Парижа, членом так называемой «Временной Коммуны», заместителем прокурора, и, наконец, заместителем национального агента, то есть представителя центральных властей²⁷.

В 1790 году Эбер, как «пассивный гражданин», не мог вступить в Якобинский клуб. После восстания 10 августа 1792 года этот ярлык с него был формально снят (он фактически потерял значение к весне того года), и Эбер и Шометт стали членами клуба. Во время суда над Людовиком Эбер вначале был против смертной казни, однако изменил позицию, аргументируя свою точку зрения тем, что народ, возглавляемый королями, не может быть свободным. Будучи комиссаром в Темпле, где Людовик и его семья содержались под стражей, Эбер использовал свое положение, чтобы описывать жизнь монарших пленников для своих читателей. Когда Конвент проголосовал за казнь короля, Эбер вместе с Домиником Жозефом Гара, министром внутренних дел, и Пьером Мари Лебреном, жирондистским министром иностранных дел, отправился объявить королю о приговоре. Он описал поведение короля честно и с симпатией, отметив, что «король был тверд и благочестив до последнего минуты». Но когда в Коммуне обсуждалось предложение, чтобы рассказ о последних минутах Людовика сделать объектом гласности, Эбер выступил против этого, заявив, что публикация могла вызывать жалость к Людовику, превратив его в мученика²⁸.

С сентября 1792 до июня 1793 года Эбер не устал повторять: «Наши самые смертельные враги — бриссотинцы» — намекая на последователей Жака Пьера Бриссо де Вавиля, ведущего жирондиста, очень много сделавшего для того, чтобы толкнуть Францию в войну

²⁴ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P. III. Pere Duchesne No 162

²⁵ Речь идет о событиях 2-5 сентября 1792 года, когда заключенные девяти парижских тюрем (всего их насчитывалось от 2750 до 2800 человек) подверглись нападению толпы народа, перебивших от 1000 до 1400 узников. *Прим. переводчика*

²⁶ *Jacques Rane Hebert* Massacre des prisonniers d'Orleans Paris, n.d. in Lb 30, 10881, BN. *Jacques Rane Hebert* Great detail of execution of all the conspirators and brigands of abbaye Saint-Germain — *Maurice Tourneux* Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Revolution française Vol I 1890, gpr Paris, 1968 No 3465

²⁷ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI, III, *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P 126

²⁸ *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P 132 Но после казни Людовика Эбер неистово и яростно обрушивался как на вдову бывшего «тирана», так и на его детей, требуя их уничтожения. Тютте писал, что Эбер наслаждался, создавая дискомфорт для королевской семьи (*Alexandre Tuetey* Répertoire general Vol XI, IV)

с Габсбургской монархией в 1792 году²⁹. В то же самое время он стал подозревать генерала Шарля Франсуа Дюмуре сразу же после первых побед последнего в той войне в Бельгии. «Нация становится поработенной, когда ее вояки занимаются другими делами, нежели война», — писал Эбер. Он был особенно беспощаден в отношении Жана Мари Ролана, министра внутренних дел, которого называл «рогатый Ролан» и «рогоносец», а его жену — «королева Коко», обыгрывая всем известные слухи о том, что мадемуазель Ролан не была самой верной из супругов. Со всей серьезностью он выступал против жирондистского предложения защитить Конвент от растущей опасности восстания, используя независимые войска департаментов под контролем жирондистов.

Несмотря на свое неприятие жирондистов, Эбер не отказывался помогать отдельным лицам, связанным с ними, о чем свидетельствует следующий инцидент (если таковой не был более, чем случайностью). Вот что вспоминал некто Дюфриш-Деженетт, ссудивший Эбера деньгами, в то время когда тот был нищим. Зайдя как-то к Эберу, он стал очевидцем того, как к тому постучал в дверь неряшливо одетый человек, начавший сразу же жаловаться, что уже три раза приходил к нему, но не застал его дома. Эбер заверил посетителя, что не забыл его дела и собирался вновь обсудить его в Клубе кордельеров в тот же вечер. Оказалось, что этот человек желал получить пост тюремщика. Эбер вновь обещал ему, что поговорит в тот же вечер с Дантоном и Луи Лежандром, двумя влиятельными депутатами, которые могли решать вопросы о назначении на должности в местном правительстве, а затем пригласил отобедать с ним. Визитер отказался, но попросил стакан вина, выпил за компанию и ушел. Деженетт сообщил, что этим человеком был племянник одного из руководителей жирондистов, Шарля Элеонора Дю Фриш Валазе, выходца из Алансона, родного города Эбера. Очевидно, земляк пришел к Эберу за помощью, и то ли из земляческих чувств, то ли из сострадания, Эбер готов был вмешаться в его дело на его стороне. Деженетт добавил, что, несмотря на стиль своей газеты, сам Эбер был довольно вежливым человеком³⁰.

²⁹ Жак Пьер Бриссо де Варвиль (1754-1793) был издателем прожирондистского журнала «Патриот франсуа» («Французский патриот») и руководящим членом клуба жирондистов. Он был ярким сторонником войны против Австрии весной 1792 года и оппонентом Робеспьера и Парижской коммуны. Он утратил свое влияние в связи с арестом ведущих жирондистов после восстания 31 мая — 2 июня 1793 года.

³⁰ *Louis Duval* Hebert chez lui. Vol. XIII. P. 59

Эбер, похоже, занимал двойственную позицию в отношении того, как относиться к спекуляции в сфере розничной торговли. После взрыва народного негодования 25 февраля 1793 года, когда движение, начало которому положили отчаявшиеся прачки, вылилось в грабежи магазинов и лавок толпами голодных мужчин и женщин, установивших затем собственные цены на продовольствие и другие товары, Эбер выступил в защиту торговцев. Не надо винить их за то, что творят спекулянты и скупщики, писал он. Акция, подобная той, что имела место 25 февраля, приведет лишь к опустошению полок и перебоям в снабжении, предупреждал Эбер. Он присоединился к Робеспьеру, Марату и Шометту, возложившим вину за продовольственные бунты на политику жирондистов, которые выступали против контроля за ценами.

После того, как генерал Дюмуре бежал к австрийцам, жирондисты арестовали Марата, надеясь на то, что им удастся отбить атаку якобинцев и санкюлотов на них. (Эта атака была вызвана тем, что именно жирондисты выдвинули и поддерживали Дюмуре вплоть до того, как он предал). Эбер немедленно встал на защиту Марата и 15 апреля 1793 года призвал к исключению двадцати двух ведущих жирондистов из Конвента. Вскоре он заявил о необходимости разоружения подозрительных лиц и создания «на деньги всего народа армии санкюлотов, которая уничтожит контрреволюцию». (Коммуна приняла это требование, и оно в конце концов стало главным пунктом программы, выдвинутой санкюлотами в ходе завершившейся успехом демонстрации 4 и 5 сентября 1793 года). Когда было созвано собрание в Епископстве, т.е. был образован не предусмотренный законом орган власти, состоявший из делегатов, представлявших тридцать три относительно радикальных секции (некоторые из депутатов обладали неограниченной властью), и когда это собрание 31 мая подняло восстание против жирондистов, Эбер выступил в его защиту, считая существование этого органа необходимым для обеспечения снабжения столицы. Комиссия двенадцати, созданная Конвентом по предложению Берграна Барера с целью предотвращения назревавшего восстания, арестовала Эбера, подвергнув его семичасовому допросу и заключив в тюрьму³¹.

Находясь в тюрьме, Эбер опубликовал 240-й номер «Пер Дюшен», требуя наказания «предателей». Клуб кордельеров принял ре-

³¹ Жакоб (*Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P. 155) воспроизводит часть допроса из J-R Hébert, substitute by procureur de la Commune a ses concitoyens (LC 41 4754, BN)

волюцию об освобождении его силой. Полицейский шпион Дютар доносил, что Конвент должен найти возможность освободить его с честью, в противном случае он столкнется с перспективой гражданской войны. К тому времени огромное возбуждение захлестнуло секции Конвента также лихорадило: в нем шли бурные дебаты. В результате Эбер был освобожден 28 мая 1793 года, а работа Комиссии двенадцати была временно приостановлена. Эбер продолжал агитировать за восстание в отличие от Шометта, который все еще выступал против незаконных действий (гораздо позже Пьер Франсуа Реаль, первый заместитель прокурора, сообщит на допросе, что Эбер «был единственным городским чиновником, который достаточно ясно выступал за то, чтобы попытаться разбить единство национальных представителей»). «Граждане, — призывал Эбер, — будьте бдительны!»³²

Успешное восстание против жирондистов, начавшееся 31 мая, подняло престиж Эбера на новые высоты. После свержения короля 10 августа 1792 году Парижская коммуна безуспешно пыталась организовать своего рода универсальную коммуну, которая бы объединила все департаменты. Теперь Эбер возродил этот план, вступив в переписку с 44 тысячами коммун Франции. Газета «Аффише де ля Коммун» («Афиши Коммуны») должна была противодействовать «Бюллетеню» Конвента. Лидеры монтаньяров, захватившие власть в результате восстания 31 мая и не собиравшиеся делить ее с Парижской коммуной, относились ко всему этому с подозрением. Восстание федератов летом 1793 года положило конец планам Эбера, однако его выступление против Конвента не было забыто. Через несколько месяцев, уже после того, как Эбер был арестован в последний раз, Луи Ру, бывший чиновник муниципалитета, утверждал под присягой 20 марта 1794 года, что «Эбер и Шометт предприняли попытку узурпации власти в стране с тем, чтобы сосредоточить ее в Коммуне, над которой они надеялись установить свой контроль»³³.

Стремление Эбера превратить Парижскую коммуну в конкурента Конвента, возможно, в какой-то мере объясняется тем, что он не смог получить портфель министра. По всей видимости, после от-

ставки Гара с поста министра внутренних дел Эбер жаждал этого назначения. У Дантона, однако, был свой кандидат: Жюль Франсуа Паре, бывший когда-то его соучеником в колледже Трои, а позже нанятый им в качестве секретаря. Благодаря влиянию Дантона, Паре получил повышение и 20 августа 1793 года пересел в кресло министра внутренних дел с поста секретаря Исполнительного совета Законодательного собрания (предшественника Комитета общественного спасения, возглавлявшегося Дантоном). С этого момента Эбер стал врагом не только Дантона, но и всех робеспьеристов в целом³⁴.

Во время конфликта, не замедлившего последовать, Эбер столкнулся с Дантоном, обвинив его в игнорировании санкюлотов. Когда же 26 августа Дантон попросил его снять обвинения, Эбер ответил, что его критика не направлена против одного Дантона, а против всего Комитета общественного спасения. Он заявил, что Дантон не оправдал надежд, возлагавшихся на него патриотами, и что старый комитет препятствовал усилиям мэра Паша по снабжению Парижа хлебом. Взяв слово, Дантон объявил, что обязал министра внутренних дел выделить 10 млн. ливров на снабжение Парижа. Он пригласил своих обвинителей проверить его финансовое состояние, которое не превышало 40 тыс. ливров, а отнюдь не достигало 14 млн., как заявляли его очернители. Дантон заключил свою речь, поздравив самого себя с тем, что он был рожден санкюлотом и обладал физической силой для того, чтобы зарабатывать себе на жизнь³⁵. Дуэль между двумя соперниками продолжалась, но критика Дантона Эбером была явно беспристрастна.

К концу года полемика между Эбером и Дантоном привела к тому, что распространение «Пер Дюшен» среди солдат на фронте было приостановлено. 19 октября 1793 года Эбер жаловался, что Комитет общественного спасения Парижского департамента запретил распространение его газеты в департаменте под предлогом того, что Эбер очернял правительство. Помимо этого, комитет послал своего агента, бывшего клерка уголовного суда, в родной город Эбера с тем, чтобы раскопать какие-нибудь компрометирующие материалы о его личной жизни. Один из членов комитета процитировал некий пассаж из «Пер Дюшен», содержавший обвинения против власть при-

³² *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P 163, *Gerard Walter* Hebert et le "Le Pere Duchesne" P 110-130, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P iv-v. Жакоб не соглашается с Вальтером относительно роли Эбера в восстании. Эбер был более осторожен, чем полагает Жакоб. См. *Morris Slavin* The Making of an Insurrection Parisian Sections and the Girondin Cambridge, Mass., 1986. P 95, 99.

³³ *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P 171-172. Это обвинение будет повторено во время суда над Эбером.

³⁴ *Albert Soboul* Sans-Culottes P 149.

³⁵ *Alphonse Aulard* La Societe des Jacobins Recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris Vol V Paris, 1889-1897 P. 378-379, 380. Жорж Лефевр утверждал, что Дантон на самом деле разбогател в Бельгии (См. *Sur Danton — Georges Lefebvre* Etudes sur la Revolution française Paris, 1963 P 53-107).

державших, которые якобы ведут себя как «хищники» вместо того, чтобы работать как «муравьи»³⁶.

Эбер со всей страстью опровергал обвинения, выдвинутые против него. «Если бы управляющие ценили тех, кем они управляют, дела бы шли хорошо и республика была бы спасена», — утверждал он. Отрицая обвинение в том, что он совершал уголовные преступления, Эбер восклицал: «Они представляют дело так, что я якобы обливал грязью конституционные власти. Я, который постоянно проповедую уважение по отношению к хорошим должностным лицам, представляющим народ! Я, который никогда не советую ничего, кроме добросовестного следования законам!» Когда же Луи Пьер Дюфурни, дантонист и оппонент Эбера, спросил его, кто ответственен за нападки на него, Эбер назвал чиновника департаментского комитета по надзору, за которым, как он сказал, стоял Дантон³⁷.

Названный член комитета защищался, приведя оскорбительный пассаж из «Пер Дюшен». За ним выступил Дюфурни, неожиданно заявивший, что власти не должны считать, что этот пассаж направлен против них. Этот поворот со стороны коллеги Дантона, возможно, явился результатом простого признания того, что в цитируемом пассаже на самом деле не было ничего клеветнического. Он также мог свидетельствовать и об осторожности Дюфурни, поскольку Эбер все еще был слишком популярен, чтобы его можно было атаковать напрямую. Дюфурни мог знать о письме, подписанном тремя депутатами Конвента, находившимися в миссии при Северной армии, которые выражали недовольство тем, что в войсках в течение трех недель не получали газету Эбера. В письме содержалось требование немедленно возобновить издание газеты. В любом случае несколько якобинцев выступили в защиту Эбера. Кое-кто высказал мнение, что газета Эбера имела огромное положительное влияние на 300 тыс. солдат, которые ее читали. Таким образом, газета заслуживала того, чтобы ее по-прежнему финансировать и поддерживать. Антуан Франсуа Моморо, президент кордельеров и преданный сторонник Эбера, заявил, что «Пер Дюшен» служит хорошую службу, потребовав выплатить компенсацию ее издателю. Сопровождаемое аплодисментами, это предложение было принято в форме резолюции. Дру-

³⁶ Pere Duchesne No 297 Эбер также писал, что французы борются между собой, как кошки с собаками, в то время, как им следовало бы объединиться, как братьям

³⁷ Alexandre Tuetey Répertoire général Vol V P 473 Эбер заявил, что этого чиновника звали Фабрициус, но он был также известен под именем Леруа Это чиновник открыл ряду друзей, что Дантон делал все возможное, чтобы уничтожить Эбера

гой якобинец, Сентекс, выдвинул требование, чтобы номер газеты, который вызывает разногласия, был послан во все народные общества с тем, чтобы нанести удар по «фанатизму». Присутствовавшие приняли и это³⁸.

Под «фанатизмом», на который указывал Сентекс, имелась в виду деятельность католической церкви. Все революционеры боролись против церкви, выступая за новый порядок. По мере обострения конфликта многие отказались от традиционной религии, заменив ее светской философией. Другие стали атеистами. Означала ли критика Эбером католицизма то, что сам Эбер стал атеистом? Это обвинение было выдвинуто против него на суде, но свидетельств того, что оно справедливо, мало. Да, совместно с Шометтом он внес вклад в дехристианское движение, развернутое Парижской коммуной осенью 1793 года, движение, в ходе которого многие церкви были закрыты. И все же поклонение «Верховному существу», инициированное Робеспьером во время знаменитого фестиваля 8 июня 1793 года, было направлено как против католицизма, так и атеизма. По существу его целью было распространить некую форму деизма, ритуала, который Эбер принимал. Эбер заявлял, что «все религии хороши, когда они внушают любовь к человечеству, уважение к закону, мир и согласие». Он объявлял Иисуса «основателем всех народных обществ». Евангелие — лучшая из книг, писал он. Как мы уже видели, он считал Иисуса санкюлотом. Да, он выступал за светское образование для молодежи, но с большим почтением относился к деисту Руссо, нежели к скептику Вольтеру. Более того, он был терпимым по отношению к тем, кто настаивал на поклонении «Богу из глины»³⁹.

³⁸ Эту резолюцию см. ibid P 477-478 (24 октября 1793 года) Тремя представителями в числи, которые написали это письмо, были Дельбрель, Летурнер и Шалье Ibid X № 2219 Гражданин-солдат из Меца Доливе жаловался, однако, на то, что Эбер клеветал на генерала Кюстина. Он также обвинял «партию Паша» в том, что она защищала «негодяев» Ibid X № 2218

³⁹ Pere Duchesne № 335, в котором он заявляет, что Иисус был «хорошим республиканцем, ведшим войну против богатых и священников, одним словом, мать вашу, никогда не было лучшего якобинца» Эбер говорил о «Боге из муки» 21 фримера II года (11 декабря 1793 года) в Якобинском клубе он «формально» отверг обвинение в атеизме, настаивая на необходимости следовать «максимам» Библии с тем, чтобы быть «идеальным якобинцем» (Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 552-553) Олар был убежден, что Эбер не писал о религии ничего того, что не одобрил бы Руссо Он ссылается на 307-й, 310-й и 311-й номера «Пер Дюшен», в которых Эбер атаковал священников, извративших Евангелие, высоко восхваляя фестиваль разума в Нотр-Дам и цитируя свою жену, которая сказала, что Бог поместил человеческие существа на землю не для того, чтобы мучить их, а для того, чтобы сделать их счастливыми Разум для Эбера был ничем иным, как «воплощением Бога», — писал Олар Alphonse Aulard Le Culte de la Raison et le culte de l'Être suprême (1793-1794) 2d ed Paris, 1904 P 82-82, 84, 85

Конечно, Эбер нападал на церковь за ее поддержку контрреволюции, но следует заметить, что дантонисты, такие как Франсуа Шабо, Клод Базир, Жан Алексис Тюрюи и Фабр д'Эглантин, организовали культ разума до того, как эбертисты развернули свое движение за дехристианизацию. Более того, через три дня после принятия нового календаря Тюрюи призывал к замене традиционной религии религией патриотизма. Некоторые историки считают, что «Пер Дюшен» была достаточно умеренна в своем осуждении католицизма в сравнении с несколькими жирондистскими изданиями. С другой стороны, по доношению полицейского шпиона Ролена от 1 вантоза II года (22 февраля 1794 года), народ критиковал Эбера за возвращение к теме монаха-расстриги. По словам Ролена, ссылавшегося на анонима, Эбер, по видимому, наслаждался этой темой. «После того, как он сам вынудил их лишиться себя сана, он хочет, чтобы они выглядели отвратительно, оказавшись такими глупцами», — заключал критик Эбера⁴⁰.

Конфликт по поводу религии привел вскоре к политическим разногласиям. К концу осени 1793 года сформировались две четко очерченные партии: одна поддерживала Эбера, другая — Камилла Демулена. Последняя издавала газету «Вье корделье» («Старый кордельер»), ратуя за «умеренность». В конце концов она начала атаковать террор и революционные органы, созданные правительством для его проведения. Поскольку Эбер и Клуб кордельеров были на другой стороне, Демулен использовал все свои журналистские способности, чтобы подорвать их позицию, скомпрометировав их цели среди общественности. В 5-м номере своей газеты он обвинил Эбера в безнравственной наживе на субсидиях, выделяемых правительством для «Пер Дюшен». По этому обвинению, 2 июня 1792 года Эбер получил 135 тыс. ливров из национального казначейства, а после оплаты счетов прикарманил 43 184 ливра⁴¹.

Эбер ответил в 332-м номере, что Демулен публикует каждый день по 100 тыс. экземпляров своей газеты стоимостью 20 су, в то время как он, Эбер, продает свою газету по два су за экземпляр. Де-

⁴⁰ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur Rapport des agents secrets du ministre de l'intérieur* IV vol. Paris, 1910-1964 P 218-219. Эдгар Кене считал, что революционеры никогда не пытались свергнуть католицизм, поскольку были слишком напуганы «алтарями прошлого», и Эбер, и Шометт вернулись к старой религии точно так же, как это до них сделали якобинцы (*Edgar Quinet La Revolution* Vol II Paris, 1865 P 149). Франсуа Фюре замечал, что «Кене сокрушался не по поводу движения дехристианизации, а по поводу того, что Робеспьер и якобинцы положили ему конец. Фактически Кене считал, что это движение, инициированное эбертистами, было новым стихийным видом религии, которое соответствовало духу христианства».

⁴¹ *Le Vieux Cordelier* No 5 — Collection des mémoires relatifs à la Révolution française Vol LII Paris, 1825

мулен назвал его богатым человеком, потому что в июне он якобы нажил 90 тыс. ливров, продав 900 экземпляров своей газеты. Однако Демулен забыл вычесть 15 тыс. ливров, которые пошли на оплату издательства, типографии, бумаги, стоимость дров и свечей, зарплату рабочим, оплату работы в ночное время, а также возросшую арендную плату. Из всех оставшихся доходов Эбер должен был отдать половину своему партнеру. В конце концов, писал Эбер, он добровольно пожертвовал свою половину правительству. «Вот это Камилл и назвал ограблением республики», — заключил он.

18 нивоза (7 января 1794 года) полицейский шпион Латур-Ламонтань сообщал, что, по словам многих, два соперника тратят время, нанося вред республике своими личными ссорами. В результате якобинцы игнорируют гораздо более важные интересы страны, принимая участие в этом скандале. На следующий день наблюдатель Бакон доносил, как народ реагировал на ответ Эбера Демулену, развешанный на стенах. Хорошо одетые господа улыбались, читая это. Санкюлоты же, читавшие этот ответ довольно долго, хранили мрачное молчание, и все те, кого он видел, чесали в затылках, расходясь по домам. Долго не утихал шум и по поводу обвинения, выдвинутого Демуленом в адрес Эбера в связи с тем, что тот якобы украл контрамарки в Театре Варьете, когда там служил. По словам Шармона, еще одного полицейского агента, несколько якобинцев обещали изучить это дело в тот же самый день⁴².

Поскольку сообщения шпионов противоречивы, трудно сказать, кто, Эбер или Демулен, имел больше сторонников. Пурвайёр, например, сообщал, что «Камилл Демулен пользуется уважением народа», который считал Эбера «интриганом», дружно надеясь, что партия Эбера и Шометта не выйдет победителем. Бери доносил, что слышал, как пять или шесть женщин, выходящих от якобинцев, жаловались на плохое исполнение законов, а также на то, что Конвент, ничего не делая для голодающих матерей и жен защитников родины, предоставил в то же время Эберу, «который хочет успокоить нас своим «Пер Дюшен», от 100 до 125 тыс. ливров. Поворчав, эти гражданки разошлись, «но с гневом в сердцах», замечал Бери 8 января. На следующий день Латур-Ламонтань сообщал, что ответ Эбера Демулену поднял дух его сторонников и что люди говорят, что Эбер безусловно является патриотом, который восторгается над своими обидчиками. Некоторые видели сходство между обвинениями Эбера

⁴² *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol II P 223 224, 238-240

Демуленом и Бриссо. Другие полагали, что было бы неплохо установить надзор за подписчиками на газету Эбера. В тот же день, однако, Шармон утверждал обратное: «Никто не верит в его патриотизм». Дюга добавлял, что люди устали от этого спора и ждут, чтобы Робеспьер внес ясность⁴³.

Но сколько и интерес к ней не угасали, о чем свидетельствуют донесения других наблюдателей. Пурвуайер сообщал 8 января, что публика только и делает, что говорит об этом споре. 7 января он повторил то, что уже написал 27 декабря 1793 года: «Общественное мнение целиком на стороне Камилла Демулена». Люди открыто говорили, что Эбер был интриганом, стремившимся подорвать позиции подлинных патриотов. Некоторые повторяли обвинения Демулена против Эбера, судача о том, что Эбер был изгнан с позором из Театра Варьете. Они противопоставляли газету Марата газете Эбера в невыгодном для Эбера свете, клянясь, что не будут ее больше покупать, писал Пурвуайер. Полицейский наблюдатель Мерсье соглашался, что «Эбер сегодня является темой разговоров» и что люди потеряли веру в него. О том, что этот конфликт был предметом обсуждения, писал и Моник. «Добрые граждане обеспокоены . . . [а] аристократия начала поднимать свою голову так же дерзко, как и всегда», — предупреждал он, заключая, что ясно одно: «Повсеместно граждане выступают за или против Камилла и же с ним, за или против Эбера». Бакон добавлял, что почти во всех районах, которые он посетил, в особенности в районах, населенных рабочими, люди интересуются этим «папашей Дюшеном» (самого Эбера теперь часто называли по имени его газеты). Почему Демулен обвинил Эбера в краже? — спрашивал продавец лимонада. На это покупатель отвечал: «Терпение! Мы все еще не знаем, кто в настоящее время является истинным патриотом»⁴⁴. Подобные скептические настроения должны были быть на руку революционному правительству.

Через два дня, 21 нивоза (12 января 1794 года) полицейский наблюдатель Летассей слышал, как кто-то сказал: «Камилл Демулен желает инкриминировать папаше Дюшену [Эберу] стремление обелить себя, но это ему не удастся; он [Эбер] известен как настоящий санкюлот-республиканец». Другой человек ответил, что они еще поглядят, что будет когда Демулен отмоется, ибо его изобличают повсе-

местно. На следующий день Латур-Ламонтань слышал, как один гражданин с негодованием восклицал после чтения эберовского 332-го номера (в котором Эбер обвинял Демулена в том, что тот играл в питтовскую игру со своими друзьями, желавшими подорвать влияние санкюлотов и их генералов): «По какому праву частное лицо осуждает на смерть представителя народа . . . Я удивлен, что никто не положит конец этому беспорядку». Другой гражданин добавил, что на последнем заседании Якобинского клуба кто-то потребовал гильотинировать дантониста Фабра д'Эглантина, главного врага кордельеров, но что «мудрый Робеспьер» предложил исключить говоруна из общества. В свете этого события этот последний гражданин был удивлен, что Эбер посмел говорить тем же самым языком. Другие требовали, чтобы частный спор был прекращен и чтобы соперники занялись делами, которые имели бы отношение к стране. Через неделю, 29 нивоза (18 января 1794 года), Шармон сообщал, что в кафе Конти Демулен пользовался репутацией второго Марата, и что Демулену далось развенчать Эбера, являвшегося интриганом. Однако в кафе дю Рандеву ошушались совершенно иные настроения: Камилла осуждали, а Эбера превозносили. По сообщению шпиона Дюга от 1 плювиоза (20 января 1794 года), Эбер был «парализован», поскольку ему не удалось добиться исключения Демулена из рядов якобинцев (на защиту Демулена встал Робеспьер). На следующий день Дюга доносил, что народ судачил о том, что «Пер Дюшен» лишь повторяла саму себя и что газета теряла читателей с каждым днем⁴⁵.

Конфликт с Демуленом, Эбер в то же время вел непрекращавшуюся борьбу против своего заклятого врага Пьера Филиппо, депутата от департамента Сарт. Спор между двумя соперниками был связан с различными походами к тому, как вести кампанию против монархической контрреволюции в Вандее. Особенно ожесточенные дебаты велись по вопросу о том, кому быть во главе вооруженных сил — профессиональным офицерам старого режима или командирам, вновь назначенным из рядов санкюлотов. Эбертисты поддерживали бывших унтер-офицеров регулярной армии, получивших повышение по службе (этот вопрос более подробно осуждается в главе 3). Сторонники Филиппо, презрительно именовавшиеся Эбером «филиппотистами», были членами группы дантонистов или тесно примыкали к

⁴³ Ibid P 40, 229-230 и 257 (Пурвуайер), 239 (Беро), 247-248 (Латур-Ламонтань), 265 (Шармон), 267 и 282-283 (Дюга) Все доклады написаны в течение двух недель с 7 нивоза (27 декабря 1793 года) по 21 нивоза (10 января 1794 года)

⁴⁴ Ibid P 229-230, 257, 254, 256, 238

⁴⁵ Ibid P 289, 306-307. Vol III, 22, 58, 72-73 Фабр д'Эглантин (Филипп Франсуа Назер Фабр) играл важную роль во время революции. У него был литературный талант, но, помимо этого, он нажился на бесчестных сделках и был казнен, оказавшись замешанным в аферу с Индской компанией. Робеспьер считал, что Фабр был злым гением Дантона (*Jules Michelet Histoire Vol II P 1394-1395*)

ней. Они выступали против жестоких мер террора не потому, что испытывали сострадание к его жертвам — большинство последних были санкюлотами и их глашатаями из числа левых — но потому, что стремились «заморозить» революцию. Говоря кратко, они хотели насладиться своим вновь приобретенным богатством, должностями и властью. Нет никаких свидетельств того, что они были более терпимы к своим оппонентам, нежели последние к ним. Хотя они и называли себя «умеренными», следует помнить, что, если они и были готовы прощать контрреволюционеров или их друзей, они безжалостно противились этому в отношении левых.

Эбер всегда обвинял «филиппотистов» в том, что они скрываются за маской патриотизма. По сообщению Латур-Ламонтаня, он писал об этом, например, в 332-м номере своей «Пер Дюшен». Он называл их «санкюлотами новой марки», которые пролагали свой путь в народные общества и секции для того, чтобы натравить одну группу патриотов на другую. За ними стоял Питт, считал Эбер.

Среди руководящих дантонистов был бывший мясник, а ныне депутат Конвента от Парижа Луи Лежандр. Он сыграл важную роль, способствуя ликвидации жирондистов в конце весны 1793 года. К осени он разозлил эбертистов, включая самого Эбера, который атаковал его за то, что он якобы содействовал победе контрреволюции в Руане. Эбер имел в виду, что общественные настроения в Руане были плохи из-за торговцев, которые являлись по сути дела «контрреволюционерами», а именно торговцы и контролировали дела в городе. Единственной причиной того, почему город не присоединился к федератам, было то, что в отличие от Миди, он снабжал Париж продовольствием и другими товарами, а следовательно нуждался в столице как в рынке. Более того, Эбер обвинил Лежандра в «глупости, а также злом умысле» против народного общества⁴⁶.

Лежандр обратился к якобинцам, заявив о намерении потребовать объяснения от Эбера. Вот что он написал в Комитет общественного спасения: «Природа, которая наградила меня бурным темпераментом, в то же время дала мне чувствительную душу». Он обклеил Париж афишами с выражением возмущения по поводу клеветы Эбера. По сообщению Латур-Ламонтаня, этот скандал был темой всех разговоров, а по данным Дюга, в Якобинском клубе бы-

ла назначена дата личной встречи двух соперников. И Шармон, и Ролен писали о том, что Эбер потерял любовь патриотов из-за своей клеветы на представителя народа. Беро подтверждал, что к Эберу повсеместно относились как к «подлому клеветнику»⁴⁷. Похоже, что Лежандр одерживал верх над Эбером, когда вмешался Моморо, предложивший положить конец склоке, так как она могла быть на руку только аристократам. Лежандр воспротивился, но якобинцы его не поддержали. Тем не менее, когда Моморо предложил, чтобы два соперника обнялись, Лежандр решительно отказался, заявив, что нельзя просить Брута обниматься с Цезарем.

С тех пор Эбер прекратил посещать заседания Якобинского клуба, сконцентрировав свою деятельность в Клубе кордельеров. Не было его слышно и в Коммуне, где на первое место вышел Шометт. Кажется, на какое-то время он стал более осторожен, начав уделять повышенное внимание коронованным головам Европы, нежели политической борьбе партий. Но все же он не забыл своих старых врагов, таких, как «филиппотисты» или Камилл Демулен. Последний был исключен из Якобинского клуба 21 нивоза (10 января 1794 года) после того, как 3-й и 5-й номера его «Въё корделье» были зачитаны на предыдущих заседаниях и подвергнуты нападкам со стороны Робеспьера и Колло, не говоря уже о других депутатах, за умеренность. Хотя все соглашались, что Демулен играл прогрессивную роль в первые дни революции, его непрекращавшиеся нападки на Конвент, Великие комитеты и террор под маской того, что он якобы дискутировал тацитовскую «Историю римского принципата», в конце концов привели к его осуждению ведущими якобинцами. Помимо прочего, ему вменялась в вину горячая защита Филиппо. Робеспьер высмеял энтузиазм Демулена по отношению к Филиппо, заявив, что последний читал всего один или два номера «Въё корделье». И все же он выступил против исключения Демулена (по сообщению Дюфурни, уже после того, как оно состоялось), потребовав, чтобы клуб уделил больше внимания «интригам» в целом, нежели действиям отдельных личностей. После горячей дискуссии якобинцы подтвердили исключение Демулена. Эбер, однако, не выиграл от этого, потому что члены клуба были по-прежнему убеждены в том, что республике в равной мере угрожают как умеренные (так называемые «цитрусо-

⁴⁶ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 628, Reimpression de l'ancien Moniteur depuis laeunion des Etats-Generaux, jusqu'au Consulat (mai 1789 – novembre 1799) Paris, 1840-1846 Vol XVIII No 59 (November 17, 1793) P 453

⁴⁷ *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol III P 140, 174, 161-162, 186, 189, *Gerard Walter* *Hébert et le "Le Père Duchesne"* P 192, *Moniteur* Vol XVIII No 74 (December 4, 1793) P 572, в котором Лежандр поместил письмо из Эвра от 2 фримера с просьбой к якобинцам организовать слушания по поводу обвинения Эбера против него

выс революционеры»), так и эбертисты (которых клеймили как «ультрареволюционеров»)⁴⁸.

Столкнувшись с угрозой, исходившей от правительства и якобинцев, кордельеры вместо того, чтобы принять более выдержанный курс, сделали прямо противоположное. 28 или 29 нивоза (17 или 18 января 1794 года) общество приняло резолюцию, в которой объявило Робеспьера «вождем умеренной партии». Трудно переоценить значение этой политически опасной акции. Лидеры кордельеров, естественно, знали о сотрудничестве Робеспьера с Дантоном, его прежней поддержке Демулена и о той роли, которую он сыграл в заключении Ронсена и Венсана в тюрьму (см. главу 3). Знали они и о его отрицательном отношении к движению за дехристианизацию. И все же им следовало понимать, что подобное действие неизбежно создавало ненужных врагов, ослабляя поддержку клуба со стороны санкюлотской массы, которая относилась к Робеспьеру с огромным почтением и уважением. По сообщению Ролен от 29 нивоза (1 января 1794 года), эта резолюция вызвала волну протеста, прокатившуюся по кафе, которые он посетил. На следующий день Шармон слышал такой разговор в кафе: «Знаете ли вы [спрашивал один из завсегдатаев], что большая часть кордельеров считает старшего Робеспьера вождем умеренного направления и что Робеспьер не пользуется доверием, которое оказывалось ему прежде? Да отвечал другой, потому что вы слепо верили в Эбера, да и в других из его шайки; но обратите внимание на то, что Камилл Демулен не изобличил его сразу же в одном из своих номеров». По словам полицейского шпиона, этот обмен мнениями показывал, что люди старались внести раскол между двумя обществами.

В тот же день (19 января) Ролен сообщал, что «повсеместно говорят» о том, что кордельеры на ножах с якобинцами; недоброжелатели этому радуются; но подлинные друзья свободы подавлены. Люди говорили, что кордельеры приняли резолюцию, в которой Робеспьер характеризовался как вождь умеренной партии, замечал Ролен, однако он же приводил слова «почтенного старика, который казался прекрасным патриотом». Это старик заявлял: «Я не знаю, является ли гражданин Робеспьер вождем этой партии, но если бы так было на самом деле, это означало бы, что меня одурачили так же, как и многих других». Через два дня, 2 плювиоза (21 января 1794 года) Ле Ари-

⁴⁸ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 590-608 (заседания 16, 18, 19 и 21 нивоза II года [5, 7, 8 и 10 января 1794 года]), *Moniteur*, Vol XIX No 115 (January 14, 1794) (заседания Клуба якобинцев 21 нивоза и Клуба кордельеров 22 нивоза) P 198-200

вель, еще один полицейский шпион, признавал, что резолюция кордельеров привела его в замешательство. Мы что, совсем глупцы, чтобы верить в то, что, когда кордельеры клеветают на Конвент, они все еще хранят ему верность? — спрашивал он. Нас не одурачить и не заменить в ловушку, делал он вывод⁴⁹.

Таким образом, резолюция кордельеров вызвала почти всеобщее отторжение. Вожди клуба должны были предвидеть такую реакцию. Прояви они осторожность, им, возможно, удалось бы избежать гораздо более серьезной конфронтации с революционным правительством в вантозе (с 19 февраля по 20 марта), конфронтации, оказавшейся для кордельеров фатальной.

Ко времени вантозского экономического кризиса, обострившего разногласия между всеми партиями, Эбер занял более твердую позицию, чем та, на которую, казалось, можно было рассчитывать, судя по его критике бунтовщиков в феврале 1793 года. Он начал нападать на богатых, спекулянтов и крупных торговцев за то, что те приносили в жертву интересы страны ради собственной выгоды. Вплоть до конца февраля 1794 года он выступал против «аграрного закона», т.е. перераспределения земли. Теперь же начал поддерживать экспроприацию всех продуктов земледелия и их распределение правительством. Он даже выступил с предложением конфискации крупных поместий и разделения их на небольшие участки. Более того, он потребовал частичной распродажи государственных земель⁵⁰.

Один из биографов Эбера, Луи Жакоб, утверждает, что хотя Эбер и был несгибаемым националистом и патриотом, он выступал против захватнической войны, надеясь увидеть «великий Конвент» Европейских государств⁵¹. Это заявление спорно, ибо в 297-м номере «Пер Дюшен», атаковав англичан за их якобы нецивилизованное поведение в Тулоне, Эбер резюмировал, что «в этой войне должна погибнуть либо Франция, либо Англия». Более того, по сообщению Дюга от 6 плювиоза (25 января 1794 года), Эбер призывал «бравых защитников республики» обрушить «сталь и огонь» на Германию, Голландию и

⁴⁹ *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol III P 33, 38, 48-49, 79-80 Вальтер заявляет, что ни одна газета не рискнула опубликовать резолюцию кордельеров, но о ней могло стать известно из сообщения полицейских наблюдателей. Выдержки из этих сообщений оставляют мало сомнений в том, что резолюция на самом деле была принята (*Hebert et le Pere Duchesne* P 193) Робеспьер ответил на эти атаки в своей речи 17 плювиоза II года (5 февраля 1794 года), которую Палмер называет «наиболее впечатляющей из всех его выступлений» (*R R Palmer Twelve Who Ruled The Year of the Terror in the French Revolution* Princeton, 1941 P 272).

⁵⁰ *Louis Jacob* *Hebert le Pere Duchesne* P 300-301

⁵¹ *Ibid*, P 301

другие земли. По данным Дюга, люди, однако, говорили о том, что такое отношение не соответствует святым принципам Конвента, выраженным в лозунге «Мир хижинам, война тиранам». Он цитировал критиков Эбера, которые утверждали, что только соблюдая этот принцип, а не убивая и не сжигая мирных жителей, французы могли быстро установить свободу во всех странах, в которые вступали⁵². Дантонисты считали программу Эбера сущей анархией; робеспьеристы были напуганы ею. Моморо в ответ критиковал «хитроумную систему» своих врагов, когорая, по его словам, была направлена против «лучших патриотов», разгромивших бриссотинцев, а теперь обвиняемых в том, что они якобы находятся на содержании у Питта. Среди своих оппонентов он назвал Робеспьера, которого обвинял в том, что тот окольным путем внедрил термин «ультрареволюционер для того, чтобы известить друзей народа»⁵³. Эбер писал, что его также называли «ультра» и что этот термин широко использовал Демулен для характеристики лучших патриотов. Среди последних, замечал он, были двое судей Революционного трибунала, которых депутат Моиз Бейль спас от клеветы «Вьё корделье», доказав их патриотизм⁵⁴.

Таким образом, конфликт партий продолжал разрастаться, и обвинения в адрес оппонентов становились все более резкими. Хорошо известно, что Робеспьер спас Дантона от нападок различных деятелей и не только эбертистов. Он поддерживал Демулена и в его первых шагах, согласившись прочесть первые два или три номера его газеты. Однако открытое осуждение Демуленом террора заставило Робеспьера отвергнуть его и его политику. Слабо скрываемая оппозиция Робеспьера освобождению Ронсена и Венсана из тюрьмы привела к тому, что эбертисты стали рассматривать его как своего врага. Но среди санкюлотов Парижа Робеспьер все еще оставался наиболее популярным революционным деятелем. Это противоречие трудно было разрешить его оппонентам. Как могли эбертисты выступать от имени санкюлотов и в то же время критиковать их идола? Но если бы они хранили молчание, это только усиливало бы «снисходительных», ставя их собственное существование под вопрос. Вновь они оказывались перед неразрешимым противоречием.

Политическая позиция Эбера по отношению к правящим комитетам была еще более парадоксальной. Он действительно выступал

от имени санкюлотов, как утверждают некоторые его биографы. Но у санкюлотов не было постоянных политических взглядов, что, возможно, частично и объясняет, почему Эбера бросало то в жар, то в холод. Вероятно, его печальный опыт общения с законом в Алансоне и финансовый крах семьи, вызванный его осуждением, открыли его сердце отчаянным устремлениям санкюлотов. Его нищета и страдания, усилившиеся от падения — он утратил статус относительно удачливого среднего буржуа — могли укрепить его симпатию к простонародью. Эмоциональные взрывы, типичные для его нападок на надуманных врагов санкюлотов в «Пер Дюшен», постоянны и кажутся искренними, хотя и нет возможности оценить их подлинность. Хотя трудно было бы притворяться лишь для того, чтобы завоевать расположение своих читателей.

Как только он обнаружил в себе талант звучать как истинный санкюлот, желание и потребность достичь успеха в своем ремесле сделали его заложником санкюлотовских предубеждений и подозрений. Когда же интересы членов более радикальных секций пришли в столкновение с целями Конвента и его комитетов, Эбер должен был либо отступить, внося изменения в свою политику, что, как мы увидим далее, он иногда пытался делать, либо продолжать быть глашатаем санкюлотов против правительства. Санкюлоты, конечно, были разделены политически, а потому защита взглядов, импониовавших одной их части, превращала Эбера во врага другой. Не составляли санкюлоты и монолитного социального класса. Среди них были и те, кто симпатизировал Дантону и Лежандру, однако в своем подавляющем большинстве они предпочитали Робеспьера и якобинцев Эберу и кордельерам. Полицейские доклады того периода дают ясное представление об этом разделении чувств даже среди самих читателей Эбера.

Помимо стремления защищать политические интересы «класса» в том смысле, в каком это слово может быть применено, Эбер исходил и из своих амбиций, желая стать министром внутренних дел. Выступление против Конвента и Больших комитетов из-за того, что они уступили этот пост другу Дантона Паре, было беспринципным. В этой связи его деятельность становилась вдвойне парадоксальной. Более того, она оказывалась опасной. Горячая полемика с Демуленом должна была не только утомить читателей обеих газет, но и вызвать ненависть комитетов. Более вдумчивые санкюлоты и кордельеры не могли не понимать этого. Все это в свою очередь осложняло позицию Эбера как глашатая санкюлотов. Его высказывание об Иисусе как «лучшем санкюлоте» противоречило политике закрытия церквей, в

⁵² *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol. III P. 140

⁵³ *Louis Jacob* Hebert le Pere Duchesne P. 305.

⁵⁴ *Pere Duchesne* No. 353

которых возносили молитву тому же самому Иисусу. Вне зависимости от того, был ли Эбер деистом, как утверждают некоторые историки, или атеистом, на чем настаивают другие, его действия как чиновника Парижской коммуны были направлены на дехристианизацию. Пропасть, лежавшую между практикой дехристианизации и верой в Верховное существо, нельзя было перейти. Это понимали Робеспьер и его сторонники в Комитете общественного спасения. Эбер должен был дорого заплатить за то, что выступал против неба и новой светской власти, которая говорила от имени неба.

Глава 2

ХЛЕБ И ПОЛИТИКА

Все три национальных собрания Франции могли похвастаться многими достижениями. Однако, если бы речь зашла о снабжении населения продовольствием в городах со времени начала революции, ни одно из них не могло бы ничем гордиться. Внешняя война сама по себе и связанный с ней рост цен обострили проблему нехватки товаров первой необходимости. К концу 1793 года более миллиона мужчин были мобилизованы в армию, что лишило аграрный сектор экономики важной части рабочей силы. Вместе с мужчинами из деревни были взяты рабочие лошади, которых использовали в военном транспорте и кавалерии. Более того, неизмеримо возросший военный налог приводил к изъятию из деревни продовольствия, одежды и обуви такими темпами, какие и не снились французам со времен последних войн Людовика XIV и Людовика XV.

Нехватка товаров и сопутствующий рост цен на продукты земледелия и ремесла обострялись финансовой политикой национальных законодательных собраний. Быстрое обесценивание ассигнатов — своего рода ценных бумаг, обеспеченных земельной собственностью, конфискованной у церкви, приводило к тому, что фермеры не желали обменивать свою продукцию на бумажные деньги⁵⁵. Конфискованные земли, преобразованные в государственные поместья, должны были быть использованы для поддержки выпущенных ассигнатов, однако вместо этого обменивались правительством на те же самые девальвировавшиеся банкноты⁵⁶. Не лучше, чем земли церкви, могла стабилизировать ассигнаты экспроприированная собственность эмигрантов и подозрительных лиц, поскольку она являлась объектом спекуляции и наживы, а количество выпущенных ассигнатов было не соизмеримо цене конфискованной земли. Обычные траты правительства теперь достигли экстраординарных высот в связи с

⁵⁵ Ассигнат, который в конце 1789 года стоил 100 ливров, в феврале 1794 года оценивался уже в 41 ливр. В марте за него давали 38 ливров, а в апреле — уже 37 (Pierre Caron *Tableau de dépréciation du papier-monnaie* Paris, 1909 P. 109).

⁵⁶ Seymour Harris *The Assignats* Cambridge, Mass., 1930, Camille Bloch *La Monnaie et le papier-monnaie* Paris, 1912.

потребностями войны, что только усилило инфляцию. Финансовые трудности, таким образом, уходили корнями как в экономический кризис, так и в те отчаянные меры, которые предпринимало революционное правительство. В свою очередь, проблема с финансами подрывала производство, сказываясь, таким образом, на здоровье экономики.

Народное общество, которое должно было говорить от имени санкюлотов, а именно Клуб кордельеров, было обязано осознать степень продовольственного кризиса. Среди тех, кто первыми заговорил о проблеме дефицита и связанной с ней спекуляции товарами первой необходимости, были «бешеные». Их агитация нашла горячую поддержку в наиболее бедных секциях Парижа, а также в других городах. Общий контроль над заработной платой и ценами, известный как максимум, введенный Конвентом с большой неохотой 29 сентября 1793 года, в огромной степени был их рук делом. С арестом в конце лета и начале осени 1793 года их лидеров, Жака Ру, Жана Варле и Теофиля Леклерка, а также двух вождей Общества революционных республиканок, Клер Лакомб и Полин Леон, кордельеры стали непререкаемыми руководителями народного движения⁵⁷.

Нападки Эбера на спекулянтов и скупщиков нашли, следовательно, горячую поддержку среди голодающих санкюлотов. Отражая разочарования последних в революции, Эбер писал: «Мы больше никому не верим . . . Они нас обворовывают, грабят, как раньше; у нас больше нет ни денег, ни провизии. Нет хлеба, мать вашу, ни за какие деньги . . . Мы без работы . . . Мы страдаем уже в течение четырех лет. Что мы имеем в результате революции?»⁵⁸ Вне зависимости от того, был ли этот протест справедлив, Эбер и его сторонники в Клубе кордельеров могли направить недовольство санкюлотов на революционное правительство.

То, что такая возможность существовала практически с тех самых пор, как начала разворачиваться агитация за установление твердой цены на хлеб и другие товары первой необходимости, видно из того, как вожди якобинцев отвергали петиции, поданные в поддержку максимума. Когда, например, представители нескольких парижских секций выдвинули свои требования, депутаты парижского департамента выступили с протестом, заявив, что в обязанности их, как

представителей народа, не входит ничего подобного тому, чтобы давать людям хлеб, «как тупым животным на пастбище»⁵⁹. 22 февраля 1794 года они не приняли делегацию женщин, которые пришли молить якобинцев обсудить проблему нехватки товаров первой необходимости и высоких цен. Эдмон Луи Алексис Дюбуа-Крансе заявил, что первой необходимостью является установление свободы, а Жан-бон Сент-Андре добавил, что проблема провианта «не стоит на повестке дня»⁶⁰.

Санкюлоты как потребители требовали и в конце концов получили два закона, которые были направлены на улучшение их положения. Речь, во-первых, идет о строгом декрете, направленном против спекулянтов, барышников и скупщиков⁶¹. Вторым законом, заменившим первый, стал максимум, установивший предел цены на такие товары первой необходимости, как хлеб, вино и пиво (городская вода часто была непригодна к употреблению, если вообще не опасна для жизни), мыло, свечи и т.п.⁶² Но никакая мера не могла удовлетворить потребности санкюлотов. Закон против спекуляции не мог быть проведен в жизнь, потому что присяжные заседатели, часто сами являвшиеся торговцами и обладавшие собственностью, с неохотой выносили осуждающий приговор таким же, как они, бизнесменам. Что же касается максимума, то этот документ был очень плохо сформулирован и часто наносил вред тем, кто занимался коммерцией⁶³.

Теоретически санкюлоты должны были выиграть от введения максимума, потому что новый закон устанавливал цены на товары первой необходимости в среднем на уровне 1790 года плюс одна треть, в то время как зарплата устанавливалась на уровне 1790 года плюс одна вторая. Проблема заключалась в том, что расходы на транспорт часто игнорировались или занижались. Стоимость сырья и производства (из-за роста цены на землю, орудия труда, скот и т.п.) также

⁵⁹ B & R Vol XXIV P 287-288 Этот ответ был подписан Робеспьером, Дантоном, Колло д'Эрбуа, Бийо-Варенном, Демуленом и другими. Марат также был среди подписантов

⁶⁰ Alphonse Aulard *Jacobins* Vol V P 37-38

⁶¹ См. Henri Calvet *L'Accaparement a Paris sous la Terreur* Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793 Paris, 1933

⁶² См. Pierre Caron *La Commerce des cereals* Paris, 1907, Fernand Gerbaux, Charles Schmidt *Procès-verbaux des comités d'agriculture et de commerce* 4 vols Paris, 1908, Georges Lefebvre *Documents relatifs a l'histoire des subsistances dans le district de Bergues* 2 vols Lille, 1914-1921, George Afanassiev *Le Commerce des cereals en France au dix-huitieme siecle* Paris, 1894

⁶³ Albert Mathiez *La Vie chere* P 162-187.

⁵⁷ Albert Mathiez *La Vie chere et le mouvement social sous la terreur* Paris, 1927, Morris Slavin *The Making of an Insurrection* P 127-141

⁵⁸ Pere Duchesne No 233

возросла гораздо выше уровня 1790 года. Кроме того, там, где торговцы и их агенты доминировали над администрацией, этот закон либо игнорировался, либо с трудом проводился в жизнь. Но самое главное заключалось в том, что фермеры не были заинтересованы выбрасывать свой товар на рынок, поскольку все, что они могли за него получить, это обесценивавшиеся ассигнаты, не говоря уже о риске быть остановленными на дороге взбунтовавшимися и отчаявшимися потребителями, которые заставляли торговцев распределять товары по ценам, устанавливавшимся толпой, если просто не разворовывали и не распределяли их между собой. В конце концов, возникло неразрешимое противоречие между экономической системой, базировавшейся на принципе свободы предпринимательства, и попыткой регулировать эту систему путем установления контроля над ценами, а также прямого вмешательства государства в рыночные отношения.

К началу 1794 года рынки, булочные и мясные лавки осаждали огромные толпы голодных женщин, часто с кричащими детьми на руках, обозленные от вида пустых прилавков. «Отчаяние достигло высшей точки», — предупреждал Эбер. Сире, полицейский шпион, соглашался с ним, подчеркивая, что «страдание достигло крайней степени»⁶⁴. В предместье Сент-Антуан народ остановил транспорт с продовольствием на дороге в Венсенн. Кое-кто заплатил за еду сколько мог, другие вообще ничего не дали. Коллега Сире, полицейский наблюдатель Гривель, обвинял в этих беспорядках народные общества, считая, что именно последние «разжигали страсти», выступая с резкими нападками на сельских жителей, торговцев Парижа и даже некоторых членов Национального конвента как на людей, ответственных за дефицит и высокие цены⁶⁵.

Как же можно было выправить ситуацию? С точки зрения Эбера, санкюлотам следовало «подняться» и отловить всех собственников, в особенности спекулянтов-фермеров, «пригрозив повесить их . . . если перебои со снабжением не прекратятся. Довольно скоро, мать их так, пшеницы на рынках будет в изобилии, и мы сможем жить, мать их так»⁶⁶. Гривель слышал, как двое мужчин в кафе возмущались тем, что ситуация с нехваткой продовольствия становилась все хуже. Один из них высказал мысль о том, что хорошо было бы гильотини-

ровать нескольких мясников и лавочников: ведь до введения максимума магазины были полны, так как их владельцы могли драть с покупателей столько, сколько хотели. Его собеседник соглашался, что есть спекулянты, «вампиры, сосущие кровь народа», но внушал своему собеседнику, что именно состояние сельского хозяйства в большей, нежели введение максимума, степени вызвало дефицит⁶⁷. И все же через несколько недель Гривель выражал уверенность в том, что враги республики создают беспорядок на рынке с тем, чтобы «обострить недовольство народа»⁶⁸.

Среди наиболее остро дефицитных товаров была говядина. Количество голов крупного рогатого скота, забивавшегося одним мясником, сократилось в среднем с десяти до двух в неделю, и это несмотря на то, что люди были готовы платить больше максимума. Отказ от соблюдения религиозных обрядов, запрещавших мясную пищу по пятницам и во время постов, а также рост населения и уровня потребления говядины в войсках приводили к дальнейшему сокращению объема снабжения. Но если потребитель должен был отказываться себе в удовольствии есть говядину, он должен был заменить ее другими съестными продуктами, например, яйцами. Производство же яиц зависит от кур, которые питаются зерном⁶⁹.

Одним из последствий дефицита являлась экспроприация предметов продовольствия различными муниципалитетами, что в свою очередь могло разрушить всю систему торговли и, кроме того, обречь столицу на голод. Гривель предлагал ввести карточки на мясо. Генеральный совет Парижской коммуны после заслушивания доклада своего Управления по снабжению принял ряд постановлений, направленных на то, чтобы обеспечить мясом больных и кормящих матерей⁷⁰. Генеральный совет надеялся, что ему удастся рассеять толпы перед мясными лавками и ослабить борьбу женщин за кусок мяса. Так оценивал этот документ полицейский шпион Ле Бретон. Его коллега Шармон сообщал, что после обнародования этих постановлений были приняты меры, чтобы предотвратить скопление населения⁷¹. Сире указывал на то, насколько несправедливы были местные

⁶⁴ Pere Duchesne No 289, Rapports de Grivel et Siret, commissaires parisiens du conseil executif provisoire sur les subsistances et le maximum Paris, 1908 P 185 5 Ventôse II (February 23, 1794)

⁶⁵ Rapports de Grivel et Siret P 185 8 Ventôse II (February 26, 1794)

⁶⁶ Pere Duchesne No 289

⁶⁷ Rapports de Grivel et Siret P 170 2 Ventôse II (February 20, 1794).

⁶⁸ Ibid P 209-210, 219 19 Ventôse II (March 9, 1794)

⁶⁹ Ibid P 175, 177-181 3 Ventôse II (February 21, 1794)

⁷⁰ Ibid P 166 1 Ventôse II (February 19, 1794), Moniteur Vol XIX No 170 (March 10, 1794) P 655

⁷¹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 210, 211

декреты, запрещавшие покупку определенных товаров, таких, как вино, в одной коммуне, хотя его можно было приобрести в другой. Это вело к своего рода изоляции, «разновидности федерализма», которая подрывала республику и разрушала идеал братства и равенства. В целом Сире признавал, что было трудно примирить интересы города и деревни⁷².

Нехватка говядины приводила и к сокращению снабжения населения салом, необходимым для производства свечей и мыла. Как предупреждал Гривель, если подобная ситуация будет продолжаться, то половине Франции придется ложиться в кровать с наступлением сумерек и не вставать до рассвета. Понятно, что в результате было бы потеряно огромное количество рабочих часов ремесленников и наемных рабочих. За четыре года до того, в 1790 году, примерно пять млн. фунтов сала поступили во Францию из России и Ирландии. Однако этот товар был уже израсходован. Таким образом, у прачек не хватало мыла, да к тому же им тоже нужно было работать при свете свечей. Гривель советовал правительству предпринять усилия для того, чтобы закупить жир в России, обязав французских консулов в Дании и Швеции, а также в Таскании и Женеве провести об этом переговоры с русскими. Используя Рону для импорта товаров, Франция могла избежать столкновений с вражеским флотом. В конце концов он признавал, что в любом случае правительство должно было платить сверх максимума, используя резервы золота и серебра для закупок товаров за рубежом⁷³.

Волнения среди рабочих продолжали распространяться по мере того, как рост цен начал обгонять рост заработной платы. Нехватка сырья и сокращение рынков сбыта вели к увеличению безработицы. Позолотчики и скульпторы, по словам Бери, негодовали по поводу того, что у них не было работы, а те, кто имел работу, не могли уже позволить себе есть на постоянных дворах и в ресторанах. Блюдо, которое прежде стоило десять су, теперь обходилось в пятнадцать, сообщал полицейский наблюдатель Прево. Многие рабочие были в еще худшем положении. У них вообще ничего не было на обед, доносил Шармон, добавляя, что Коммуне следует обратить внимание на дефицит, поскольку он может спровоцировать демонстрации⁷⁴.

⁷² Rapports de Grivel et Siret P 173-175 2 Ventôse II (February 20, 1794)

⁷³ Ibid P 217-219, 218 28 Ventôse II (March 18, 1794)

⁷⁴ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 200, 218, 227

5 вантоза Прево признавал, что, хотя рабочие и хорошо оплачиваются, цены на продовольствие выросли так, что заработная плата не может за ними угнаться⁷⁵. Агитаторы на предприятиях по производству хлопковых катушек искали поддержки у эберовской «Пер Дюшен», а также у народного общества секции Марата. «Санкюлоты считают Эбера и решительных патриотов своими естественными защитниками», — писал Собуль. Они посылали петиции и старались объединить различные предприятия в единый фронт⁷⁶. На одном предприятии неподчинение рабочих директору вынудило последнего подать в отставку, но его жалобы привели к ряду арестов. Была, в частности, арестована женщина, Жанисон, которую Революционный трибунал признал невиновной⁷⁷. Подобные же волнения имели место среди бродячих каменщиков и плотников, угрожавших забастовкой в том случае, если их заработная плата не будет повышена⁷⁸.

Таким образом, дефицит и высокие цены наряду с несоответствующей уровню жизни заработной платой мобилизовали санкюлотов. Общие собрания, народные общества, революционные комитеты и другие организации в секциях поставили соответствующие проблемы на первое место в порядке дня. Заслушив доклад Барера, 18 нивоза II года (7 января 1794 года), Конвент постановил, чтобы во всех городах, блокированных вражескими войсками, были изъяты и распределены по потребностям среди населения все продовольствие и товары. За реквизируемые товары должно было расплачиваться национальное правительство⁷⁹. Через два месяца секция Рынка постановила, чтобы Коммуна объявила столицу осажденным городом, со всеми вытекающими отсюда в связи с докладом Барера последствиями⁸⁰.

Повсеместное беспокойство санкюлотов вызывал вопрос о том, как обеспечить Париж продовольствием. Народное общество сек-

⁷⁵ Ibid P 303

⁷⁶ Albert Soboul Sans-Culottes P 684-685 Alexandre Tuetev Repertoire general Vol XI Nos 60-62

⁷⁷ Henri Wallon Histoire du tribunal revolutionnaire de Paris Vol IV Paris, 1880-1882 P 495 Она подписалась «госпожа Жанисон»

⁷⁸ См Report of Perriere, 14 Ventôse II (March 4, 1794) — Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 79

⁷⁹ Moniteur Vo XIX No 108 (January 7 1794) P 144

⁸⁰ Report of Bacon, 6 Ventose II (February 16, 1794) — Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 307

ции Гравилье приняло решение предоставить своему революционному комитету право обыскивать дома богатых, а также жилища тех, кто выехал в деревню. Женщины были особенно многочисленны на такого рода собраниях⁸¹. По сообщению полицейского шпиона Анрио (его отношение к Франсуа Анрио, командующему Национальной гвардией Парижа, неясно), голодные мужчины и женщины проводили от трех до четырех часов перед дверями мясных лавок, не будучи уверенными в том, будет ли что-нибудь выброшено на продажу. Его коллега Моник писал, что на главном городском рынке не было ни овощей, ни масла, ни яиц. По сообщению Шармона, многие сваливали вину за дефицит на максимум. Чтобы спасти торговца углем от разъяренной толпы, на улицу Роан потребовалось вызвать вооруженных солдат. В то же время прилавок продавца фруктов около Порт Сен-Дени оказался разграблен, так как его владелец якобы был спекулянтом⁸².

Голод и разочарование обостряли уверенность санкюлотов в том, что именно богатеи были ответственны за их несчастья. 3 вантоза (21 февраля 1794 года) Пурвуайёр доносил, что слышал от ряда людей, что «большие состояния всегда являлись источником преступления, и что именно из-за них мы страдали и страдаем. С точки зрения санкюлотов, от аристократов не было никакой пользы, они причиняли людям только страдания». Члены народного общества секции Прав человека негодовали по поводу того, что богатых заключенных кормили мясом, спрашивая, кому нужны эти аристократы. «Не следовало ли всех этих негодяев, которые обрекли Париж на голод, гильотинировать?»⁸³ Народное общество секции Французской гвардии выражало ненависть к «богатым эгоистам», у которых есть все, тогда как санкюлоты «не могли собрать достаточно средств, чтобы накормить свои семьи». Пурвуайёр приводил слова подслушанных им «людей», роптавших по поводу того, что они не ели мяса в течение трех недель. Эти люди говорили, что «настало время . . . ударить народной секирой по фермерам и крупным торговцам, которые одни ответственны за болезни, от которых мы страдаем в настоящее время»⁸⁴.

⁸¹ Бакон упоминает также народные общества Вооруженного человека, Предместья Монмартр и Бон-Нуviel. Некоторые из выступавших критиковали госпитали, которые заказывали в два раза больше мяса, чем могли съесть их больные. Ibid P 308

⁸² Ibid P 231, 238, 258, 268

⁸³ Ibid P 262, 340

⁸⁴ Ibid P 238, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 261.

Эти угрозы и ропот были, очевидно, результатом разочарования и голода, которые испытывали санкюлоты и их семьи. Опасность заключалась не только в том, что контрреволюционеры могли воспользоваться подобными настроениями, но и в том, что правительство могло найти козлов отпущения, чтобы направить народный гнев против них. Сообщения полицейских наблюдателей за месяц вантоз (19 февраля — 20 марта) доносят общее недовольство толпы: у санкюлотов столицы просто отсутствовали предметы первой необходимости.

4 вантоза Шармон записал, что в нескольких случаях пришлось вызывать гвардию. В то же день Латур-Ламонтань признал следующее: «Можно сказать . . . что Париж уже познакомился с ужасами голода». Он выражал удивление по поводу того, что люди все еще подчиняются закону и уважают собственность. На следующий день Бакон цитировал нескольких женщин, кричавших во время многолюдного собрания в секции Ломбардцев, что все мясники негодяи. Им бурно аплодировали. В то же время в кафе на улице Шарантон кое-кто утверждал, что нельзя вернуться назад, потому что зашли уже слишком далеко, «чтобы уступить. И если нужно есть один хлеб, к этому надо привыкнуть»⁸⁵. Таким образом, несмотря на страдание и негодование, у народа все еще имелся огромный резерв патриотизма и самопожертвования, т.е. чувств, которые революционное правительство могло пока эксплуатировать.

Патриотизмом, однако, нельзя было заполнить пустые желудки. По сообщению Шармона от 5 вантоза (2 февраля), посетители кафе ни о чем ином не говорили, как только об ужасном положении, в котором оказались. Люди кричали, что лучше умереть под гильотиной, чем от голода. По данным Дюга, макрель и соленая сельдь продавались по очень высоким ценам. Ле Аригель писал, что «некоторые женщины плакали, так как нечего было взять на рынках». В то же день Гривель предупреждал, что из-за дефицита товаров народ предполагает, «что Коммуна наблюдала бы за голодным бунтом против Конвента не без удовольствия». Это был опасный слух, который Шометт, глава Коммуны, должен был опровергнуть⁸⁶.

На следующий день, 6 вантоза, Дюга заметил, что масло исчезло совсем, яйца были «разграблены», а Центральный рынок никогда не был так пуст. Полицейский шпион Перьер наблюдал за отчаявши-

⁸⁵ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 270-271, 274, 289-290, 292

⁸⁶ Ibid P 293, 294, 300-301, 295

мися женщинами, которые шли через Центральный рынок с пустыми корзинками. То же самое, по словам Пурвуайёра, можно было видеть на рынках предместья Сен-Марсель. Через два дня народное собрание секции Прав человека приняло постановление прекратить снабжение «богатых заключенных» мясом. По сообщению Шармона, «двери мясных [лавок] были забиты народом», женщины роптали по поводу того, что должны ждать в очередях с 3 часов утра, чтобы купить курицу. 9 вантоза Бакон доносил о волнении на Центральном рынке. По данным Гривеля, цена на хлеб удвоилась или утроилась за один месяц⁸⁷.

В это тяжкое время Эбер восхвалял Конвент, требуя от его депутатов продолжать «завоевывать расположение» санкюлотов, обеспечивая население предметами первой необходимости. В 341-м номере своей газеты он нападал на «торговцев, которые посылали на х... максимум, сосредоточивая все товары в своих руках». Розничные торговцы, «грабящие санкюлотов», торговцы вином, «которые травят народ своим поддельным напитком», мясники, облегчающие мясо, добавляя к нему костей, и обувщики, которые используют картон для подошв вместо кожи, все они и многие другие попали под огонь его критики. Он был счастлив, что «добродетель Святой Гильотины постепенно избавит нас от всех этих мучителей человеческой плоти». И все же прежде чем человек сможет стать свободным, он должен наестся, писал Эбер. Фермеры забыли, что от пут старого режима их освободили горожане, которые преподнесли им этот подарок. Что бы они сделали со всеми их продуктами, если бы не было городов, потребляющих их? «Я люблю тех, кто обрабатывает землю, тех, кто удобряет землю своим потом», — убеждал Эбер своих читателей. Но не заслуживали ли санкюлоты признания за то, что производили вещи из этих продуктов земли и защищали революцию? Он продолжал: «Все люди, которые работают, равны перед законом; закон должен защищать всех. У жителей деревни не больше прав обречь на голод своих братьев в городах, чем у последних стирать с лица земли их поля и жиреть на крови земледельцев. Мы сейчас одна семья: богатым следует поделиться с бедными; сильным надо помочь слабым; все добрые республиканцы должны соединить руки, мать вашу; им следует объединиться, как братьям»⁸⁸.

Это моральное разглагольствование, конечно, не решало проблему дефицита. Возможно, поэтому Эбер с такой силой обрушивался на тех, кто не стал бы или не смог бы стать «братьями» санкюлотам. Убеждая Конвент в необходимости провести в жизнь законы, а санкюлотов — в необходимости хранить твердость, он предлагал, чтобы при появлении первого признака дефицита, был издан декрет, по которому «богатые, торговцы, крупные фермеры и все те, кого признают виновным за голод народа, должны быть сами осуждены на голод; достаточно скоро изобилие бы вернулось, мать вашу».

Вскоре после этого Эбер атаковал розничных торговцев и не только «богатых»: «Я не буду щадить продавца моркови больше, чем оптовика-купца, — писал он, — ибо, мать вашу, я вижу, что существует союз, созданный всеми теми, кто продает, против всех тех, кто покупает, и я нахожу столько же бесчестия в маленьких лавках, сколько в больших магазинах»⁸⁹. Те, кто продавал товары выше максимума, будут казнены на гильотине довольно скоро, тогда, когда появится Революционная армия — специальные вооруженные силы, мобилизованные для реквизиции продовольствия и расправы с контрреволюцией. Чтобы появились товары, настаивал Эбер, надо наказать спекулянтов. Но для этого нужно, чтобы чиновничий аппарат состоял из санкюлотов⁹⁰.

Через несколько номеров Эбер выражал «великую радость», узнав, что «храбрые защитники страны» не только проливали свою кровь, но и были готовы пожертвовать своим мясным рационом для людей в тылу. Он уверял солдат в том, что санкюлоты не менее жертвенны и что они также готовы отдать республике все, что у них есть⁹¹. Таким образом, как и санкюлоты, Эбер выражал противоречивые точки зрения: то он обращался к богатым с просьбой помочь бедным, поскольку в республике все люди братья, то призывал гильотинировать зажиточных, так как быть богатым есть преступление⁹².

Революционное правительство знало о недовольстве в секциях и народных обществах. Почему же оно не удовлетворило требования санкюлотов? Частично это объясняется тем, что оно было настолько

⁸⁹ Ibid No 345 Эбер использовал выражение «marchand de carottes» в двойном значении как продавец моркови и как вымогатель

⁹⁰ Ibid No 345.

⁹¹ Ibid No 352.

⁹² См замечание Собуля о «различных общественных течениях» в секциях Парижа и неспособности санкюлотов выковать взаимосвязанную политическую или экономическую программу *Albert Soboul Sans-Culottes* P 689-690

⁸⁷ Ibid P 312, 316, 319, 340, 344, 364, 368 См также доклады Пурвуайера от 9 вантоза и Шармона от 10 вантоза Ibid P 376, 388

⁸⁸ Pere Duchesne Nos 337, 341

занято войной, что почти игнорировало все другие проблемы. Вопросы национальной обороны и внутренней безопасности были гораздо более важными для Комитета общественного спасения и Конвента, нежели снабжение рынков. Нельзя сказать, чтобы правительство было неспособно решить проблему снабжения, хотя бы на короткое время. Когда такое решение стало политически необходимым, оно нашло средства, чтобы вновь наполнить рынки. Однако, по большому счету, оно само было подчинено тем же экономическим законам, которые оказывали влияние на санкюлотов и нацию в целом. А пока у революционного правительства было мощное оружие мобилизации общественного мнения — патриотизм. Делая упор на необходимость жертвовать всем ради страны и вовлекая санкюлотов в дело защиты нации, революционное правительство надеялось удержать недовольство экономическим положением под контролем. Одним из методов вовлечения санкюлотов в это движение был призыв к ним сдавать селитру, зачастую прямо в зале Конвента под аплодисменты депутатов.

Селитру можно было выкопать из земли или добыть из слоев разлагающегося органического вещества. Смешанная с известью и другими такими же щелочными веществами, селитра превращается в нитраты. Нитраты, в свою очередь, можно превратить в порох. Поощряемые Конвентом и его комитетами, секции организовали селитровые комиссии и начали представлять результаты их работы депутатам. Делегация секции Кенз-Вен, например, передала Конвенту 1200 фунтов неочищенной селитры на его заседании 12 вантоза. По сообщению Бакона от 1 вантоза, вопрос о передаче селитры Конвенту обсуждался на «очень многолюдном заседании», проходившем в секции Прав человека. Бакон отметил, что несколько человек рассказывали о женщинах-защитниках страны, которые являлись членами секции. Из всего услышанного он делал вывод, что общественный подъем был очень высок. Целенаправленные призывы к патриотизму не были, конечно, единственным методом, используемым правительством для разжигания преданности населения. Другие и более жесткие средства также находились в его распоряжении. Речь идет о предоставлении или отказе от предоставления свидетельства о гражданской благонадежности (*certificats de civisme*), наличие которого свидетельствовало о патриотизме гражданина. Помимо этого проводились периодические чистки и проверки генеральных советников⁹³. И если некоторые из более воинственных санкюлотов, членов

Клуба кордельеров, и были настроены критически по отношению к правительству, то подавляющая масса выступала решительно за Конвент и его Большие комитеты. Больше всех они обожали Робеспьера. Последний был болен с 16 по 26 плювиоза (с 4 по 14 февраля) и не мог присутствовать на заседаниях Комитета общественного спасения. Он появился один или два раза в Якобинском клубе, чтобы защитить депутатов центра от их оппонентов, и всего лишь раз в Конвенте. Затем он вернулся к работе, но лишь на несколько дней, после чего вновь слег и находился в постели с 1 по 23 вантоза (с 19 февраля по 13 марта)⁹⁴.

Болезнь Робеспьера вызвала беспокойность многих санкюлотов и им подобных. Бакон сообщал о группе людей, собравшихся около Жарден де планте, которые оживленно обсуждали состояние здоровья их вождя. Он слышал, как один человек сказал, что, если бы Робеспьер скончался, все было бы потеряно. Бакон добавил, что, когда санкюлоты обсуждали болезнь Робеспьера, «люди, выглядевшие зажиточными» ничего не говорили, но на их лицах можно было заметить чувство удовлетворения⁹⁵.

О том, что санкюлоты обеспокоены здоровьем Робеспьера и его коллеги Кутона, который также был болен (некоторые считали, что Кутон был отравлен, другие полагали, что его болезнь была вызвана переутомлением от излишней работы), доносили и Шармон, и Дюга. «Невероятно, как много людей интересуются ими», — писал Шармон, а Дюга отмечал, что «подлинные друзья нашей страны» были потрясены известиями о болезни обоих революционеров. По сообщению Бакона, в кафе, которое он посетил, очень многие говорили о болезни двух лидеров, при этом особенно волновались по поводу здоровья Робеспьера. Народное общество секции Лепелетье направило специально уполномоченного представителя с целью выяснить из первых рук состояние здоровья Робеспьера⁹⁶.

Эбер присоединился к движению по укреплению верности революционному правительству. Советуя санкюлотам доверять Комитету общественного спасения и Конвенту, он подчеркивал, что, если

⁹⁴ Ernest Hamel *Papiers inedites, trouves chez Robespierre* Vol III Paris, 1828 P 412-414

⁹⁵ Pierre Caron *Paris pendant la Terreur* Vol IV P 199

⁹⁶ Ibid P 203, 204, 224 Народное общество Лепелетье — *Nouvelles acquisitions françaises* (далее *Nouv acq fr*), 2666. t 64. BN Куртуа сократил число писем, получаемых Робеспьером во время его болезни. Генеральный совет Марион начал свое приветствие Робеспьеру словами «Гражданин Робеспьер, законодатель и отец-протектор хороших людей!» *E B Courtois* *Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouves chez Robespierre et ses complices* Paris, Nivôse III (December 1794 – January 1795) P 120-121

⁹³ *Moniteur* Vol XIX No 163 (March 3, 1794) P 604 *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol IV P 197-198 *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 692-693

когда-нибудь контрреволюция победит, члены Конвента станут ее первыми жертвами. Он обращал внимание на следующие слова Робеспьера: «Если бы произошло так, что Комитет общественного спасения предал народ, я бы разоблачил его». Двадцать раз этот комитет спасал республику, писал Эбер, и он спасет ее вновь. Он призывал своих читателей-санкюлотов объединиться с Конвентом, указывая, что все их надежды воплощены в нем, точно так же, как все его силы заключаются в них⁹⁷. Когда же этот Конвент и его комитеты арестовали Эбера и его товарищей, санкюлоты уже не знали, что делать: то ли сгруппироваться вокруг старых своих союзников, то ли одобрять действия законодательного собрания, которое сам Эбер так горячо убеждал их поддерживать.

Верность революционному правительству и экзальтированный патриотизм в секциях не был, однако, всеобщим. Противники террора, называемые «умеренными», апеллировали к чувству гуманности, пытаясь защитить многих заключенных или осужденных на гильотину. К сожалению, часто под маской умеренности скрывалась контрреволюция. Революционные комитеты и агенты центральных властей, особенно Комитета общественного спасения, изобличали скрытых врагов при первой возможности. Однако разоблачения вели к конфронтациям между двумя партиями в секциях, и этот процесс продолжал развиваться в ходе революции. Недостаточная революционная активность в прошлом или неприятие нового стиля жизни или одежды также часто вели к конфликтам между «передовыми патриотами» и их умеренными оппонентами. Среди умеренных было много мужчин и женщин, которые искренне осуждали террор из гуманных соображений.

Согласно донесению Бери от 2 вантоза (20 февраля), один гражданин в кафе в Сен-Дени роптал по поводу того, что революционный комитет секции Ломбардцев арестовал более пятидесяти человек, «чей патриотизм и неподкупность известны» всем. Такие действия, добавлял он, угрожают торговле и ведут к беспорядкам. В тот же день Латур-Ламонтань, негодуя, сообщал о том, как один гражданин «с неким жеманством» зачитывал список гильотинированных. Не вызывает сомнений, подчеркивал он, что здесь орудовали контрреволюционеры. Если бы редактор, отвечавший за публикацию списка, был патриотом, он бы добавил еще более длинный перечень лиц, которых суд оправдал. Очевидно, настаивал шпион, все это было ни-

чем иным, как попыткой вызвать ненависть всей Франции к Революционному трибуналу⁹⁸.

Через три дня (5 вантоза) Ролан сообщал о том, что люди с горечью роптали, «тысячу раз» повторяя слова недовольства по поводу ареста и заключения под стражу многих хороших патриотов, ставших жертвами амбиций, алчности и зависти. Этот полицейский шпион добавлял, что не сомневается — одурачить народ никому не удастся; тем же, кто распространял подобные слухи, будет воздано по заслугам. Добрые граждане были готовы схватить виновных, утверждал он⁹⁹. Санкюлоты, знавшие о конфликте, могли только поддерживать свои революционные комитеты в борьбе против умеренных. Тем не менее, их лояльность по отношению к этим организациям не была абсолютной, так как комитеты со временем перестали отчитываться перед членами секции, их сформировавшими. Политическая жизнь в секциях оказалась под все большим контролем со стороны революционных комитетов, т.е. в конечном счете под контролем Комитета общей безопасности. Санкюлоты, ревниво относившиеся к своей автономии, выступали против этой тенденции¹⁰⁰.

В секции Бонди однажды возник конфликт между революционным комитетом и возглавлявшимся им народным обществом, с одной стороны, и гражданским комитетом — с другой¹⁰¹. Бери слышал, как этот конфликт обсуждался в Конвенте. Один гражданин заявил, что Комитет общей безопасности не знал, как освободить невиновных, находившихся под его юрисдикцией, поскольку закон диктовали революционные комитеты. «Ты прав, — ответил ему другой. — Каждый комитет представляет из себя секту, ареопаг»¹⁰².

Чтобы разрешить спор в секции Единения между умеренными и санкюлотами, возглавлявшимися Аристархом Дидо, клерком в офисе прокурора, бывшим ранее секретарем общего собрания секции, потребовалось вмешательство Комитета общей безопасности. Дидо был стойким защитником санкюлотов. Когда собрание оказалось в руках умеренных накануне восстания 31 мая 1793 года, он выступил против собрания в защиту революционного комитета¹⁰³. Од-

⁹⁸ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 225, 233

⁹⁹ *Ibid* P 305

¹⁰⁰ *Albert Soboul* Sans-Culottes P 697

¹⁰¹ *Ibid* P 687-698

¹⁰² *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 269.

¹⁰³ W11, dos 529, Februart 11 1794, AN

⁹⁷ *Pere Duchesne* No 324

нако к зиме 1794 года, будучи комиссаром революционного комитета, он допустил определенное злоупотребление властью, и 27 фримера (17 декабря 1793 года) комитет решил исключить его. 4 вантоза (22 февраля 1794 года) он обвинил своих бывших коллег перед Комитетом общей безопасности в неуважении прав народа. «Главная цель врагов республики состоит в том, чтобы убедить [нас], что народ неспособен управлять самим собой», — писал он. На следующий день он обрушился на революционный комитет за создание комиссии для проверки того, почему бедным санкюлотам выплачивается по 40 су за посещение общих собраний. Расследование нарушает права народа, заявил он. Члены комитета решили арестовать его, но он опротестовал их решение в Комитете общей безопасности и был освобожден 11 вантоза. Через четыре дня он выступил на общем собрании секции против революционного комитета. Но тем самым он уже нарушил принцип революционного правительства, согласно которому местные правительственные органы подчинялись центральным властям. Короче говоря, он подорвал контроль со стороны Комитета общей безопасности за революционными комитетами секций. В результате 18 вантоза комитет вновь издал приказ об его аресте, на этот раз вместе с президентом секции Луве Дюбуа. Комитет утверждал, что закон запрещает общему собранию судить о делах революционного комитета. Дидо в то время было всего двадцать пять лет и помимо того, что он был секретарем собрания, он председательствовал в комиссии по селитре¹⁰⁴. Подобного рода конфликтная ситуация между революционным правительством и его агентами в секциях, с одной стороны, и секционными собраниями — с другой, будет не раз возникать до тех пор, пока весной 1794 года собрания не окажутся отброшенными Большими комитетами на обочину.

Для большинства санкюлотов, однако, гораздо большую опасность представляла не узурпация власти на местах Великими комитетами, а контрреволюция. Эбер атаковал Демулена, написавшего, что каждый казненный оставляет после себя множество новых врагов для республики — из числа членов своей семьи и друзей. Без гильотины (т.е. без террора), возражал Эбер, в живых не осталось бы ни

одного якобинца¹⁰⁵. Конфликт между этими двумя людьми, отражавший существование двух различных политических линий, — одна из драматических страниц в истории обеих фракций.

По сообщению Латур-Ламонтаня, именно Дантон и Робеспьер клеймили фракцию сторонников Эбера как «ультрареволюционеров», заявляя, что члены этой группы готовили заговор против республики. Люди, подслушанные им в кафе, по существу подозревали Эбера и его единомышленников в отравлении Робеспьера. Полицейский наблюдатель ссылаясь на неизвестного, утверждавшего, что «именно они [ультрареволюционеры] говорят, что Робеспьер — вышедший в тираж патриот; именно они стремятся провести мерзкую и бесчестную границу между патриотами 1789 и 1793 годов». Какой бы меркой и бесчестной эта граница ни была, разделение патриотов существовало в действительности, и будущий конфликт между фракциями подтвердит это.

Все жалуются на аресты хороших патриотов, продолжал неизвестный собеседник Латур-Ламонтаня, хорошие граждане, отдающие свои средства и таланты на благо народа сталкиваются с инквизиторскими расследованиями со стороны новых тиранов. Другой неизвестный успокаивал говоруна, говоря, что Конвент уже открывает глаза на тайные бесчестия этих лжепатриотов. Но уже нет времени, возражал первый: свобода находится под угрозой в Париже в гораздо большей степени, чем на фронте или в Вандее¹⁰⁶.

8 вантоза Перьер описал поразительный инцидент: когда некая хозяйка начала бранить повара за то, что тот считал необходимым гильотинировать огромное количество людей, «решительный патриот» схватил молоденькую дочь хозяйки и, вытащив нож, приставил его к горлу ребенка. Мужчина всего лишь преподал урок: если враги республики победят, сказал он ужаснувшейся женщине, все ее дети погибнут. Смысл его слов был настолько драматичен, сообщал Перьер, что женщина поняла, почему политика террора против врагов республики была необходима¹⁰⁷.

Конфликт между умеренными и патриотами в народных обществах был даже острее, чем на общих собраниях, поскольку санкюлоты стремились контролировать общества, в первую очередь секции-

¹⁰⁴ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 1916, *Albert Soboul, Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire parisien en l'an II Paris, 1985 P 341-342. См. также *Morris Slavin* The Making of an Insurrection P 40-41. Дидо был освобожден 23 термидора II года (10 августа 1794 года), но вновь арестован 5 прерияля III года (25 мая 1795 года) во время так называемого «голодного восстания»

¹⁰⁵ *Pere Duchesne* No 328 Эта статья вышла под следующим заголовком «Великий гнев против бесчестных шкалов, которые хотят мобилизовать всех бандитов и создать новую Вандею, предлагая открыть все тюрьмы и оправдать заговорщиков»

¹⁰⁶ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 297-298

¹⁰⁷ *Ibid* P 355-356

онные клубы. В борьбе между якобинцами и кордельерами большинство обществ, сформированных после 31 мая 1793 года, поддерживало кордельеров, ибо члены обществ считали якобинцев защитниками «снисходительных» или склонными к компромиссам¹⁰⁸. В то же время активисты обществ часто оказывались нетерпимыми не только к умеренным, но даже к тем, кто просто не мог доказать свою причастность к делу революции. Об одном таком случае нетерпимости сообщал Бакон 4 вантоза (22 февраля 1794 года): восьмидесятипятилетний ветеран, желая получить свидетельство о гражданской благонадежности, попросил народное общество секции Вооруженного человека поддержать его кандидатуру. Один из членов общества стал кричать, что старик ничего не сделал для революции, а потому не смеет требовать от собравшихся удовлетворения своей просьбы. «Если вы впустую будете тратить хотя бы минуту времени, вместо того, чтобы принимать участие в революционном движении, то я скажу патриотам “прощайте!” Их конец не за горами», — заявил он. Ему бурно аплодировали, и общество отказало пожилому ветерану. Именно из-за такого рода инцидентов, некоторые граждане хотели, чтобы Конвент принял универсальный закон против «маневров» революционных комитетов, «стремившихся свести счеты с определенными лицами», — писал Ролен¹⁰⁹.

Борьба с умеренными привела к новой чистке. Народное общество секции Лепелетье создало для этой цели комиссию, предоставив в распоряжение национальных агентов все бумаги. Двадцать избранных членов должны были составить отчеты о своей деятельности с 14 июля прежде чем их членство в комиссии будет утверждено¹¹⁰. По сообщению Бакона от 13 вантоза (3 марта 1794 года), народное общество секции Бонконсейль было очень многочисленным, когда развернуло чистку. Из двадцати шести подавших заявления на право остаться в обществе удовлетворили только семерых. Шестидесятивосьмилетнего кандидата отвергли, потому что он обратился к президенту «месье» («господин») вместо положенного «ситуаен» («гражданин»). Ему вме-

нили в вину и то, что, разговаривая, он снял головной убор, иными словами не пожелал надеть «колпак свободы», так называемый bonnet rouge (красный колпак фригийского типа), который носили санкюлоты и другие революционеры. Женщины выразили неудовольствие, но это не помогло. Некий шут, известный как хороший патриот, был отвергнут после того, как против него выступил председатель. Один отвергнутый кандидат под шум и смех зала заявил: «До свидания, друзья мои, можете и дальше не верить мне. Я тоже не буду доверять самому себе». Были слышны разговоры женщин о том, что все это не может так продолжаться. Происходившее было простым надувательством¹¹¹.

«Братское общество патриотов обоих полов, защитников конституции» 10 вантоза приняло постановление, запрещающее прием в общество любого «священника, дворянина, банкира или биржевого агента»¹¹². Умеренные со своей стороны апеллировали к гуманизму, стараясь обуздать своих оппонентов. Три члена секции Предместья Монмартр наивно признали, что во время демонстрации 20 июня против короля, они не были уверены в том, к какой партии примкнуть. Революционный комитет секции арестовал их и в обращении от имени общего собрания объявил, что умеренные нанесли больше вреда, чем аристократы. Комитет утверждал, что призыв к гуманности может лишь расколоть патриотов и что революционные меры наводят ужас только на человека без «души, который лишен любви к стране, короче говоря, только на умеренных»¹¹³. В той же секции 11 вантоза член революционного комитета Камю выступил за исключение не только умеренных и врагов революции, но и всех, кто ничего не сделал для революции, всех, чью «фальшивую жалость», т. е. лицемерную сострадание к жертвам террора он подверг резкой критике. «Великодушные и снисхождение в отношении этих трусливых существ должны рассматриваться как преступление», — заявил он. Более того, восхваляя роль народных обществ, в которых «слабый человек укрепляет и наставляет себя», он заявлял о необходимости очистить эти общества от умеренных¹¹⁴. Следует заметить, что вопрос «что ты сделал для револю-

¹⁰⁸ Morris Slavin The French Revolution in Miniature Section Droits de l'Homme, 1789-1795 Princeton, 1984 P 319-343

¹⁰⁹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 266, 287

¹¹⁰ Народное общество секции Лепелетье — Nouv. acq. fr., 2662, f. 63, BN Согласно его протоколу от 4 вантоза (22 февраля 1794 года), это общество было создано в 1790 году 7 вантоза общество заслушало петицию секции Неделимости относительно экспроприации собственности у арестованных, но ничего не предприняло по этому поводу. В целом в общество были приняты восемьдесят девять человек, по тридцати восьми дела были отложены, сорок шесть кандидатур отклонены. Albert Soboul Sans-Cullottes P 701

¹¹¹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 43

¹¹² Albert Soboul Sans-Cullottes P 701

¹¹³ Soutien aux patriotes, guerre aux moderes Discours prononce de Quintidi de la premiere decade Ventose, à l'Assemblée generale du F. B. Montmartre Paris, 5 Ventose P 4 — Lb 40 1818, BN «Но эти трусливые умеренные, которые не осмеливаются показать свои лица, напуганы революционными мерами» Ibid P 7

¹¹⁴ Discours prononce par C. Camus à la Société populaire de la section Constante du faubourg Montmartre Paris, 11 Ventose — Lb 40 2438 BN Секция опубликовала 500 копий этого обращения, подписанного Жоржем, председателем, и Бюреттом, секретарем

ции?» часто задавался во время допросов тех, кто хотел стать членом обществ¹¹⁵.

Народное общество секции Ломбардцев отвергло комиссара Управления по распределению одежды, несмотря на то, что он обладал свидетельством о гражданской благонадежности, подписанном десятком членами революционного комитета, и восемь граждан ручались за него как за честного человека и подлинного республиканца. Причина, по которой это произошло, заключалась в том, что комиссар «произнес резкую обличительную речь» против некоего гражданина, оскорбившего его. (Бакон называет этого гражданина «лицемером») Многие присутствовавшие женщины называли этого кандидата «одним из лучших патриотов». Будучи отвергнутым, он покинул зал в слезах, после чего в зале в течение двух часов царил беспорядок¹¹⁶.

Аналогичный инцидент произошел в народном обществе секции Бонконсейль 23 вантоза. Плотник Леонар, которого сограждане три раза избирали капитаном своего батальона и вскоре должны были выбрать народным судьей, был отвергнут на том основании, что был «немного придурковат». В результате раздался шум и крики. Многие слышали, как покидая зал, капитан воскликнул: «Как это может быть, чтобы ко мне, патриоту 14 июля, относились подобным образом?» Женщины с негодованием обвинили «чиновников» общества в том, что те фальшивые патриоты, отвергающие «прекрасного республиканца, чтобы разобщить нас». Выходя из зала, Бакон слышал, как четверо женщин обсуждали событие. Одна из них заявила: «Люди говорят, что готовится ряд камер в тюрьме. Действительно, надо бы надавать тумачков этим членам клуба за то, что они создают опасных врагов тем, что исключают хороших патриотов во время своих чисток»¹¹⁷.

Патриоты, ответственные за произвольные по своей природе отказы в приеме кандидатов, утрачивали популярность среди обычных граждан. Слишком часто подобные отказы означали изъятие у лиц, отвергнутых народными обществами, свидетельств о гражданской благонадежности. По сообщению Латур-Ламонтаня от 1 вантоза, некий гражданин возмущался тем, что, принеся столько жертв на алтарь революции, он все еще не мог найти работу, ибо революцион-

ный комитет его секции не выдавал ему свидетельство о гражданской благонадежности до тех пор, пока его не примут в народное общество. «Я предпринимал . . . все возможные усилия для того, чтобы вступить [в клуб] моеи секции, но влиятельная кабала, руководимая революционным комитетом, неизменно отвергала меня», — цитировал его слова полицейский наблюдатель. По донесениям Латур-Ламонтаня, многие комитеты действовали подобным образом. Хотя полицейский шпион и отмечал, что закона, запрещавшего людям, пусть и не членам обществ, получать свидетельства о гражданской благонадежности, не было, он, тем не менее, признавал, что произвольные действия народных обществ усиливали их влияние, подрывая, тем самым, юридические основы общих собраний. Он считал, что люди начинали игнорировать эти собрания, так как интриганы превращали общества в центры социальной жизни для того, чтобы легче контролировать секции¹¹⁸.

Подобная ситуация подрывала и позиции Клуба кордельеров, к которому примыкали многие народные общества. В то же время она облегчала якобинцам достижение окончательной победы над кордельерами. Возмущение, которое якобинцы могли использовать и которое вынуждало хороших республиканцев-членов секции отказываться в поддержке кордельерам, хлестало через край. По данным Ролена, 7 вантоза (25 февраля 1794 года), например, якобинцы исключили из своей организации 400 братских обществ. Многие, похоже, одобрили это, ибо находились в принципиальной оппозиции к этим обществам. Ролен проницательно замечает в этой связи: люди говорят, кордельеры стали враждебны якобинцам, и скоро будет только одно общество. Более того, он доносит об анониме, полагавшем, что кордельеры находились в состоянии раскола. Этот же аноним считал, что лишь меньшинство кордельеров были благожелательны к якобинцам. Через два дня Ролен доносил, что, по мнению некоторых людей, кордельеры уничтожат якобинцев, так как большинство секционных обществ шло за ними¹¹⁹. Конечно, произошло прямо противоположное, но для нас важно, что во время, о котором идет речь, многие уже осознавали различия между двумя организациями. По сообщению Ролена от 2 вантоза, по городу ходили слухи о том, что граждане из народных обществ Парижа «вооружались про-

¹¹⁵ См. Faubourg du Nord, n d — AA/266, f 194, APP. Среди других вопросов были: «Каким образом ты поддерживаешь революцию? Какого было твое состояние до 1789 года? Каково твое нынешнее состояние? Есть ли у тебя свидетельство о гражданской благонадежности?»

¹¹⁶ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 44

¹¹⁷ Ibid P 267-268

¹¹⁸ Ibid Vol IV P 208

¹¹⁹ Ibid Vol IV P 322, 360-361

тив Якобинского общества»¹²⁰. Хотя Ролен и считал, что эти сплетни распространялись злоумышленниками, они безусловно имели под собой основание.

Нараставшая враждебность якобинцев к секционным обществам вынудила последние продемонстрировать свой народный характер, дав якобинцам понять, что они на самом деле открыты для всех. Ведь уже 9 брюмера (9 ноября 1793 года) Робеспьер подверг критике секционные общества как недостаточно патриотичные. «Сегодня, — заявил он, — все роялисты являются республиканцами, все бриссотинцы являются монтаньярами». 6 нивоза (26 декабря 1793 года) он восхвалял Якобинское общество и его филиалы. «Так называемые народные общества, растущие как грибы с 31 мая, являются ублюдочными и не заслуживают своего святого имени», — объявил он¹²¹.

К весне 1794 года многие народные общества самораспускаются под давлением якобинцев. А пока секция Улицы Пуассоньер заверила Коммуну в том, что ее двери открыты всем республиканцам¹²². Электоральный клуб, заседавший в Епископстве (во дворце архиепископа), 7 вантоза издал циркуляр, убеждая своих читателей в том, что он принимает в качестве филиалов только те общества, членство в которых не ограничено одной секцией, а открыто для всех. Это заявление еще раз отразило антагонизм между патриотами 1789 и 1793 годов¹²³.

Если, как считают многие историки, якобинцы отражали исторические интересы буржуазии, то Клуб кордельеров защищал интересы санкюлотов. Помимо этих классовых столкновений, имели место и расхождения по таким принципиальным вопросам, как ведение войны, террор и прочее. Нельзя приуменьшать и разногласия между личностями или институтами — например, между революционными комитетами и общими собраниями или международными обществами и Якобинским клубом.

Вот что писал почитатель Парижской коммуны: «Якобинцы сформировали республиканскую организацию, жесткую, холодную,

недоброжелательную, дочь Судьбы и обстоятельства; что же касается [организации] кордельеров, то она выражала напор и инициативу. Подобную организацию всегда можно найти во главе великих движений революции»¹²⁴. Полицейские наблюдатели знали об этих растущих разногласиях и доносили о них. 9 плювиоза (28 января 1794 года) Ле Аригель писал: «Люди много говорят о скором роспуске народных обществ. По их словам, у комитетов общественного спасения и общей безопасности есть серьезные основания для того, чтобы спровоцировать этот роспуск: *это единственная возможность сконцентрировать власть в одних руках*»¹²⁵.

19 плювиоза (7 февраля) Гривель доносил о настоящем расколе двух организаций. Франсуа Никола Венсан, секретарь Военного министерства и ведущий кордельер, предложил клубу принять обращение к Конвенту, в котором содержалась просьба предоставить часть властных функций революционных комитетов народным обществам в секциях. Этот документ получил одобрение большинства членов Клуба кордельеров, решивших затем ознакомить с ним другие организации, чтобы заручиться их поддержкой. Гривель делает следующее важное заключение из этого предложения: «Таким образом, есть два общества, абсолютно различные по своим взглядам, своим представлениям и своим резолюциям. Одно [кордельеры] хочет подавить революционные комитеты, другое [якобинцы] хочет подавить все клубы в секциях. Последнее находит порок радикализма в эксцентричных постановлениях этих различных обществ и федералистскую атрибутику в их территориальных названиях. Общества упрекают за постоянное расширение границ, в которых им следовало бы самоопределяться, за присвоение права судить о подлинности свидетельств о гражданской благонадежности, за влияние на выборы, определение доли контрибуции, решение вопросов ареста и заключение граждан под стражу»¹²⁶.

Конвент и его комитеты вряд ли позволили бы кому-либо подорвать их власть; не могли этого допустить и их сторонники в Якобинском клубе. Тем не менее, опасность того, что антиправительственные действия могли получить массовую поддержку, существовала до тех пор, пока кордельеры сохраняли свое влияние. Есть доказательства того, что санкюлоты в народных обществах и особенно наиболее активные и политически сознательные из них, заседавшие в Клубе кордельеров, выступали против централизованной политики пра-

¹²⁰ Ibid Vol IV P 245

¹²¹ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 503-504, 18 Brumaire (November 9, 1793) и 578-581, Journal de la Montagne Nos 45 и 46, 8 and 9 Nivôse (December 28, 29, 1793) P 356-358 и 363-364, Moniteur Vol XIX (December 31, 1793) P 86-87 (заседание 6 нивоза) Отчет об интересной дискуссии по этому поводу, в ходе которой якобинец Сентекс защищал роль народных обществ против Кутона, Дюфурни и даже Эбера см Moniteur Vol XIX No 132 (January 31, 1794) P 337-338

¹²² Journal de la Montagne No 105 (February 26, 1794) P 835

¹²³ Albert Soboul Sans-Culottes P 703 Les membres composant la société populaire du Club seant à tous les zeles partisans de la Revolution — AD XVI 70, AN

¹²⁴ G. Tridon Les Hebertistes P 43 Тридон был членом Парижской коммуны 1871 года

¹²⁵ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol III P 194 Выделено М. Славным

¹²⁶ Ibid P 369-370

вительства. Ведь со времени неудачной попытки Коммуны 14 фримера (4 декабря 1793 года) установить контроль над секциями, секционные активисты все больше теряли свое влияние¹²⁷.

Усилия, направленные на объединение обоих обществ, не привели к разрешению разногласий. 8 вантоза делегация кордельеров прибыла в Якобинский клуб, чтобы принести клятву братского союза¹²⁸. Однако через два дня Беро сообщил, что их акция не была вдохновлена «любовью». Он слышал, как люди в кафе, завсегдатаем которого он являлся, судачили о попытке кордельеров убедить якобинцев пожертвовать Демуленом, ярким критиком Эбера. Кто-то высказывал мысль о том, что большинство кордельеров не до конца поддерживает Венсана. Кто-то заявлял, что все народные общества ведут себя одинаково: все возглавляются бывшими аристократами, «пламенно говорящими» ныне «о своем общественном поведении» для того, чтобы безраздельно наслаждаться своим (привилегированным) положением¹²⁹. Таким образом, трещина между двумя клубами разрасталась все шире.

Безусловно дефицит товаров первой необходимости привел к тому, что люди потеряли терпение. Голод и нехватка товаров утомляли и озлобляли санкюлотов и других потребителей. Их жертвы на благо родины, добровольное пожертвование селитры, участие в политической жизни в секциях, все это имело свои границы. Фракционная борьба и разобщение между патриотами в то время, когда страна по-прежнему находилась в состоянии войны, казались неблагоприятными. Вдвойне безответственной была критика комитетов, порождавшая сомнения в умах населения. Престиж Робеспьера был постоянно высоким; следовательно, нападение на него или на Якобинский клуб, чьим глашатаем он являлся в глазах многих людей, мало чем отличалось от предательства.

Однако у кордельеров и других народных обществ, секций и Коммуны были и свои интересы. Могли ли они пожертвовать своей независимостью и ролью защитника санкюлотизма ради революционного правительства? Долгое время они считали депутатов Конвента

своими доверенными лицами и представителями. Вместе с тем члены Конвента играли более важную роль, и у них не было желания капитулировать перед членами клубов и их союзниками. Вопрос оставался прежним: долго ли может длиться это нестабильное балансирование?

¹²⁷ B & R Vo XXX P 306, 309 С созданием Конвентом института национальных агентов власть Парижской коммуны была значительно ограничена

¹²⁸ Journal de la Montagne No 108 (March 1, 1794) P 860

¹²⁹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 347, 385 (доклады Дюга и Беро) 18 вантоза (8 марта 1794 года) Ролэн писал, что внутри Якобинского клуба существовали две партии, одна из которых готова была арестовать Робеспьера, Дантона, Лежандра и других. Он предупреждал, что люди опасаются гражданской войны Ibid Vol V P 144

Глава 3

ВАНДЕЯ И ФРАКЦИОННЫЕ КОНФЛИКТЫ

Если разногласия между кордельерами и якобинцами и были глубокими, еще более серьезными являлись расхождения между «снисходительными» и кордельерами. Здесь имели место не только обычные столкновения личностей, хотя и это нельзя сбрасывать со счетов. Взгляды Дантона, Демулена, Филиппо, Франсуа Луи Бурдона (из Уазы) и других коренным образом отличались от взглядов Эбера, Ронсена, Венсана, Моморо и их сторонников в Клубе кордельеров¹³⁰. В то время, как более радикальные санкюлоты настаивали на том, что менять политику террора нельзя, а если что-то с террором и надо делать, так это только его усиливать, их «умеренные» оппоненты выступали за его свертывание, настаивая на освобождении заключенных, взятых под стражу за контрреволюционные преступления, действительные или мнимые. (Следует добавить, что нет никаких свидетельств того, что, оказавшись «умеренные» у власти, они проявили бы снисходительность к своим врагам). В начале 1794 года между кордельерами и «филиппотистами», если использовать саркастическое выражение Эбера, велась непрекращавшаяся жестокая война.

За год до того, в марте 1793 года, кризис в Вандее уже очертил основные направления борьбы между двумя партиями. Вандея, как видно на карте Франции, — приморский департамент на западе страны, на берегу Атлантического океана. Этот департамент, решительно выступавший против республики и мобилизации граждан на службу в армии, восставал несколько раз. В регионе разразилась гражданская война между крестьянами, возглавлявшимися монархистами и священниками, и войсками Конвента. В результате конфликта само название департамента стало синонимом контрреволюции. Чтобы подавить восстание, Конвент должен был вести жесточайшую войну, в ходе которой имена многих военных оказались покрыты позором. Споры о том, как расправиться с мятежниками, начались вскоре после того, как в Военном министерстве произошли серьезные изменения вслед за предательством генерала Дюмуре. (Дюмуре, потерпев ката-

строфическое поражение при Неервиндене 18 марта 1793 года, заключил предательский мир с австрийцами, согласившись двинуть армию на Париж; его солдаты, однако, отказались последовать за ним, после чего 5 апреля он бежал к врагу). Жан Батист Ноэль Бушотт, нестигаемый республиканец, симпатизировавший санкюлотам, сменил на посту военного министра Пьера Бернонвиля. Набирая кадры своего министерства, он окружил себя многими сторонниками Жана Никола Паша, мэра Парижа и твердого монтаньяра. В эту группу входил и член Клуба кордельеров Венсан, назначенный генеральным секретарем Военного министерства. Это был важный пост, дававший Венсану возможность взять на работу в свой офис сочувствовавших кордельерам, выгнав тех, кто не разделял его взгляды.

На должность своего первого адъютанта Бушотт пригласил Ронсена, будущего командующего Революционной армией. 9 мая 1793 года Временный исполнительный совет (предшественник Комитета общественного спасения) направил Ронсена в Тур, где он возглавил операцию против вандейцев.

Шарль Филипп Ронсен, сын бондаря, родился в Суассоне 1 декабря 1751 года. До семнадцати лет обучался в коллеже, затем, в 1768 году, поступил в пехотный полк. Он оставался в армии до 1772 года. Будучи простолюдином, при старом режиме он не мог получить чина выше сержантского, а потому уехал в Париж. Там он начал сочинять пьесы, одна из которых была прочитана труппе Комеди Франсез, но так и не принята к постановке. Писал он и другие произведения, и хотя публиковал их, но большим успехом не пользовался. Занимался он и поэтическими переводами¹³¹.

11 июля 1789 года Ронсен был избран капитаном буржуазной гвардии своего района и в августе опубликовал памфлет против Марии-Антуанетты, озаглавленный «Австрийская Мессалина». Тем не менее, как многие революционеры, он восхищался Людовиком — лучшим из монархов. На празднике Федерации (14 июля 1790 года) была поставлена его комедия в стихах «Торжество свободы, или Обед патриотов», в которой речь шла об объединении привилегированных классов с народом. Эта комедия отражала его новые политические взгляды. 23 июня 1792 года состоялась премьера его трагедии в пяти актах «Аретафиль, или Революция Сирены». Среди строк, вызвавших аплодисменты, были и такие, адресованные тирану: «Без тебя люди всё, ты же без них ничто». В этих словах нашло отражение его новое политическое мировоззрение.

¹³⁰ Об этих людях будет говориться ниже, будут даны и их краткие биографии

¹³¹ General Herlaut Le General rouge Ronsin (1751-1794) La Vandee, l'armee revolutionnaire parisienne Paris, n d P 3-13, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI P x

Вскоре после этого Ронсен вступил в клубы якобинцев и кордельеров. 11 августа 1792 года, после свержения монархии, он произнес клятву верности нации перед Моморо, будущим президентом Клуба кордельеров, являвшимся в тот момент председателем секции Французского театра. Затем он был назначен одним из тридцати комиссаров в армию для организации обороны департамента Сены и Марны. Ему, похоже, благоволила удача во всех его начинаниях. Он демонстрировал храбрость и твердость, участвуя в ряде сражений. Паш вскоре предложил ему пост комиссара во французской армии в Бельгии, но он ответил, что надеется получить более высокую должность¹³².

Как комиссар Исполнительного совета Ронсен прибыл в Бельгию, где в ноябре 1792 года участвовал в битве при Жемаппе, хотя впоследствии никогда не хвастался тем, чем сражался там. Вскоре между Дюмуре и Конвентом разгорелся спор по поводу контроля над снабжением армии, т.е. над тем, к обладанию чего генерал Дюмуре стремился изо всех сил, желая чувствовать себя независимым от руководства со стороны гражданских лиц. У правительства, однако, не было намерений предоставить ему такие полномочия, и оно арестовало двух помощников Дюмуре. В результате Ронсен стал главным уполномоченным по снабжению армии.

Получив новое назначение, Ронсен обнаружил, что французская армия испытывала недостатки почти во всем. Он предпринял героические усилия для того, чтобы собрать деньги и все необходимое для снабжения, конфисковав собственность короны и церкви (т.е. осуществил то, что Дюмуре сделать отказывался под предлогом того, что не был сведущ ни в чем, кроме военных дел). После вынужденной эвакуации французов из Бельгии, генерал Клод Везу с удивлением обнаружил склады, забитые одеждой и сапогами, т.е. всем тем, чего, как считали в армии, у них не было. Это говорит о том, что Ронсен мог делать большие запасы, но у него не хватало организаторских способностей, чтобы наладить доставку обмундирования со складов на фронт¹³³.

¹³² *General Herlaut Ronsin* P 15-21, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P x-xi

¹³³ Везу, которого звали Жан Барт, в своих показаниях 15 марта 1794 года обвинил Ронсена в саботаже и предательстве. Капитан Анри Ври, заявил, что был удивлен, обнаружив про толовские организации. Другими свидетелями были Поль Ше, бывший испанский консул в Остенде, Александр Санныль, парижский торговец, находившийся в Льеже, и Николя Мишель Жюливе, чиновник ведомства военного транспорта. Многие также свидетельствовали против Ронсена как некомпетентного человека, закатывавшего пьяные оргии. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2271, 2272, 2275, 2279, 2291. Многие в этих показаниях вызвали сомнение, поскольку даны они были в период первого ареста Ронсена, когда ряд свидетельских признаний был очевидно, сделан под давлением, а, возможно, и из желания понравиться властям. *General Herlaut Ronsin* P 28-29, 35-36, 46, 51, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P xi

Прибытие Ронсена в Вандею не привело к объединению военного командования, так необходимого для республиканских армий. Отсутствие четкого разграничения власти, осуществляемой представителями в миссии (депутатами Конвента, посланными в войска и департаменты и наделенными неограниченными полномочиями проводить реорганизации и осуществлять контроль) и их конкурентами, агентами Исполнительного совета, обострялось разногласиями в Генеральном штабе армии между отдельными генералами и самими представителями. Хаос, который эти разногласия вызывали, в огромной степени объясняет то поражение, которое республиканцы потерпели 9 июня 1793 года при Сомюре.

Военный советник Ронсена, генерал Александр Бертье, предлагал одновременно атаковать восставших вместо того, чтобы маршировать против них отдельными республиканскими колоннами. Сам этот план частично отражал недовольство Ронсена тем, что у армии не было генерального плана кампании. Отсутствовало и централизованное командование, на что Ронсен обратил внимание сразу же по прибытии на место. Ронсен был готов принять командование на себя, но протезе Дантона, генерал Арман Луи Бирон получил этот пост вместо него. Был ли Бирон готов вести эту войну, неизвестно, поскольку вступил в переговоры с восставшими прежде, чем начал кампанию.

Катастрофа при Сомюре заставила республиканскую армию реорганизовать свои Генеральный штаб. Ронсен пытался объяснить причины поражения, но Комитет общественного спасения не принял его объяснения, приказав ему вернуться в Тур. Между тем генерал Бирон пожаловался Бушотту, что агенты Исполнительного совета проповедуют недисциплинированность и неподчинение власти. Он попросил, соответственно, дать ему командование другой армией. Однако один из представителей в миссии, Пьер Рене Шудье, обвинил Бирона в безынициативности, восхвалив при этом достоинства Ронсена. Коллеги Шудье, представители в миссии, Бурдон (из Уазы) и Жан Франсуа Мари Гупийо де Фонтане, с другой стороны, выступили против Бушотта и Ронсена, настаивая на их смещении. Ситуация осложнилась тем, что вандейцы захватили Анже, создав непосредственную угрозу Нанту.

Военная комиссия, состоявшая из представителей в миссии и генералов, раскололась по вопросу о том, как лучше защищать город. Гупийо де Фонтане выехал в Париж, чтобы заявить в Комитете общественного спасения, что Бирон, отказавшийся принять план миссии, был лучшим из всех имевшихся на тот момент генералов.

Шудье представил иную картину. 1 июля он отверг аргументы Гупийо и Бирона, горячо защищая Ронсена, его агентов и Бертье. Начало восстания федератов против Парижа привело к тому, что Комитет выступил на стороне Шудье, поддержав операционный план военной комиссии. Таким образом, Комитет отменил свое собственное решение. 29 июня 1793 года республиканские армии отразили нападение вандейцев на Нант. В течение четырех дней Ронсен был повышен с капитана до командира эскадрона, генерал-адъютанта и, наконец, до бригадного генерала¹³⁴.

Успешная оборона Нанта не положила конец разногласиям в рядах республиканцев. Жаркий спор разгорелся вокруг ареста полковника-лейтенанта Жана Россиньоля, самого что ни на есть санкюлота по происхождению. Он родился 7 ноября 1756 года, последним в семье из пяти детей. Его отец, транспортный агент, умер, когда Жану было девять лет; его мать была почтальоншей или торговым агентом. Он учился в церковной школе, но оказался замешан в какой-то неприятной истории, после чего решил пойти в обучение к ювелиру. В возрасте четырнадцати лет он ушел от своего мастера-буржуа и уехал в Бордо, где поступил на работу к купцу-ювелиру. Его выгнали через неделю, и он уехал в Ля Рошель, где, проработав два месяца, вновь потерял место из-за того, что покалечил какого-то рабочего в драке — типичный пример его поведения на протяжении нескольких лет. Вскоре после этого он вернулся в Париж¹³⁵.

Молодой Россиньоль какое-то время работал, а затем решил записаться в армию. Он стал рядовым в пехотном полку Руссийона, дислоцированном в Дюнkerке (1775 год). После ряда драк и дуэлей он повздорил со своим капитаном из-за того, что тот не отпускал его из армии. В результате его посадили под арест, и от военного суда и вероятного повешения он был спасен только благодаря тому, что капеллан и жена капитана вмешались в это дело будучи на его стороне. Россиньоль был приговорен к шести месяцам тюрьмы, но освобожден менее чем через месяц. Он продолжал провоцировать ссоры и драки и, находясь в отъезде в Париже, за шесть месяцев «обнажал шпагу» семь раз. Вернувшись в свой полк, готовившийся к отплытию в Вест-Индию из порта Брест, он заболел, в результате чего не смог отплыть со своими товарищами. Он остался в Бресте, где был тяжело ранен в драке с моряками. Только через шесть месяцев ему

удалось оправиться, однако это ранение будет давать знать о себе постоянно. Новые дуэли и раны приковали его к госпиталю, где его оперировали дважды, в результате чего он так и не смог отправиться в Вест-Индию¹³⁶.

Россиньоль писал, что, как и другие солдаты, он был вынужден заниматься контрабандой солью для того, чтобы заработать на жизнь. Он по-прежнему дрался и должен был продать все свои вещи, чтобы расплатиться с долгами, которые, по его словам, он не делал. В дополнение к несчастьям, свалившимся на него, его полковник, религиозный фанатик, заставлял своих солдат молиться утром и вечером и посещать полковые службы по воскресеньям. Солдаты из других полков издевались над товарищами Россиньоля как над «капуцинами». В конце концов Россиньоль с досады комиссовался из армии¹³⁷.

По признанию Россиньоля, когда вспыхнула революция, он ничего не знал ни о политике, ни о революциях. Прошло немного времени, прежде чем возбуждение, царившее на улицах, заставило его поддержать третье сословие. Он видел, как грабили дом богатого обойщика Ревейона, который, по слухам, хотел снизить зарплату своим рабочим. Он присутствовал при избиении бунтовщиков французскими гвардейцами и наблюдал, как швейцарские наемники стреляли в народ, который бросал в них кирпичи из окон. Ненависть, которую питали к французским гвардейцам обитатели предместья Сент-Антуан, была так велика, что никто из солдат не осмеливался патрулировать этот район.

12 июля 1789 года Россиньоль зашел в ресторанчик выпить с друзьями, где услышал о волнении в городе. Толпы людей на улице кричали: «Да здравствует третье сословие!» Россиньоль и его товарищи братались с ними. На следующее утро на улице Сент-Оноре он присоединился к большой толпе, вооруженной всеми видами оружия. По мере того, как он слушал ораторов в Пале-Рояль, он начал понимать и принимать их призывы. Между тем, люди делали все возможное, чтобы приобрести больше оружия, но им это не удалось¹³⁸.

14 июля Россиньоль попытался уговорить взвод французских гвардейцев последовать за ним к Бастилии. Ему не повезло, тогда он сам пошел туда и принял участие в штурме. В своей «Правдивой жиз-

¹³⁴ *General Herlaut* Ronsin P 73-80, 87-96, 97-100, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P xiii-xiv

¹³⁵ *Victor Barrucand*, ed. *La Vie véritable du citoyen Jean Rossignol (1759-1802)* Paris, 1896 P 1-5

¹³⁶ *Ibid* P 20-32, 33-42, 43-52

¹³⁷ *Ibid* P 53-61, 62-64

¹³⁸ *Ibid* P 70-72, 73-75

ни» он описал эту баталию: вскоре после двух тридцати пополудни прибыли два отделения французских гвардейцев, которые открыли огонь по швейцарцам, охранявшим крепость. Дети таскали пушечные ядра, а женщины порох. Кто-то из крепости замахал белым платком. Тогда толпа подалась вперед, думая, что швейцарцы сдались, но в нее ударило ядро, а защитники вновь открыли огонь. Толпа притащила пушку и начала палить из нее. В конце концов швейцарцы решили сдаться, но Россиньоль был против принятия их капитуляции, памятуя об их предательской стрельбе по толпе. Тем не менее подъемный мост был опущен, и толпа ринулась в крепость. Несколько человек оказалось при этом раздавленными. Россиньоль в течение двух недель после этого был болен, возможно, из-за того, что дала знать о себе его старая рана или его операция. Подытоживая опыт, он утверждал, что «победителей Бастилии» было не более 600 человек, хотя, по официальным данным, их число равнялось 863. Он добавлял, что награды получили лишь богатые и трусливые, в то время как признания заслуживали рядовые санкюлоты: ведь только они одни находились там, где было опасно¹³⁹.

Продолжая свой интересный рассказ о событиях революции, участником которых он был, Россиньоль сообщает следующее. Будучи гренадером только что сформированной Национальной гвардии (он не сообщает нам, в каком ранге служил), он участвовал в знаменитом марше женщин на Версаль 5 и 6 октября 1789 года (гвардейцы тогда сопровождали женщин). Он описал столкновение с гвардией короля, закончившееся только после того, как королевская семья появилась на балконе, чтобы на следующий день быть увезенной в Париж. Россиньоль агитировал за принцип равенства в гвардии, требуя, чтобы солдаты получали такую же пищу, как и офицеры, и чтобы гренадерам платили равное с волонтерами жалование. В военной школе он выступил против продвижения по службе бездарных офицеров, которые позже расставили ему ловушку, сфабриковав от его имени письмо, направленное против солдат. Он, однако, смог убедить солдат в своей невиновности, так как офицеры отказались предъявить оригинал письма.

Вскоре после этого Россиньоль бросил школу и 20 августа 1791 года поступил на службу в батальон своей секции. Похоже, что он носил чин сержанта до 10 августа. Затем он вновь повздорил с вышестоящим командиром, неким Гуллином. Парижская коммуна назначила комиссию, чтобы расследовать его обвинения против Гулли-

на, однако он сам же и был признан виновным, после чего на заседании Генерального совета его криками заставили замолчать¹⁴⁰.

23 марта 1793 года Временный исполнительный совет приказал Россиньолю оправиться в Вандею. Теперь он уже был капитаном жандармерии 35-й дивизии. Вскоре он получил чин полковника-лейтенанта. Ряд неудач республиканских войск привел к тому, что его повысили в звании до генерала, что свидетельствовало о нехватке профессиональных офицеров в период революции. Один из его знакомых генералов, Луи Мари Тюрро, писал, что назначение Россиньоля привело в ужас вандейцев, знавших, что этот республиканский генерал не пойдет на компромиссы. Тюрро также считал, что выдвижение плебея поднимет мораль республиканских армий.

Назначение генерала Ронсена командующим вновь организованной Революционной армией, начавшей борьбу с контрреволюцией в тылу, открыло путь для дальнейшего продвижения Россиньоля. Эта армия, за формирование которой давно выступали радикалы, была организована Конвентом после успешных массовых демонстраций санкюлотов 4 и 5 сентября 1793 года. Пост генерала-командующего войсками в Вандее был тогда вакантен, и Ронсен порекомендовал на него Россиньоля. Последний был «смелым, искренним, преданным и бескорыстным», писал Тюрро, но ему не хватало таланта командующего армией. Россиньоль сам признал это, отклонив предложение, но давление со стороны сослуживцев и подчиненных вынудило его в конце концов принять назначение¹⁴¹.

Хотя Моморо, комиссар Временного исполнительного совета, и призывал выдвигать командиров-республиканцев, назначение на командные должности людей такого низкого происхождения, как Ронсен и Россиньоль, внесло раскол в среду генералов. Многие старшие офицеры считали ниже своего достоинства служить под их командованием из-за их санкюлотовского прошлого. Некоторые просто смотрели на них как на профессионально неспособных быть командующими. Генерал Тальбо, например, называл Ронсена «хвастуном, шпионом, завистливым и опасным человеком»¹⁴².

Такое же различие во взглядах имело место среди представителей в миссии. Филиппо, Бурдон (из Уазы) и оба Гупийо (де Фонтане и де

¹⁴⁰ Ibid P 92-97, 98-112 113-117, 118-122, 127-130

¹⁴¹ Баррукан (*Victor Barucand*, ed. Rossignol P 119-200) цитирует мемуары Турпо (*Memoire pour servir a l'histoire de la guerre de Vendee*)

¹⁴² General Herlaut Ronsin P 113. Тальбо был поражен, когда Ронсен назначил актера Граммонна, генерал-адъютантом урядов, таким образом этого последнего с самим Тальбо «Вот и он, одного положения со мною. Какая жалость!»

Монтаю) резко возражали против таких выдвижений. С другой стороны, Шудье, Жозеф Этьен Ришар и Пьер Бурботт поддерживали Ронсена и Россиньоля, горячо защищая их в Комитете общественного спасения и в Конвенте. Шудье, например, понимал, что назначение «неприметного плебея» вместо такой «важной персоны», как генерал Бирон, «могло произвести впечатление шока». Но он также знал, что на ронсеновского начальника штаба Бертье, будущего начальника штаба у Наполеона, можно было положиться как на человека, который даст своему командиру лучший профессиональный совет. Таким образом, если у Ронсена и Россиньоля имелся хороший план кампании, не было причин, по которым они не могли бы с успехом командовать.

Спор, начавшийся по поводу стратегии и тактики, обострился, когда речь зашла о найме профессиональных солдат. Когда Майнц сдался пруссакам весной 1793 года, в статьях о капитуляции говорилось, что французский гарнизон этого города не мог быть использован против стран Коалиции (Англии, Австрии, Пруссии, России, Испании и некоторых мелких держав) в течение одного года. Это были закаленные в боях войска, которые можно было послать в Вандею. Вопрос состоял в том, кого назначить над ними командующим.

Филиппо попросил у Россиньоля два батальона из войск Майнца, и Россиньоль согласился. Но когда через два дня Филиппо попросил еще два батальона, Россиньоль отказал, мотивируя тем, что это может нарушить линию обороны, установленную его войсками. Злоотреагировав на этот отказ, Филиппо обвинил генерала-санкюлота в желании пожертвовать Нантом¹⁴³. Россиньоль апеллировал к Шудье, вставшим на его защиту. Когда, например, Филиппо стал хвастаться перед Конвентом, говоря: «Все изменилось с тех пор, как я прибыл на место» — Шудье объявил, что Филиппо ни разу не появился во главе колонн, которые ему следовало вести, т.е. никакого участия в сражениях не принимал. С изрядной долей иронии Шудье написал о том, что то, что среди них находился Цезарь-заво-

еватель, но что он [Шудье] только ждал Филиппо, чтобы рассказать всем о его подвигах¹⁴⁴.

Что касается самого военного плана, то как Ронсен, так и Россиньоль, поддержанные Шудье, выступали за сосредоточение всех сил и использование войск Майнца на одном направлении, дабы нанести удар в сердце армии Вандеи. Филиппо вместо этого советовал разделить силы, направив их по окружной дороге между Сомюром и Нантом. По оценкам военных, подобный маневр удлинит бы путь на пятьдесят миль, тогда как можно было нанести прямой удар по вандейцам, до которых было всего лишь миль десять.

Военный совет раскололся, ибо и представителям, и генералам было дано право голоса при определении того, какому плану следовать. Шудье заметил, что только Лазар Карно и Клод Антуан Приёр де ла Кот д'Ор что-то понимали в военных делах. Тем не менее Филиппо убедил Комитет общественного спасения поддержать свой план. Генерал Жак Мену с картой в руках демонстрировал, насколько прямая атака была предпочтительнее любой другой, а Антуан Жозеф Сантерр, бывший «победитель Бастилии» и командир Национальной гвардии, сравнил план Филиппо с предательством Дюмуре. Совет раскололся поровну, и для того, чтобы выйти из тупика, Россиньоль снял свой голос. В результате Филиппо победил, что привело к поражению республиканских сил. Наполеон позднее напишет, что было трудно придумать более абсурдный план. «Развертывание сил в таких огромных масштабах, при хорошем командовании, могло бы, подобно грозному потоку, смести слабые препятствия, возникавшие на их марше», — заявит он.

Отдельные колонны были разбиты, и республиканцы отступили в направлении Ренне. Россиньоль, который был ранен, а потому не мог командовать операциями, заявил на спешно созванном военном совете, что поражение было вызвано отказом генералов выполнять

¹⁴³ *Reponse de Philippeaux a tous les defenseurs officieux des bourreaux de nos freres dans la Vendee, avec l'acte solennel d'accusation, fait a la seance du 18 nivose, suivie de trois lettres ecrites a sa femme de la prison Paris, III* — LB 41 1040 B, BN. Эта девяносто семи страничная брошюра была опубликована вдовой Филиппо после его казни. В ней Филиппо называл доклад Шудье Конвенту «этой чудовишной диатрибой», а также апологией Ронсена, которого именовал «негодяем и висельником» (Р 23, 25–26). Он настаивал на том, что один спас Анже (Р 37–38), пространно отвечая (Р 57–78) на обвинения против него. Его последние три письма жене (Р 93–97), написанные из Люксембургской тюрьмы 31 марта, 1 и 2 апреля 1794 года, довольно трогательны

¹⁴⁴ *Pierre Choudieu a ses concitoyens et a ses collegues [Paris], n. d. — Le 39 64 bis, BN.* Это доклад Шудье и Ришара Конвенту о происшедшем в Ван-дее, он подписан одним Шудье. Шудье начал его с заявления о том, что в течение долгого времени он не решался ответить Филиппо, потому что спор между ними мог сыграть на руку врагам республики, но его мотание вдохновило Филиппо, который удвоил атаки на Шудье, Ришара и других. Поэтому он решился ответить ему.

Шудье организовал свой текст в соответствии с двенадцатью шестью обвинениями, предъявленными ему Филиппо, ответив на каждое из них. С иронией реагировал он на хвастовство Филиппо: ««Все изменилось с тех пор, как я прибыл на место», — скромно написал он Национальному конвенту, проезжая через Анжер» (ibid. Р 3). Шудье настаивает на том, что Филиппо во время военной операции лета и осени 1793 года ни разу не покинул Нант. Он горячо поддерживает Ронсена и Россиньоля на протяжении всего своего отчета (оба генерала-санкюлота боролись против плана Филиппо разделить армию на отдельные ударные силы).

его приказы, а также их личными амбициями. Он объявил о своей отставке, но присутствовавшие на совете представители в миссии отказались принять ее. Приер де ла Кот д'Ор проинформировал генералов о том, что Россиньолю пользуется полной поддержкой Комитета общественного спасения вне зависимости от того, сколько поражений он потерпел. Он также предупредил их, чтобы они не подрывали это доверие, ибо в противном случае они будут нести ответственность за все поражения. После этого Россиньолю был назначен главнокомандующим всех трех армий: Брестской, Западной и Шербурской.

Различия в стратегии, а также нежелание служить под командованием командира-санкюлота дают возможность представить характер разногласий между военными и представителями в миссии, однако нельзя сбрасывать со счетов и более личностные причины, явившиеся не менее значительными. Гупио де Монтаю и его двоюродный брат Гупио де Фонтане владели значительной собственностью в регионе, где проходили боевые действия. Декрет Конвента от 1 августа 1793 года призывал к уничтожению поместий: эта мера рассматривалась как оружие войны против внутреннего врага. Когда Фонтане спросил Россиньоля, собирается ли он проводить в жизнь этот декрет, последний ответил утвердительно, после чего представитель немедленно связался не только с кузеном, но и со своим другом Бурдоном (из Уазы). Все трое депутатов решили снять Россиньоля (в то время еще командира 35-й дивизии) под предлогом того, что он терпел грабежи и вел себя таким образом, что «не только не внушал доверия, но и выглядел бесполезным». Фонтане и Бурдон даже попытались арестовать его по обвинению в грабежах. Столкнувшись с угрозой, Россиньолю уехал в Тур, а затем в Париж. Там он сделал доклад в Комитете общественного спасения, члены которого разрешили ему появиться перед Конвентом на следующий день, 28 августа 1793 года.¹⁴⁵ Заседание, проходившее под председательством Робеспьера, завершилось полным оправданием Россиньоля, а заодно и Ронсена. Этот драматический поворот событий произошел благодаря усилиям представителя в миссии Пьера Бурботта.

Подобно Россиньолю, Бурботт бежал в Париж под давлением Бурдона (из Уазы) и обоих Гупио. Говоря от имени своих коллег,

¹⁴⁵ Ibid. *Victor Barrucand ed. Rossignol* P. 202, 204, 225, 231, 247, 249, 250. *General Herlaut* Ronsin P. 125, 131, 136, 141, 143, 144, 147, 148. В своих Честных воспоминаниях, переизданных в 1795 году, Россиньолю защищал себя против разнообразных обвинений Бурбота (из Уазы), который «никогда не человек утром и воскресает его вечером». Он также цитировал Лежандра, сказавшего о Бурботте: «по цвет его волос меняется в течение дня». *Victor Barrucand ed. Rossignol* P. 286.

Шудье, Ришара, Антуана Мише и Филиппа Огюста Мерлена (по прозвищу де Двэ), он напомнил Конвенту, что Россиньолю вначале отказался принять командование армиями, согласившись только тогда, когда ему обещали помощь, и для того, чтобы не допустить предательства со стороны возможных претендентов на этот пост. Бурботт затем атаковал Бурдона, обоих Гупио и их союзника генерала Тунка, обвинив их в следующем. По его словам, когда он сам спросил их, собираются ли они осуществлять план кампании, с которым был согласен Комитет общественного спасения, они не только заявили ему, что отказываются это сделать, но и угрожали убить всех, в том числе и его, если они будут следовать этому плану. Тогда, сказал Бурботт, он вытащил два пистоля, заявив, что застрелит любого, кто попытается арестовать его. Ему позволили уехать, но не дали никакого эскорта, вследствие чего он чуть было не попал в руки вандейских повстанцев.

После его выступления один из депутатов в зале прокричал: «Легко заметить, что Бурботт хочет уничтожить восставших, а Гупио хотят спасти свою собственность». Когда Жан Ламбер Тальен, будущий термидорианец, потребовал, чтобы Россиньоля восстановили в должности, его спросили: «А что он сделал, чтобы стать генералом?» На это Тальен ответил, что он сражался в более чем пятидесяти битвах как командир 35-й дивизии, реорганизовал свои войска, принял командование из рук раненого генерала, устранив несправедливость, допущенную Бироном. В результате Конвент отозвал Бурдона и Гупио де Фонтане, отменив увольнение де Монтаю. Россиньолю появился на заседании под гром аплодисментов, собравшиеся чествовали его как героя. На следующий день он выехал в армию.¹⁴⁶

Легко представить глубину ненависти, которую породил этот бурный конфликт. 11 сентября 1793 года Бурдон постарался объяснить якобинцам мотивы, по которым он хотел арестовать Россиньоля. Он просил, чтобы его письменное показание под присягой, предъявленное Комитету общественного спасения, было проверено комитетом клуба, а не обсуждалось публично. Оставляя в стороне аргументы Бурдона, Робеспьер ответил, что Россиньолю явился жертвой интриги: его преследовали те, у кого была собственность в Вандее, которую они защищали. Преследовали его и те, кто не желал видеть республиканцев во главе французских армий. Когда Бурдон спросил, готовы ли Робеспьер официально выдвинуть эти обвинения, произошел

¹⁴⁶ *Victor Barrucand ed. Rossignol* P. 206, 209, 213, 215, 217, 219, 222.

скандал, и Бурдона, как клеветника, атаковал Эбер, добавивший, что обвинения Бурдона против Россиньоля должны убедить всех, что генерал-санкюлот является хорошим республиканцем¹⁴⁷. Таким образом, семена конфликта между кордельерами и их «умеренными» оппонентами были посеяны в период Вандеи накануне вантозского кризиса.

События 4 и 5 сентября 1793 года, начатые санкюлотами, организовавшими демонстрацию к Отель де Вилль с требованием хлеба, охватили все парижские секции. Представители санкюлотов убедили Конвент создать Революционную армию, которая бы занималась реквизицией продовольствия в деревне. Это было главной уступкой санкюлотам¹⁴⁸. Временный исполнительный совет получил полномочия сформировать Генеральный штаб армии, однако все назначения должны были быть утверждены Комитетом общественного спасения. 17 сентября Бушотт представил список офицеров вновь организованной армии. Комитет общественного спасения утвердил все кандидатуры за исключением Ронсена; члены Комитета хотели назначить командующим армией командира Парижской Национальной гвардии Франсуа Анрио, который, как они полагали, был бы более послушен, нежели Ронсен, чья связь с кордельерами и чьи заигрывания с санкюлотами, поддерживавшими его, делали его в их глазах чересчур независимым. Через десять дней Леонар Бурдон — не имеет никакого отношения к Бурдону (из Уазы) — потребовал, чтобы назначенные (или рекомендованные) таким образом офицеры появились перед якобинцами, чтобы доказать свой патриотизм. Среди тех, кто появился, был и Ронсен, желавший продемонстрировать свою преданность нации. В ходе горячей дискуссии некоторые якобинцы поставили под сомнение компетентность нескольких назна-

¹⁴⁷ *Alphonse Aulard Jacobins Vol V* P 398-402 Бурдон утверждал, что причиной поражения республиканских войск, было то, что Россиньолю не пошел со своими силами на Фонтане в то время, как две другие армии окружили город. Это заявление было опровергнуто многими присутствовавшими на заседании Дантон, как и Робеспьер, высоко отзывался о Россиньоле, но когда поступило предложение исключить Бурдона, Робеспьер не дал ему хода.

После ареста эбертистов Россиньолю был заключен под стражу и вышел на свободу лишь спустя пятнадцать с половиной месяцев, 15 термидора. Он вновь был арестован Директорией в мае 1796 года, но и на этот раз вскоре освобожден. В сентябре 1800 года его опять арестовали, отправив теперь на остров Махе в Индийском океане. Оттуда он был переведен в Анжуан (Корсикские острова, между Мадагаскаром и Восточной Африкой), где после отчаянной борьбы за жизнь умер 8 флореаля X г (28 апреля 1802 года) *Victor Barrucand*, ed. Rossignol P 264-276, 336-341, 349-359, 369-376.

¹⁴⁸ *B & R Vol XIX* P 26-29, 37-38, 45-46 «Это был высший момент народного движения. Конвент склонился перед ним в последний раз» *Walter Markov Maximilien Robespierre, 1758-1794 Beitrage zu seinem 200. Geburtstag* Berlin, 1958 S 194.

чений, в то время как другие, такие, например, как Леонар Бурдон, заявили, что на постах в Революционной армии военные способности имеют меньшее значение, нежели преданность стране¹⁴⁹.

Защищая свои методы ведения войны в Вандее, Ронсен критиковал действия некоторых генералов, выступавших против него. Филиппо в свою очередь нападал на Ронсена. Народное общество Тура изблещило Ронсена, выступив за Филиппо. Если говорить коротко, общество обвинило Ронсена в неудачах в Вандее, хотя в то же время признало перед якобинцами, что по сути дела ничего, кроме того, что было написано о Ронсене в фальсифицированных докладах, о нем не знало. Несмотря на наличие оппозиции, кордельеры встретились с якобинцами, чтобы поддержать кандидатуру Ронсена на пост командующего Революционной армией. Под их давлением Исполнительный совет официально назначил Ронсена на этот пост 2 октября 1793 года. Так как Анрио выступал против любой вооруженной силы в Париже, если таковая была не под его командованием, 2-я статья вновь утвержденных правил для Революционной армии устанавливала, что, находясь в столице, армия будет подчинена Анрио¹⁵⁰.

29 октября Ронсен представил Революционную армию Конвенту. Он был тогда на вершине своей власти; однако атаки на него со стороны «умеренных» и личных врагов продолжались. Филиппо заявлял о его мнимом богатстве и расточительстве. В то время как генералы боевых дивизий получали по 20 тыс. ливров в год, жалование Ронсена было вдвое больше. Даже Шометт извергал гром и молнии, кляня офицеров Революционной армии за то, что те носили золотые эполеты и разъезжали на лошадях, которых следовало бы использовать лишь для того, чтобы тащить «передвижную» гильотину и обоз¹⁵¹.

25 ноября 1793 года Ронсен вступил в Лион (названный после падения Вилль-Аффранши) с двухтысячным войском для того, чтобы наказать местных восставших, угрожавших Конвенту. В городе царила мрачная тишина. Толпа, наблюдавшая за маршем, была скована страхом, в то время как генерал готовил инструменты наказания, коими так искусно владели Колло д'Эрбуа и Жозеф Фуше. Кровавые казни, последовавшие затем, не только увеличили ряды негнбавых врагов республики, но и вооружили «снисходительных». Пос-

¹⁴⁹ *General Herlaut Ronsin P 160-162, Alphonse Aulard Jacobins Vol V* P 426.

¹⁵⁰ *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI* P xv-xvi, *General Herlaut Ronsin P 164* Конвент принял предложение Барера ввести в Революционную армию ту же дисциплину, и в регулярной армии (30 октября 1793 года) *General Herlaut Ronsin P 169*.

¹⁵¹ *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI* P xvi, *General Herlaut Ronsin P 174*.

ледние атаковали Комитет общественного спасения, изобличая военного министра Бушотта и его комиссаров. Филиппо обвинил их в поражениях в Вандее, а Демулен поинтересовался, что такого сделал Ронсен, чтобы заслужить свой пост. «Много интриг, много воровства, много лжи», — вот как он характеризовал поведение Ронсена. Помимо этого, он назвал сторонников Ронсена «испорченными патриотами» и «ультрареволюционерами с усами и в красных колпаках»¹⁵².

27 декабря 1793 года Конвент наконец принял меры. Среди обвинений, выдвинутых против Ронсена и Венсана, были следующие. Говорилось о том, что их афиши баламутили людей и усиливали позиции контрреволюционеров. Одна из афиш была составлена в виде письма Ронсена из Лиона, в котором Ронсен хвастался тем, что гильотина и «стрельба» (массовые расстрелы) уже покончили с четырьмястами восставшими; он обещал казнить еще четыре сотни. «Мы должны залить Рону кровью на всем ее протяжении вплоть до моря, устлать ее берега трупами трусов, которые убили наших братьев, в то время как удар молнии, уничтожив их в один момент, разнесет террор по всем департаментам, где взошли семена восстания», — писал он, сдабривая свой текст метафорами. Рассматривая это как некую провокацию, «снисходительные» через своего оратора Фабр д'Эглантина потребовали ареста Ронсена, Венсана и Майяра. Конвент согласился, и в тот же день Комитет общей безопасности издал соответствующий приказ и произвел аресты¹⁵³.

18 нивоза (7 января 1794 года) полицейский шпион Мерсье сообщил о том, что люди только и обсуждают обвинения против Ронсена, Венсана и Станислава Мари Майяра, одного из «победителей Бастилии», возглавлявшего поход на Версаль 5 и 6 октября 1789 года. Более того, нападки Демулена на Эбера, похоже, убедили многих людей в том, что радикальный журналист не был таким патриотом, каким представлялся. Бакон доносил то же самое. По его словам, во многих кафе говорили о Россиньоле, Ронсене, Венсана, Шометте и Эбере в духе Филиппо и Демулена. Но в нескольких кафе, которые посетил полицейский наблюдатель, Эбер и Ронсен имели своих сторонников. Некий гражданин сказал, что всем надо воздержаться от суждений до тех пор, пока Конвент не разрешит дела. С этим все согласи-

лись, изменив тему разговора¹⁵⁴. Как видно из полицейских докладов, хвала или хула кордельеров, похоже, часто зависела от района, где находилось кафе.

Кто такой был Венсан и какова была его роль в этом конфликте? Франсуа Николя Венсан, генеральный секретарь Военного министерства, родился в Париже в 1767 году. Он был сыном тюремщика, работавшего в парижских тюрьмах. В детстве он испытал нужду, а затем, в течение пяти лет до революции и в первые годы после нее, работал клерком в офисе прокурора. Революция познакомила его с политикой, и он стал активистом своей секции. Вскоре он присоединился к кордельерам, связав свою судьбу с президентом клуба Моморо. В 1792 году он стал выборщиком в своей секции — секции Французского театра (а затем в секции Муция Сцеволы). 10 августа он был избран в Генеральный совет и, став комиссаром, получил задание инспектировать склады. После этого ему было поручено проверить действия администрации и отчеты военной школы. Справившись с этой задачей, он оказал помощь Пашу, в то время военному министру. В результате в октябре 1792 года он получил повышение, перейдя на работу в управление, занимавшееся вопросами демобилизации войск¹⁵⁵.

27 февраля 1793 года он ходатайствовал о направлении его военным комиссаром в одну из дивизий, представив хорошие рекомендации. На следующий день Исполнительный совет назначил его в армию корсиканского патриота Паскаля Паоли, но Венсан отказался покинуть Париж. Пьер де Бернонвиль, сменивший Паша на посту военного министра, назначил Венсана комиссаром в Версаль, обязав его проинспектировать склады военной униформы. Однако в тот же день Венсан получил другое назначение — чрезвычайным военным комиссаром в войска генерал-лейтенанта Барруера. Новый военный министр, Бушотт, назначил Венсана на важный пост генерального секретаря военного министерства, на котором тот оставался вплоть до своего последнего ареста.

¹⁵⁴ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol II P 228, 218 Бакон рассказал об интересном происшествии на улице. Некий «мальчишка», продававший газеты, кричал «Великое разоблачение военного министра, дававшего деньги папаше Дюшену, чтобы умирить жен патриотов, обрета их на голодную смерть!» Двое мужчин подошли к нему и сказали «Ты врешь, ты не знаешь, что говоришь Ты дурак и тебе без сомнения платят за клевету на настоящих патриотов» Затем они ударили его и изорвали его газеты. Какон-то прохожий дал ему 15 су, уговаривая не плакать, а стать патриотом.

¹⁵⁵ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2337 Vol XI P xx

¹⁵² General Herlaut Ronsin P 182, Le Vieux Cordelier No 4

¹⁵³ Венсан и Ронсен 27 фримера (17 декабря 1794 года) — Dos. 2, F7 4775 48, AN General Herlaut Ronsin P 184

Венсан преследовал цель вычистить «античную и пыльную бюрократию» из военного министерства, заменив ее активными патриотами. Его письмо революционному комитету секции Французской гвардии с требованием предоставить данные о кандидате на один из постов (Жане Жозефе Гайе) обнажает его решимость нанимать на работу только патриотов, а не тех, кто рядится в их тогу. «Мне не надо говорить вам, братья и друзья, что со времени смерти тирана многие интриганы и негодяи популяризировали себя, стараясь как можно лучше скрыть свои намерения», — писал он. Вслед за этим он назвал ряд людей, бывших популярными в прошлом, которые, с его точки зрения, являлись замаскированными сторонниками монархии. «Умеренные, политиканы и спекулянты . . . т.е. все те, кто показал себя врагами народных обществ, выступив против мер, направленных на консолидацию революции и единство нашего республиканского правительства, базирующегося на принципах равенства, не заслуживают того, чтобы их брать на работу», настаивал он¹⁵⁶.

На обеде, данном Пашем и его зятем Франсуа Ксавье Одуеном, на котором присутствовали Анрио, Ронсен, якобинский депутат Луи Лежандр и Серван Бодуен Буланже, адъютант Анрио, Венсан, по словам архивиста Александра Тютте, продемонстрировал «неуправляемость своего характера и несдержанность языка». Здороваясь с Лежандром, Венсан якобы сказал: «Я обнимаю вас за ваше прошлое, а не за ваше настоящее, ибо я не узнаю в вас того самого Лежандра, который был так тверд в период с 1789 по 1792 год». Эти слова будут потом использованы против него в суде. Лежандр, явно разозленный, ответил, что «возможно, такой сумасшедший, как Венсан, принял мудрого человека за умеренного»¹⁵⁷.

Для Венсана было бы лучше, если бы он уступил хоть в чем-то, но он продолжил травить депутата уже за обеденным столом. Он спросил Лежандра, надевает ли тот форму депутата, выполняя ответственные поручения. Лежандр ответил, что, да, надевает, когда встречается с местными конституционными властями. На это Венсан заметил, что хотел бы одеть в форму депутата манекен, установив его в

Тюильри с тем, чтобы показать народу, что его депутаты, проповедующие добродетель и простоту, сами облачаются в стильные одежды, внушая страх простым людям для того, чтобы господствовать над ними. Лежандр зло ответил, что, сделай Венсан таким образом, он бы швырнул его под этот манекен и сломал ноги и Венсану, и манекену. В этот момент Паш попытался вмешаться, посоветовав Венсану прислушаться к Лежандру. В конце концов, подчеркнул он, вы оба придерживаетесь одной политической линии. Обмен оскорблениями, однако, разозлил обоих, и, уходя, Лежандр предупредил Венсана, что, хотя он и относится к нему как к брату, но если тот будет упорствовать в своем безумии, он сломает ему обе руки. Венсан только «сардонически» рассмеялся, вслед за чем Лежандр услышал, как Ронсен заметил, что «если бы Венсан был другим человеком, он в наше время и гроша бы ломаного не стоил». Появившись после этого в офисе мэра, он принял поздравления Паша, выразившего ему свое восхищение по поводу того, как он вел себя с Венсаном. Однако Лежандр повернулся к Бушотту, который оказался в той же комнате, и предупредил его: «Мне хотелось бы думать, что Венсан просто сумасшедший; ваше дело следить за ним, и если он не изменит характер, вы должны будете показать ему на дверь вашего офиса. В противном случае он вас скомпрометирует»¹⁵⁸.

Бушотт внял совету и написал Венсану, что хотя он и не сомневается в его патриотизме, он желал бы знать, не слишком ли молод Венсан, чтобы занимать столь ответственный пост. После этого он поинтересовался, не хотел ли Венсан получить какую-либо другую должность, где его патриотизм нашел бы свое применение. Когда был арестован и осужден Эбер, Бушотт написал Робеспьеру объяснительную записку по поводу того, почему он нанял Венсана. Письмо, по-видимому, было продиктовано наполовину страхом, а наполовину действительно необходимостью оправдаться.

Не все, однако, в Военном министерстве так же высоко, как Бушотт, ценили генерального секретаря. Некий чиновник, по имени Дюпон, обвинил Венсана в превращении министерства в антиобщественное бюро, в котором процветали «некомпетентность, грубость и бездарность», добавив, что генеральный секретарь был «врагом работы». Дюпо заявил, что Венсан очернял всех только для того, чтобы укрепить свое собственное положение, и что он сам был виновен во взяточничестве и в нецелевом использовании громадных средств,

¹⁵⁶ F7 4738, AN приводится в *Alexandre Tuetey Repertoire general* Vol XI P xxii-xxiii. Письмо Венсана Фульпину, мировому судье и председателю секции Арси, в котором содержится благодарность за прием на работу «отца семейства», также воспроизведено в этом сборнике. См. *ibid* P xxiii.

¹⁵⁷ Показание Матиаса Галма — W 77, pl 379, AN (Галм из 3-го батальона Революционной армии, проживавший в секции Гренельского фонтана, присутствовал на обеде). Также частично см. в *Alexandre Tuetey Répertoire général* Vol X No 2338 и Vol XI P xxiii.

¹⁵⁸ *Alexandre Tuetey Repertoire général* Vol XI P xxiv, General Herlaut Ronsin P 242-243.

находившихся в его распоряжении. Бывший помощник главы министерства, Марат Гюдон, также обвинял Венсана во взяточничестве.¹⁵⁹

Насколько мы можем доверять полиции, изучавшей его частные бумаги, свидетельств взяточничества в деле Венсана нет.¹⁶⁰ Но авторитет Венсана подрывало то, что он защищал некомпетентных генералов. После создания комиссии по расследованию поражения в Вандее — она была создана 1 брюмера (22 октября 1793 года) — имя Венсана, как генерального секретаря Военного министерства, конечно, стало всплывать, когда критике начали подвергаться те офицеры, которых он неизменно поддерживал. 7 брюмера (28 октября) Венсан угрожал Филиппо за обедом, на который оба были приглашены: «Я изболел вас перед кордельерами, мы быстро разделаемся с вашей комиссией и победим депутатов, которые, как и вы, будут критиковать поведение генералов, облеченных нашим доверием».¹⁶¹ Вряд ли нужно говорить о том, что молодому чиновнику Военного департамента не стоило осуждать комиссию Конвента и угрожать одному из депутатов вне зависимости от того, прав он был или нет.

27 фримера II года (17 декабря 1793 года) Венсан был арестован в своей квартире на улице Гранж Бательер, и пять ящиков его бумаг изъяты. Согласно докладу полиции, он и его жена занимали две небольшие комнаты на третьем этаже, довольно мало напоминавшие роскошные апартаменты, во владении которыми он обвинялся своими врагами. Попав в Люксембургскую тюрьму, Венсан написал ряд писем в Комитет общей безопасности и Конвент, требуя освобождения и нападая на своих политических врагов. В этом его решительно поддерживали друзья во многих секциях и нескольких народных обществах.¹⁶² Его призывы с нападка на Фабр д'Эглантина широко

циркулировали в Париже. По слухам, его заключение в Люксембургскую тюрьму привело в ужас ряд содержащихся в ней дворян, между тем, многочисленные делегации от народных обществ и революционных комитетов секции, равно как и отдельные лица, продолжали навещать его в тюрьме. Эбер защищал его в Клубе якобинцев, восхваляя его горячий патриотизм и приводя факты, свидетельствовавшие о том, что, когда дела шли плохо, Венсан часто возмущался этим и даже Эбера называл феианом. По заявлению Эбера, Марат также полностью доверял ему.¹⁶³

Конвент разбирал это дело 23 нивоза (12 января 1794 года) и, хотя и пришел к заключению, что никаких доказательств вины Венсана не существовало, в течение определенного времени ничего не предпринимал по этому поводу. 6 плювиоза (25 января 1794 года) Венсан вновь написал письмо, жалуюсь, что его не услышали и что он является жертвой злобного заговора, организованного Фабром д'Эглантином. Он апеллировал к 31-й статье «Декларации прав человека», в которой говорилось, что преступления представителей народа — имелся в виду Фабр д'Эглантин — «никогда не должны остаться безнаказанными». В тот же день он пожаловался Марку Гиному Альберу Вадье, влиятельному члену Комитета общей безопасности, заявив, что, хотя служил делу народа с начала революции, его притесняют так же, как при правлении «тирана». Он потребовал суда. 12 плювиоза (31 января 1794 года) секции Муция Сцеволы, Красного колпака, Единства и Марата выступили против его заключения, потребовав, чтобы он и Ронсен предстали перед Революционным трибуналом. Через два дня Жан Анри Вуллан, член Комитета общей безопасности, потребовал освобождения Венсана. Дантон поддержал это предложение. Несмотря на возражения Бурдона (из Уазы), Лежандра и Филиппо, Конвент приказал освободить Венсана и Ронсена в тот же самый день (2 февраля).¹⁶⁴ Венсан был принят различными делегациями и под звуки музыки покинул тюрьму. На следующий день Комитет общей безопасности обязал революционный комитет секции Муция Сцеволы снять печати с его бумаг.

¹⁶³ *Alphonse Aulard Jacobins* Vol. V P. 572.

¹⁶⁴ См. приказ об освобождении Венсана от 14 плювиоза (2 февраля 1794 года) AF II* 294 fols 33 68 80 — F7 4775 48 AN. В этом полицейском тоссе Венсана содержится описание бумаг, изъятых в его квартире: письмо Венсана Вадье, его petition Конвенту, petition секции Муция Сцеволы, Красного колпака, Единства и Марата с требованием его освобождения. Под petition секции много подписей. *Alexandre Tuetey*, *Repertoire general* Vol. XI Nos 2314 2315 2317.

¹⁵⁹ *Alexandre Tuetey*, *Repertoire general* Vol. X Nos 2307 2312.

¹⁶⁰ Устный допрос комиссаров полиции секции Мон-Блан Жозефа Форэ и Луи Франсуа Беффрэ 27 фримера II года (5 февраля 1794 года) — F7 4775 48 AN. По данным полиции, там не только не было ничего подозрительного, но и наоборот: огромная часть этих бумаг доказывала патриотизм и гражданское поведение гражданина Венсана.

¹⁶¹ *Philippeaux*, *representant du peuple* a ses collègues et a ses concitoyens 6 Novose II — AD XVIII, AN. Цит. по *Alexandre Tuetey*, *Repertoire general* Vol. XI P. xxv.

¹⁶² Постановление об аресте и привлечение Комитетом общей безопасности революционно-му комитету Мон-Блан 27 фримера II года (17 декабря 1793 года). Устный допрос Жозефа Николя Коссе, комиссара по линии предместья Монмартр. Письмо с нападки на «Филиппона» Бурдона (из Уазы), «Дэглантина» и «Камилла де мулен» в защиту Венсана и Ронсена, содержащее угрозы организовать вместе с жителями предместья Сент-Антуан марш протеста без даты и подписи. Постановление общего собрания секции Вооруженного человека с выражением уверенности в не виновности Венсана и Ронсена от 5 плювиоза II года (24 декабря 1793 года) — F7 4775 48 AN.

Протесты и обвинения, написанные Ронсеном, также циркулировали по городу во время его заключения. Несмотря на его усилия, уже 30 фримера (20 декабря 1793 года) в Конвент была представлена петиция с требованием остановить наказание Лиона. Хотя этот документ и был направлен против Ронсена, в нем косвенно ставились под удар Колло д'Эрбуа и Жозеф Фуше, представители в миссии, отвечавшие за подавление мятежа. Зная, чем была вызвана эта петиция, Колло отправился в Париж 16 декабря. Через пять дней он выступил перед Конвентом, защищая Революционную армию и ее командующего Ронсена. В заключение он попросил одобрения Конвентом мер, принятых в Лионе, и расследования мотивов ареста Ронсена. Конвент согласился, и его депутаты аплодировали Колло. Таким образом, Конвент отверг все попытки заставить его «пожалеть» Лион, к чему призывала петиция¹⁶⁵.

По просьбе Эбера, Колло также рассказал якобинцам о своей миссии в Лион. Он вновь горячо защищал Ронсена, называя его «твердым другом свободы... настоящим и выдающимся якобинцем», который внушил великий страх Вандее и Лиону. Затем он попросил членов Конвента еще раз продемонстрировать свое неизменное доверие к Ронсену, что присутствовавшие не замедлили сделать. Эбер также выступал в защиту Ронсена, резко нападая на Филиппо и Фабр д'Эглантина, закончив свое выступление требованием, чтобы Жан Батист Амар из Комитета общей безопасности сделал доклад об известной афере с Индской компанией, крупном финансовом скандале, к которому тесным образом был причастен ряд «снисходительных»¹⁶⁶. Более того, он потребовал исключения Демулена, Бурдона (из Уазы), Филлипо и Фабр д'Эглантина. Краткий отчет о заседании был послан Ронсену и Венсану, а петиция об их освобождении была представлена в Конвент и ее полицейский комитет. На следующий день, 3 нивоза (23 декабря 1793 года), якобинцы направили делегацию в Конвент с целью добиться освобождения Ронсена и Венсана¹⁶⁷.

¹⁶⁵ *General Herlaut Ronsin* P 185, 188-189. Колло оказал давление на Конвент, показав останки якобинца-мученика Мари Жозефа Шалье и его солдат, которые погибли, сражаясь против федератов Лиона. Толпы скорбящих и сочувствующих помешали развертыванию кампании милосердия. *Louis Jacob Hébert le Pere Duchesne* P 271

¹⁶⁶ Речь идет о финансовой афере с ликвидацией в 1793 году Индской компании, в результате которой ряд дельцов и коррумпированных депутатов изрядно поживились. *Прим. переводчика*

¹⁶⁷ *Alphonse Aulard Jacobins* Vol V P 571, 572-573, *General Herlaut Ronsin* P 190-191. О деле Индской компании см. *Albert Mathiez* *Un Procès de corruption sous la Terreur* *L'Affaire de la compagnie des Indes* Paris, 1920

В то время как Эбер защищал арестованных в 326-й номере своей газеты (в этом номере он назвал Колло д'Эрбуа «гигантом») секции тоже не испытывали колебаний, твердо настаивая на освобождении заключенных¹⁶⁸. Секция Кенз-Вен 26 декабря представила «резкую» петицию, требуя от якобинцев освобождения невиновных. Робеспьер быстро дезавуировал эту петицию как «работу Питта» (это был его излюбленный ярлык). Он заявил, что поскольку Конвент уже принял решение расследовать аресты, «справедливость» должна сама собой восторжествовать. Однако, несмотря на усилия Робеспьера спустить это дело на тормозах, агитация в секциях не прекращалась. Через два дня представитель Кенз-Вен предупредил Конвент, что санкюлоты предместья Сент-Антуан готовы маршировать против «предателей, глумящихся над санкюлотизмом, точно так же, как они маршировали против коронованного тирана 10 августа». На следующий день, 9 нивоза (29 декабря), делегация кордельеров обратилась к обоим комитетам, но не была принята¹⁶⁹.

Через два дня к требованию освобождения Ронсена и Венсана присоединилась делегация от Электоральной коллегии Парижа. Конвент отказался принять ее под предлогом того, что она не могла выражать свои взгляды, поскольку не имела права участвовать в дискуссии. Принимая во внимание, что и Ронсен, и Венсан были членами Электоральной коллегии, ясно, что решение Конвента было направлено против них. 2 января Латур-Ламонтань сообщал, что люди постоянно говорили о Венсане и всех тех, кого коснулось это постановление. В то же время они ругали Фабр д'Эглантина, Демулена и других, называя их «более опасными, чем Бриссо и его сторонники». Один человек в кофе де Фой назвал омерзительным то, что преследованию подверглись лучшие патриоты, сослужившие такую большую

¹⁶⁸ «Появился гигант, и все карлики, очернявшие лучших патриотов, вернулись на 100 футов под землю». Колло выступал перед Комитетом общественного спасения, перед Конвентом и перед якобинцами, проклиная интриганов, которые хотели вооружить патриотов против друг друга, разделить Гору и призвать гадин Мараса. Патриоты вновь контролируют положение дел, убеждал Эбер своих читателей *Pere Duchesne* No 326

¹⁶⁹ См. петицию в F7 4775 49, AN. В ней выделялась знаменитая 34-я статья «Декларации прав человека», которая начинается следующими словами: «Угнетение общественной группы имеет место уже тогда, когда угнетают хотя бы одного ее члена». Петиция была подписана Моморо и еще одним кордельером, Луи Бартеломью Шено, будущим председателем общества. Хотя на петиции стоит дата 29 плювиоза, она явно неверна, так как Венсан был освобожден за две недели до того.

О делегации кордельеров см. *Alexandre Tuetey Repertoire general* Vol X No 2322. Тютет (ibid No 2318, 14 плювиоза) подчеркивает, что делегации не удалось добиться освобождения заключенных.

службу революции. По словам этого человека, предместье Сент-Антуан кипело, требуя освобождения Венсана. Говоривший предрекал, что народ не позволит, чтобы такое угнетение патриотов продолжалось. На следующий день Латур-Ламонтань доносил о том же самом: возбуждение по поводу ареста Венсана и Майяра не утихло¹⁷⁰.

Конвент также превратился в сцену, на которой разыгрывался конфликт между врагами и защитниками Ронсена и Россиньоля. 18 нивоза (7 января 1794 года) Филиппо представил формальное обвинение, направленное против командиров-санкюлотов, в котором содержалось двадцать шесть отдельных статей. Шудье контратаковал, заявив, что, если Филиппо «не сумасшедший, то он величайший самозванец». Он назвал Филиппо «лжецом», когда тот объявил Россиньоля «трусом»¹⁷¹. Через несколько дней кордельеры заклеили Филиппо как «клеветника и интригана».

Во время тюремного заключения Венсан и Ронсен встречались с Анрио, Буланже, Альбером Мазюелем (командиром кавалерийского эскадрона Революционной армии), Моморо и с более чем ста другими якобинцами и кордельерами. Похоже, эти два человека пользовались неограниченной свободой внутри тюрьмы, и по крайней мере Ронсен довольно хорошо питался. Несколько заключенных, которые сидели с ним, позже дали показания против него, обвиняя его в участии в «оргиях». Один из свидетелей, Луи Клод Сезерон, сообщил, что Ронсен якобы заявлял одному из эбертистов, Франсуа Дефье, следующее: «Я хочу, чтобы революция достигла того момента, когда я переиду Пон Нёф [Новый мост]и, если встречу блядь, которая мне будет приятна, задеру ей юбку и вые... [ее] при всем народе». С более серьезным видом Ронсен якобы рассуждал о том, что состав Комитета общественного спасения следовало изменить, так как он поражен «гангреной». Он также заявлял, что когда он и Венсан будут освобождены, они гильотинируют множество депутатов.

Другие очевидцы показали, что Ронсен и его сторонники жили и обедали вместе, не принимая никого в свой круг. Ронсену также вменяли в вину то, что среди его посетителей были два австрийских банкира, братья Фрей, замешанные в скандале с Индской компанией.

¹⁷⁰ *Moniteur* Vol XIX No 103 (January 2, 1794) P 104, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol II P 138-139, 155 19 нивоза (8 января 1794 года) Шармон сообщал, что все говорят о борьбе между Филиппо и генералами Вандеи при этом многие поддерживают Филиппо, потому что считают, что он не стал бы рисковать головой только для того, чтобы изобличить Ронсена и других *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol II P 240

¹⁷¹ *Moniteur* Vol XIX No 109 (January 8, 1794) P 153-155

Более того, кто-то подслушал, как Ронсен выступал против Робеспьера и пугал тюремщика и его жену во время их обходов. Если все это правда (а об этом говорили многие свидетели), это означает, что Ронсен-заключенный явно пользовался значительной долей свободы¹⁷².

Трудно сказать, сколько в показаниях очевидцев было страха перед революционным правительством, сколько желания угодить властям и сколько личной ненависти и неприязни к Ронсену. То, что заключенный пользовался необычайной свободой во время заточения, частично объясняется его статусом, а отчасти пониманием того, что вне тюрьмы по-прежнему существовали силы, оказывавшие давление с целью его освобождения. Тем не менее следует помнить, что Ронсен и Венсан находились в заключении около шести недель. Несмотря на всю их власть и авторитет и невзирая на то, что по крайней мере Ронсен был горячо поддержан Колло д'Эрбуа и другими депутатами, они не смогли завоевать Конвент на свою сторону. Точно так же произойдет в будущем, когда их опять арестуют. Смогут ли они защитить себя, когда вновь окажутся под огнем критики? Ясно было, что их враги не отступят. Еще более важный вопрос состоял в том, допустит ли революционное правительство продолжение фракционного спора, отвлекавшего его от войны и серьезного экономического кризиса, который требовал разрешения.

Освобождение Ронсена и Венсана 2 февраля обсуждалось в городе¹⁷³. По сообщению Дюга, эта тема муссировалась во всех кафе и районах: «Многие из их сторонников, не осмеливавшиеся до того времени более или менее открыто заявлять о себе, вспыхивали от радости, узнав эту новость»¹⁷⁴. Судя по различным противоречивым сообщениям полицейских шпионов, общественное мнение, похоже, разделилось. Ситуация явно была взрывоопасной. Понятно, что отношение к эбертистам, которое фиксировал тот или иной полицейский наблюдатель, во многом зависело от района, где располагалось кафе, завсегдатаем которого этот шпион был. В секциях, где жители поддерживали Ронсена и Венсана, люди не всегда

¹⁷² *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2273, 2283, 2285, 2295, 2300.

¹⁷³ Приказ об освобождении Венсана 14 пловиоза (2 февраля 1794 года) — AF II* 294, fols 77, 78, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 1603 На следующий день, 15 пловиоза, революционный комитет секции Мушия Сиеволы снял печати с бумаг и имущества Венсана. Революционный комитет секции Мон Блан сделал то же в отношении собственности Ронсена.

¹⁷⁴ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol III P 283

могли выражать свои чувства открыто: их часто сдерживал страх. В других секциях многие граждане, помимо прочего, были просто лояльны к законным конституционным властям. Они приветствовали хвалу в адрес Филиппо и Демулена, открыто выражая удовлетворение, если кто-то при них осуждал Венсана и Ронсена.

11 февраля Моморо, председатель Клуба кордельеров, предложил якобинцу Дельклошу, члену комитета по приему новых членов в клуб, рекомендовать обществу принять в него Венсана. Дельклош сделал это, но Луи Пьер Дюфурни, один из ведущих дантонистов, обвинил обоих, и Моморо, и Дельклоша, в том, что те питают страсти к Венсану, добившись того, что обсуждение этого предложения было отложено. В результате Венсан так и не был принят в Якобинский клуб, что мучило не только его, но и кордельеров-сторонников этого генерала. Он не простил такого пренебрежения к себе, затаив желание отомстить умеренным членам Якобинского клуба. Моморо тоже был разочарован, атаковав «клеветников, [которые] под маской добродетели и популярности, коих сами никогда не заслуживали, стремятся изничтожить истинных санкюлотов, друзей равенства». На следующий день на заседании Клуба кордельеров несколько человек выступили против маневров Дюфурни. Эбер разоблачил «врагов равенства, которые . . . высокопарно» называют его партию «ультрареволюционной», а потому «должны быть наказаны». Другой член общества заявил: «Венсан — хороший кордельер; а это также хорошо, как быть хорошим якобинцем, если не намного лучше»¹⁷⁵.

Отказ якобинцев признать Венсана, по-видимому, подорвал его общественную репутацию: как указывал Пурвуайёр 18 февраля, «в целом все те, кого исключали из Общества якобинцев [или не принимали в него], теряли доверие общественности». Полицейский шпион специально заметил, что ни Венсан, ни Ронсен не пользовались репутацией в народе (особенно это было характерно для Венсана)¹⁷⁶. К этому заявлению, правда, следует относиться довольно скептически. Как мы видели, многие патриоты обожали их;

¹⁷⁵ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 651, B & R Vol XXXI P 295-296. Была предпринята попытка примирить Дюфурни с Венсаном: обоих назначили редактировать адрес Центрального клуба народных обществ, однако Дюфурни отказался принять назначение. B & R Vol XXXI P 297. *Gerard Walter* *Hebert et le "Le Pere Duchesne"* P 196-197.

¹⁷⁶ *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol IV P 217. После последнего ареста эбертистов якобинцы вспомнили, что Дельклош представлял Венсана обществу, и быстро исключили его. *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol VI P 3-4.

другие соглашались с Эбером в том, что даже если Венсан и не являлся якобинцем, он, тем не менее, был хорошим патриотом¹⁷⁷.

Существуют некоторые свидетельства того, что Комитет общественного спасения хотел бы, чтобы Ронсен и Венсан покинули Париж. Сен-Жюст встретился с Венсаном и предложил ему пост комиссара в Северной армии, наиболее важной из французских армий. Ронсену он предложил по его желанию пост командующего любой из армий. Оба отказались, ибо принятие такого рода предложений означало понижение их в должности. Возможно, что, согласившись на предложение Сен-Жюста, они утратили бы и свое политическое значение. Вместе с тем они вроде бы обещали ослабить свою агитацию в столице¹⁷⁸.

В других источниках можно, однако, найти заявления обоих названных революционеров, направленные против Сен-Жюста; и Ронсен, и Венсан обвиняли последнего в желании «управлять Центром». «Почему не отдали под суд семьдесят трех жирондистов?» — спрашивали они. По их словам, голод имел место не из-за их агитации, а из-за того, что правительство извратило закон. Они предупреждали Сен-Жюста, что, если он (и комитеты) будут по-прежнему преследовать их, правительство потеряет поддержку городских

¹⁷⁷ Якобинцы не были едины в своей оппозиции Венсану. 8 октября 1793 года Пьер Луи Бантобаль, депутат от Котмара, обвинил Венсана в злоупотреблении его доверием. Когда Венсан попытался ответить, его заставили замолчать криками. С другой стороны, когда якобинцы услышали о нападениях на «снисходительных» (21 декабря 1793 года) они приняли резолюцию с выражением «братской дружбы» Венсану и Ронсену. За четыре дня до того Кугон доложил об их аресте. *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 450, 563, 572-573.

¹⁷⁸ *Pierre François Tissot* *Histoire complete de la Revolution Française* Vol V Paris, 1834-1836 P 106. Тиссо убежден, что правительство не хотело уничтожить Венсана, Эбера или Ронсена. «Хотя собратья и не приняли [предложение], они, похоже, были убеждены в необходимости единства и обещали ослабить [свою агитацию]». Это интервью было якобы взято в первые дни вандоза. Но «заговорщики не изменили своего поведения», пишет Тиссо, и вместо того, чтобы ослабить агитацию, вдохновили в нее новые силы.

История, рассказанная Тиссо, не может быть просто так опровергнута. Автор активно работал на многих должностях в период революции (он родился в 1768 году и умер в 1854 году) написал несколько литературных работ и был избран во Французскую академию в 1833 году. См. статью Г. Монины о нем в *La Grande Encyclopedie* Vol XXXI P 119. *Pierre François Tissot* *Histoire complete de la Revolution Française* Vol V Paris, 1834-1836 P 106. Тиссо убежден, что правительство не хотело уничтожить Венсана, Эбера или Ронсена. «Хотя собратья и не приняли [предложение], они, похоже, были убеждены в необходимости единства и обещали ослабить [свою агитацию]». Это интервью было якобы взято в первые дни вандоза. Но «заговорщики не изменили своего поведения», пишет Тиссо, и вместо того, чтобы ослабить агитацию, вдохновили в нее новые силы.

История, рассказанная Тиссо, не может быть просто так опровергнута. Автор активно работал на многих должностях в период революции (он родился в 1768 году и умер в 1854 году) написал несколько литературных работ и был избран во Французскую академию в 1833 году. См. статью Г. Монины о нем в *La Grande Encyclopedie* Vol XXXI P 119.

патриотов. «А если мы умрем или будем осуждены, — предсказывали они, — вы погибните!» Сен-Жюст, по слухам, спрашивал их, не согласятся ли они уйти, если находившиеся в тюрьмах патриоты будут освобождены. «“Я уеду в Северную армию”, — сказал Венсан. “Я уеду, куда вам угодно”, — ответил Ронсен»¹⁷⁹. Этот сценарий слишком ретроспективен. Не ясно, например, почему Сен-Жюст предложил сделку Ронсену и Венсану, если Комитет не чувствовал, что ему что-то угрожает? А если он чувствовал это, ему бы следовало поскорее уничтожить этих людей, нежели вести с ними переговоры. С другой стороны, если правительство действительно старалось достичь компромисса с вождями кордельеров, последние безусловно не отдавали себе отчет в том, каким влиянием пользовались и какие позиции занимали, заплатив за это непонимание горькую цену.

21 февраля Жан Батист Каррье, террорист, на совести которого было массовое утопление людей в Нанте, в обращении к якобинцам горячо защищал Ронсена, Россиньоля и Сантерра, активиста предместья Сент-Антуан. Их патриотизм он противопоставил «трусливому поведению Филиппо», который, в отличие от своего коллеги Рене Левассера, якобы скрылся, когда началось сражение; не заслуживал доверия Филиппо и потому, что ничего не знал о военных операциях. Филиппо, заключил он, был не контрреволюционером, а обыкновенным сумасшедшим. Колло д'Эрбуа солидаризовался с докладом Каррье. Оба согласились с тем, что генерал Франсуа Жозеф Вестерман, соперник Россиньоля, был достаточно храбр, вместе с тем они подвергли сомнению его преданность революции. Колло напомнил якобинцам, что именно солдаты выигрывали сражения, а отнюдь не одни генералы. Более того, предупреждал он, существовала опасность восхваления генералов. «Пусть Вестерман поучится у Россиньоля, — посоветовал он. — После этого он сможет вновь завоевать наше уважение»¹⁸⁰. То, что профессиональный военный высочайшего ранга должен был учиться у бывшего простого солдата, должно было возмутить вестерманов и их сторонников.

Эбер также изобличал в своей «Пер Дюшен» «новую фракцию умеренных, фракцию феианов и аристократов, называемую фелипо-

тистами [sic!], финансируемую Англией». Филиппотисты, продолжал он, были родом из одного кантона в Нормандии, где при старом режиме был избыток судебных приставов, адвокатов и прокуроров. «Фелипотин» (Филиппо), добавлял он, был рожден от дьявола и в раннем возрасте научился спорить на любую тему, так как его отец преподавал ему уроки двуличия: одно лицо — «яростного патриота» — было у него для санкюлотов, другое — для него самого и друзей его отца, аристократов. В Вандее он поддерживал таких генералов, как Бирон, Дюбаис и Тунк, которые хотели разрушить республику. Заодно с Филиппо действовали Бурдон (из Вандси), Фабр д'Эглантин и «ренегат Камилл» (Демулен)¹⁸¹.

В следующем номере Эбер отрицал, что являлся главой партии. Однако, заявлял он, если его партия та, которая разоблачает предателей и которая когда-то явилась жертвой Комиссии двенадцати (комиссии, в которой состояли жирондисты и их союзники перед тем, как их свергли в ходе восстания 31 мая 1793 года), тогда он счастлив быть главой такой партии. «За прошедшие два года я не переставал говорить санкюлотам, что им не следует ждать спасения ни от кого, кроме них самих, потому что они сделали революцию только для себя, а не для того, чтобы создать себе новых хозяев»¹⁸².

Этот призыв к независимости был дважды опасен, сознавал это Эбер или нет. Экономические стремления санкюлотов находились в противоречии с интересами собственников. Городские коммерческие классы и их адвокаты верили в свободу предпринимательства и неограниченный рыночный обмен, а не в направляемую экономику с ее регуляторами и ограничениями цен, государственным снабжением сырьем и строгим контролем за торговлей и коммерцией. Якобинцы и монтаньяры разделяли их взгляды. В то же время они выступали и за политику централизации и строгого контроля, которая, конечно, не всегда была успешной, но, тем не менее, проводилась в жизнь их комиссарами, представителями в миссии и национальными агентами. Призыв к санкюлотам проводить собственную, независимую политику, угрожал подорвать «общую волю», за которую решительно ратовали Робеспьер и его коллеги.

¹⁷⁹ *General Herlaut* Ronsin P. 213 По данным Жоржа Авенеля (*George Avenel* Anacharsis Cloots, *L'Orateur du genre humain* Vol. II Paris, 1895 P. 374-375), Ронсен и Венсан заявили Сен-Жюсту (которого Авенель называет «монстром»), что не хотели бы, чтобы ими «управляли». Некоторые из этих свидетельств должны восприниматься весьма скептически.

¹⁸⁰ *Moniteur* Vol. XIX No. 159 (February 27, 1794) P. 571, *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol. V P. 659-660, *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol. IV P. 253

¹⁸¹ *Pere Duchesne* No. 330 Филиппо обвинил Эбера в отравлении умов солдат своей газетой. Эбер ответил, что он никогда не предавал санкюлотов и что его газета распространялась среди солдат в армии страны по приказу Комитета общественного спасения. *обнародованного Бушоттом*

¹⁸² *Ibid* Nos. 331, 333

И якобинцы, и кордельеры жаждали единства всех патриотов, однако достичь этой цели было трудно, ибо якобинцы не хотели порывать с их умеренными союзниками. Кордельеры же, со своей стороны, были готовы репрессировать всех умеренных. Сами якобинцы не были едины в этом вопросе. И пока Робеспьер сотрудничал с Дантоном и Камиллом Демуленом, агитировавшими за политику милосердия, Колло д'Эрбуа осудил всех тех, кто думал, что такая политика может быть и революционной и в то же время «мирной и многосторонней». Эти люди, заявил он, являются «сторонниками фальшивой гуманности». Сам он считал необходимым арест подозреваемых, заверив всех, что Гора не сдастся¹⁸³. Колло также призвал к объединению патриотов, предлагая устроить фестиваль в честь этого объединения. Делегация от кордельеров, выступившая после него, устами своего представителя заявила, что якобинцы и кордельеры всегда будут едины и что они вновь разоблачат «врагов революции», которые разделяют их. Делегация затем под горячие аплодисменты присутствовавших дала клятву того, что кордельеры всегда будут якобинцами. Президент Якобинского клуба братски приветствовал делегацию, и все казались счастливы от того, что произошло¹⁸⁴.

Однако через два дня, 28 февраля, полицейский наблюдатель Боро сообщил, что подслушанные им люди в кафе говорили, что, хотя они и согласны, что между кордельерами и якобинцами должна существовать братская любовь, демарш кордельеров на самом деле объяснялся их надеждой на то, что якобинцы порвут с Камиллом Демуленом и иже с ним. Венсан, добавил Боро, высмеял якобинцев, обвинив Демулена в различных преступлениях¹⁸⁵. Преодолеть разногласия между двумя клубами было трудно, поскольку кордельеры приняли резолюцию, предложенную народным обществом Защитников прав человека секции Дома Коммуны, заседавшим в бывшем Соборе Нотр Дам (ныне Храм Разума). В резолюции говорилось, что Фабр д'Эглантин, Филиппо, Бурдон (из Уазы) и Камилл Демулен — предатели и как таковые недостойны заседать в Конвенте.

Причиной, вызвавшей появление этой резолюции, был арест некоего «патриота», Маршана, продавца вина, 28 февраля. Он изобличил национального агента Парижского департамента Луи Мари Лулье в том, что тот на общем собрании секции Бонконсейль якобы

предлагал распустить Конвент, а также советовал народу найти «благородных представителей, достойных французской нации». Лулье апеллировал к собранию, указывая на свое революционное прошлое. Многочисленный митинг (в нем приняло участие 900 человек) после горячей дискуссии поддержал Лулье против Маршана, признав его настоящим патриотом и постановив передать Маршана, заклеяменного как клеветника, Революционному трибуналу¹⁸⁶.

Маршан был исключен из революционного комитета секции и ее народного общества, а затем арестован. Кордельеры, в свою очередь, опротестовали эту атаку на свободу патриота. Луи Бартеlemi Шено, секретарь клуба, твердо выступил в защиту Маршана. Где бы мы были, вопрошал он, если бы нас арестовывали за то, что мы осмеливались выражать свои чувства и разоблачать фракции? Маршан проявил себя подлинным республиканцем, высказав мнение по конкретному вопросу¹⁸⁷.

Общество секции Марата, именовавшееся «Друг народа» (по прозвищу этого революционера), также подтвердило свою приверженность террору. Председатель этого общества Моморо стремился разоблачить «умеренных», которых его сторонники в этом обществе часто атаковали. 27 февраля общество приняло резолюцию, в которой вначале говорилось о решительной верности принципам Горы, а далее подчеркивалось: «Принимая во внимание, что члены общества, принявшего имя своего патрона Марата, апостола и мученика свободы . . . не могут хранить молчание по поводу маневров, направленных на замедление темпов революции, и учитывая, что определенные личности пытаются направить общественное настроение в опасном направлении . . . и что Клуб кордельеров . . . объявил, что политическая клика филиппотистов потеряла доверие подлинных санкюлотов . . . общество Друга народа никогда не перестанет выражать свою верность республике, энергично уничтожая ее врагов»¹⁸⁸.

¹⁸⁶ Extrait du registre des deliberations de la Section de Bon-Consail, Paris, 10 Ventose — LB 40 1727, BN Свидетельство о гражданской благонадежности, данное Лулье (иногда пишется Люлье) было подписано Гарье, председателем, и Деспертом, секретарем

¹⁸⁷ Pierre Caron. Paris pendant la Terreur Vol. IV P. 382-383, F7 4774 27 и DXLII 11, AN Цит. по: Albert Soboul Sans-Culottes P. 706, Moniteur Vol. XIX No. 167 (March 7, 1794) P. 629. Albert Soboul and Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire P. 198 Революционный комитет Парижского департамента утвердил арест Маршана 29 вантоза (19 марта 1794 года), назвав его «очень горячим и вспыльчивым человеком» Это произошло после ареста эбертистов Маршан был освобожден 10 мессидора (28 июня 1794 года) Albert Mathiez La Vie chere P. 546

¹⁸⁸ Liberte, egalite Societe republicaine de l'ami du peuple Paris 9 Ventose — Lb 40 2194, BN Подписано Огом, вице-председателем и Дежоржем и Дюкроке, секретарями

¹⁸³ Moniteur Vol. XIX No. 162 (March 2, 1794) P. 589

¹⁸⁴ Ibid., Alphonse Aulard Jacobins Vol. V P. 666

¹⁸⁵ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol. IV P. 385 За два дня до этого Дюга сообщал, что все хорошие якобинцы хотят объединения с кордельерами Ibid. Vol. IV P. 347

Конфликт между кордельерами и секцией Бонконсеиль, тем не менее, угрожал единству санкюлотов в их оппозиции революционному правительству

Какое бы абстрактное право критиковать национального агента Маршан ни имел, трудно предположить, что Лулье на самом деле предлагал распустить Конвент. И то, что Клуб кордельеров встал на защиту виноторговца, привело к образованию глубокой брешии в отношениях между этим клубом и центральными властями. Публичная дискуссия такого рода неизбежно должна была возмутить комитеты.

Интересно отметить, что Колло д'Эрбуа, похоже, вел сложную игру. Он возник как союзник кордельеров, бескомпромиссно атаковав умеренных. Но через несколько дней он же поведет якобинцев против эбертистов, выступив как глашатай центральных властей. Позиция кордельеров по отношению к революционному правительству и санкюлотам становилась все более уязвимой.

Глава 4

НОВОЕ ВОССТАНИЕ?

8 вантоза (26 февраля 1794 года) Сен-Жюст выступил с важным заявлением, в котором оправдывал террор и обещал отблагодарить санкюлотов за их жертвы в деле защиты республики. Планировалось конфисковать богатства врагов республики и передать их патриотической бедноте. Сен-Жюст добавил, что, несмотря на жалобы некоторых людей, на самом деле революционеры Франции являлись умеренными в сравнении с другими правительствами. Приведя цифру в триста «негодяев», казненных Революционным трибуналом в течение одного года, он настаивал, что это число было меньше, чем количество казненных почти всеми другими правительствами. Все зависело от твердости мер, предпринимаемых Францией, утверждал он, нападая в то же время на «умеренных». В заключение он заявил: «Сила событий, возможно, и приводит на самом деле к результатам, которые трудно осознать. Богатство все еще остается в руках многочисленных врагов республики. Желание стать богатым делает рабочих зависимыми от их врагов. Считаете ли вы, что государство может существовать, когда общественные отношения определяются врагами правительства? Тот, кто делает революцию наполовину, лишь копает себе могилу. Революция заставляет нас признать этот принцип, означающий следующее: все те, кто оказался врагами нашей страны, не могут владеть в ней собственностью . . . Вам следует признать этот принцип, означающий, что только те люди имеют права в нашей стране, которые помогли ей стать свободной . . . Собственность патриотов священна, но собственность заговорщиков принадлежит нуждающимся». Вслед за этим Конвент принял декрет, по которому Комитет общей безопасности получал право освободить всех патриотов, ошибочно заключенных под стражу. По этому декрету собственность врагов должна была быть конфискована на благо республики¹⁸⁹.

Через пять дней, 3 марта, Сен-Жюст объявил, что «счастье — это новая идея в Европе», предложив, чтобы муниципалитеты Франции

¹⁸⁹ *Saint-Albin Berville, Jean François Barrère*, eds. *Collection des memoires relatifs a la Revolution française*. Paris, 1828. P. 190-204. Vol. LVIII of *Saint-Albin Berville, Jean François Barrère*, eds. *Debats de la Convention nationale*. 2d ser., 65 vols., Moniteur. Vol. XIX. No. 159 (February 27, 1794). P. 565-569, B & R. Vol. XXI. P. 298-311.

подготовили списки своих бедняков. Последних следовало наделить конфискованной собственностью их врагов, как то было определено в заявлении от 8 вантоза. Комитет общественного спасения должен был решить, как лучше удовлетворить нуждающихся¹⁹⁰.

Статья 3-я декрета Конвента постановляла, что дела тех, кого заключили под стражу после 1 мая 1789 года, будут пересмотрены и, если окажется, что арестованные — патриоты, их отпустят. Колло д'Эрбуа, обращаясь к якобинцам, высоко отозвался об этой части декрета, заявив, что ее принятие доказывает, что Конвент не попал под давление «снисходительных» и что арестованные эбертисты будут освобождены. «Они вновь найдут себя; они опять окунуться в революцию, пойдут дальше с новой энергией», — восклицал он. Глава делегации кордельеров, прибывшей для того, чтобы выразить братскую солидарность с якобинцами, аплодировал этому заявлению, отрицая, что существуют разногласия между двумя организациями. Его по-братски обнимали в атмосфере всеобщей радости¹⁹¹.

Относилось ли правительство серьезно к программе конфискации и перераспределения? Матьез убежден, что Конвент был готов предпринять важную перестройку в системе собственности во Франции, «широкую передачу собственности от одного политического класса другому . . . социальную программу» и другие подобные революционные меры. Он был удивлен, что те, ради кого принимался декрет, не поняли его¹⁹². Жерар Вальтер полагал, что ничего конкретного Комитет общественного спасения не предложил; его члены должны были ждать предоставления документации по этому вопросу, «сделать доклад» и все¹⁹³. Даниель Герен назвал это «демагогическим маневром», своего рода благотворительностью без намерения перераспределить поместья подозреваемых¹⁹⁴. Собуль писал, что этот декрет был направлен на то, чтобы предотвратить наступление санкюлотов против умеренных и удовлетворить их сиюминутные требования. Более того, он был убежден, что декрет не ввел в заблуждение патриотов, потому что не предложил никакого разрешения проблемы дефицита и высоких цен¹⁹⁵.

¹⁹⁰ Saint-Albin Berville, Jean François Barrière, eds. Collection des memoires relatifs à la Revolution française. P 204-206, Moniteur Vol XIX No 164 (March 4, 1794) P 611, AP Vol LXXXVI 13 Ventôse II P 22-23 B & R Vol XXXI P 311-313

¹⁹¹ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 664-6668 Ventôse, B & R Vol XXXI P 322

¹⁹² Albert Mathiez La Revolution française Vol III P 149

¹⁹³ Gerard Walter Histoire de la Terreur, 1793-1794 Paris, 1937 P 208

¹⁹⁴ Daniel Guérin La Lutte de classes Vol II P 95-98

¹⁹⁵ Albert Soboul Sans-Culottes P 710

Идея конфискации собственности на благо общества не была новой. Монтескье, Руссо и Габриель Бонно де Мабли обсуждали ее историю. Мабли выступал за «аграрный закон», ограничивающий размер земли, принадлежащий отдельным лицам, полагая, что небольшие участки земли обрабатываются лучше, чем крупные. Он был убежден, что зажиточности можно достичь только при «общности собственности»¹⁹⁶. Целый ряд мыслителей полагал, что следует ограничить количество земли в руках сеньора. Бриссо считал, что, если человеку для жизни нужно только 40 эку, а у него есть 200 тыс., он виновен в воровстве. Если «Верховное существо» дало землю всем, то «исключительное» владение ею является «подлинным преступлением против природы», писал он. Более того, с его точки зрения, только «общественный человек» в отличие от животных и дикарей расширяет свою собственность значительно за пределы своих потребностей, имея после этого наглость объявлять свою собственность «священной»¹⁹⁷.

За «аграрный закон» выступал и Клод Фоше, основатель Общественного круга, утопического реформистского общества, который при этом защищал право каждого на кусок земли. Жак Ру агитировал за распределение конфискованной собственности «эмигрантов, федератов и депутатов, которые отказались от своих постов и предали нацию», среди санкюлотов и их вдов¹⁹⁸. За конфискацию и распределение собственности среди «солдат республики» в каждом департаменте, в котором принимали «предателей» Бюзо, Петитона, Барбару и других, ратовал и Эбер в 247-м номере своей газеты. В номере же 280-м он писал, что каждый, кто отказался служить в вооруженных силах Франции, не имел права владеть собственностью в республике, а в 289-м номере он требовал конфискации земли, принадлежавшей любому владельцу, не отдавшему республике такое количество зерна, которое прямо пропорционально доходу с его участка. Экспроприированные таким образом поля должны были распределяться среди санкюлотов.

23 октября 1793 года Пьер Гаспар Шометт, прокурор Парижской коммуны, предложил Генеральному совету сделать запрос в Конвент

¹⁹⁶ Gabriel Bonnot de Mably De la legislation, ou, Principes des loix Vol I Lausanne, 1777 P 70 152-153 «Почему мы разрешаем некоему сеньору деревню или общины становиться единственным собственником? Это сокращает население страны, увеличивая внутри нее зло от богатства и собственности», — писал Мабли Ibid P 155

¹⁹⁷ J P Brissot de Warville Sur la propriété et sur le vol 1780, npr Brussels, 1872 P 62-63 64 95

¹⁹⁸ La Bouche de Fer (Шестая речь Клода Фоше) — LC 2 317, BN, Le Publiciste de la République française (публикация Жака Ру) No 263 — LC 2 227, BN См также R B Rose The "Red Scare" of the 1790s The French Revolution and the "Agrarian Law" — Past and Present 1984 Vol CIII P 114-130

с требованием разрешить «республиканцам» взять в собственность «земли, захваченные врагами общества». В то же время Анрио выразил возмущение тем, что ничего не было сделано для санкюлотов, освободивших Лион. Он предложил «разделить дома, земли и все остальное среди тех, кто победил негодяев». Кое-кто из монтаньяров разделял эти настроения. Марк Антуан Бодо, рьяный монтаньяр, выступал за то, чтобы якобинцы вдохновляли санкюлотов в департаментах обрушиться на богатых и аристократов. «Мы должны обеспечить за санкюлотами всю собственность, которую они силой захватили у них», — заявил он¹⁹⁹. 7 плувиоза (26 января 1794 года) Кутон собирался предложить конфискацию собственности бывших аристократов, священников, банкиров, биржевых агентов, генералов-землевладельцев, родителей эмигрантов и других, кого закон от 17 сентября 1793 года объявлял подозрительными. Хотя он так никогда и не огласил свой доклад, обострившийся продовольственный кризис зимой 1794 года вновь поставил вопрос о конфискации собственности²⁰⁰.

За неделю до доклада Сен-Жюста, Ле Бретон, полицейский шпион, писал, что решение конфисковать собственность подозреваемых имело огромный резонанс. Люди говорили, что, когда заключат мир, собственность будет дана солдатам, которые были на фронте, и каждый получит кусок земли для обработки. Некоторые говорили, что это и был «аграрный закон», другие настаивали, что солдаты заслужили собственность как компенсацию за то, что защищали свободу. Через день Анрио доносил, что слышал, как один гражданин в кафе восхвалял Конвент за мудрое решение конфисковать собственность врагов; этому человеку громко аплодировали. По сообщению Дюга, аналогичное чувство доминировало в среде якобинцев, а, по словам Пурвайёра, Шармона и Латур-Ламонтаня, эти настроения разделялись многими²⁰¹.

¹⁹⁹ *Moniteur Vol XVIII No 34 (October 12, 1793) P 197, и No 40 (October 31, 1793) P 294* 12 припада III года (31 мая 1795 года) в Конвенте было зачитано письмо от якобинца Седана, написанное, очевидно, летом 1793 года его коллегам в Париж. В письме содержался призыв конфисковать недвижимую и личную собственность богатых жителей любого города, которые были ответственны за подстрекательство к восстанию против Конвента. Половину этой конфискованной собственности следовало разделить между санкюлотами, участвовавшими в подавлении мятежа; другую — передать республике. Но времена изменились, и один из термидорианцев в Конвенте теперь назвал это письмо «это варварская петиция». *Ibid Vol XXIV No 256 (June 4, 1795) P 594* О Бодо см. *Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 308*

²⁰⁰ Собуль (*Sans-Culottes P 713*) пишет, что эти конфискации предложили вожди буржуазии, но что «передовые патриоты» выступали более за компенсацию, нежели за конфискацию.

²⁰¹ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 210, 230-231, 247-248, 356, 366-357, 371* «По словам многих, патриоты могут теперь спать [спокойно] в своих постелях», — писал Дюга (*Ibid P 247-248*). Ролен сообщал (10 вантоза) о предложении, якобы сделанном Барером, относительно конфискации собственности, но, как говорит Карон, Барер на самом деле никогда не делал этого предложения (*Ibid P 380*). Очевидно, ожидания, порожденные указом Конвента, дали пищу слухам

То, что декрет Конвента произвел впечатление на секции Парижа, видно из их петиции о конфискации собственности. Секция Неделимости представила резолюцию, составленную 30 плувиоза (18 февраля 1794 года). Скопированная с резолюции, принятой секцией Гренельского фонтана, в которой уже 8 фримера (28 ноября 1793 года) предлагалось ограничить общественные фонды, из которых шли деньги на содержание подозреваемых, до трех ливров в день, муниципализировать секционную скотобойню и распределять мясо по карточкам по полфунта в день на человека. В резолюции критиковались торговцы и предлагалось направить по два комиссара в хлебные и мясные лавки наблюдать за продажей и распределением хлеба и мяса²⁰².

Идея конфискации, направленная на обеспечение патриотов, захватила и народные общества²⁰³. Таким образом, доклады Сен-Жюста от 8 и 13 вантоза не были чем-то необычным. Правительство знало, как использовать эти резолюции в своей пропаганде, но ничего нового в этом предприятии не было, ибо за него ратовали как утописты, так и революционеры²⁰⁴. Хотя доклад Сен-Жюста и декрет Конвента вызвали всеобщее удовлетворение, в них мало говорилось о том, как осуществить революцию от 13 вантоза. Эта резолюция была обречена оставаться под сукном.

Тем не менее, Эбер в 230-м номере своей газеты поздравил Конвент с этими декретами. В то же время он вновь потребовал справедливости по отношению к «негодяям». Разумеется, он не думал о том, что можно было удовлетвориться обещанием конфискации и распределения. Он продолжал требовать работы для всех граждан, вспомоществования престарелым, народного образования для всех. («Немедленно организуйте народное образование, — требовал он. — Это будет вашим самым важным делом, потому что, мать вашу, без образования нет свободы, мать вашу»)²⁰⁵.

²⁰² *La Section de l'Indivisible à la Convention nationale Paris, 30 Pluviôse II 8 p — Lb 40 1891, BN* Секция обвиняла полицию в том, что та брала заключенных под свою защиту. По существу, в каждой из восьми статей резолюции содержались мольбы о продовольствии. Общее собрание опубликовало 1200 копии этой брошюры, и они циркулировали среди законодателей. Брошюра была подписана Девансестом, председателем, и Делатерром, секретарем. *Journal de Paris No 422 (February 26, 1794) P 1706-1708.*

²⁰³ Народное общество Лепелеттье 4 вантоза (22 февраля 1794 года) и 14 вантоза (4 марта 1794 года, когда в секции Неделимости было сделано предложение конфисковать собственность заключенных) — *Nouv Acq Fr 2662, fols 63, 72, BN*

²⁰⁴ *Moniteur Vol XIX No 159 (February 27, 1794) P 565 и no 164 (March 4, 1794) P 611* Собуль пишет, что конфискация собственности была оружием, использовавшимся буржуазией против своих аристократических врагов (*Sans-Culottes P 715*)

²⁰⁵ *Pere Duchesne No 350*

Декреты Конвента не могли разрешить существовавший кризис. Дефицит и вызванный им голод по-прежнему давали о себе знать. Призывы бунтарского характера обостряли недовольство многих санкюлотов, в то же время воодушевляя кордельеров на то, чтобы предпринять акцию, которая, как они надеялись, станет решающей. Слухи о новой сентябрьской резне в тюрьмах и об еще одном выступлении в духе восстания 21 мая не угасали. Разговоры об употреблении в пищу кошек и собак как меры, направленной на преодоление голода, велись на собрании секции Болота. Некий член революционного комитета этой секции даже всерьез предлагал убить и съесть заключенных, которые содержались в тюрьмах столицы²⁰⁶. В секции Арсенала второй по рангу офицер её вооруженных сил, бывший член её революционного комитета, был арестован, когда выступил с угрозами повесить правительственных чиновников и «умеренных» за то, что постоянно не хватало товаров²⁰⁷.

Различные люди доносили о планах убийства ряда монтаньяров, начиная с «самых горячих патриотов», таких как Робеспьер и Барер²⁰⁸. Идея нового восстания, аналогичного происшедшему 21 мая, будучи тесно связанной со слухами о массовых убийствах в тюрьмах, вероятно, родилась в некоторых народных обществах. Чиновник Военного министерства, Жан Луи Тутен, заявлял, что, как член Общества защитников, он слышал, как шесть других членов говорили о восстании; он полагал, что день для выступления был назначен на 14 вантоза (4 марта 1794 года). После заседания клуба несколько человек собрались в винной лавке, где Тутен слышал, как один из них сказал хозяину: «Мы рассчитываем на тебя как на твердого [члена клуба]». На что последний якобы ответил: «Я всегда буду тем, кем я был». Когда же эта компания вышла на улицу и кто-то задал вопрос о цели восстания, ему ответили, что мятеж должен стать новым 31 мая и от Конвента надо потребовать наказать предателей, ответственных за дефицит. На это задававший вопрос сказал, что его не будет в городе до 13-го. Тогда Форен дю Гавр, являвшийся, похоже, вожаком группы, ответил: «Очень хорошо. Однако ты должен прибыть в момент выступления, услышав издали пушечный выстрел; ну и вообще, где бы ты ни был, твое присутствие всегда будет полезным»²⁰⁹.

²⁰⁶ *Alexandre Tuetey. Répertoire général. Vol. XI. Nos. 60-71.*

²⁰⁷ Dos. Vincenot. — F7 4775 48, AN. Цит. по: *Albert Soboul. Sans-Culottes. P. 718.*

²⁰⁸ *Alexandre Tuetey. Répertoire général. Vol. XI. Nos. 2194-2196, показания госпожи Хаквин, Дюбаррана, Воллана и Шоле, 3-5 вантоза (21-23 февраля 1794 года).*

Другие граждане из общества Революционных людей и Электорального клуба, заседавшего в Епископстве, ссылались на человека, по имени Брут, говорившего о восстании и необходимости вычистить пятьдесят тысяч консерваторов различных мастей²¹⁰.

Правительство, понятно, было обеспокоено этими слухами. Некое анонимное письмо, написанное 9 нивоза (29 декабря 1793 года), но легко найденное на Центральном рынке утром 12 вантоза (2 марта 1794 года) полицейским комиссаром, призывало женщин собрать от 10 до 12 тыс. гражданок и маршировать на Конвент, чтобы его распустить. Автор письма заявлял, что демонстрация вызвана голодом, не ослабевавшим на протяжении последних двух месяцев. Он также высказывал мысль о том, что семсот «королей и воров» должен был заменить «вождь»²¹¹. В тот же день Пилон, овощной инспектор на рынке, передал общественному прокурору, Антуану Кентину Фукье-Тенвиллю, еще одно анонимное письмо, на этот раз обращенное к женщинам-торговкам. Оно обвиняло в дефиците Коммуну, и в нем говорилось о том, что нехватка товаров вызвана политикой реквизиций, которую Коммуна проводила в отношении фермеров. Письмо призывало женщин требовать от Конвента мира²¹².

Члены революционного комитета секции Болота были знакомы с содержанием этих писем, но ничего не знали об их происхождении или об их авторах. Они были убеждены, что спекуляция продовольствием являлась сознательной политикой богатых, направленной против бедноты. Один из членов этого революционного комитета, Эспри Ружье, ювелир, возмущался тем, что богатые граждане посылают своих слуг на рынок скупать припасы, провоцируя дефицит. Он добавлял, что провизия, прибывающая в Париж, прячется богатыми, которые ее скупают, а затем продается «аристократам» для того, чтобы она не досталась санкюлотам. Другой член этого революционного комитета заявлял о чрезвычайно высокой цене на мясо²¹³. В неко-

²⁰⁹ *Ibid. Vol. XI. No. 53, 28 Ventôse (March 18, 1794).*

²¹⁰ *Ibid. Vol. XI. No. 56, показания Рене Декоина, Жакоба Вильнёва, Пьера Андре (который говорил только о влиянии Венсана на его секцию) и Гийома Лалуме 29 вантоза (19 марта 1794 года).*

²¹¹ *Ibid. No. 2; Albert Soboul. Sans-Culottes. P. 720. Жан Креан из революционного комитета секции Болота показал, что в письме говорилось о том, что «лучше иметь одного короля, чем семсот висельников». Alexandre Tuetey. Répertoire général. Vol. XI. No. 8.*

²¹² *Alexandre Tuetey. Répertoire général. Vol. XI. No. 7.*

²¹³ *Ibid. Nos. 8, 9. Показания Жака Дювайе, сапожника; Жана Креана, типографика; Доминика Мишеля, еще одного сапожника; и Ружье, ювелира.*

торых листовках выражался протест торговцев против максимума Народные предубеждения, озвученные членами революционного комитета, подвергали, однако, гражданский мир опасности и не могли не вызвать недовольство властей. Напряженная атмосфера, которую они отражали, делала анонимные афиши вдвойне опасными. Любой разглагольствовавший о восстании, не говоря уже о тех, кто призывал к таковому, несомненно представлял угрозу революционному правительству.

К середине вантоза (началу марта) кризис достиг апогея. Нехватка товаров и высокие цены вынудили санкюлотов действовать. Некоторые не могли более терпеть бездействия властей; другие нападали на умеренных. Во главе этих активных санкюлотов шли кордельеры, которые надеялись избавиться от умеренных и вновь, как и 4 и 5 сентября 1793 года, заставить правительство склониться перед ними. Однако правительство не намеревалось подчиняться их давлению. На заседании 16 вантоза (6 марта 1794 года) Барер, заимствуя аргументы Робеспьера, заклеил разглагольствования по поводу нехватки товаров как «иностранные заговоры». Вину за агитацию он возложил на Питта и его шпионов, осудив «поджигательские афиши» и «мятежных провокаторов», заговор которых, по его словам, был направлен на спасение богачей-врагов революции. Таким образом, он связал «агитаторов» как с богатыми контрреволюционерами, так и с монархистами Европы. Тальен поддержал Барера, огласив анонимное письмо, призывавшее установить диктатуру «вождей». Он настаивал на том, чтобы принять меры не только против монархистов, но и против агитаторов. Важно, заявил он, чтобы народ понял, что те, кто призывает к восстанию, хотят восстановить монархию. «Они увидят, что эти люди, несмотря на их длинные панталоны и деревянные башмаки, не кто иные, как аристократы». Конвент обязал общественного прокурора принять меры против агитаторов, памфлетистов и тех, кто пишет афиши, приказав революционным комитетам секций найти инициаторов заговора²¹⁴.

Существовал ли заговор против правительства? Безусловно, были слышны разговоры о восстании, но не существовало никакого организованного тайного сговора, направленного на свержение Конвента и его комитетов. Перед падением монархии 10 августа 1792 года и исключением жирондистов 23 июня 1793 года парижские секции и их Коммуна, собрание комиссаров в Епископстве и его Комитет де-

вяти, различные народные общества и отдельные активисты разделяли общий план восстания. Обе акции закончились успешно благодаря мощному массовому движению, на которое оказывали влияние или которым руководили самоотверженные мужчины и женщины, ясно осознававшие свои цели. Вместе с тем не существует ни малейшего свидетельства аналогичного «заговора» или какой-либо подготовки заговора со стороны кордельеров или их вождей. Угрозы и требования исключить «предателей», атаки на «филиппотистов», осуждения «умеренных» — ничто не напоминало согласованные действия по свержению существовавшего правительства. Самое же главное состоит, по-видимому, в том, что кордельеры никогда не выдвигали цельной социальной или экономической программы, направленной на удовлетворение санкюлотов. Драматическое заседание клуба 14 вантоза (4 марта 1794 года) подтверждает это.

За два дня до того Ронсен объявил с трибуны клуба о необходимости восстания. Согласно очевидцу, присутствовавшему при этом, и Эбер, и член клуба Брут выступили против него. Последние заявили, что все, что было необходимо, это послать делегацию в Конвент с просьбой «наказать» шестьдесят (sic! на самом деле их было семьдесят три) жирондистов, находившихся в тюрьме, а также вождей умеренных, т.е. Филиппо, Бурдона (из Уазы) и Демулена. Разногласие, открыто обнаруженное вождями общества, отражало безответственность кордельеров. Могло ли существовать подобное разделение во мнениях, если бы планировалось серьезное восстание? То, что даже у самого Ронсена не было четкости в определении слова «восстание», видно из письменного показания под присягой одного из свидетелей, Жана Броше. После возражения Эбера, Ронсен вернулся на трибуну и «объяснил», что не имел в виду общее восстание, а всего лишь бунт против вождей «умеренных»²¹⁵. Точно также эбертисты будут оправдываться после их гибельного заседания два дня спустя.

Вечером 14 вантоза на заседание пришли многие важные деятели. Среди них были патриоты и активисты из больших провинциальных городов, офицеры Революционной армии и жены солдат, требовавшие хлеба для своих детей. Присутствовали и жены Эбера, Ронсена и

²¹⁴ Saint-Albin Berville, Jean François Barriere, eds. Collection des memoires relatifs a la Révolution française P 206-208, 210-212, 214-215, 216-217, 218

²¹⁵ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI No 44, свидетельство Эдма Филиппо Жарри, курьера Военного министерства. No 21, заявление Жана Этьенна Броше. No 36, заявление Мари Жанны Элизабет Бросар Жолли, мадам Метрасс, торговли семенами (мельничихи) и инспектора военных почтовых станций Ibid Vol X No 2522, показание Анн Маргерит Эврар, мадам Сулар, цитируемое Брутом «Что? Восстание? Почему восстание? Нет, нам не нужно восстания» Жакоб пишет, что слово «восстание» было впервые использовано Ронсеном 7 вантоза, а не 12 вантоза, как считают Матьез и Вальтер Girard Walter Hebert et le "Le Pere Duchesne" P 309

Венсана, а также Альбертина Марат, сестра «мученика». Вожди клуба объявили о своих планах, заключавшихся в публикации газеты под старым маратовским названием «Ами дю пепль». Газету предполагалось издавать от имени всего общества, а не только редакционной коллегии. Она должна была содержать «полезную информацию и осуждать деятельность общественных чиновников, в особенности бессовестных мандатариев народа».

Решение издавать газету от имени всего общества означало, что излагаемые точки зрения не будут публиковаться от имени отдельных лиц; авторы останутся анонимными. Это подвигло Альбертину Марат написать возмущенную записку лидерам общества, в которой она раскритиковала трусость Эбера и тех, кто именовал себя «наследниками ее брата». «Настолько ли в таком случае дорога жизнь, если ее надо сохранять ценой трусости?» — вопрошала она. «Только противодействуя смерти, только спокойно глядя ей в лицо, человек заслуживает свободы», — поучала она редакторов-кордельеров, которые, тем не менее, не изменили своего решения.

После некоторой дискуссии на заседании было принято решение завесить скрижали, на которых была начерчена Декларация прав человека, черной вуалью и не снимать ее «до тех пор, пока народ не восстановит свои священные права... уничтожив фракцию [умеренных]». Этот акт, направленный против властей, будет вскоре решительно осужден всеми сторонниками комитетов, включая и некоторых сочувствующих кордельерам²¹⁶. После этого Венсан выразил свое возмущение действиями Лувье, генерального прокурора парижского департамента, Дюфурни, президента директории департамента, Филиппо и других. Эту фракцию «умеренных», заявил он, надо бояться больше, чем Бриссо.

За Венсаном выступил Каррье, этот, по выражению Мишле, «миссионер террора», признавшийся, что, вернувшись из Нанта, был потрясен разговором о новом «умиротворении» и новыми лицами, появившимися среди депутатов Горы. Они хотят повернуть революцию вспять, предупредил он. «Они не хотят гильотины, потому что чувствуют, что они ее достойны». После этого он заявил: «Кордельеры, вы хотите издавать газету Марата. Я аплодирую этой вашей идее и этому вашему предприятию. Но эта ваша дамба, сооруженная на пути тех,

которые хотят утопить республику, на самом деле ничтожна. Восстание, святое восстание — вот чем вы должны ответить негодяям». Эти слова были встречены дикими аплодисментами²¹⁷.

За Каррье последовал Эбер, вопросивший: почему Шабо и Фабр не были наказаны? (Франсуа Шабо был глубоко замешан в скандале с Индской компанией) Он сам же ответил на этот вопрос, заявив, что этого не произошло потому, что Амар, один из руководящих членов Комитета общей безопасности, был заинтересован в спасении остатка бриссотинской фракции. Надо бояться честолюбцев, а не воров, заявил Эбер. Они прячутся за занавесом, но именно они «затыкают рты патриотам в народных обществах». После этого, совершенно не сдерживаясь и воодушевляемый своими слушателями, он объявил, что назовет имена этих людей. Буланже, второй по рангу офицер в вооруженных силах Парижа, закричал: «Папаша Дюшен, говори и ничего не бойся!» Моморо согласился: «Говори, мы защитим тебя». Венсан добавил: «У меня в кармане номер «Пер Дюшен», изданный четыре месяца назад. Сравнивая его правдивый тон с нынешним, я бы сказал, что папаша Дюшен умер».

Подстрекаемый собравшимися Эбер признал, что вынужден был принять осмотнительный тон из-за мощных нападков на него. Напомнив, что ему трижды или четырежды отказывали в выступлении в «известном обществе», он затем допустил ставший роковым для него намек на Робеспьера, после того, как патриоты исключили Демулена из Клуба якобинцев, сказал он, «один человек, введенный без сомнения в заблуждение... Я не знаю, как иначе квалифицировать это, осмелился восстановить его, несмотря на волю народа, ясно высказавшегося на счет этого предателя»²¹⁸. Критика Робеспьера, хотя и облеченная в мягкие выражения, означала приговор Эберу. Все его будущие попытки опровергнуть эти слова окажутся тщетны.

На следующий день отчеты о заседании в Клубе кордельеров появились во многих газетах. Публика была поражена, ознакомившись с открытым призывом к восстанию и незамаскированным вызовом правительству, его министрам, Комитету общественного спасения и

²¹⁶ 23 января 1794 года народное общество Седана завесило свою Декларацию прав человека черной вуалью в знак протеста против арестов Ронсена и Венсана (а также двух своих собственных патриотов) *Albert Mathiez* Les Droits de l'Homme voiles au club de Sedan en pluviöse — *Annales historiques* 1926 Vol III P 495

²¹⁷ *Moniteur* Vol XIX No 167 (March 7, 1794) P 629-630 B & R Vol XXXI P 325-326 *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II Leipzig, 1869 P 146, *Gerard Walter* Hebert et le "Le Pere Duchesne" P 197-198

Авенель пишет, что отчет об этом заседании был изъят из «Монитера» *George Avenel* *Anacharsis Cloots L'Orateur du genre humain* Vol II Paris 1895 P 386 Он критикует кордельеров за то, что они оставались людьми «пропаганды и агитации», верующими в силу слова *Ibid* P 382

²¹⁸ *Moniteur* Vol XIX No 167 (March 7, 1794) P 629-631 B & R Vol XXXI P 327-330

самому Робеспьеру, этому «человеку, введенному в заблуждение», который спас «предателя Демулена». Более всего ошарашивали заявления двух главных ораторов, Каррье и Эбера. Слухи и фальсифицированные сообщения вкладывали в их выступления больший смысл, нежели тот, который в них содержался. Не следует забывать, что Каррье был на ножах с Робеспьером в вопросе о своем поведении в Нанте. Он ждал случая, чтобы оправдаться перед своими коллегами в Конвенте, но его призыв к «святому восстанию» должен был скомпрометировать его в их глазах. Что же касается Эбера, то, прочтя его речь, многие стали говорить, что он человек обреченный, поскольку сам призывает к собственной казни²¹⁹.

Понятно, что кордельеры заявляли только о политических целях восстания. Они не выдвигали социальные требования санкюлотов, коренившиеся в нехватке товаров, и лишь пытались использовать социальный недуг, вызванный дефицитом, для удовлетворения собственных амбиций. Но даже если допустить, что они стремились к власти, с подготовкой восстания они провалились ужасно. Им не удалось «осуществить революцию даже наполовину», если перефразировать Сен-Жюста. Разговоры остались разговорами в отличие от активных действий 10 августа 1792 года и 31 мая 1793 года²²⁰.

16 вантоза (6 марта 1794 года) полицейский шпион Гривель сообщал: «Мне представляется, что Венсан, Эбер и Моморо, возглавляющие кордельеров, объединили свои интересы и усилия с целью использовать это общество для реализации амбициозных планов ... и удовлетворения личных страстей». Вспоминая о желании Эбера стать министром внутренних дел и о его нападках на Паре за то, что тот перешел ему дорогу, Гривель указывал на ненависть Эбера к Дантону и Робеспьеру за поддержку Паре. При этом он признавал, что Эбер не осмеливался нанести открытый удар по этим политическим деятелям. Не мог Эбер простить и Демулена за его измышления по поводу финансовых поступлений в поддержку своей газеты. Венсан, по словам Гривеля, был не менее амбициозен. Он не мог простить тех, был повинен в его аресте. Что же касается Моморо, то его вина заключалась в том, что он стоял на стороне Эбера и Венсана. С точки зрения Гривеля, все трое вели себя так откровенно только потому, что Конвент вяло реагировал на их поведение. В результате «они

твердо поверили в себя ... они смело поднимали головы, они провоцировали, они открыто и дерзко атаковали»²²¹. Это был неплохой анализ, хотя сомнительно, чтобы Конвент не предпринимал мер из-за своей слабости: ведь он арестовал Ронсена и Венсана. Но комитеты безусловно осознавали, насколько велика будет опасность справа, если они уничтожат оппозицию слева.

Некоторые члены Клуба кордельеров с энтузиазмом приветствовали призыв Эбера к восстанию, но таковых было немного. Среди них был Жан Батист Анкар (позже он погибнет вместе с другими эбертистами). По данным некоторых очевидцев, он не подавал признаков активности до последнего времени, но после речи Эбера его часто можно было видеть в кафе, где он «клеветал на представителей народа и пел хвалу Эберу». После призыва Эбера к восстанию Анкар якобы кричал: «До здравствует республика!» Многие заявляли, что, когда были арестованы Ронсен и Эбер, Анкар высказал мысль о том, что кордельерам следует определиться, какую партию они поддерживают. Было слышно, как он хвастался, что с «кабалою» скоро будет покончено и в три недели падут 80 тыс. голов. Когда же его спросили о цели восстания, он ответил, что имеет в виду «2 сентября», т.е. массовые казни в тюрьмах²²². Член Клуба кордельеров Брут, работник Отеля де Виль, ранее, 2 марта, опровергавший призыв Ронсена к восстанию, теперь заявлял: «Нам нужно [новое] 31 мая; мы должны выкинуть 105 мерзавцев-депутатов»²²³. Таким образом, никто точно не знал, какого рода восстания хотели лидеры кордельеров, против кого оно должно было быть направлено и какова была его цель.

Ограниченное и в значительной степени символическое значение этого конфликта, вероятно, яснее всего видно в действиях радикальной секции Марата. Один из ее членов, Фредерик Пьер Дюкроке, комиссар секции по борьбе со спекуляцией и скупкой, потребовал

²²¹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 109-110

²²² Alexandre Tuetev Repertoire general Vol X Nos 2524, 2526, 2520 Свидетелями выступили Пьер Жан Руссо, Мари Мадлен Герен, мадам Лафретт, Жозефина Бельдам, продавщица и Клод Тессье

²²³ Ibid Vol XI No 48, свидетельство Рене Шарля Мерсеро, тридцати шести лет мирового судьи, Nos 2529 и 2530, свидетельство Никола Пижео, неизвестной профессии, и Луи Франсуа Барруа, продавца книг в секции

Авенель с возмущением пишет, что на следующий день после заседания, 14 вантоза, слухи о восстании, проповедовавшемся Эбером и Венсаном, просочились повсеместно «И на следующий день с рассветом дезертиры, колонналисты-негрофобы, разорившиеся спекулянты разнесли эту новость по кафе, [новость] распространялась от кафе к магазинам до тех пор, пока не достигла ушей купцов, торгующих по максимуму, застывших, как если бы они были подозреваемыми» (George Avenel Anacharsis Cloots Vol II P 389)

²¹⁹ Gerard Walter Hebert et le "Le Pere Duchesne" P 205

²²⁰ Собуль писал о том, что политика кордельеров была «мотивирована исключительно злостью и амбицией» и что даже их «политические цели» на самом деле не были политическими (Albert Soboul Sans-Culottes P 726)

завесить Декларацию прав человека и послать делегацию в Коммуну с протестом по поводу недостаточности мер, принимавшихся Коммуной в связи с нехваткой товаров. На это общее собрание заявило, что причин сделать это недостаточно. Дюкроке ответил, что им надо объявить себя в состоянии восстания. Однако Дени Этьен Лорен, член Генерального совета, выступил против этого предложения, предложив направить его в муниципалитет. Ряд выступавших в секции призвал к проведению массовой демонстрации перед Коммуной до тех пор, пока не будет наложено снабжение. Но когда некий гражданин, Ружувен, спросил, против кого будет направлено восстание, возникла разногласия.

Очевидно, секция раскололась на тех, кто хотел восстание, даже если им не были ясны его цели и число потенциальных жертв, и теми, кто оставался верен конституционным властям, как местным, так и общенациональным. Некий участник собрания, Жак Фредерик Вуарме (зачастую именуемый Варме), муниципальный чиновник и секретарь секции, заявил, что народ уже три раза организовывал восстания, которые оказались полезными для народного дела. Иными словами, не было нужды еще в одном. Он выступил против занавешивания Декларации прав человека. После этого Моморо, председательствовавший на собрании и аплодировавший Дюкроке, решил покончить с дискуссией, начинавшей все более закипать. Он сделал соответствующее предложение собравшимся, которое было принято. Примерно половина участников покинула зал. Остались лишь «люди 40 су», т.е. самые бедные, которым платили за присутствие на заседаниях секции. По словам очевидца, Луи Никола Делюша, «патриоты» во время собрания хранили молчание, так как не хотели обострять ситуацию, провоцируя «людей 40 су»²²⁴. Таков был новый ярлык для «патриотов»!

Желая привлечь внимание собравшихся к предложению об организации на следующий день демонстрации перед Коммуной, Моморо действовал волюнтаристски и отменил доклад о спекуляции, за-

планированный заранее. Он обвинил нотариуса Пьера Жака Геспера в том, что тот был «аристократом», заявив, по словам присутствовавших, следующее: «Вот как некоторые люди своими тривиальными предложениями стремятся похоронить в обсуждениях более важные вопросы». Таким образом, он силой повернул дискуссию к вопросу о походе в Коммуну. Некоторые обвиняли Моморо в том, что он третировал богатых как негодяев, поощряя брожения в секциях, направленные против дефицита, для того, чтобы собственники чувствовали себя в опасности²²⁵.

Угрозы организовать поход в Коммуну, сопровождаемые безответственными заявлениями о необходимости нового восстания, вынудили правительство принять меры. 16 вантоза (6 марта 1794 года) Барер добился от Конвента декрета, вменившего в обязанность общественного прокурора информировать законодательное собрание о том, кто являлся авторами листовок и памфлетов, распространявшихся на рынках. Декрет также предписывал Комитету общественного спасения представить доклад Конвенту о мерах, направленных на защиту правительства. Существовало ли что-нибудь, чего могло опасаться революционное правительство? Разве не понимал Комитет общественного спасения, что все эти уклоны и громкие призывы были не более опасны, чем ветер? Проблема состояла в том, что контрреволюционные элементы начали использовать агитацию, развернутую кордельерами. Помимо афиш, изобличавших Демулена и Филиппо, появились листовки с нападениями на монтаньяров в миссии. Циркулировали и чудовищно раздутые слухи о голоде. Кто-то слышал, как некоторые женщины кричали: «Если Коммуна не хочет, чтобы мы стали проститутками, пусть накормит нас». Сам Конвент разделился на сторонников и противников кордельеров. Когда Каррье вошел в комнату, где заседал Комитет общественного спасения, Барер воскликнул: «Чертов дурак! Ты причина того, почему мы не можем арестовать Эбера, Моморо и других»²²⁶.

16 вантоза (6 марта 1794 года) члены секции Марата действительно «всей массой» явились в Коммуну. Они приняли решение «подняться», потому что их враги все еще наслаждались плодами спекуляции в то время, как они сами оказались без средств. Поэтому, заявили они, они завесили Декларацию прав человека черной вуалью, и она будет заве-

²²⁴ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2366, 2531 (в которых Жак Тома дает показания, говоря о могучем «глухом ропоте» против идеи четвертого восстания), 2532 (в котором Этьен Никола Фабр, литератор, заявляет, что Дюкроке использовал слово *voiler* (склонять) вместо *violier* (насилловать) в применении к Декларации прав человека)

Мадам Филипп Жарри, курьер Военного министерства, приводила слова Венсана, требовавшего чистки умеренных, и описывала его перебранку с женщиной, которая возмущалась поведением Эбера. Венсан хотел ее исключить, говоря, что она подкуплена и хотела ранить Эбера. Она резко парировала: «Да, негодий, я была подкуплена тобой, чтобы аплодировать тебе». Анкар предложил исключить ее, и она покинула зал под аплодисменты женщин-сторонниц Эбера. *Ibid* Vol XI No 44

²²⁵ *Ibid* Vol X Nos 2368, 2367, заявления Бафелеми Дамур и Мари Лесаж

²²⁶ Декрет Барера см. *Moniteur* Vol XIX No 167 (March 7, 1794) P 635. Его слова, адресованные Каррье, взяты из *Catalogue Charavay*, цитируемые в *George Avenel* Anacharsis Cloots Vol II P 390-391, 392

шана до тех пор, пока продовольствие и свобода не будут гарантированы, а враги народа не понесут наказание. Председатель Генерального совета, Жан Жак Любен ответил им, что Коммуна знает об их проблемах, ловко направив негодование демонстрантов по поводу нехватки товаров против «двора Святого Джеймса» и Берлина. Любен напомнил им, что Конвент и его Комитет общественного спасения занимаются их проблемами, в то время как Комитет общей безопасности конфискует собственность подозрительных лиц. Он объяснил им, что они выступили против власти в явно не подходящее время, заверив их в том, что их представители — те же люди, которые сделали революции 10 августа и 31 мая. За ним выступил национальный агент, обративший внимание на то, насколько опасно было предпринимать подобные действия тогда, когда Франция находилась в состоянии войны. Как и Любен, он ссылаясь на «отличный доклад» Сен-Жюста. Шометту затем удалось получить согласие толпы на принятие пяти безвредных мер, заключавшихся, по существу, в том, чтобы просить Управление провианта доложить о предпринимавшихся шагах по снабжению Парижа, а также в том, чтобы умоливать Конвент удвоить усилия по снабжению столицы продовольствием, рассматривая Париж как «город, находящийся в состоянии войны и в условиях осады»²²⁷.

Таким образом, демонстрация не достигла своих целей. Секцию легко удовлетворили бумажные революции, и «восстание», направленное на обеспечение снабжения, закончилось ничем. Даже революционный комитет секции не имел ясного представления о значении слова восстание. Большинство его членов ничего не знали о бунтарских афишах, негодую только по поводу нехватки товаров. Один из них, Франсуа Жозеф Генец, определил восстание как принятие «мер для того, чтобы беднота не оставалась извечной жертвой богатых и чтобы в Париже, наконец, было продовольствие»²²⁸. Это, понятно, вряд ли могло являться подлинной целью восстания.

Матьез думал, что призыв кордельеров «остался без ответа»²²⁹. Но, как мы видели, не было никакого призыва. Ни кордельеры, ни секция Марата не имели плана действия. Другие же секции занима-

²²⁷ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 18, 25, 26, *Moniteur* Vol XIX No 169 (March 9 1794) P 645 646, B & R Vol XXXI P 331 Делош показал, что только шестьдесят или семьдесят человек из секции Марата пришли в Коммуну (См. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2366)

²²⁸ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 20, Луи Робер Эдм Густ, архитектор и член революционного комитета, показал, как дискуссия о необходимости восстания завершилась пустой болтовней

²²⁹ *Albert Mathiez* La Revolution française Vol III P 154

лись сбором селитры, беспокоясь о провианте. 15 вантоза, на следующий день после заседания, на котором шла речь о «восстании» кордельеров, и за день до марша на Коммуну сам Моморо появился в Конвенте во главе многочисленной делегации секции Марата, неся большие тюки селитры под звуки барабанов и громкие приветствия депутатов. Он заявил, что у секции Марата есть «неисчерпаемые источники моральной селитры», что было встречено шумными аплодисментами. Его речь была опубликована в «Бюллетени».

Жорж Авенель саркастичен в описании этой спецы. «Восстала ли секция Марата? — Нет», — отвечает он. Именно Моморо возглавлял делегацию в Конвент, неся селитру²³⁰. Бакон сообщал о многочисленных заседаниях секций Друзей отечества, Общественного договора, Ломбардцев, Дома Коммуны и Арсенала, обсуждавших нехватку товаров и необходимость в селитре. В секции Общественного договора некоего сапожника проводили аплодисментами за призыв к тому, чтобы тридцать шесть мужчин каждый день копали селитру (он хотел, чтобы эта задача была вменена как наказание «денди, которые . . . бояться загрязнить свои тонкие белые ручки»)²³¹. Ничто из этого, естественно, не отражало враждебности к правительству, меньше всего враждебности было в акции Моморо и секции Марата.

Тем не менее, непрекращавшаяся дискуссия о необходимости нового 31 мая взволновала общественное мнение. Правда, не было ясности по поводу целей еще одного восстания, и некоторые граждане продолжали требовать единства всех хороших республиканцев. Вне сомнения, те, кто знал о дебатах в Клубе кордельеров, были несколько смущены. Ведь эти дебаты на фоне дефицита угрожали стабильности общества и революционного правительства. 15, 16 и 17 вантоза все наблюдатели в один голос говорили о серьезности продовольственного кризиса и опасности уличных сборищ, таивших в себе угрозу насилия. Сен-Жюст и Карно подписали декрет с приказом мере Пашу периодически докладывать им о состоянии общественных настроений в Париже²³².

В ночь с 15 на 16 вантоза (5-6 марта 1794 года) в секции Неделимости были вывешены афиши, в которых Робеспьер, Приер, Робер

²³⁰ *Moniteur* Vol XIX No 168 (March 8, 1794) P 640-641, *George Avenel* Anacharsis Cloots Vol II P 391

²³¹ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 84-85, 86

²³² *Alphonse Aulard* Recueil des actes du Comité de salut public avec la correspondance officielle des représentants en mission et le registre du conseil executif provisoire Vol XI Paris, 1889-1951 P 522. *Albert Soboul* Sans-Culottes P 732.

Линде и Барер были названы «каннибалами, обманщиками народа, неизменными дураками и глупцами, ворами, наемными убиийцами» и т.п.²³³ Одна афиша призывала: «Санкюлоты, настало время. Давайте общий сигнал тревоги и бейте в набат. Вооружайтесь да побыстрее, вы же видите, что они выжимают из вас последнее. Верьте мне, лучше погибнуть, защищая свою страну, чем умереть от голода, на который вас хотят обречь политиканы»²³⁴. Волнение в связи с новым максимумом на заработную плату делало этот призыв вдвойне опасным.

Именно для того, чтобы противодействовать этой подрывной атаке на Конвент, Барер вменил в обязанность общественного прокурора установить авторов афиш, которые были «более опасны, чем эмигранты и бежавшие аристократы»²³⁵. В то же время Комитет общественного спасения столкнулся с дилеммой: если бы он применил жестокие меры против кордельеров, это воодушевило и усилило бы «снисходительных» (Дантона и его сторонников). Более того, два члена Комитета — Колло д'Эрбуа и Жан Николя Бийо-Варенн — были обязаны своими позициями «эбертизму», т.е. санкюлотам. Оба были избраны в Комитет общественного спасения после военных демонстраций секций 4 и 5 сентября 1793 года. Монтаньяры вряд ли могли порвать связи с санкюлотами, на которых они, как и эбертисты, опирались. Война все еще не была выиграна; страсть и преданность санкюлотов были необходимы для того, чтобы привести ее к успешному завершению. Кроме того, ликвидируя монтаньяров «эбертизм», вновь возник бы вопрос об усилении «снисходительных». На какое-то время, если бы правительство смогло ослабить ажиотаж вокруг нехватки товаров, оно выбило бы почву из-под ног кордельеров: последние не смогли бы уже использовать свои популистские лозунги. Тот факт, что Комитет общественного спасения опирался на репрессии в большей степени, нежели на меры, направленные на разрешение проблемы продовольствия, обнажает эволюцию Комитета. Впервые члены Комитета чувствовали себя достаточно сильными, чтобы рискнуть вызвать неудовольствие санкюлотов²³⁶.

Возможно также, что Комитет общественного спасения, готовя удар по кордельерам, был более уверен в своих силах, благодаря докладам различных полицейских наблюдателей, подчеркивавших большую оппозицию новому восстанию со стороны санкюлотов. Один из

наблюдателей слышал разговоры людей в Тюильри о том, что Эбер и его друзья заслуживают гильотины за проповедь восстания. Он доносил, что «действия Эбера, Ронсена и Венсана ослабили их авторитет в обществе». Люди говорили, что Эбер повторяется в своей газете, хотя, по донесению шпиона, они действительно были согласны с тем, что некоторых хороших патриотов оклеветали»²³⁷.

Между тем, Демулен продолжал свои атаки на эбертистов. Теперь он даже удвоил их, поскольку Эбер, Венсан и Моморо якобы проповедовали восстание. Что стало бы с Филиппо, Бурдоном (из Уазы) и им самим, спрашивал он, если бы они переняли манеры своих врагов и проповедовали восстание против Бушотта и Венсана? Были бы они гильотинированы? Где, в конце концов, равенство перед законом?²³⁸

Революционное правительство готово было действовать «беспристрастно», продемонстрировав Демулену, что верит в «равенство всех перед законом», и нанеся удар по обеим фракциям, как эбертистам, так и дантонистам. Комитеты не собирались допускать продолжения ажиотажа кордельерами. В то же время они не могли позволить Демулену и его друзьям воспользоваться ситуацией и прекратить террор. Если предложение Сен-Жюста Ронсену и Венсану было сделано с добрыми намерениями, кордельеры не приложили ни малейшего усилия, чтобы оценить это. Здесь они также совершили фатальную ошибку. Может быть, они еще не осознали опасность, в которой оказались? Если нет, они должны были по крайней мере почувствовать угрозу, когда по ним был нанесен новый удар, т.е. тогда, когда от них отвернулся их друг Колло д'Эрбуа.

²³⁶ *Albert Soboul* Sans-Culottes P 734 *Daniel Guerin* La Lutte de classes Vol II P 108 Возможность достижения правительством некоего рода тайного соглашения с эбертистами, «снисходительными» или обеими фракциями, рассматривается интересно, но неубедительно в *J. B. Fortescue* The Manuscripts of J. B. Fortescue, Esq. Preserved at Dropmore Vol II London, 1892-1927 P 541-542, 548-549 В этой книге содержится серия «Бюллетеней», якобы написанных графом д'Антрегом и переданных через британского консула в Женеве британскому министру иностранных дел Уильяму Уинхаму Гренвиллю. Целью этих «Бюллетеней» было описание нескольких невероятных встреч, в том числе между Барером и Дантоном, Робеспьером и Сиенсом, а также различными эбертистами и членами Комитета общественного спасения. Немногие историки принимают сегодня эти «Бюллетени» на веру.

²³⁷ *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II P 150, 23 Ventôse (March 13, 1794)

²³⁸ *Vieux Cordelier* No 6 Интересно, что в этом номере газеты Демулен подмечает, что в Англии именно аристократы, руководимые Питтом, хотели продолжать войну, а во Франции — патриоты и революционеры, в то время как фейяны хотели мира. На каждой странице газеты Демулен продолжал цитировать Робеспьера как мудрого и проницательного государственного деятеля. Очевидно, он прятался за его спину для того, чтобы его собственные аргументы выглядели сильнее. В то же время сочинения Демулена отражали непримиримую ненависть по отношению к эбертистам.

²³³ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 3, 10

²³⁴ *Ibid* Nos 6, 4 Цит по Introduction P lxxvii

²³⁵ *Moniteur* Vol XIX No 167 (March 7, 1794) P 635

Глава 5

ЯКОБИНЦЫ ПРОТИВ КОРДЕЛЬЕРОВ

Разговоры в Клубе кордельеров 14 вантоза о восстании угрожали правительству, монтаньярам и якобинцам. Полицейские доклады, однако, свидетельствовали, что всего лишь небольшое число санкюлотов поддержало бы выступление против правительства. Секции и Парижская коммуна отвергали эту возможность. Кроме того, вызывало сомнение, были ли сами вожди кордельеров решительно настроены на восстание. Они не предприняли никаких шагов, чтобы организовать его и были слишком готовы отречься от всего того, что имело место на решающем заседании 14 вангоза. Тем не менее, правительство не могло абстрагироваться от этой угрозы.

В этот критический момент козырная карта оказалась в руках Колло д'Эрбуа. Как и Каррье, Колло был тесно связан с кордельерами. Он оказался в Комитете общественного спасения именно после восстания санкюлотов 4 и 5 сентября 1793 года, и Эбер расхваливал его как «гиганта». Колло был ответственен за «стрельбу» (массовые расстрелы заключенных) в Лионе, точно так же как Каррье — за печально знаменитые «наяды» (массовые потопления) в Нанте. Кордельеры, сторонники тактики террора против контрреволюционеров и тех, кого они считали таковыми, естественно, поддерживали политику Колло и Каррье. Комитет общественного спасения также поощрял своих представителей в миссии на использование методов террора для того, чтобы подавить восстание федератов летом и ранней осенью 1793 года. Теперь же, однако, правительство начало дистанцироваться от бывших «террористов», которых ранее поддерживало против контрреволюции: оно стремилось проводить во Франции общенациональную политику, что делало неизбежным удар по эбертистам, с одной стороны, и «снисходительным» — с другой. Каррье был отозван, а после ареста Ронсена и других кордельеров под угрозой себя почувствовал и Колло²³⁹.

²³⁹ См. размышления Герена о централизаторской и бюрократической политике революционного правительства, которое начало лишать местные власти независимости в принятии мер, направленных на разрешение их конфликтов с Конвентом и его двумя комитетами (*La Lutte de classes* Vol II P 12-57) Матъез (*Révolution française* Vol III P 129) пишет, что Колло чувствовал себя под угрозой после ареста «своего агента Ронсена» и других эбертистов

Если бы Комитет общественного спасения смог сделать так, чтобы такой симпатизировавший кордельерам человек, как Колло, убедил бы этот Клуб присоединиться к якобинцам и поддержать правительство, это было бы важной победой. И последняя была достигнута: Колло действительно решил поддержать политическую линию правительства, порвав со своими прежними союзниками. Мы можем только догадываться, почему он так сделал. Возможно, он осознал слабость кордельеров или просто поверил в то, что политическая линия клуба угрожала тому самому единству, которое одно могло привести к победе над иностранной Коалицией и внутренней контрреволюцией. Нельзя сбрасывать со счетов и то, что он мог испугаться: критика правительством его политики в Лионе подвергала его опасности. Конечно, не существует документов, которые доказали бы это, но его резкий отказ от поддержки кордельеров мог иметь как личные, так и политические мотивы.

В любом случае Колло отошел от кордельеров. 16 вантоза, всего через два дня после заседания клуба, на котором раздавались призывы к восстанию, он выступил в Якобинском обществе, требуя, чтобы якобинцы отреагировали на опасность, которая угрожает им. Обращая внимание на отсутствие выполнявших особые поручения нескольких членов Комитета общественного спасения и болезни Робеспьера и Кутона, он подчеркнул серьезность ситуации в столице, где враги Франции плели свои многочисленные «интриги». Колло заявил, что, хотя он и уважает кордельеров, он должен признать, что члены клуба оказались введены в заблуждение точно так же, как это было в прошлом, когда Жак Ру соблазнял их выступить против принятия новой Конституции, только потому что она не объявляла вне закона спекуляцию и скупку. Теперь же группа амбициозных людей хотела организовать восстание и сделать на этом свой бизнес. Что они сделали для народа, вопрошал он? Он предложил послать делегацию к кордельерам и объяснить им, что они оказались введены в заблуждение «интриганам»²⁴⁰. Очевидно, он надеялся отделить рядовых кордельеров от их вождей.

Моморо немедленно ответил, что Колло ошибся. По его словам, например, Декларация прав человека была завешана в Клубе кор-

²⁴⁰ *Journal de Montagne* Nos 115-116 (March 8, 9, 1794) P 915-916, 9231-922. Помимо прочего, Колло воскликнул: «Восстание потому, что двое людей страдали из-за того, что врач не вылез из кода они болели!» Анафема тем, кто требует восстания!

Возможно, Колло был замешан в заговоре эбертистов, «которые в случае успеха мог, вполне вероятно, сделать его хозяином республики» (*R R Palmer Twelve Who Ruled* P 282). Между тем, нападая на вождей кордельеров, он ничего не говорил об опасности, равным образом исходившей из призыва Каррье к восстанию

дельеров за месяц до проходившего два дня назад заседания, что могло быть подтверждено протоколом заседания клуба. Более того, ее завесили в то время, когда якобинцы также боролись «против гнета». Колло парировал, заявив, что, по данным ряда газет, траурная вуаль на скрижалях висела всего лишь несколько последних дней. Более того, сказал он, время гнета прошло, и в отличие от тех дней, когда накануне восстания 31 мая патриоты не могли поднять свой голос, теперь Конвент разделяют только личные разногласия. Популярные декреты сегодня проходят без труда, заверял он своих оппонентов, обвиняя народные общества секций в «интриге». Когда Моморо отверг эти обвинения, направленные против кордельеров, Колло ответил, что он не их обвиняет, а секционные общества, соблазнявшие людей организовать поход на Конвент — имелась в виду секция Марата. Кордельеры были связаны с этими обществами помимо их воли, заявил он.

Эти слова убедили якобинцев послать делегацию в братскую организацию во главе с Колло. Решение было мудрым. Колло в конце концов был связан с членами секций, чье давление на Конвент во время драматических событий 4 и 5 сентября 1793 года помогло ему получить место в Комитете общественного спасения. Кроме того, он был оратором и актером, т.е. обладал талантами, которые должны были помочь ему убедить кордельеров пересмотреть курс. Если бы Робеспьер, Сен-Жюст или какой-либо другой член Комитета отправился послом к кордельерам, никто не был бы уверен в ответе Клуба С Колло же шансы на успех возрастали.

Следует вспомнить, что Каррье призвал к «святому восстанию» на заседании Клуба кордельеров 14 вантоза. Теперь же у якобинцев он хотел «объяснить», что произошло тогда. Перед ним, однако, слово взял якобинец, Реноден, судья Революционного трибунала, говоривший, по-видимому, от имени многих членов своего клуба: «Они хотят восстания! Прекрасно! Пусть они покажут себя, и мы увидим, кто победит, мы или они». После него Каррье попытался объяснить, что никто о восстании не говорил, «о нем упоминалось лишь на тот случай, если к нему приведут обстоятельства». Он клялся своей головой, «что никто не выступал ни с каким предложением против Конвента». Он признавал, что некоторые граждане хотели разделить якобинцев и кордельеров, но подчеркивал, что угроза восстания была направлена именно против «умеренных». Более того, хотя некоторые кордельеры и разоблачали писания Филиппо, в то время как другие выступали против фракций в Конвенте вообще, никто не использовал слово восстание в традиционном смысле.

Некоторые члены Клуба кордельеров, присутствовавшие при этом, поддержали Каррье, возмущаясь тем, что речь Эбера была извращена в печати. Все повторяли: лозунг восстания был использован условно, настаивая, что имелась в виду ситуация, при которой «патриоты» окажутся угнетены фракцией, взошедшей на руинах республики; только тогда восстание стало бы необходимым. Сам Эбер пытался опровергнуть свое демагогическое заявление от 14 вантоза, обвиняя журналистов в извращении его. В 354-м номере «Пер Дюшен» он угрожал фейянам и умеренным союзом якобинцев и кордельеров «в последнем восстании против предателей». Урон, однако, был нанесен, и никакие притворные объяснения не могли устранить угрозу восстания, которая прозвучала. Полицейский шпион Дюга сообщал, что в кафе много говорили о заседании кордельеров. Эбер, Венсан, Моморо и другие назывались «английскими патриотами», и люди особенно негодовали по поводу того, что Эбер атаковал Робеспьера²⁴¹.

На следующий день, 7 марта, Колло явился вместе делегацией Якобинского клуба в Клуб кордельеров. Их приняли с плохим настроением. Венсан предложил, чтобы семь или восемь якобинцев были посажены слева от президиума, чтобы не мешать протоколу и ведению дискуссий в обществе. Председательствовавший на заседании Моморо предоставил право первой выступить делегации секции Муция Сцевола. Это было сознательным жестом пренебрежения к Колло и его сторонникам. Существовала также неясность, был или нет принят протокол заседания 14 вантоза.

После того, как прозвучали многие возражения по поводу зачтения этого протокола на том основании, что оглашение его означало бы предоставление его якобинской цензуре, Колло наконец было предоставлено слово. Он, запинаясь, произнес, что кордельерам не следовало бы слишком расстраиваться из-за того, что двое их членов (Венсан и Ронсен) посидели в тюрьме. Некоторые закричали, что это не было вопросом повестки дня и что это принципиальное дело. Вскоре, однако, Колло, используя как свои актерские способности, так и талант оратора, завоевал аудиторию. Было подмечено, что даже Моморо всплакнул и, отвечая Колло, поклялся, что кордельеры будут поддерживать Декларацию прав человека вместе с якобинцами, которых он пригласил часто посещать их заседания.

²⁴¹ Moniteur Vol XIX No 169 (March 9 1794) P 646-648 Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 671-674 B & R Vol XXXI P 331-332, Gerard Walter Hebert et le "Le Pere Duchesne" P 206-207, Albert Soboul Sans-Culottes P 731-735 Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 107

Вместе с тем Колло не всех убедил: мадам Эбер, по словам женщины, сидевшей рядом с ней, назвала его «комедиантом и интриганом». В течение всей его речи она продолжала говорить: «Это шоу, разве не видно, что он ломает комедию?» Когда же люди вокруг нее запротестовали, она обвинила их в том, что они подкуплены якобинцами, заявив, что кордельеры не могут соревноваться с членами Якобинского клуба, поскольку они не «миллионеры». Когда Колло аплодировали, мадам Эбер возмущалась, говоря, что Колло сыграл роль предателя, в то время как кордельеры всегда оставались искренни²⁴².

Тем не менее, призыв Колло был достаточно сильным, чтобы завоевать большинство кордельеров: «Вы произнесли слово “восстание”. При каких обстоятельствах говорится о бунте? О нем говорится в то время, когда Питт и Кобург, как хищные птицы, парят над Францией; когда во всех правящих дворах Европы твердят о том, что якобинцы и кордельеры готовы объединиться в борьбе за смерть». Когда он закончил, раздались крики «браво», собравшиеся бросали в воздух шапки и аплодировали растроганному их оратору.

Софизм Эбера, заключавшийся в том, что он имел в виду под «восстанием» только союз двух обществ против общих врагов, никого не убедил. В любом случае так нельзя было отвечать на патристический призыв Колло. В результате на том же заседании кордельеры в порыве энтузиазма сорвали траурную вуаль, закрывавшую Декларацию прав человека, и передали ее делегации якобинцев как свидетельство братского союза. Но когда Колло попросил дать ему посмотреть оригинальный протокол заседания Клуба кордельеров от 14 вантоза, Моморо уклончиво ответил, что он редактируется, поскольку в него не был включен ряд поправок и некоторые неточности должны быть исправлены²⁴³.

Колло доложил якобинцам, что его приняли по-братски, и показал вуаль, закрывавшую Декларацию прав человека. И даже пос-

²⁴² *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2362 в котором Моморо клянется, что кордельеры никогда не деградируют, но вместе с якобинцами будут «и дальше возводить» здание республики Ibid Vol XI Nos 43 и 36, свидетельство Франсуа Фаржаир, часовщика, и Мари Жанны Элизабет Брокер Жотти, мадам Метрасс, торговки семенами (мелыничихи) и инспектора военных почтовых станций, *George Avenel* Anacharsis Cloots Vol II P 401-402

²⁴³ *Moniteur* Vol XIX No 171 (March 11, 1794) P 663-664, B & R Vol XXXI P 334 *Amable Guillaume Prosper Brugiere, baron de Barante* Histoire de la Convention nationale Vol IV 1851-1853 pp. New York, 1976 P 125, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2372, декларация Ж. Б. Лонса из секции Бонконсенль

ле этого он убеждал их не слушать «коварных ораторов, которые говорят о страдании всей республики». Он заклеил эти речи как «обычный язык аристократии». Более того, он предупредил против вероломства небольшого числа людей, которые выступали против союза двух организаций²⁴⁴.

Кто были эти вероломные люди? Несмирившиеся вожди кордельеров. В конце концов, Колло ничего не сказал об умеренных, не упомянул он и продовольственный кризис. Венсан все еще требовал выяснить, почему «бриссотинцы» не были до сих пор наказаны и почему еще не был сделан доклад о «заговоре». Он заявлял, что существовала «опасная фракция», которую следовало давно арестовать. В тот же день, когда Колло выступал перед кордельерами, Ронсен предупреждал последних, чтобы они оставались бдительны и не поддавались на «обман гуманизма», выступающего под маской «милосердия, гуманности и моральных добродетелей». Затем, не называя его по имени, он атаковал Робеспьера за термин ультрареволюционер. Это было слово, сказал Ронсен, которое отвлекало внимание публики в течение двух лет, слово, использовавшее новыми фракционерами для подавления самых преданных патриотов, слово, которое, наконец, могло иметь гораздо менее греховное влияние, если бы не вышло из рта монтаньяра, столько раз громогласно обрушивавшегося на подлых сторонников тирании. Ронсен затем атаковал Филиппо и его умеренных друзей, которые подрывали позиции патриотов, «не потому, что сводили какие-то личные счета со своими первыми жертвами, а потому что стремились сковать революционный темперамент, чтобы убить дух в народе». Эта речь была опубликована кордельерами и вывешивалась на стенах многих зданий²⁴⁵.

У Венсана и Ронсена были сторонники среди кордельеров, которые отвергали призыв Колло в таких секциях, как секции Брута и Финистера, а также в народном обществе Лазовского. Эти люди не одобряли отречения Эбера и Моморо и продолжали принимать зажигательные резолюции против «скрытых роялистов, умеренных и “снисходительных”». Оратор из общества Лазовского Гийом Булан требовал «освободить» Революционную ар-

²⁴⁴ *Journal de Montagne* No 118 (March 11, 1794) P 937-939

²⁴⁵ *Moniteur* Vol XIX No 172 (March 12, 1794) P 670, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 677, B & R Vol XXXI P 335, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X P 2263

мию и судить судом военного трибунала «спекулянтов»²⁴⁶. 22 вантоза (12 марта 1794 года) Эбер, очевидно, вновь воодушевленный атаками Венсана на новых «кромвелистов», выступил против Барера. В то же время Моморо выразил возмущение тем, что его допрашивал судья Революционного трибунала относительно бунтарских афиш, угрозы восстания и «искусственного голода». Он объявил, что общественный прокурор хотел узнать, кто из секции Марата инициировал завешивание Декларации прав человека. Моморо сообщил также, что в свою очередь задал несколько вопросов судье после того, как тот допросил его. Он был возмущен, что патриотов подвергали юридическим разбирательствам, в то время как «замаскированные роялисты» оставались ненаказанными²⁴⁷.

19 вантоза (9 марта 1794 года) Бушезеш сделал важное наблюдение в Клубе кордельеров: «Состав публики на галерке не был таким же, как на прошлом заседании. Большинство зрителей состояло из завсегдатаев, и все были недовольны аплодисментами, за два дня до того прозвучавшими в адрес Колло д'Эрбуа. До заседания они выразили свое сожаление, что с Декларации прав была снята траурная вуаль». Бушезеш затем обратил внимание на слова Венсана, указав, что последний стремился ослабить эффект от ораторского искусства Колло. Не называя Дантона, Венсан заявил, что когда-нибудь настанет день, когда будет обнаружено, почему «определенное ли-

цо работало на исполнительную власть и т.д. Будет также обнаружено, что [некоторые] желали, чтобы [угроза] гильотины заставила его [Венсана] замолчать». Полицейский шпион добавлял: «То, что его коллеги и галерка выразили удовлетворение его выступлением, дало ему понять, что они разделяют его чувства»²⁴⁸.

Таким образом, в кордельерах существовало руководимое Венсаном и Ронсеном своего рода «левое крыло», если использовать термин Герена. Эта группа не принималась во внимание Эбером, Моморо и якобинцами, когда они выражали чувство единства. Фракция «левых» не отказалась от связей с теми народными обществами секций, которые Колло объявил опасными для законных властей. Мало кто забыл, что Колло д'Эрбуа получил свое место в Комитете благодаря санкюлотам. Он был по существу тем звеном, которое соединяло монтаньяров с массами ремесленников, рабочих, мелких торговцев и поденщиков, составлявшими санкюлотов столицы. Венсан чувствовал, что у них есть право ожидать нечто большее от Колло, чем защиту от «системы пагубной умеренности», если использовать выражение кордельеров.

Через несколько дней, 21 вантоза (11 марта 1794 года), кордельеры, наконец, послали делегацию к якобинцам. Последние тщетно ждали ее со времени визита Колло. По данным Латур-Ламонтаня, люди гадали, что причиной задержки могло явиться то, что кордельеры были слишком заняты редактированием «нового протокола». Кордельеры решили не составлять адрес якобинцам — это означало бы потерю ими лица, а согласиться вместо этого на «очень простую и твердую резолюцию». Глава делегации настаивал на том, что «злые журналисты» сознательно извратили и переврали все то, что произошло на заседании Клуба кордельеров 14 вантоза. В итоге дружба и братство были восстановлены под вдохновенные критики «Да здравствует республика!»²⁴⁹ Вместе с тем под внешней гармонией подлинного союза не было.

Эбер маневрировал от одного номера своей газеты к другому. В 354-м номере он поздравил якобинцев и кордельеров с их братством, а уже в следующем номере написал: «Некуда уже отступать, мать ва-

²⁴⁶ Буллан (иногда пишется Булан), тридцати семи лет от роду, был вождем секции Финистера, за плечами которого была выдающаяся и длительная революционная карьера. Он был арестован после демонстрации 20 июня 1792 года, стал выборщиком в 1792 году, был избран помощником судьи, а затем членом суда 2-го района. Он был подвергнут критике 11 флореаля (30 мая 1794 года) за защиту «Моморо, Венсана и других». Арестованный некоторое время спустя он получил свободу после падения Робеспьера. В 1795 году его вновь критиковали, но он избежал ареста. По словам некоторых его коллег в революционном комитете, Булан, атаковавший «собственность», поддерживал идею о том, что восстание было нужно. Его обвиняли как сторонника не только Эбера, но и Робеспьера, громили за то, что он был *сентябристом*, т.е. участником сентябрьской массовой резни заключенных, и террористом, членом гвардии монсеньера (монсеньер — это брат Людовика) членом фракции «уравнителей», т.е. ратовал за уравнение прав на богатство и собственность, а также за то, что он создал партию (фракцию) в секции *Richard Cobb Note sur Guillaume Boulard de la section du Finistere — Annales historiques de la Revolution française* 1950 Vol XX P. 152-155, *Albert Soboul, Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire* P. 526-527.

²⁴⁷ Делегаты секции Финистера и общества Лозовского требовали, чтобы Революционная армия была развернута против спекулянтов. *Moniteur* Vol XIX No 172 (March 10, 1794) P. 672. *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol V P. 248, *Albert Mathiez La Vie chere* P. 554-555. Матьез, однако, считал, что «Моморо, Эбер и сам Ронсен один за другим принесли соответствующие извинения, заявив что Комитет общественного спасения и якобинцы были введены в заблуждение относительно их истинных настроений». Это сомнительно. Ронсен такого рода извинения не принес, а Моморо имел смелость, как мы видели выше, допрашивать Революционный трибунал в то время, как последний сам намеревался задавать ему вопросы.

²⁴⁸ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol V P. 175. Гепен (*La Lutte de classes* Vol II P. 103) спрашивает, имел ли Венсан в виду одного Дантона или подразумевал и Робеспьера.

²⁴⁹ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol V P. 185 (доклад Латур-Ламонтаня от 19 вантоза) и 225 (доклад Дюга от 21 вантоза). На следующий день Дюга сообщил, что секции Брута и Горы изобличили «бунтарей», проповедовавших восстание и завесивших Декларацию прав человека. *Ibid* P. 251-252.

шу, революция должна завершиться... Шаг назад разрушит республику»²⁵⁰. Тем не менее, он не мог ничего предложить конкретного, ничего, что могло бы сгруппировать санкюлотов вокруг его программы, которая бы как минимум обеспечила их фунтом хлеба.

Не следует также забывать, что вне зависимости от того, насколько боевым и бескомпромиссным был авангард кордельеров, он безусловно не составлял большинства клуба. Полицейский наблюдатель Гривель проинтервьюировал некоего кордельера, присутствовавшего на заседании, на котором выступал Колло. Гривель заметил этого человека на предыдущем заседании и по его словам понял, что тот что-то знает подноготного по поводу этого спора. Этот человек признал, что был удовлетворен обращением Колло и был счастлив видеть, как сорвали траурную вуаль с Декларации прав человека. Он думал, что его собратья-члены общества приняли союз с якобинцами. «А как насчет тех, которые говорили о восстании?» — спросил Гривель. «Я могу заверить вас, — ответил человек, — что эти люди на самом деле сбиты с толку. Все оказалось не так, как они надеялись; общественное мнение не на их стороне. Они обвиняли “вероломных журналистов” в ошибочной интерпретации того, как они использовали слово восстание, но объяснение Эбера вызвало мощный ропот. Разве не странно, что Эбер пытался убедить своих слушателей в том, что они не слышали того, что слышали, и в том, что он не говорил то, что сказал? Разве не странно то, что слово восстание на самом деле означало “единство”? Кого Эбер убедил этим?» Анонимный наблюдатель не сомневался, что никто не поверил Эберу или Венсану и Ронсену. Прошлое волновало этих троих, а будущее пугало. «В этом отношении, заключил он, — я согласен с ними. Они не правы.»²⁵¹ Так говорил анонимный наблюдатель, который выражал взгляды политического центра.

Если бы у кордельеров были правые и левые крылья, многие бы их члены не поддержали ни то, ни другое. Анонимный член общества, беседовавший с Гривелем, отвергал и демагогию Эбера, и радикализм Ронсена и Венсана. Это, в частности, могло быть объяснено тем, что он был просто лоялен к революционному правительству и привержен Робеспьеру. Однако какими бы ни были причины отвергать призыв к восстанию, ясно, что Клуб кордельеров был разделен в пристрастиях.

Успех Колло был, однако, временным. Кордельеры не отказались от своих целей. Не смог Колло и вбить клин между рядовыми кор-

дельерами и вождями. Поняв это, великие комитеты начали подготовку к тому, чтобы положить конец эбертизму. Это ясно видно из донесений полицейских наблюдателей. Дюга говорил об «определенных фракциях [людях], которые вносили проблему в эти два общества», желая монополизировать высокие должности в правительстве. Бакон сообщал, что граждане на галерке открыто рассуждали о необходимости арестовать Эбера, Венсана, Ронсена и Моморо. Эбер, говорили они, был негодяем, ибо «не кто иной, как негодяй, призывал бы народ к восстанию в такое критическое время, которое мы переживаем». Прево и Шармон предупреждали против «общего восстания», которого должны бояться все граждане, и о том, что «эбертисты не хотят признать свое поражение» и «не уступят ни на йоту». Полицейский наблюдатель Жаруссо соглашался, что Венсан, похоже, планирует контрреволюцию. Люди были убеждены, однако, что Эбер и часть его «клики» будет скоро арестована. Между тем Фулье-Тенвиль получил разрешение нанять столько агентов, сколько ему было нужно, чтобы расстроить готовившийся «заговор»²⁵².

В то время, как слухи о заговорах и приближавшихся арестах обсуждались публично, продовольственный кризис продолжал обострять ситуацию. Генеральный совет докладывал, что снабжение говядиной сократилось как никогда прежде и что скота забивают меньше, чем раньше. Исходя из этого, коммуна предложила распределять имевшееся в секциях количество мяса по карточкам в соответствии с численностью населения. Управление провианта считало, что с приближением весны сады бывших аристократов, эмигрантов и других должны использоваться для посадки овощей. Не хватало также масла. Имелись сообщения, что женщинам приходилось стоять в очередях по два-три часа под палящим солнцем только для того, чтобы получить четверть фунта этого продукта.

Наблюдатель Перьер отмечал, что люди также страшно завидовали богатым, которые, по его словам, сами были виновны в этом из-за своего поведения. По сообщению Пурвайёра, он был свидетелем разговора о том, что одной гильотины не достаточно, ибо контрреволюционеры хотят обречь Париж на голод. Что же касается иностранцев и аристократов, все соглашались, что «они не могли не предавать нас» и что «их всех надо было вышвырнуть и не доверять им нисколько». Бакон рассказывал, что в секции Прав человека после длительного спора о нехватке товаров многолюдное заседание назначило уполномоченных передать Коммуне их беспокойство, предложив ей

²⁵⁰ Pere Duchesne No 354

²⁵¹ Pierre Caron. Paris pendant la Terreur Vol V P 179-181

²⁵² Ibid. P 152, 148, 143, 177, 203, 209. Moniteur Vol XIX No 170 (March 10, 1794) P 659

выпустить продовольственные карточки, годившиеся бы только для тех торговцев, которые подписали их. 22 вантоза (12 марта 1794 года) Ролен сообщил о жалобах в отношении комиссаров гражданских комитетов, которые руководили распределением мяса и других товаров первой необходимости. Комиссаров обвиняли в том, что они достигли понимания с определенными оптовиками, снабжавшими их всем, что они хотели. Мясники в секции Французской гвардии якобы подверглись оскорблениям, поскольку отказались удовлетворять этим желаниям чиновников.

Афиши с призывами к восстанию все еще развешивались каждый день. Одна из таких афиш, похоже, появилась в секции Марата. Другая — на улице Монмартр. Эта последняя призывала французов подняться и уничтожить врагов, освободив в то же время заключенных патриотов. Часть этой афиши была закрыта плакатом кордельеров, в котором говорилось, что Демулен, Филиппо, Фабр д'Эглантин и Бурдон (из Уазы) лишились доверия народа. По слухам, комиссар по борьбе со скупкой в секции Пантеона, заявлял, что новое восстание было важно и что в Конвенте заседало более чем сто «червивых» депутатов, которых следовало арестовать²⁵³.

12 марта рабочие на фабрике стеклянной посуды жаловались Конвенту, что их оговаривают, обвиняя в желании провоцировать беспорядки. Председатель Коммуны заверил их, что граждане предместья Сент-Антуан были известны своим патриотизмом и что «победители Бастилии» не сделают ничего предосудительного для дела народа²⁵⁴. Тем не менее, на дефиците и высоких ценах можно было легко играть, а то, что рабочие были настроены патриотически, еще не означало, что они не могли испытывать чувства неудовлетворенности из-за голода. Все это, со своей стороны, усиливало напряженную атмосферу в столице.

Прево рассказывал 9 марта, что в секции Горы проходили обыски в домах. При этом найденные запасы, рассчитанные более чем на три дня, конфисковывались; отбирался и один из двух комплектов одежды. За два дня до того этот же наблюдатель писал о том, что в столи-

це проживало много иностранцев и контрреволюционеров. Он также доносил о том, что некоторые люди в предместье Сен-Жермен хотели вооружиться, чтобы избежать восстания. О том же через два дня сообщил Шармон, добавивший, что народные общества готовы были слепо следовать за кордельерами²⁵⁵.

11 марта некто Дукастель заявил, что ему нужно три тысячи патронов, а капитан батальона Революционной армии заметил, что его люди собираются «вынуть копы», направив их против шестидесяти депутатов. На следующий день Жан Батист Балестье, комиссар секции Общественного договора, подтвердил необходимость восстания. О желательности мятежа говорили и два гражданина, подслушанные Роленом в Саду революции²⁵⁶.

Таким образом, слухи и сообщения о предполагавшемся восстании не утихали. В то же время влияние кордельеров по-прежнему было достаточно велико для того, чтобы внушать беспокойство правительственным кругам. Свидетельством этого является инцидент с некоей женщиной, Моро, арестованной революционным комитетом секции Обсерватории за возбуждение беспорядков в очереди перед мясным прилавком. Лонгпре, кассир Управления одежды, опротестовал ее арест в полицейском управлении Коммуны. Когда же чиновники отказались освободить Моро, он угрожал «возвестить» об ее аресте в Клубе кордельеров. Тогда его самого быстро арестовали (он предстал перед Революционным трибуналом в следующем месяце)²⁵⁷.

Вожди кордельеров были воодушевлены народным волнением, но и на этот раз ничего не сделали для организации оппозиционного движения правительству. Эбер уклончиво написал в 354-м номере своей газеты, что мерзавцы, «желавшие того, чтобы якобинцы и кордельеры жили, как кошка с собакой, попали впросак». Он обвинил Питта, «умеренных», фейянов и роялистов в попытке подорвать единство двух организаций. Затем он высказал спасительную фразу о том, что «якобинцы и кордельеры, всегда единые в Конвенте», поднимутся вместе в последнем восстании против своих врагов.

²⁵³ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 194, 143, 177

²⁵⁶ Plaq 7 P 379 — W 77, AN Цит по *Albert Soboul* Sans-Culottes P 742, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 265

²⁵⁷ Dos 669 — W 344, AN Цит по *Albert Soboul* Sans-Culottes P 742-743. Анна Клодин Моро, мадам Труссе, была поденщиком-плотником. Гораздо позже (20 мая 1795 года) она была обвинена в том, что выступала с призывами к бунту. Ее дело было передано в суд, однако каково было его решение, неизвестно. *Albert Soboul, Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire P 511. Необычным было то, что женщина была принята в качестве ученика плотника.

²⁵³ *Moniteur* Vol XIX No 170 (March 10, 1794) P 655, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P lxxcxi-lxxcxi и Nos 5 и 11, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 189-190 (Перьер 19 вантоза), 192 (Пурвуанер 19 вантоза), 214 (Бакон 21 вантоза), 262 (Ролен), *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI No 32 Показание Матвея Ленига, 26 вантоза. Никки Пьер Кросснье показал, что слышал, как кто-то в толпе, читавшей афишу, сказал «Да, самое время сейчас восстать всей массой» *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 189-190 (Перьер 19 вантоза)

²⁵⁴ *Moniteur* Vol XIX No 178 (March 18, 1794) P 718

Заседание Клуба кордельеров 19 вантоза (9 марта) проходило в том же духе. По сообщению Бушезеша, Моморо назвал причину, почему протоколы двух последних заседаний до сих пор не были опубликованы. Оказывается, они редактировались для того, чтобы все в них соответствовало действительности, ибо протоколам не был присущ «обычный решительный кордельерский характер». По донесению полицейского наблюдателя, собравшиеся, состоявшие из тех, кто был критично настроен в отношении выступления Колло двумя днями ранее, аплодировали Эберу, Венсану и Моморо. Более того, аудитория выразила сожаление, что траурная вуаль, закрывавшая Декларацию прав человека, была снята. Единогласно принятая резолюция объявляла, что завешивание скрижалей произошло прежде всего из-за того, что преследовали подлинных патриотов.

В своем докладе от 12 марта Гривель рассказал, что, выступая перед якобинцами за четыре дня до того, Колло обронил знаменательные слова. Сказав, что большинство кордельеров хотели бы объединиться с их братским клубом, он добавил, что «тем не менее, мы смогли ощутить определенные препятствия . . . Мы почувствовали, что сначала наша точка зрения в целом оказалась неприемлема для кордельеров, но когда мы открыто объявили о наших принципах, общее настроение изменилось в нашу пользу . . . Давайте не слушать коварных ораторов, которые говорят нам, что гуманность неприемлема, когда требуется залечить личные раны, и хотят, чтобы все страдали ради их удовольствия . . . Мы должны сказать им, что не может быть двух форм патриотизма, что завтрашняя точка зрения должна быть такой же, как она была вчера, и что в революции не может быть ни вчера, ни завтра; все дни одинаковы»²⁵⁸.

Гривель добавил, что якобинцы хорошо поняли мотивы, по которым кордельеры завесили Декларацию прав человека. Они не дали себя обмануть тем, кто замыслил восстание. Да и сами кордельеры понимали ошибку, которую их вынудили совершить, а потому делали все возможное, чтобы их поведение и заявления производили отныне благоприятное впечатление. Но, добавил Гривель, «у них не хватало сил; они лицемерили». Больше они не пользовались в народных обществах тем влиянием, которое имели раньше. Предупреждение кордельерам, засунувшим руки в карманы, когда Колло обращался к ним, было недвусмысленным. Якобинцы, т.е. революционное правительство, не позволили им соорудить «препятствие» на пу-

ти единственного, подлинного патриотизма, который должен был быть одним для всех.

После того, как Моморо зачитал новую редакцию протоколов, получившую всеобщее одобрение, Эбер вновь осудил «клеветников», чернивших клуб, решительно отрицая, что клуб хотел распустить Конвент. Он опять поклялся в союзе двух обществ, атаковав «деспотические и высокие власти», т.е. два комитета. Тем не менее, он попросил общество дезавуировать «инсинуацию» журналистов о том, что он якобы выступал против Робеспьера. Кордельеры с радостью заверили его в этом. За Эбером последовал Венсан, осудивший «кромвелизм», стремившийся установить «пагубную систему модерантизма». Секретарь зачитал краткий отчет о деятельности Клуба кордельеров со времени восстания 31 мая. Этот документ подытоживал все: его авторы старались решительно защитить клуб, объяснив, что привело его к тому, чтобы завесить Декларацию прав человека. Отчет был явно направлен против правительства и Робеспьера. Заканчивался он декларацией о том, что кордельеры не отступят ни на сантиметр. По категоричному уверению Ролена, мир между двумя обществами отныне не мог сохраняться: кордельеры не могли теперь смириться до тех пор, пока им не удалось бы выкинуть всех министров, за исключением Бушотта²⁵⁹.

Между тем клуб направил два письма своим филиальным обществам, потребовав от них, чтобы те вслед за своей головной организацией сдернули траурные вуали с их Декларации прав человека. Письма, о которых идет речь, были изъяты властями в процессе подготовки суда. В качестве последующей подготовительной меры Анрио было приказано мобилизовать вооруженные силы 9 марта, в тот самый день, когда Моморо представил отредактированные протоколы кордельерам, Анрио сконцентрировал 1200 солдат и 400 артиллеристов в бывшем Пале-Рояль, «арестовав 130 пажонов-уклонистов и дезерти-

²⁵⁹ Moniteur Vol XIX No 172 (March 12, 1794) P 671 *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI No 28 показания госпожи Шенье, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 242, *Albert Soboul* Sans-Culottes P 744-745

Во время заседания 22 вантоза (по словам Шмидта — это заседание не упоминается в «Монитере») некий член общества, по имени Монен (и ли Моинен), адъютант Анрио крикнул, что он назвал «фракцией» в Конвенте — которая существовала даже перед восстанием 31 мая. Он рассказал, что Франсуа Шабо (позже он будет казнен за свою роль в афере с Индской компанией) и Леонар Бурдон (теневой депутат и будущий термидорианец) угрожали Центральному революционному комитету, который руководил восстанием 31 мая, поднять вооруженные силы департаментов — если хотя бы один депутат будет тронут. Коротко говоря, Шабо и Бурдон выступили против восстания. Эбер подтвердил правоту этого заявления. *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II No 202 P 146-147, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 245-247. Последствия этого рассматриваются в *Morris Slavin* Making an Insurrection P 145-146

²⁵⁸ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 253-254 *Albert Soboul* Sans-Culottes P 743-744

ров; все они были очень толстые и круглолицые»²⁶⁰. Не вызывает сомнений, что эта демонстрация силы была призвана напугать всех тех, кто, возможно, думал еще о «восстании». В результате действий Анрио были, кроме того, устранены и нескольких потенциальных провокаторов беспорядков.

В дополнение к трудностям, которые переживали кордельеры Эбер был обвинен в скупке. Было замечено, что в его дом кто-то принес большой сверток; как оказалось, в нем было 24 фунта солонины. Похоже, это был подарок от одного из товарищей, получившего его от своих родителей и переславшего Эберу. О свертке было сообщено в революционный комитет секции Эбера Бон-Нувель. Доносчик рекомендовал обыскать здание, где Эбер издавал газету. Эбер настаивал на том, чтобы комиссар, нашедший солонину, распределил ее среди бедных. Вероятно, получив сверток, Эбер не придал этому значения или просто не имел времени доложить о подарке. Нельзя исключить и возможность того, что враги или агенты Комитета общественной безопасности подбросили сверток, а затем проинформировали революционный комитет, посоветовав ему обыскать дом Эбера с тем, чтобы подорвать популярность последнего. Слухи о том, что Эбер оказался взяточником, быстро распространились. И хотя революционный комитет секции вместе с народным обществом выдали Эберу удостоверение в том, что солонина предназначалась для бедных, ничто, похоже, не помогало, и вскоре количество мяса, которое он якобы получил как взятку, обросло слухами до 500 фунтов²⁶¹.

Чтобы положить конец сплетням, Эбер расклеивал на стенах столичных зданий афиши со своим оправданием. Рассказывая в них о том, что случилось, он прилагал в свое оправдание заявления революционного комитета и народного общества. При этом он отвергал «клевету», что он якобы возглавлял контрреволюционную партию, завесил Декларацию прав человека и призывал к восстанию. Эбер добавлял, что его обвиняли в клевете на «патриота» (Робеспьера), к

²⁶⁰ *George Avenel Anacharsis Cloots Vol II P 405-406* Авенель пишет, что Фукье-Тенвин не смог найти ни одной роялистской или контрреволюционной афиши. В конце концов, кто-то пожалел его и отправил ему по почте краткую записку, написанную чернилами, которую общественный прокурор обнаружил и передал Бареру. Вместе с тем, как мы видели, полицейские наблюдатели сообщали о многих аналогичных афишах.

²⁶¹ *Pere Duchesne No 354, Gerard Walter Hebert et le "Pere Duchesne" P 208, Albert Soboul Sans-Culottes P 745* Письмо от некоего Гросли (из штаба Революционной армии), который возмущенно говорил Эберу, что было бы лучше, если бы тот написал своим друзьям, вместо того, чтобы запастись двадцатью четырьмя фунтами свинины. *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI No 2236*

которому он на самом деле питал величайшее уважение. Это правда, признавал он, что траурная вуаль была выброшена на Декларацию прав человека, но было это сделано в то время, когда лучшие патриоты начали подвергаться арестам. Его не было в зале, когда этот акт совершился, хотя, поспешив, он добавит, он не выступал против него. Занавешивание ни коим образом не являлось атакой на Конвент, оно сопровождалось мерами, направленными на поддержку этой организации, которую новая система умеренности собиралась парализовать.

Журналисты извратили заседание и дискуссию, имевшую место среди кордельеров, добавлял Эбер; на самом деле клуб его поддерживал, продолжая выражать доверие. По его словам, он отвергал важные посты и у него не было амбиций, кроме одной — служить свободе и добрым принципам. На протяжении четырех лет он являлся объектом нападок роялистов и других врагов народа. Сейчас его атакуют те же клеветники, которых используют «Австрийский комитет» и «Комитет Дуза» (т.е. роялисты и жирондисты), но их царствование, к счастью, прошло, и ни одного патриота теперь не арестуют безнаказанно²⁶².

По донесению Бушезеша, общественность внимательно ознакомилась с этим «Ответом». Сторонники Эбера сожалели, что он не министр. Если бы он был членом Исполнительного совета, говорили они, дела обстояли бы гораздо лучше. Все члены, за исключением военного министра, были «филиппистами». С этим соглашался ряд женщин. Вместе с тем, по сообщению Ле Аришель от 11 марта, «[некоторые] граждане, читавшие его якобы оправдательное заявление, полагали, что если папаша Дюшен верит, что смысл с себя вновь отпечатанное на его лбу пятно, он грубо заблуждается»²⁶³. Эта оценка ситуации с Эбером была точной.

Появление нового «Ами дю пёплъ», направленного против «бесчестных мандатариев народа», в глазах правительства и народа означало, что кордельеры начали систематическую пропагандистскую кампанию. На самом деле появились только два номера газе-

²⁶² *Reponse de J R Hebert, auteur du "Pere Duchesne", a une atroce calomnie — LB 41 4809, BN* Заявление революционного комитета Бон-Нувель воспроизведено в *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2242* Доклад Дюга от 22 вантоза (12 марта 1794 года), вкратце излагающий ответ Эбера, см. *Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 252*

²⁶³ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 217-218, 231* Гривель добавлял: «Какой ослепляющий акт патриотизма он продемонстрировал согражданам, наградив бедноту товарами, которые скупил!» *Adolphe Schmidt Tableaux de la Revolution française Vol II No 202 P 144.*

ты (243-й и 244-й), пронумерованные так потому, что последним номером газеты Марата был 242-й. Как мы видели, решение издавать газету было принято 2 вантоза (20 февраля 1794 года). 19 вантоза появился ее первый номер. В нем подтверждалась верность принципам Марата, атакывались умеренность и терпимость, которые, как утверждали редакторы, проявлялись даже среди якобинцев, осуждались бесчестные мандатарии и делался только один скрытый намек на восстание. Редакторы восхваляли правительство за то, что оно проявило бдительность в отношении контрреволюционной активности, однако заявляли, что эта бдительность стала проявляться только после того, как на ее необходимость указали кордельеры. Газета нападала на все виды деспотизма, обещая «держат людей на страже против всех декретов, которые являлись продуктами интриги, страсти или духа господства». Она угрожала ударить «прежде всего по бесчестным мандатариям», заявляя о своей ненависти к фальшивым патриотам и «честолюбцам». Редакторы завершали свой призыв обещанием продолжать преследовать врагов народа, уничтожая фракцию умеренных²⁶⁴.

В тот день, когда вышел 243-й номер, Ле Бретон доложил, что один человек, услышав, как разносчик объявлял о продаже новой газеты в Тюильри, заметил: «Может быть, это умилюстит Господа воскресить беднягу [Марата]. Он бы быстро положил конец всем этим спорам». Еще один человек заявил, что, принимая во внимание состояние страны, только единство и гармония могли бы сохранить свободу. Полицейский агент добавил, что люди, похоже, с этим были согласны. Газета не призывала к восстанию, но угрожала правительству атакой на бесчестных народных представителей, а также агитацией, направленной на завоевание симпатий народа²⁶⁵. Все это давало дополнительное оружие комитетам против кордельеров.

То, что многие якобинцы не принимали всерьез заявления о союзе с кордельерами, можно видеть из провокационного утверждения

²⁶⁴ L'Ami du peuple No 243, 19 Ventôse II (March 9, 1794) — W 77, plaq 5 P 334, AN В примечании на первой странице редакторы заявили «Этот номер [243-й] следует за последним номером Марата, 242-м»

Собуль (Sans-Cullottes P 747) обращает внимание на то, что между выходом первого номера этой газеты и публикацией ее проспекта прошло несколько дней. Это, похоже, смущало некоторых историков и наблюдателей. Он датирует первый номер 19 вантоза (9 марта 1794 года). (На первой странице 243-го номера чернилами написано «28 вантоза» Это, возможно, означает, что номер был подписан в печать этой датой).

²⁶⁵ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 187, 205, Adolphe Schmidt Tableaux de la Revolution française Vol II No 202 P 146

Дюфурни о том, что им недостаточно заявлений кордельеров. Что они думали о секционных обществах? — был его вопрос. Под шумные аплодисменты якобинцев, одоббивших его предложение, он настаивал, что именно эту тему надо было обсуждать²⁶⁶. Полицейские шпионы отмечали, что люди были убеждены, что союз двух народных обществ не был достигнут. Некоторые предрекали, что погибнет либо Эбер, либо министр внутренних дел; другие, опасаясь гражданской войны, полагали, что раскол партий скажется на отдельных секциях²⁶⁷.

12 марта кордельеры заслушали доклад Шено о посещении их делегации Якобинского клуба. Во время визита, по признанию докладчика, члены делегации испытали «неблагоприятный момент»²⁶⁸. Моморо зачитал второй номер «Ами дю пёплъ». В нем была напечатана речь Ронсена о «лжецах гуманности», текст которой к тому времени сам Ронсен развез по всему городу. Воскрешая маратовский стиль (своего рода патриот-информатор о делах бриссотинцев), редакционная статья говорила о «новой коалиции, менее, откровенной в выражениях, [чем бывшие бриссотинцы], но не менее лживой и вероломной в своих тайных планах»²⁶⁹. В том же номере было опубликовано письмо Альбертины Марат по поводу того, что кордельеры не подписывают свои статьи. Оно вызвало длительную дискуссию. Как мы уже говорили, Марат обвинила журналистов в трусости, противопоставив их поведение поведению брата, который, по ее словам, всегда подписывал работы даже в самые бурные времена. В конце концов было решено продолжать публикацию газеты от имени всего общества, а не брать на себя личную ответственность²⁷⁰.

Заседание продолжалось, вылившись в новую дискуссию. В центре ее оказались имевшие место в городе атаки на патриотов. Обсуждались и перипетии событий 10 августа и 31 мая. Была признана необходимость оставаться начеку. Эберу аплодировали за требование «содражать покров» с анонимных лиц, преследовавших патриотов, которые

²⁶⁶ Journal de la Montagne No 121 (March 14, 1794) P 961, Moniteur Vol XIX No 177 (March 17, 1794) P 711, B & R Vol XXXI P 335-336 Во всех этих работах говорится о заседании Якобинского клуба 22 вантоза

²⁶⁷ Adolphe Schmidt Tableaux de la Revolution française Vol II No 201 P 143

²⁶⁸ Луи Бартеlemi Шено являлся членом Генерального совета и секретарем Клуба кордельеров. По профессии он был адвокатом. Шено будет оправдан на суде над эбертистами. Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 258

²⁶⁹ L'Ami du peuple No 244, 17 Ventôse, II (дата публикации статьи Ронсена) — Lc 2 227, bis, BN

²⁷⁰ Ibid., Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol V P 244-245

спасли республику. Члены клуба решили затем представить Конвенту адрес, где бы перечислялись действия клуба, начиная с 31 мая. Ответственность за подготовку этого адреса легла на комиссию, созданную за три дня до того и состоявшую из Эбера, Моморо, Ронсена и Шено.

Делегаты от народного общества секции Марата, Друзья народа, жаловались, что их вызывали в суд Революционного трибунала. Секция назначила комиссию, чтобы просить Конвент аннулировать закон от 16 вантоза (представленный Барером), который был направлен против антигосударственной деятельности: завешивания Декларации прав человека, развешивания афиш в городе и других подрывных действий подобного рода. В некоторых секциях, особенно в секции Елисейский полей, существовала большая оппозиция тому, чтобы снимать траурную вуаль. Жан Жак Любен, председатель Генерального совета, просил протестовавших проявить терпение, так как был уверен в том, что через несколько дней в Конвенте произойдет чистка тех, кто выступал против восстания 31 мая, т.е. умеренных. Многие полагали, что Фукье-Тенвиль готовил арест умеренных, но после того, как один из делегатов был допрошен общественным прокурором, он с негодованием разъяснил своим товарищам: «Нас одурачили! Это нас обвиняют!»²⁷¹

Моморо заверил делегатов общества в том, что их допрос был связан с необходимостью выяснить происхождение бунтарских афиш, обнаруженных на Центральном рынке, и что его также вызывали на заседание Трибунала, добавив, что он в свою очередь задавал вопросы допрашивавшим, интересуясь, собираются ли они преследовать самых преданных патриотов. Он по-прежнему настаивал, что именно фракция умеренных хотела разделить якобинцев и кордельеров, ругала кордельеров за то, что те якобы привели Париж к голоду и плела сети вокруг секции Марата и ее председателя (его самого). Волна паники охватила кордельеров, не знавших об этих вызовах в суд. Именно в тот момент Эбер попросил клуб подтвердить, что он никогда не выступал против Робеспьера на заседании 14 вантоза. Он получил искомое подтверждение²⁷², но его маневр, направ-

ленный на то, чтобы возместить нанесенный Робеспьеру ущерб, был наивен. В последующие 48 часов он будет арестован.

Последний номер «Пер Дюшен», 355-й, резко критиковал умеренных за оппозицию революционным декретам, направленным против «аристократов и заговорщиков». Этот номер советовал республиканцам осуществлять законы максимума и конфисковывать собственность подозрительных лиц. Вновь Эбер обвинял «умеренных» за «сковывание рук народа» в борьбе против «предателей», заявляя, что «умеренные» разжигают гражданскую войну. Эти «новые бриссотинцы», писал он, подрывают правительство для того, чтобы захватить контроль над ним и создать собственные комитеты: «Те, кто проповедует умеренность, — ваши величайшие враги». Санкюлоты, заключал он, должны организовать демонстрацию против заговорщиков, никогда не позволяя республике отступить ни на шаг²⁷³.

«Правительственные комитеты, находившиеся в плену собственных противоречий, не решались сделать выбор между умеренным сопротивлением и народным наступлением, сознавая, что этот выбор рискует нарушить неустойчивое социальное равновесие, на котором они основывали свои действия», — писал Собуль. Заботясь прежде всего о нуждах национальной обороны, правительство ограничивалось разоблачением обеих фракций. Но после наступления кордельеров, усилившегося с середины вантоза, оно не могло уже отложить конфронтацию²⁷⁴.

В ночь на 10 марта Фукье-Тенвиль выступил с докладом перед Комитетом общественного спасения. Его сообщения ждали Бийо-Варенн, Сен-Жюст, Барер и больной Робеспьер. Фукье было велено подготовить обвинения против Эбера, Венсана, Ронсена и Моморо. «Что? — воскликнул он удивленно. — Власти Парижа, военное министерство, департамент, армия санкюлотов, Коммуна, одним словом, революция?» На это члены Комитета ему ответили: «Кто же говорит что-нибудь о Паше, Анрио или Люлье (Лулье)? Мы ведем речь об эбертистах». Когда Фукье возразил, что у него нет против них свидетельств, Сен-Жюст приказал: «Амальгамируйте». На этот раз прокурор все понял, но потребовал письменных приказов. Тогда Бийо-Варенн ответил

²⁷¹ Слова Любена см. *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol II P 412, цитирующего *Catalogue Charyasvay* P 411. Авенель саркастически называет Робеспьера «неподкупным Миопиком (близоруком), богом морального правительства».

²⁷² Там же, *Adolphe Schmidt* *Tableaux de la Revolution française* P 147-148, *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X No 2360, *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 749-750. Собуль говорит, что Моморо хорошо знал декрет от 16 вантоза, по которому допросы членов секции Марата были законны. Более того, он считает доклад Бушезеа о Моморо унижением для последнего из-за того, что Моморо пытался избежать ответа Трибуналу путем постановки вопросов его членам.

²⁷³ Эбер завершил свой призыв следующими словами: «Давайте затем поклонемся, мать вашу, что мы похороним умеренных, так же, как мы похоронили роялистов и аристократов. Союз, смелость, твердость — и все наши враги будут превращены в ничто» *Pere Duchesne* No 355.

²⁷⁴ *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 751-752. Цит по *А. Собуль* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. Народное движение и революционное правительство 2 июня 1793 года — 9 термидора II года М., 1966 С. 363. Прим. переводчика.

ему за весь Комитет, что такого рода приказ не может быть дан письменно. Фукье, однако, настаивал, заявив, что подождет доклада Сен-Жюста прежде чем действовать. Сен-Жюст нетерпеливо согласился²⁷⁵.

Очевидно, Комитет общественного спасения решил арестовать четверых эбертистов для того, чтобы уравнивать баланс с четырьмя «снисходительными» (Шабо, Фабр д'Эглантин, Жан Жюльен (из Тулузы) и Жозеф Делоне), замешанных в скандале с Индской компанией. Как писал журнал Демулена, Фукье было велено выдумать историю встречи Эбера с голландским банкиром де Коком, послав Анрио арестовать Эбера. Очевидно, Анрио менее всего хотел это сделать, но у Комитета было тайное оружие против него. 31 мая, как раз накануне восстания, ставшего успешным, Анрио, видимо, был поставлен вне закона Конвентом, возглавлявшимся жирондистами «Об этом указе никогда не сообщалось», — сказали ему «спокойно» в Комитете. Анрио должен был подчиниться. Бессилен был сопротивляться приказам Комитета общественного спасения и Фукье, даже если бы он хотел это сделать²⁷⁶.

На следующий день, не дожидаясь доклада Сен-Жюста, Фукье начал судебное разбирательство, направленное против повстанцев секции Марата, обвинив их в демарше в Коммуне 6 марта. Существует свидетельство, что Бонапарту было предложено место Анрио, но он отказался²⁷⁷.

Будучи обвинен Моморо в атаках на кордельеров, Фукье признал, что атаки действительно имели место. Тем не менее, кордельеры не сделали ничего, чтобы мобилизовать массы в свою поддержку. В Клубе якобинцев они были отвергнуты, хотя президенты обоих клубов накануне сжимали друг друга в братских объятиях. Члены различных народных обществ не хотели слушать оправданий Эбера по поводу обвинений в скупке. Коротко говоря, кордельеры, похоже, были деморализованы и парализованы.

Сен-Жюст представил свой доклад об «иностранном заговоре» и был выслушан с глубоким вниманием, часто прерываемый бурными аплодисментами. Начал он с «претендентов на имя Марата», закле-

ив их как лжецов, играющих в фальшивую игру патриотизма. Помимо прочего, он обвинил их в том, что они якобы были подкуплены иностранными державами. «Тот, кто плетет заговор, должен лицемерить», — заявил он. Таким образом, «нельзя судить ни по заслугам, ни по словам» (на каком же, интересно, тогда основании их надо было судить?) В то же время он разгромил «снисходительных», которые, по его словам, также вносят лепту в дело подрыва республики. Кто-то, сказал он, заявляет, что революция завершилась. Он сделал ряд предложения, одобренных Конвентом. Среди них было введение смертной казни за угрозу безопасности Конвента и покушение на его достоинство. Конвент дал также широкое определение слову предатели, включив в него всех, кто «развращал общественное сознание», а также препятствовал «доставке предметов первой необходимости в Париж» — эти обвинения будут выдвинуты против эбертистов во время суда над ними²⁷⁸.

Кордельеры не ответили на обвинения Сен-Жюста, если не считать апелляции к совести правящих комитетов. Но Сен-Жюст развернул кампанию клеветы, направленную на их полное уничтожение. В этом правительству оказала помощь некая газета, «Саппер санкюлот» («Сапер-санкюлот»). конкурент эберовской «Пер Дюшен», которая, смешав обвинения и угрозы с обещаниями, стремилась ввести в замешательство вождей кордельеров и ослабить их поддержку со стороны санкюлотов. На какое-то время казалось, что «снисходительные» воспользуются таким поворотом событий, что будет на руку роялистам. Но правительство нанесло удар и по дантонистам. 25 вантоза (15 марта 1794 года) оно допросило Лежандра, издав на следующий день постановление об аресте Шабо и его друзей, замешанных в афере с Индской компанией. 17 марта оно взяло под стражу Мари Жана Эро де Сешеля («умеренного» члена Комитета общей безопасности). Был арестован и Шометт.

После того, как Фукье-Тенвиль проинформировал Конвент (15 марта) о том, что издал приказы об арестах Венсана, Эбера, Моморо и Ронсена, Робеспьер выступил с развенчанием кордельеров, противопоставив «старый» клуб нынешнему с тем, чтобы еще более подорвать авторитет вождей последнего²⁷⁹. Более того, он призвал «всех до-

²⁷⁵ George Avenel *Anacharsis Cloots* II P 413, *Procès de Fouquier* P 413, Письмо к Фукье Тенвиллю, вызывавшее его на заседание Комитета 23 вантоза, опубликовано в *Alexandre Tuetev* *Repertoire general* Vol X No 2210.

²⁷⁶ Авенель (*Anacharsis Cloots* II P 415-416) говорит, что Анрио поклялся отомстить, даже несмотря на то, что не мог в тот момент сопротивляться. Фукье-Тенвиль проинформировал Конвент об арестах Ронсена, Венсана, Эбера, Моморо, Дюкроке, генерала Ломюра и «Кноффа» (де Кока) *Moniteur* Vol XIX No 176 (March 16, 1794) P 706.

²⁷⁷ Авенель (*Anacharsis Cloots* Vol II P 417) цитирует «Мемуары» Люсьена Бонапарта в подтверждение этого.

²⁷⁸ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 682 AP Vol LXXXVI P 434-442, B & R Vol XXXI P 336-258 *Amable Guillaume Prosper Brugère, baron de Barante* *Histoire de la Convention nationale* Vol IV P 127-128.

²⁷⁹ Робеспьер призвал к созыву на рассвете чрезвычайного заседания Якобинского клуба, чтобы осудить «страшный заговор против Конвента и якобинцев». После него Кутон заявил, что «те, кто считает себя большими патриотами, чем якобинец 1789 года, — аристократы» (*Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 681).

брых граждан» сплотиться вокруг Конвента. «Все фракции должны исчезнуть от одного удара», — заявил он, призвав собравшихся «заглушить голос ораторов, являющихся наемниками Коалиции [иностраннх] держав». После этого Кутон обрушился на «заговорщиков», притворившись, что хочет поставить «мораль, справедливость и добродетель в повестку дня Конвента». Заговорщиков можно распознать по их физиономиям, убеждал Кутон аудиторию. У всех у них дикие глаза, испуганный вид, взгляд висельника и т.п.

Барер добавил, что «конспиративная сеть» охватила армию и что уже было заслушано около трехсот свидетелей, которые поголовно указывают на иностранный заговор. Затем он сказал: «О чем следует думать, когда видишь этих мужчин с большими усами, длинными саблями, оскорбляющими добрых граждан, в первую очередь представителей народа, пляющихся на них, как будто желая сказать: “Если ты осмелишься открыть рот, чтобы произнести хоть слово, я уничтожу тебя?” Все это я видел собственными глазами»²⁸⁰. (Несколько голосов: Это правда, мы тоже видели)²⁸⁰. В то же время Фуке и Рене Франсуа Дюма, судья, который должен был председательствовать в суде над обвиняемыми эбертистами, получили приказы снять все обвинения с Анрио, Паша и всех тех, кого можно было отделить от кордельеров²⁸¹.

Какова была личная роль Робеспьера в уничтожении кордельеров? 9 марта он выздоровел и вернулся на свой пост в Комитет. Его шпион в Клубе кордельеров, некий человек, по имени Гравье, судья Революционного трибунала, написал ему, что «они [эбертисты] выиграли от вашей болезни, готовя свой заговор. Я знал, что они бояться вашего выздоровления, поскольку вы можете разоблачить их предательский заговор, направленный на восстание». Некто Субербиль, хирург и близкий друг Робеспьера, доложил ему, что слышал, как Ронсен заявлял, что есть только один путь спасти республику — уничтожить всех ее врагов. Ронсен якобы добавлял, что якобинцы

становятся мягкими и поддерживают «снисходительных». Повозки с осужденными на пути к гильотине вызывают жалость в населении даже к врагам народа. Был только один выход, приводил Субербиль слова Ронсена, — покончить со всеми врагами одним быстрым ударом, а затем положить конец революционному правительству. Робеспьер, как говорят, «с дрожащими губами» ответил на все это: «А! Что? Всегда больше крови! Революционный трибунал еще не достаточно ее пролил?» Затем, успокоившись, заявил: «Давно я уже не выступал против них [эбертистов]. Именно меня люди всегда бросают вперед. Хорошо! Я вновь займусь этим. Я жертвовал своей жизнью для народа. И буду жертвовать ею до самого конца»²⁸².

Робеспьер действительно продолжал «до самого конца» — конца его собственной фракции и его самого. Однако, прежде, чем он достиг собственного финала, к концу пришло движение санкюлотов, нашедшее свое выражение в Клубе кордельеров. В свете трагических событий вантоза, удивительно, насколько эбертисты оставались наивны в своем непонимании всего того, что предшествовало их аресту. В ходе подготовки суда над вождями кордельеров общественный прокурор допросил около трехсот свидетелей, а лидеры клуба так публично и не отреклись от своих заявлений, сделанных на фатальном заседании 14 вантоза. Они по-прежнему колебались, стараясь объяснить необъяснимое слово восстание.

Если их обещание Сен-Жюсту ослабить атаки на умеренных было искренне, у них, безусловно, имелось время провести его в жизнь. Предположим, Ронсен и Венсан согласились бы принять любые посты, которые Комитет общественного спасения готов был им предоставить, разумеется, если Сен-Жюст действительно делал им такие предложения. Изменило бы это ситуацию? Возможно, если допустить, что их соперники также хотели прекратить фракционные споры. Вероятно, на какой-то момент Комитет общественного спасения был бы умиротворен. Но без такой уступки, Конвент и его комитеты никогда не позволили бы и не могли позволить кому бы то ни было продолжать дезорганизовывать политическую жизнь.

Что касается роли Робеспьера в уничтожении кордельеров, вряд ли он мог простить эберовскую критику его политической линии. Ведь его политический курс был курсом Конвента. Обвинение в «умеренности», выдвинутое против него, являлось более чем личным оскорблением. Но фатальные слова слетели с уст Эбера, и дав-

²⁸⁰ *Saint-Albin Berville, Jean François Barriere*, eds. Collection des memoires relatifs a la Revolution française P 218-220, 223, AP Vol LXXXVI P 490, Journal de la Montagne No 122 (March 13 1794) P 989, B & R Vol XXXI P 358-359, *Amable Guillaume Prosper Brugiere, baron de Baranie* Histoire de la Convention nationale Vol IV P 133-135, AP Vol LXXXVI P 500-503 и *Pieces Annexes* P 512 (доклад Кутона)

²⁸¹ *George Avenel* Anacharsis Cloots Vol II P 425, 435-436, 437-438, 440-441, *Saint-Albin Berville, Jean François Barriere*, eds. Collection des memoires relatifs a la Revolution française Vol IV P 129, 130-131. Авенель отзывается о Сен-Жюсте как о человеке, готовившем свой доклад «холодно, бесстрастно, официально». Что касается обращения кордельеров к «совести» правительства, то Авенель считает, что политику последнего могли проводить только те, «чья совесть молчала»

²⁸² *General Herlaut* Ronsin P P 225-226 цитирует *Leonard Gallois* L'Histoire de la Convention nationale Vol VI 1835 P 266, 267

ление общественного мнения, его осуждавшего, дало возможность правительству спокойно и в целом легко подавить его и его фракцию. И здесь вновь вожди кордельеров продемонстрировали непростительную наивность. Правда, неясным оставался вопрос с Коммуной и некоторыми секциями: проявят ли они твердость в поддержке правительства или сплотятся вокруг кордельеров и их вождей, заключенных в тюрьму. Ведь, несмотря ни на что, члены Коммуны должны были осознавать, что арест лидеров кордельеров угрожал им самим.

Глава 6

АРЕСТЫ И САНКЮЛОТЫ

Аресты эбертистов поразили общественность. Однако за несколько дней до того, как правительство предприняло этот шаг, существовали неопровержимые доказательства безграничной поддержки Конвента в секциях и народных обществах Парижа. Следовательно, полицейские меры, принятые депутатами против их вымышленных врагов, должны были неизбежно найти твердую поддержку в народном движении. За исключением секции Марата, никто не выразил солидарность с робкой инициативой кордельеров. Напротив, продолжающая сдача селитры и принятие секциями, включая секцию Марата, резолюций с выражением горячей преданности, убедили Конвент в лояльности санкюлотов.

Эта преданность может быть продемонстрирована следующими действиями, предложениями и решениями секций и народных обществ. Народное общество секции Лепелетье, например, 17 вантоза (7 марта 1794 года) постановило явиться «всей массой» в Конвент с обещанием поддерживать его против всех врагов. Через три дня секция Арсенала складировала в Конvente 1700 фунтов селитры, «символ ее усердия». После этого наступила очередь секции Брута, чей оратор заклеил умеренность как «контрреволюцию», обвинив в то же время «фальшивых патриотов и интриганов», которые хотели подняться против правительства — очевидный намек на кордельеров²⁸³.

На многочисленных секционных заседаниях имели место нападки на тех, кто ранее подписывал консервативные петиции, а равно на «эгоистов и роялистов». Свистки и крики прерывали умеренных ораторов. Звучали призывы избирать в гражданские комитеты только санкюлотов. В Гравилье около двух тысяч человек собрались в бывшей церкви Святого Николая де Шамп, где вскоре после своего прибытия в Париж проповедовал Жак Ру (теперь эта церковь на-

²⁸³ Section Arsenal — C 290, pl 990 P 16, AN, Section de Brutus Adresse a la Convention Nationale Paris, March 10, 1794 — Lb 40 1755, BN Представитель секции Брута заявил «Наступило время, когда древо модерантизма, стремившееся к тому, чтобы осуществить контрреволюцию путем гуманной политики, будет срублено по самые корни» Делегация складировала 2 тыс фунтов селитры Moniteur Vol XIX No 171 (March 11, 1794) P 667

зывалась Храмом разума), выразив свою решительную поддержку Горе. Оратор народного общества секции Вильгельма Телля энергично осуждал Эбера. Общество зафиксировало в протоколе, что оно осуждает «эберовскую контрреволюционную диатрибу». По сообщению Дюга, народ аплодировал решениям нескольких секций, осудивших кордельеров. Полицейский наблюдатель выражал надежду, что и другие последуют их примеру²⁸⁴. Бакон приходил к выводу, что во всем Париже царили спокойствие и веселье.

С Баконом, однако, были не согласны другие полицейские шпионы, которые доносили, что некоторые секции раскололись. Ходили опасные слухи о том, что Шометт и Эбер создавали дефицит товаров с тем, чтобы нажиться на недовольстве, используя затем народное негодование для организации восстания. Некоторые секции направили делегации в Конвент, требуя, чтобы виновные были наказаны, и выражая свое возмущение по поводу призыва к восстанию, исходившего от кордельеров. В секции Вооруженного человека разгорелся спор о том, следует ли читать «Пер Дюшен». Некоторые считали, что можно, другие возражали, заявляя, что язык газеты не подходит для слуха молодежи: вне сомнения, имелся в виду политический жаргон Эбера, который был не приемлем и некоторым взрослым. Жаруссо, полицейский шпион, сообщивший об этом споре, приходил к выводу, что дебаты доказывают: в этой секции на лицо «было две партии». 11 марта 1794 года Ролен писал: «Самое ужасное, что в каждой секции есть люди, которых эта секция предпочитает. Таким образом, одна секция за Эбера, другая за Дантона, следующая за кордельеров, а еще одна за якобинцев».

Через два дня Бакон сообщил, что народное общество секции Друзей отечества было «очень многолюдно», когда оно с энтузиазмом аплодировало докладу Сен-Жюста об эбертистах. В обществе секции Бонконсейль после того, как плотнику Леонару было отказано в членстве, раздались возгласы с критикой членов клуба за их заносчивое поведение. Последних ругали в точно таких же выражениях, какие якобинцы использовали против филиальных обществ кордельеров. В народном обществе секции Прав человека многочисленное собрание раскритиковало торговца вином за посылку своего товара в Лиль: торговец лишил товара своих собственных покупателей в секции. Он оправдывался, ссылаясь на «плохие новости» о назре-

²⁸⁴ Section Faubourg du Nord to the National Convention — C 295, pl 991 P 3, AN, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 197-198, 199, 200, 251, *Albert Sobou, Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire P 388

вавшем восстании в столице²⁸⁵. Таким образом, несмотря на поддержку, проявленную секциями и народными обществами в отношении Конвента, уверенности в том, что восстание не произойдет, в них, по-видимому, не было.

Некоторые предложения, прозвучавшие в ряде секций и народных обществах, могли взволновать как торговцев, так и правительство. Делегация секции Финистера и еще одна от народного общества секции Лозовского после сдачи селитры в Конвент потребовали, чтобы Революционная армия была развернута против спекулянтов²⁸⁶. Оратор из секции Бон-Нувель, похвалив Конвент за уничтожение «дворян и церковной аристократии», предложил правительству разгромить и «меркантильную аристократию», которую наравне с «богачами» он обвинил в нехватке товаров. После этого общее собрание секции постановило снять купцов-оптовиков со всех общественных постов, вменив в обязанность граждан покупать товары только у розничных торговцев²⁸⁷. Народное общество секции Обсерватории и общество Республиканской добродетели потребовали контроля за ценами на курятину, мясо и дичь, в то время как народное общество секции Мон-Блан захотело установить надзор за мясниками, дабы не допустить скупки мяса более богатыми гражданами. Секция Мон-Блан также поддержала предложение использовать Революционную армию для снабжения Парижа²⁸⁸. 12 марта секция народного общества Республики решила аннулировать все свидетельства о гражданской благонадежности, выданные священникам и купцам. Очевидно, что «гражданский мир», за который ратовали правительство и якобинцы, был под угрозой.

²⁸⁵ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 224, 225, 242, 267-268, 269, AP Vol LXXXVI P 321-322, *Moniteur* Vol XIX No 172 (March 12, 1794) P 685 Секция Горы постановила, что не «поднимется» до тех пор, пока ее не призовет «святая Гора» В нынешних условиях, заявил спикер общества, восстание было бы на руку только аристократам, дворянам, полорительным лицам и интриганам

²⁸⁶ AP Vol LXXXVI P 294, *Moniteur* Vol XIX No 172 (March 12, 1794) P 672 Среди других секции, сдавших селитру в Конвент и засвидетельствовавших свою поддержку, были секции Улицы Монтрей, Красного Колпака, Единения, Попинкур и Неделимости (*Albert Soboul* Sans-Cullotes P 753)

²⁸⁷ См *Maurin*, employe au department des affaires etrangeres, a ses concitoyens Paris, n d — AD I 55, AN Морен был обвинен в том, что внес предложение, принятое секцией Бон-Нувель, а также в том, что он и Эбер влияли друг на друга В результате он был исключен из Якобинского клуба

²⁸⁸ *Moniteur* Vol XIX No 176 (March 16, 1794) P 706 Но AP Vol LXXXVI, P 498 сообщает, что резолюция была встречена протестами и отвергнута О народных обществах секции Обсерватории и Мон-Блан см *Moniteur* Vol XIX No 172 (March 12, 1794) P 669

Волнения, провоцировавшие нехваткой товаров, могли быть использованы решительной революционной партией, которая бы увязала их со своими политическими требованиями. Однако кордельеры не предприняли никаких усилий, чтобы завоевать на свою сторону секции путем отправки агитаторов и ораторов на их собрания или в народные общества. Понятно, что даже если бы они это сделали, их успех не был бы гарантирован. Большие комитеты обладали престижем, финансами и контролем за революционными комитетами в секциях. Могли они использовать и средства снабжения рынков (что они и делают после ареста кордельеров). Принимая во внимание политические чувства санкюлотов в секциях, сомнительно, чтобы они вообще позволили говорить делегатам кордельеров. В любом случае кордельеры оказались изолированы и уязвимы для нападков на них²⁸⁹.

Поддержка местных властей и секций дали возможность правительству нанести окончательный удар по кордельерам. 6 марта Фуке-Тенвиль произнес речь о заговоре, направленном на свержение Конвента, продемонстрировав в качестве доказательства две афиши, которые он обнаружил в то утро²⁹⁰. 9 марта Анрио советовал своим товарищам быть бдительными в ожидании удара со стороны «тех, кто хочет анархии и развала общества» — обычный намек на кордельеров. Комитет по надзору Парижского департамента также предупреждал граждан против афиш, подстрекавших к восстанию. «Те, кто говорит о восстании, — предатели, которые хотят разрушить свободу вашими руками», — объявил комитет²⁹¹. Любая афиша, призывавшая к восстанию, могла легко быть «амальгамирована» с роялистским плакатом.

Растущее давление на эбертистов вынудило Бушотта попросить Венсана уйти в отставку со своего поста в Военном министерстве. Военный министр похвалил Венсана за усердие, но сказал ему прямо, что его нетерпимость привела к тому, что ему надо искать другую работу. Бушотт добавил, что готов поддержать его на другом посту, где бы его патриотизм мог пригодиться²⁹². Отставка Венсана с ключе-

вого поста явно ослабила бы кордельеров, решишь они на восстание. Но их аресты в ночь и ранним утром 14 марта сделали просьбу Бушотта чисто формальной. Было ясно, что Комитет общественного спасения тоже пользовался поддержкой Конвента. Когда Кутон доложил о том, что пришло время изменить состав Комитета, Конвент единогласно проголосовал за то, чтобы обновить его²⁹³.

Хотя значительное большинство населения и было далеко от того, чтобы противодействовать властям, многие парижане отказывались верить разносчикам газет, выкрикивавшим обвинения в адрес кордельеров. Ле Аривель сообщал 14 марта, что разносчик газет, объявивший об аресте «папаши Дюшена», был арестован неизвестным сторонником эбертистов, обвинившим его в распространении лживых новостей. Но когда этот человек попытался доставить разносчика газет в революционный комитет секции Горы, писал полицейский наблюдатель, он сам был арестован и отправлен в тюрьму к великому удовлетворению зевак, собравшихся в огромном количестве. В тот же день, по данным Бакона, когда около кафе Конти, группа людей обсуждала арест Эбера, один молодой национальный гвардеец заявил, что это событие удивило многих, особенно патриотов. «Если так будет продолжаться, прощай, свобода. Все полетит к с... матери». Все немедленно разошлись, не сказав ни слова²⁹⁴. Многие граждане были убеждены, что Эбер и его товарищи будут освобождены без суда. Некий жандарм приводил слова лейтенанта, члена Клуба кордельеров, говорившего, что Эбер «выйдет на свободу в лучах величайшей славы». Жандарм также был уверен, что Эбер будет освобожден²⁹⁵.

В тот день Пурвуайёр обратил внимание на новое чувство, которое становилось достаточно распространенным среди толп народа, осуждавших это событие: недоверие к людям, демонстрировавшим свой патриотизм. Люди были особенно удивлены арестом Шометта. Кто-то вспомнил, что Петион, бывший мэр Парижа-жирондист, тоже «дурачил людей». Что же касается Эбера, то, по словам одного гражданина, любой, кто проповедовал восстание, являлся опасным человеком. Противореча тому, что сообщали его коллеги, Пурвуайёр доносил, что Эбера в целом никогда не воспринимали как интригана или человека с двойным дном. Шпион добавлял, что

²⁸⁹ Собуль (*Sans-Culottes* P 757) отмечает, что пока кордельеры указывали на политический кризис, санкюлоты стремились приобрести провизию. Таким образом, отсутствовала связь между двумя партиями, что поставило кордельеров в опасную позицию один на один с правительством.

²⁹⁰ *Moniteur* Vol XIX No 170 (March 10, 1794) P 659

²⁹¹ *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X Nos 1929, 1956

²⁹² *Ibid* No 2325

²⁹³ *Moniteur* Vol XIX No 174 (March 14, 1794) P 686

²⁹⁴ *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol V P 300-301, 288

²⁹⁵ *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol XI No 43. Этим жандармом был Антуан Эдмон Бертье, который ссылаясь на слова лейтенанта Каие

люди были не менее удивлены арестом Моморо, ибо всегда считали его патриотом²⁹⁶.

В докладе Бакон от 14 марта упоминается некий садовник, выразивший негодование в связи с арестом Венсана. Садовнику ответила какая-то женщина, подчеркнувшая, что не следует доверять «фальшивым патриотам», есть только Конвент, без которого с республикой «будет покончено». Она посоветовала ему прочитать доклад Сен-Жюста — он бы тогда «содрогнулся, узнав о заговоре этих негодяев». Бакон заявил, что толпа одобрила ее слова, прокричав «да здравствует Конвент», прежде чем разойтись. Вместе с тем Ле Бретон доносил в тот же день о том, что, хотя одна группа людей действительно выражала в отношении Эбера полное неприятие, другая считала, что причиной взятия журналиста под стражу было просвещение им народа относительно его подлинных интересов. «Однако, — признавал Ле Бретон, — в настоящий момент большинство не разделяет эту точку зрения»²⁹⁷. На следующий день тот же наблюдатель доносил, что в одном кабаре жены «маленьких людей, я хочу сказать настоящих санкюлотов», говорили об аресте «папаши Дюшена». Одна гражданка осудила предательство Эбера, воскликнув: «Чтобы с нами со всеми стало, если бы нас предавали люди, которым мы доверяем?» Другая женщина ответила ей, что после этого нового разоблачения предательства, им надо доверять только Конвенту, потому что он не щадит никого²⁹⁸.

В то время как некоторые секционные общества и отдельные санкюлоты выражали волнение, думая о том, что станет с их братьями, многие были совершенно дезориентированы. «Возможно ли, — спрашивал некий санкюлот, — чтобы такой патриот, как папаша Дюшен, был двурушником?»²⁹⁹ Полицейский шпион Анрио сообщал 15 марта, что арест Эбера принес радость всему Парижу. Люди начали осознавать, писал он, что во время революции нельзя превращать людей в идолов и что Эбер, который вроде бы наиболее твердо поддерживал революционный курс, был «в душе аристократом». Более того, Анрио слышал, как некий гражданин заявил, что не удивлен арестом Эбера, так как его газета доказывала, что он был ультрареволюционером, который, изобличая спекулянтов, подрывал дело снабжения Парижа с тем, чтобы вызвать восстание.

²⁹⁶ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 305, 306.

²⁹⁷ *Ibid* P 287-288, 300

²⁹⁸ *Ibid* P 311

²⁹⁹ Цит по *Albert Soboul* Sans-Culottes P 762

Через два дня Бакон доносил, что народные общества и общие собрания секций Единения, Неделимости и Аресенала, а также предместья Сент-Антуан были все насквозь антиэбертистами и сторонниками Конвента. Однако в городе Эгалите, под Парижем, некий рабочий объявил двум приятелям, что «заклечение папаши Дюшена всех возмутило». Еще более показателен доклад Привоста (от 27 вантоза), который подслушал следующее заявление: «Они также говорят, что если бы Марат был жив сейчас, он был бы арестован и, возможно, гильотинирован, потому что часто вступался за народ, будучи никем иным, как вторым папашей Дюшеном, т.е. Эбером». На следующий день Ле Аригель слышал о том же из уст неизвестного: «Марата сейчас считают главой заговора, только что раскрытого. По словам граждан, он был одним из самых горячих сторонников Клуба кордельеров, который сам же и создал. Он всегда поддерживал Эбера, Моморо, Венсана и Ронсена, и именно последний особенно горячо чествовал его»³⁰⁰.

Таким образом, хотя большинство людей считало Конвент и комитеты ведущими организациями, некоторые граждане и группы граждан понимали опасность, которую представляли эти аресты. Беженец из Льежа интересовался, были ли заключенные кордельеры виновными или они являлись простыми «жертвами заговора». «Времени исправить ошибку не будет, когда ее уже совершат, — предупреждал этот человек. — Но вдруг они окажутся невиновными? Разве могут наши враги быть более удовлетворены, чем увидев их уничтоженными»³⁰¹. Многие из тех, кто не оспаривал обвинения, выдвинутые против арестованных кордельеров Сен-Жюстом, не были, тем не менее, убеждены, что эбертисты являлись предателями и наемными убийцами.

Между тем Фулье-Тенвиль «амальгамировал». Он проинформировал Конвент, что голландский банкир де Кок был заключен в Консьержери. При этом он добавил, что ему известно, что Ронсен, Эбер и их жены, как и многие другие граждане, ежедневно встречались в определенном доме, вызывая тем самым подозрения комитета по надзору. В Клубе кордельеров, писал он, брались показания относительно предполагавшегося восстания. Он просил предоставить ему больше агентов³⁰². Комитеты разрешили ему нанять столь-

³⁰⁰ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 321, 322, 358, 360, 373, 391

³⁰¹ W 345, plaq 676, p 15, AN Цит по *Albert Soboul* Sans-Culottes P 763

³⁰² Письмо Фулье-Тенвиля в Комитет общей безопасности по поводу де Коффа [sic!], 15 марта 1794 — F7 4435, plaq 7, p 19, AN

ко помощников, сколько необходимо, но, опасаясь резкой реакции на аресты, проинструктировали также мера Паша принять все необходимые меры предосторожности³⁰³. Комитет общей безопасности предупредил революционные комитеты секций, чтобы они были настороже³⁰⁴. Эти меры оказались излишними, так как вне зависимости от настроения сторонников кордельеров, никто не сделал ни малейшей попытки выступить в поддержку арестованных кордельеров.

Чрезвычайное заседание Клуба якобинцев 14 марта, собравшиеся по призыву Робеспьера, заслушало Бийо-Варенна, который в резких тонах изобличил призыв кордельеров к восстанию. Он обвинил Ронсена в том, что тот являлся агентом иностранных держав, информировавшим врагов Франции во Франкфурте о приближавшемся восстании³⁰⁵. Это обвинение было полностью сфабриковано. Некий аноним разоблачил также Буланже, второго по рангу офицера в вооруженных силах Парижа, который, выступая 4 марта в Клубе кордельеров, поддержал Эбера следующими словами: «Папаша Дюшен, ничего не бойся, мы все являемся папашами Дюшенами, и мы будем действовать!» В этот момент Робеспьер осознал опасность того, что патриоты, поддерживавшие правительство, будут вымазаны тем же дегтем, что и кордельеры. Он быстро предостерег собравшихся от этого шага³⁰⁶.

16 марта Амар доложил Комитету общей безопасности об арестах Франсуа Шабо, Клода Базира, Жозефа Делоне, Жана Жюльена (из Тулузы) и Фабра д'Эглантина, замешанных в скандале с Индской компанией. И Робеспьер, и Бийо-Варенн говорили, что надо было добавить в доклад заявление о том, что «заговорщики» хотели опорочить Конвент. Робеспьер полагал, что коррумпированы были отдельные личности, но не Конвент в целом. Эта мысль была добавлена в виде вставки в доклад и принята законодателями с одобрения

³⁰³ *Alphonse Aulard* Recueil des actes du Comité de salut public Vol XI P 690 Комитет приказал Пашу докладывать ему каждый вечер о принятых шагах, направленных на «подавление усилий недоброжелателей»

³⁰⁴ Письмо Комитета общей безопасности революционным комитетам секций, 24 марта 1794 года — AF II* 2864, AN Комитет общей безопасности просил революционные комитеты докладывать ему обо всем, что кажется им интересным

³⁰⁵ *Journal de la Montagne* No 123 (March 16, 1794) P 986-987

³⁰⁶ *Moniteur* Vol XIX No 178 (March 18, 1794) P 719, *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 683 Событие (Sans-Culottes P 764) указывал на то, что никто не атаковал Каррье, чья роль в заседании Клуба кордельеров 4 марта была более важна, чем роль Буланже Это действительно достаточно любопытно

Амара³⁰⁷. Лидеры Горы поняли, что могли пасть жертвами атаки «снисходительных» на Конвент под маской борьбы с «ультра», и действительно уже началось движение, направленное на развенчание активистов секции и самых преданных патриотов, которые не имели ничего общего с демаршем кордельеров. Аресты по делу Индской компании означали, что правительство не разрешит «снисходительным» использовать падение эбертистов для новой контратаки.

И Герен, и Собыль убеждены, что Матьез ошибся, когда написал, что вожди кордельеров были арестованы «в обстановке всеобщего равнодушия»³⁰⁸. Особенно были разочарованы преданные Эберу женщины. Бушезеш докладывал 4 марта, что, когда женщины покидали зал заседаний Клуба кордельеров, было слышно, как они восклицали: «Мы вернем наших патриотов, несмотря на негодаев, которые обвиняют их и, если нужно вмешаться женщинам, мы вмешаемся». Пурвуайёр добавлял 12 марта, что Эбер пользуется большой поддержкой среди женщин, а Ролен подтверждал это 24 марта (4 жерминаля). После казни эбертистов Бакон доносил, что в кафе, которые часто посещали «угольщики, ломовые извозчики и другие представители этого класса», он слышал, как завсегдатаи «возмущались» поведением палача³⁰⁹.

Существуют некоторые свидетельства того, что Колло д'Эрбуа и Бийо-Варенн также были связаны с эбертистами. Выступая 12 апреля в Якобинском клубе, Колло заявил, что «конспираторы» угрожали убийством тех членов Конвента, которые стояли на их пути. С другой стороны, они обещали блага тем членам Конвента, которые были заодно с ними. По его словам, «они пытались протолкнуть ужасные законы . . . они обещали депутатам ряд высших постов при условии, если те согласятся осуществить проекты наших врагов»³¹⁰. Шармон приводил слова чиновника суда Вильнёва, который 26 марта сказал, что, когда Бию сообщили об арестах, он торжественно

³⁰⁷ *Moniteur* Vol XIX No 178 (March 18, 1794) P 723-724 AP Vol LXXXVI P 557 Среди секции, представленных в Конвенте, были Бонконсеиль, Лепелетье, Мон-Блан, Французского Пантеона, Хлебного рынка, Дома Коммуны и Гравилье Последняя принесла в качестве подарка селитру *Journal de la Montagne* No 124 (March 17, 1794) 1007

³⁰⁸ *Albert Mathiez* *La Revolution française* Vol III P 156 (Цит по *Альбер Матьез* *Французская революция* С 518 [Прим переводчика]), *Daniel Guarin* *La Lutte de classes* Vol II P 112, *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 764

³⁰⁹ Пьер Карон (*Paris pendant la Terreur* Vol V P 293) ссылается на разговоры женщин Он также приводит доклады Пурвуайера, Ролена и Бакона (*ibid* Vol VI P 42, Vol V P 89, Vol VI P 118)

³¹⁰ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol VI P 66

но объявил, что ничего не знал о заговоре, а «узнав о нем по прибытии [в Париж], всплеснул руками от удивления»³¹¹. Конечно, Бийо-Варенна никто бы не проинформировал о планах комитетов заключить подозрительных лиц под стражу, если бы он подозревался в связях с кордельерами. На следующий день, 27 марта, в кафе общества кто-то заявил, что факт ареста Колло уже подтвержден в Тюильри³¹².

Было ли включено имя мэра Паша в первоначальный список обвиняемых, данных Фукье-Тенвилю? По данным «Процесса Фукье», комитет отверг необходимость ареста Паша. Однако некоторые историки и мемуаристы убеждены: Комитет общественного спасения принял вначале решение арестовать его вместе с вождями кордельеров, но затем снял соответствующие обвинения. Сенар, агент Комитета общей безопасности, писал, что бумаги, изъятые в доме Паша, носили компрометирующий характер. «Но эти документы, скорее всего, почти сразу же были уничтожены». Когда открылся суд над эбертистами, некий полицейский шпион привел показания Вестермана, в которых говорилось, что именно Паш планировался на должность «верховного судьи в заговоре»³¹³.

Госпожа Ролан следующим образом отзывалась о Паше: он «надевал маску величайшей скромности . . . С политической точки зрения он мольеровский Тартюф». Он походил на современного бюрократа, который знал, как назначать своих людей в офисы, находившиеся под его контролем. Хотя он и являлся прогрессивным якобинцем, он был решительным сторонником частной собственности и ярким врагом «бешеных», писал Герен. Более того, по словам госпожи Ролан, он сделал себе состояние, поживившись собственностью, принадлежавшей нации. Подобно Клоду Добсану — «человеку 31 мая» — и Бареру, он, похоже, пользовался таинственной протекцией. Паш пережил не только падение эбертистов, но и саму революцию, дожив до 77 лет (он умер в 1823 году). Герен полагает, что «постоянная индоль-

³¹¹ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 121

³¹² Доклад Бакон см. *ibid* P 140. Замечая, что и Бино, и Колло обязаны были своими назначениями эбертизму, Герен (*Lutte de classes* Vol II P 108) пишет по поводу слухов вокруг этих двоих: «Дыма без огня не бывает».

³¹³ *Gabriel Jérôme Senart* Revelations puisees dans les cartons des comites de salut public et de sûreté generale, ou, *Memoires inedites de Senart* 2d ed. Paris, 1824. Эти и другие «откровения» Сенара нельзя принимать на веру. Они большей частью продиктованы личными соображениями и в некоторых случаях абсурдны. Сенар стремится как можно больше запутать членов двух комитетов

Adolphe Schmidt Tableaux de la Revolution française Vol II P 185

генция», данная ему, была выражением «благодарности», которой ему платила «буржуазия»³¹⁴.

Полицейский шпион Суле придерживался другой версии. Он писал, что Паш, Бушотт, Анрио и Сантерр были оставлены для того, чтобы «спасти другие» партии, которые «были виновны в огромной мере»³¹⁵. Позже депутат Лоран Лекуантр обвинял Бийо, Колло и Барера в том, что они отменили приказ об аресте Паша³¹⁶. Таким образом, существовало достаточно данных для того, чтобы объединить мэра с вождями кордельеров. В самом деле, как глава муниципалитета он не мог не нести ответственность за махинации эбертистов, реальные или вымышленные. И если после всего он и его подручные, Анрио, Бушотт и Сантерр, не были привлечены к ответу, это, безусловно, объяснялось во многом тем, что правительству нужно было сохранить связи с санкюлотами. Война еще не была выиграна, а «снисходительные» были готовы воспользоваться ситуацией, в то время как за ними маячили реальные контрреволюционеры.

Хотя публика и была потрясена арестами, секции и народные общества незамедлительно сплотились вокруг Конвента и комитетов. По сообщению полицейских шпионов от 15 марта, многочисленное общее собрание секции Вильгельма Телля бурными аплодисментами приветствовало известие о разоблачении «заговора»³¹⁷. Через пять дней Бакон доносил, что, когда мировой судья зачитывал толпе доклад Сен-Жюста, его слушали с величайшим вниманием; стояла мертвая тишина. Носильщики воды, сидевшие недалеко от полицейского шпиона, сказали, что чувствуют себя одураченными теми, кто пользовался их доверием. Выступавшие под критики «да здравствует Конвент!» подчеркивали необходимость единства. Тем не менее, признавал Бакон, заседание было бурным, так как кто-то обвинил революционный комитет в нежелании применить закон к мясникам, незаконно продававшим мясо богатым. Еще один выступавший предупредил толпу, что «эти люди» пытались воспользоваться «делом Эбера».

³¹⁴ *J. F. Barriere*, ed. *Memoires particulieres de Mme Rolland* Paris, 1847 P 387, 392, *Daniel Guerin* La Lutte de classes Vol II P 107. Жерар Вальтер, редактор «Истории» Мишле, в части, озаглавленной «Персонажи» (Vol II P 1518-1519) также выражает уверенность, что Паш был «серьезно скомпрометирован» во время суда над эбертистами

³¹⁵ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 138

³¹⁶ Denonciation faite a la Convention nationale par Laurent Lecointre Article II [Paris], II Fructidor II — Le 38 2175, BN

³¹⁷ *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II P 156-157, 158

В секции Общественного договора люди кричали во время собрания: «Долой негодяев!» Эти критики были направлены против «конспираторов». (Несколько дней спустя Бакон доносил об еще более бурном собрании, на котором некоторых граждан обвинили в том, что они не принадлежали к секции). В секции Ломбардцев оппозиция эбертистам была также сильна: было слышно, как некоторые женщины говорили, что никогда не доверяли Эберу; другие рассуждали о «новых конспираторах» в секции, заявляя, что всех следовало отправить на эшафот. В секции Дома Коммуны речи Сен-Жюста и Бийо-Варенна были встречены аплодисментами. По сообщению Бакона, общественный дух в этой секции был «революционным». В секции Французского Пантеона общее собрание, прерываемое возмущенными критиками, заслушало подробный отчет о «заговоре». По некоторым сведениям, сторонники арестованных ходили из двери в дверь, стремясь заручиться поддержкой, до тех пор пока трое из них не были арестованы. Один человек предложил схватить «интриганов», агитирующих за Эбера. Это доказывает, что не все разделяли энтузиазм собрания в отношении Конвента.

Секции Тампля и Музея также выразили свою ненависть по отношению к «конспираторам», а секция Гренельского фонтана поклялась выступить как один человек против них. Беро рассказывал, что общее собрание секции Тампля аплодировало не только докладу Сен-Жюста, но даже его нападка на секционные общества. В секции Муция Сцеволы (секции Венсана) и в секции Марата заседания проходили спокойно, добавлял Беро, несмотря на страх правительства по поводу «восстания». (Это было не совсем так, как мы увидим). В секции Арсенала некий жандарм, не являвшийся резидентом секции, был арестован за попытку сделать какое-то предложение (возможно, в защиту кордельеров). По некоторым данным, в кафе этой секции кто-то уверял людей в том, что видел, как где-то на грязную улицу был выброшен портрет Марата, в то время как другой посетитель был уверен, что Конвент готов убрать тело Марата из Пантеона.

Некоторые женщины, по слухам, сравнивали Эбера с Петионом. По сообщениям некоторых полицейских шпионов, заверявших своих начальников в том, что народ спокоен, лишь немногие считали, что Эбер был невиновен. Бакон рассказывал, что в различных кафе ходили слухи о том, что Сантерр должен был быть арестован и что Анрио тоже был скомпрометирован делом Эбера. Люди спрашивали, почему Ронсен планировал «операцию» без консультаций со своим Генеральным штабом. Откуда он собирался взять свои батальоны? Другие шпионы отмечали, что в кафе на улице Сент-Оноре люди ап-

лодировали «письму» Фукье-Тенвиля в адрес Комитета общественного спасения, в котором сообщалось об аресте эбертистов. Везде, доносил один из шпионов, люди негодовали, так как чувствовали себя одураченными Эбером и его друзьями. Теперь они требовали возмездия. Некоторые были уверены, что «конспираторы» вызвали голод и должны понести суровые наказания, чтобы с нехваткой товаров было покончено. Дюга доносил о поддержке Конвента, продемонстрированной 15 марта в секциях Вильгельма Телля, Хлебного рынка и Музея³¹⁸.

16 марта полицейские наблюдатели сообщили о том, что «заговор» стал предметом всеобщего обсуждения. В целом, писали они, народ был против вождей кордельеров, многие полагали, что гильотина слишком хороша для обвиняемых. Все выражали свое преклонение перед Конвентом и комитетами. Несмотря на очевидное возбуждение, Париж, по словам наблюдателей, оставался поразительно мирным. Ходили слухи, что Анрио обедал с банкиром де Коком, а солдаты Революционной армии, маскируясь, расхаживали по городу в другой одежде. Общественность приняла обвинение, гласившее, что эбертисты были ответственны за голод в городе и что за их спиной стоял Питт. На Моморо, кроме того, навешали клеветнические измышления в том, что он якобы ел из серебряной посуды и что в его доме были найдены 190 тыс. ливров наличными — доказательство того, что он, вероятно, являлся хранителем фонда заговорщиков. Хотя за день до того на общих собраниях секций Марата и Муция Сцеволы никто не выступал за эбертистов, двенадцать или пятнадцать человек в секции Марата были арестованы за предложение идти маршем на Конвент. Народные общества также оказывались под огнем критики по мере того, как распространялись слухи об участии их членов в заговоре кордельеров. Полицейские шпионы отмечали, что несколько человек продолжали защищать арестованных кордельеров вплоть до 15 марта, однако потом уже боялись делать это³¹⁹.

17 марта, если верить докладам осведомителей, крик о том, что гильотина слишком хороша для арестованных кордельеров, был

³¹⁸ Pierre Caron. Paris pendant la Terreur. Vol. V. P. 309-313, 315, 318-319, 425-426, 427-428, 429. В секции Общественного договора один из членов общества заявил: «Мы достигли того рубежа, когда богатые должны платить [свою долю], когда надо, чтобы тот, у кого есть две тарелки, отдал одну тому, у кого нет ни одной». Это заявление было встречено криками «браво» и «да здравствует республика». Ibid. P. 310.

³¹⁹ Adolphe Schmidt. Tableaux de la Révolution française. Vol. II. P. 151-152, 158-159, 160-162, Pierre Caron. Paris pendant la Terreur. Vol. V. P. 353. Те, кого позже арестуют в секции Марата, слишком суетились на общем собрании, настаивая на том, чтобы их со товарищи, члены секции, потребовали от Конвента освобождения «репрессированных».

слышан «повсеместно». Все хотели быстрого суда над обвиняемыми, чтобы показать Европе, что французское правительство твердо решило покончить со всякой оппозицией. Большинство народных обществ решили еще раз, на своих ближайших заседаниях, принести клятвы верности Конвенту. Велась разговоры о том, что многие члены гражданских и революционных комитетов были втянуты в заговор и что ряд из тех, кто был очень заносчив в прошлом, теперь старались приобрести популярность, демонстрируя новое «подобострастное поведение»³²⁰. В то же время всему, что угрожало конституционным властям хотя бы потенциально, не давали развиваться. Правительство не могло пожертвовать своими местными сторонниками, воодушевив «снисходительных» и контрреволюционеров.

20 марта Бери сообщал, что очереди у магазинов и на Центральном рынке были уже не такими многочисленными, как до ареста эбертистов. Правительство начало временно снабжать рынки с тем, чтобы приобрести поддержку у населения и подкрепить свое обвинение «конспираторов» в том, что они были причиной дефицита. Под атакой теперь оказались Революционные республиканки, женское общество, основанное Клер Лакомб и Полиной Леон, которое в 1793 году поддерживало «бешеных». Некоторые обвиняли Лакомб в сотрудничестве с кордельерами, заявляя, что, если обыскать здание ее клуба, можно будет, безусловно, обнаружить большое количество спрятанного там продовольствия, даже если не удастся найти оружия. Другие говорили, что у Эбера в доме было спрятано шестьдесят фунтов мяса и обвиняли революционный комитет его секции в том, что тот лгал, утверждая, что найдено было только двадцать четыре фунта³²¹. Очевидно, пропаганда правительства была эффективной.

Человек, который, возможно, работал как правительственный шпион среди вождей кордельеров, Жан Батист Лабури, 16 марта предложил на заседании секции Марата, чтобы оно направило двух защитников для Моморо; он явно действовал как провокатор. Жан Этьен Броше, якобинец и кордельер, член гражданского и революционного комитетов секции, заметил, что подобное предложение бессмысленно, поскольку суд назначает защитников для обвиняемых. Вуарме, член Генерального совета, являвшийся временным секретарем секции, также выразил протест по поводу этого предложения. И все же сторонники Моморо аплодировали Лабури — его заявлению о том, что если «безвинная голова» Моморо «упадет», его соб-

ственная тоже должна будет слететь. Вместе с тем, когда наступил момент голосования, собрание последовало совету Броше, заявив, что полностью доверяет «магистратам народа». Это был довольно большой поворот от резолюции, принятой 5 марта, когда секция приняла решение маршировать на Конвент. Потерпев поражение на общем собрании, Лабури попытался завоевать своей идеей послать двух защитников для Моморо народное общество секции. Согласно некоему свидетелю, Жаку Тома, торговцу древесиной, один член гражданского комитета секции даже слышал, как Лабури спрашивал, можно ли положиться на артиллеристов; он явно вновь выступал как агент-провокатор³²².

Клуб кордельеров оказался беспомощен перед натиском правительства. Сразу после ареста своих вождей, 14 марта, клуб провел заседание под председательством временного председателя Луи Бартеlemi Шено, адвоката, избранного в отсутствие вице-председателя Гобера. Шено объявил, что в очередной раз была нарушена Декларация прав, и для того, чтобы подчеркнуть ее значение, попросил зачитать Декларацию собранию. Этот «оппозиционный» акт показал, насколько бессильным было теперь общество³²³. Время славы клуба, когда он помог свергнуть монархию и исключить жирондистов из Конвента, закончилось. Через несколько дней о его заседаниях уже не будут сообщать в прессе: они того не будут заслуживать.

Жан Батист Анкар, один из лидеров кордельеров, «вяло» интересовался судьбой своих друзей (он разделит ее через несколько дней). Доклад Сен-Жюста, заявил он, приведет к уничтожению самых пре-

³²² *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2366, 2654 2656 В последнем документе содержится показания плотника Анре Дюма о словах Лабури по поводу падения голов. Краткую биографию Броше см. *Albert Soboul, Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire P 457-458 Информацию о членстве Вуарме в Генеральном совете см. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 25 Благодаря своей службе в совете Вуарме, возможно, предвидел опасность демонстрации перед зданием совета и Конвента. Еще один член совета, некто Лорен (не упоминавшийся Собулем и Моннье) поддержал Вуарме против Лабури в секции Марата

³²³ Детали заседания, изложенные подробно в следующих параграфах — взяты главным образом из *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur V P 291-293 (Доклад Бушезена от 14 марта) и p. 344-345 (доклад Гривеля от 16 марта) *Moniteur* Vol XIX No 179 (March 19, 1794) P 726-727 *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II P 153-155 и B & R Vol XXXI P 359-360 Бушезен ссылался на женщин, выходящих из здания, которые — как уже отмечалось — говорили, что вернули бы своих патриотов — несмотря на негодование, напавших на них. Он закончил свой доклад, заявив, что кордельеры не поверили в обвинения — выдвинутые против заключенных *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2521 Нески очевидно, Жюли Капелле, показав, что слышала, как Анкар назвал два комитета «тиранами», а некий плотник из Сен-Марсе — по имени Готруш, повторил это (Ibid P 2522) Анкар был арестован 16 марта за «провоцирование краха национального представительства» и «заговор против свободы» (Ibid P 2523)

³²⁰ *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Revolution française Vol II P 163

³²¹ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 429-230

данных патриотов. Как могли кордельеры позволить Колло д'Эрбуа использовать такие выражения без протеста? — спрашивал он. После этого Анкар осудил присутствовавшего на заседании члена клуба Клода Прето, судебного пристава по профессии, публично назвавшего Эбера «негодяем». Прето стал торжественно заявлять о своем патриотизме, что вызвало волнения. Шено прервал его, потребовав, чтобы он ответил на обвинения. Вскочив с места, Прето закричал: «А разве не правда, что с этой трибуны проповедовалось восстание?» Собрание ответило громким «нет!» — и он был исключен из общества. Вскоре после этого Прето насладится своим реваншем.

Шено затем выразил удивление по поводу того, что ни один кордельер не выказал внятно свою поддержку четырем руководителям, находившимся за решеткой. Другие выступавшие заметили, что ряд членов клуба, обычно оккупировавших трибуну, отсутствовали. «Именно во время кризиса надо показывать наибольшую смелость», — заявил один из выступавших. Несколько членов клуба объявили, что знали всех четверых как наиболее страстных патриотов, невиновных в обвинениях против них. Одни думали о сопротивлении, другие о возмездии. Когда делегаты братского общества Друга народа из секции Марата спросили, что делалось для заключенных, им ответили, что кордельеры собирались направить делегацию к общественному прокурору — не самый воинственный акт, как видно. Революционное общество Свободных людей из секции Сите прислало делегацию выразить беспокойство по поводу арестов и «солидарность» с кордельерами. С делегацией по-братски обнялся благодарный Шено.

Броше затем сообщил об отвратительной атаке Бийо-Варенна в Клубе якобинцев на четверых кордельеров: Бийо обвинил их в заговоре с целью массового убийства заключенных, а также депутатов Горы. Это заявление было воспринято с ужасом и недоверием. Матюрен Буен, мировой судья, добавил, что «заговорщики» были обвинены в желании посадить регента во Франции. Бушезеш, который довольно долго описывал это заседание Клуба кордельеров, сообщил, что общество было удивлено. Кордельеры не могли поверить в такие преступления, настаивая на том, чтобы общественный прокурор ускорил суд. В невиновности своих вождей они были убеждены.

Секция Марата была также бессильна, как и кордельеры. Ролен сообщил 16 марта, что члены секции, которые всегда выступали против Моморо, считали аресты правомерными. Он сослался только на одного человека, защитившего Моморо. Однако Броше, явно подыгрывавший правительству, «просветил» собрание. Правительство назначило защитников для обвиняемых, сказал он, и поскольку собра-

ние доверяет магистратам, нет необходимости направлять комиссаров к общественному прокурору и в Комитет общественного спасения. Собрание перешло к текущим делам³²⁴.

Хотя секции и сплотились вокруг Конвента, в некоторых из них скрывались верные сторонники кордельеров. То, что некоторые граждане действительно выступали против того, чтобы поздравлять депутатов с раскрытием «заговора», свидетельствовало не только об их личном мужестве, но и о том, что в отдельных секциях на самом деле существовала пусть слабая, но оппозиция. Так, Ле Аригель сообщал 20 марта, что в секции Тюильри некий аноним уклонился от голосования за резолюцию, принятую общим собранием. В последней выражалась поддержка Конвенту. Полицейский шпион был удивлен, что этот человек не был даже осужден собранием³²⁵. В секции Единства Жан Франсуа Берейтер, купец, занимавшийся бумажной торговлей (он будет арестован после 9 термидора и прериальского восстания), выступил против направления поздравления. Среди обвинений, предъявленных ему в III год республики, было и то, что он якобы выражал надежду «заключить в [свои] объятия Венсана, Эбера и других» накануне суда над ними³²⁶. Гийом Булан (из секции Финистера), один из руководящих деятелей санкюлотов в секции, имевший за плечами долгую революционную карьеру, выборщик 1792 года и член народного общества Лозовского, также уклонился. Он будет арестован во флореале II года за защиту Моморо, Венсана и других и за требование восстания, «еще более ужасного», чем восстание 1792 года³²⁷. В секции Республики прозвучало предложение отыскать патроны и пики, по всей видимости, для того, чтобы освободить арестованных кордельеров, однако никаких практических шагов принято не было. Рене Кобен, портной, участвовавший во всех революционных демонстрациях, был арестован во флореале II года как эбертист. Его вместе с коллегой Виктором Морисом Годе, также арестованном во флореале II года по обвинению в эбертизме, 18 марта изблещил Леонар Бурдон. Оба этих человека являлись мировыми судьями и оставались верными вождям кордельеров³²⁸.

³²⁴ Pierre Caron. Paris pendant la Terreur Vol V P 355-356

³²⁵ Ibid P 436.

³²⁶ Albert Soboul, Raymonde Monnier Répertoire du personnel sectionnaire P 446. Alexandre Tuetey Répertoire général. Vol X No 63, в котором Берейтер обвиняется в комплектовании революционного комитета секции

³²⁷ Albert Soboul, Raymonde Monnier Répertoire du personnel sectionnaire P 526-527

³²⁸ Ibid P 63

Поскольку теперь секции были под контролем своих революционных комитетов, а последние — в руках Комитета общей безопасности, выражать оппозицию центральным властям было, как видно, трудно. Письменное показание под присягой, данное Делошем против Моморо в секции Марата, — красноречивое свидетельство этого. Народные общества были относительно более свободны, чем общие собрания, и голоса их активистов все еще можно было услышать, поскольку они пользовались поддержкой компатриотов. Гривель сообщал 12 марта: «Похоже, что они подстрекают людей спасти виновных от мести закона». Через два дня он доносил, что друзья «конспираторов» по-прежнему надеются спасти их, завоевав большинство присяжных³²⁹.

В народном обществе секции Шалье, названном «Революционные санкюлоты 31-го мая», Жак Монтен Ламбен, чиновник системы здравоохранения и один из основателей клуба, был арестован 18 марта как сторонник Шометта. Он являлся членом первого революционного комитета секции Шалье и одним из наиболее активных революционеров секции. Щеголяя в якобинском костюме и нахлобучив красный колпак, он громогласно заявил с трибуны, что знает Моморо как хорошего патриота. По данным очевидца, Ламбен также предупредил, что, если разразится гражданская война, Революционные санкюлоты будут по крайней мере знать своих сторонников, добавив, что аресту кордельеров счастливы одни «аристократы»³³⁰. Как показал впоследствии один свидетель, в секции Вильгельма Телля имело место брожение, спровоцированное «интриганами», стремившимися повлиять на народное общество с целью признания Эбера и его друзей невиновными. Среди этих «интриганов» был Жан Матье Брише, помощник секретаря Военного министерства и основатель народного общества секции. В сентябре 1793 года революционный комитет хвалил его за твердый республиканизм, наградив «славным титулом бешеного маратиста». Он был исключен из Якобинского общества после того, как Робеспьер осудил его. 18 марта за защиту Эбера он был арестован³³¹.

³²⁹ Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol. P. 365, 407. Некого бывшего прокурора спросили, что случится с заключенными. Он вспомнил опыт Марата, но когда кто-то возразил, что сравнение неподходящее, ничего не ответил. Гривель советовал установить за этим человеком слежку. Ibid. P. 408-409.

³³⁰ Albert Soboul, Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire P. 491, W 345, pl. 676 p. 45. AN. Цит. по Albert Soboul Sans-Culottes P. 771.

³³¹ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol. X No. 2208. Свидетельницей была Мари Жанна Бабет Броншон. Albert Soboul, Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire P. 155. Брише был казнен 8 июля 1794 года.

По сообщению Бушезеша от 15 марта, эберовские сторонники в секции Французского Пантеона шли от дома к дому, прося поддержать Эбера и других. На следующий день Пурвуайер признал, что Эбер имеет партию среди различных групп, по-прежнему его защищавших. Он же доносил о том, что циркулируют слухи о восстании, которое будет поднято эберовскими сторонниками в день суда над ним³³². Ничто из этого не соответствовало действительности. Члены Клуба кордельеров, стремившиеся защитить своих вождей сразу же после их ареста и исключившие Прето за атаки на Эбера, сделали поворот на 180 градусов менее, чем за 48 часов. Члены клуба, выступавшие против Моморо и его сторонников и не смевшие ранее открыто выражать свою оппозицию, теперь вернули себе право голоса. Когда кто-то из членов клуба потребовал, чтобы в этот период кризиса граждане, отсутствовавшие на заседании, были исключены, его не поддержали, и предложение провалилось. Более того, члены Клуба, изменив свое решение, теперь под аплодисменты вернули членскую карточку Прето. Когда же кто-то предложил зачитать список членов консервативного общества Сент-Шапель для того, чтобы члены Клуба кордельеров знали своих врагов, эта идея была встречена громкими возражениями. Предложение такого рода в прошлом было бы принято без протестов. Теперь же оно вызвало спор — свидетельство того, насколько иными стали кордельеры.

Принимая, помимо прочего, во внимание, что Революционный трибунал должен был судить заключенных вождей, было решено, что члены Клуба кордельеров должны ждать результатов суда, отменив свою обычную практику проведения непрерывных заседаний во время кризиса. Клуб фактически занял экстремальную позицию, постановив, что «дело» в настоящее время не будет обсуждаться совсем. Наконец, общество постановило выбрать новую комиссию из четырнадцати человек для того, чтобы провести чистку организации. В нее должны были войти лица, проявившие достаточно смелости в июле 1791 года, когда они собрались сразу же после массовой бойни на Марсовом поле; существовала надежда, что их избрание докажет, что только уважаемые патриоты будут отныне руководить обществом. Предложение Броше послать четырех депутатов к якобинцам, чтобы убедить их, что во главе Клуба кордельеров стоят теперь «твердые и просвещенные патриоты», было принято с энтузиазмом. Однако, когда кто-то сказал, что следовало

³³² Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol. V P. 315 353 355 419.

бы назначить главу делегации, все отказались занять этот пост, объяснив, что бывшие руководители развратили их³³³. Понятно, что Клуб кордельеров не был уже более сторожевым псом революции: он полностью сдался на милость правительства, а сделав так, предоставил своих вождей их судьбе.

Не лучше обстояли дела и в секции Марата. Накануне арестов секция представила резолюцию в Генеральный совет, в которой клеймила позором «систему репрессий, направленных против наиболее твердых защитников свободы». Она с негодованием указала на нарушение прав человека и, совершив фрейдиистскую ошибку, бессознательно написала *voiler* (склонять) вместо *violier* (насилловать). Резолюция была подписана Моморо как президентом. Генеральный совет, однако, не отреагировал на резолюцию, просто перейдя к следующему пункту повести дня. В ночь на 18 марта по крайней мере тридцать активистов общества были арестованы. Понятно, что такое развитие событий произвело сильное впечатление Шармон доносил, что кордельеры в секции стали ужасно нервными: они опасались быть вовлеченными в «дело»³³⁴.

На следующий день гражданский и революционный комитеты общества признали «судьбоносную ошибку», в которую они вовлекли секцию, «горя» теперь желанием выразить чувства безупречной гражданственности, а также приверженность «священным декретам» Конвента. Их ошибка, заявили они, была «непроизвольной», ныне же они отказываются от «фальшивых друзей свободы». Президент Конвента великодушно ответил, что Конвент всегда разделял ошибку и преступление. Конвент был удовлетворен, заверив их в своем уважении. 1 жерминаля (21 марта 1794 года) представитель секции Марата вновь уверял Конвент в том, что секция никогда не «допускала ничего плохого», незамедлительно признав свою ошибку в заведении Декларации прав³³⁵.

Возможно, истинные настроения санкюлотов по поводу ареста Эбера не были выражены в горячих резолюциях, представлен-

ных в Конвент. Большинство санкюлотов оказались в некоем ступоре, однако более сознательное меньшинство пыталось сопротивляться. Многие, правда, помнили триумф Марата над Комиссией двенадцати, когда он был освобожден Революционным трибуналом. Как же они могли сопротивляться теперь Большим комитетам? Чувство бессилия только обостряло их страдание. Для того, чтобы их движение стало эффективным, им надо было иметь базу в секциях, активно вовлекая последние в свои ряды. Так было всегда в прошлом. Но адреса и резолюции с выражением преданности, направлявшиеся секциями в Конвент, свидетельствовали о явном усилении позиций революционного правительства³³⁶.

Сразу же за арестом эбертистов секции организовали длинную процессию, направившуюся к Конвенту. Члены секций несли резолюции с выражением горячей поддержки. Без сомнения, они были напуганы и спешили выразить свою преданность. Тем не менее сомнительно, чтобы ими руководил один страх. Как и многие обычные люди, доверявшие депутатам и комитетам, члены секций, за малым исключением, добровольно поддерживали правительство против вождей кордельеров. Горькие чувства в связи с тем, что их предали и резкие призывы к отмщению, направленные против Эбера, символизировали более, чем страх перед властями. Полицейские шпионы обращали внимание на то, что требование наказания было всеобщим.

Уже 15 марта, т.е. на следующий день после ареста эбертистов, секции начали поздравлять Конвент с раскрытием «заговора». Некоторые выражали возмущение «конспираторами», другие требовали быстрого суда над «предателями». Вскоре после этого секции начали заявлять о формальной поддержке действий Конвента, призывая к быстрой казни «заговорщиков»³³⁷.

³³⁶ Событь (Sans-Culottes P 772) пишет, что подлинные чувства санкюлотов не вызывают сомнения: эти люди поддерживали Эбера, но были беспомощны, чувствуя себя в «болезненном ступоре» при повороте событий, даже политически более сознательные из них, хотя и пробудившись к сопротивлению, не могли выступить против Революционного трибунала (который в конце концов был их собственным правительством). С другой стороны, Шмидт (Tableaux de la Révolution Vol II P 165-168) ссылается на полицейские доклады о многочисленных собраниях в секциях Единства и Арсенала и разговоры людей в кафе и на улицах. С его точки зрения, люди были убеждены, что Эбер и его товарищи виновны в некоторых обвинениях. По сообщениям полицейских шпионов, повсеместно были слышны требования смерти Эберу и благословения в адрес Комитета общественного спасения. Таким образом, если меньшинство и старалось сопротивляться, оно должно было быть изолировано.

³³³ *Moniteur* Vol XIX No 180 (March 20, 1794) P 735-736, *Adolphe Schmidt* Tableaux de la Révolution française Vol II P 163-164. Дух кордельеров теперь фундаментально изменился, писал Шмидт, а заседания клуба стали «очень сухими».

³³⁴ *Journal de la Montagne* No 125 (March 18, 1794) P 1012, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 384-385.

³³⁵ *AP* Vol LXXXVI P 673-674, Vol LXXXVII P 52, *Alexandre Tuetey* Répertoire général Vol X No 2099, *Moniteur* Vol XIX No 180 (March 20, 1794) P 738, *Journal de la Montagne* No 127 (March 20, 1794) P 1027.

18 марта «бессмертную работу» Конвента благословило народное общество секции Марата Друзья народа. Правда, их члены осмелились задать вопрос, как же им было не быть одураченными, если некоторые из арестованных «помогли нам свергнуть королевский деспотизм»³³⁸. На следующий день народные общества других секций, в том числе секция Муция Сцевола, секции Венсана, вместе с общими собраниями присоединились к хору — все поздравляли Национальный конвент³³⁹.

18 марта председатель Генерального совета, Жан Жак Любен, зачитал декрет Комитета общественного спасения о назначении новых национальных агентов вместо Шометта и Эбера. Коммуна послушно аплодировала декрету, приняв раболепный адрес, направленный в Конвент. Лулье, национальный агент Парижского департамента, а также и муниципалитет в целом, немного запоздавшие в поклонении национальным властям, начали с извинения за запоздавшую акцию, однако заверили Конвент в том, что департамент выполнит свой гражданский долг³⁴⁰.

20 марта еще пять секций продемонстрировали верность правительству. На следующий день, 1 жерминаля, когда начался суд, секции и народные общества (в целом двадцать две организации) появились перед Конвентом, чтобы поклясться в верности Народное общество секции Муция Сцевола хвалило Конвент в наиболее угоднических выражениях, неистово разоблачая «этот постыдный заговор». Многие коммуны и народные общества из различных районов и департаментов, до тех пор молчавшие, при-

соединились к столице. Никто не выступил против обвинения в «иностранном заговоре», предъявленном властями. Могли ли кордельеры завоевать на свою сторону многих граждан, начав пропагандистскую кампанию, конечно, если бы были свободны сделать это? Более чем сомнительно. Конвент обладал неизмеримо большим авторитетом, и мало кто мог поверить, что он был виновен в сознательном подлоге³⁴¹.

Ряд секций, опоздавших принести поздравления властям, теперь спешили с клятвами верности. И даже, если их собрания выражали симпатию кордельерам, это не могло их остановить от присоединения к параду лояльности правительству. Не принимать участия в хоре, поющем хвалу властям, становилось опасным³⁴². В ряде посланий в Конвент граждане безжалостно требовали наказать заключенных кордельеров, они жаждали возмездия, изобличая арестованных как «конспираторов» и восхваляя Конвент, его комитеты и Гору как «спасителей страны».

Представитель секции Марата вновь извинялся за «совершенную ошибку». Он объяснял, что часть общего собрания секции была «деспотически придавлена» теми, кто демонстрировал свой преувеличенный патриотизм и популярность, в то время как другая часть

³⁴¹ AP Vol LXXXVI P 718, 719, 722, 725 и 727. О народных обществах Французской гвардии и секциях Севера, Пик, Общественного договора и Гренельского фонтана см. AP Vol LXXXVI, 718, 719, 722, 725 и 727. Последняя передала селитру Конвенту в форме горы, на которой возвышалось изображение Марата. Секции Мон-Блан, Дома Коммуны. Шалье и Ламбардцев также передали в подарок селитру. Ibid p 729-730.

21 марта секции Инвалидов, Друзей отечества, Предместья Монмартр, Тюильри, Республики Шалье и Тампля, а также общество Людеи 14 июля добавили свои поздравления. Ibid Vol LXXXVII P 28, 29, 30-31, 33-34, 34-35, 36. Предместье Монмартр признало, однако, что «людям сейчас нелегко, они чувствуют себя без какой-либо поддержки после всех этих гнусных преступлений» (C 299, plaq 1045 P 8, AN).

³⁴² *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X. О том, что произошло 20 марта, см. по 2105, секция Прав человека No 2109, секция Единства No 2112, секция Севера, No 2113, секция Пик, No 2116, секция Общественного договора, No 2100, народное общество Улицы Пвасоньер, No 2122, народного общества Французской гвардии, No 2133, секция Инвалидов No 2137, секция Предместья Монмартр No 2126, секция Тюильри No 2138, секция Людеи 14 июля, No 2139, секция Республики No 2125, секция Тампля и ее народное общество Санкюлотов, No 2127, секция Финистера, которая извинялась, что по закону не может проводить заседания чаще, чем раз в пять дней, No 2128, секция Обсерватории, No 2130, секция Вооруженного человека, No 2131, секция Революции. О том, что произошло 21 марта, см. по 2134, секция Друзей отечества, No 2146, секция Сите No 2147, секция Брута, No 2148, секция Французской гвардии, No 2150, секция Бонди. За ними 23 марта последовали еще три народных общества. См. nos 2164-2166. См. также *Moniteur* Vol XX No 182 (March 22, 1794) P 11-14 о заседании Конвента 20 марта.

³³⁷ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2059, 2060, 2061, 2063, 2064, 2065, 2068, 2069, AP Vol LXXXVI P 543-544, 549-552. *Moniteur* Vol XIX No 177 (March 17, 1794) P 711-712, 715, 724 о секциях Хлебного рынка, Дома Коммуны, Французского Пантеона. Мон-Блан, Лепелетье, Арсенала, Красного Колпака и «Братского общества патриотов обоих полов, защитников Конституции» секции Французского Пантеона (15-18 марта), о секциях Улицы Пвасоньер и Вооруженного человека см. C 295, plaq 995, p 18, 27, AN, о секциях Вооруженного человека см. также *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2077. Обе последние секции сдали селитру Конвенту. См. также *Societe fraternelle des deux sexes du Pantheon-Français* Adresse presentee le 27 Ventose, par cette Societe, a la Convention nationale [Paris] — Lb 40 2457, BN.

³³⁸ C 295, plaq 995, p 18, 27, AN, подписанный Ле Бланком, председателем, и Дежоржем секретарем, общества. См. также *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2072.

³³⁹ AP Vol LXXXVI P 627-631, 658, 659, 673, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2096-2098, *Journal de la Montagne* No 126 (March 19, 1794) P 1020. Это были народные общества секций Шалье, Лазовского, Вильгельма Телля и Единства совместно с секциями Ломбардцев, Бон-Нувель, Елисейских полей, Братства, Единения, Музея и Вильгельма Телля.

³⁴⁰ *Journal de la Montagne* No 127 (March 20, 1794) P 1026, AP Vol LXXXVI P 669.

была скомпрометирована террором. В тот же день (21 марта) представитель секции также принес извинения Коммуне. Он настаивал на том, что комиссары, посланные секцией в Генеральный совет (с резолюциями секцией по поводу заведывания Декларации прав человека), не справились со своей миссией, возложенной на них собранием. Президент совета ответил на все это, что граждане все равно в основе своей хорошие, даже если их иногда вводят в заблуждение. Он пригласил «воссоединенную» секцию принять участие в заседании³⁴³.

Клуб кордельеров еще раз собрался 26 вантоза (16 марта 1794 года), однако заседание было немногочисленным, да и те, кто пришел, не знали, что обсуждать. Полицейский наблюдатель Гривель назвал эту встречу «советом крыс». Шено, председательствовавший на заседании 14 марта, отсутствовал (по словам Гривеля, «в силу обстоятельств»). На столе не было бумаг, и никто не выступал. Было решено, что письма, адресованные Моморо и Шено, будут сданы общественному прокурору. Под конец некий член общества в течение около часа читал доклад Сен-Жюста без комментариев. После этого митинг был прекращен, и все разошлись³⁴⁴.

На следующий день кордельеры встретились вновь и по предложению Жана Этьена Броше избрали четверых комиссаров, которые должны были пригласить членов Конвента, кордельеров и якобинцев «часто» посещать заседания клуба. Так было постановлено. На следующий день, 18 марта, комиссары прибыли в Клуб якобинцев, чтобы выразить «солидарность» с «патриотами», заверив якобинцев в том, что кордельеры «усердно» работают над разоблачением «интриганов и предателей» в своей среде. Но прежде чем они смогли открыть рты, на них обрушился град обвинений³⁴⁵. Лежандр был первым, кто взял слово. Он предупредил кордельеров, что никто не воссоединится с ними до тех пор, пока они не прекратят «клеветать на чистых патриотов», т.е. на таких якобинцев, как он. Он обвинил их в том, что они не отреагировали на поведение одного из кордельеров,

часовых дел мастер Дюбуа из секции Единства, который осмелился сказать, что Венсан пока невиновен, он является лишь обвиняемым³⁴⁶. Кто-нибудь среди вас, продолжал Лежандр, выступил против декларации о том, что кордельерам следует подготовиться к празднованию, когда обвиняемые будут триумфально освобождены?

После этого слово взял Дюфурни, заявивший, что подлинные кордельеры не совершали преступлений и не заведывали Декларацией прав. Это все было сделано группой «интриганов». До тех пор, пока эта группа не была уничтожена, продолжал он, якобинцы не могли признать кордельеров. Это было бы равносильно дружбе между Россией и Турцией. После того, как якобинцы обняли бы их два раза, предупредил он, при третьем объятии кордельеры зарезали бы их. «Давайте сохраним наши чувства для настоящих кордельеров», — убеждал он. Вслед за ним Робеспьер развернул мощную атаку на кордельеров, обвинив последних в желании сделать так, чтобы публика поверила, что якобинцы одобряют их принципы. Те, кто пришел сюда, объявил он, не настоящие кордельеры, так как они угрожают подлинным патриотам. После этого, связав кордельеров с Жаком Ру, он заявил, что последнего никогда бы не исключили из общества, если бы не инициатива якобинцев. Клуб кордельеров, подчеркнул он, нуждается во всесторонней чистке. В завершение выступления он потребовал, чтобы якобинцы не вели никакой переписки с кордельерами до тех пор, пока последние не будут «регенерированы». Это требование было принято всеобщими громкими восклицаниями.

За Робеспьером выступил Тальен, обвинивший нового председателя Клуба кордельеров Шено в том, что тот интриган, исключенный из Коммуны 10 августа (т.е. накануне свержения короля)³⁴⁷. Он также потребовал, чтобы с кордельерами не разрешали вести ни малейшей переписки до тех пор, пока они не проведут чистку клуба. Кутон обвинил Ронсена в том, что тот составил список заключен-

³⁴³ *Moniteur* Vol XX No 183 (March 23, 1794) P 20-21, *ibid* No 181 (March 21, 1794) P 2. Alex andre Tuetey Repertoire general Vol X No 2152

³⁴⁴ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol V P 388 Доклад Гривеля от 18 марта заканчивается выводом «Это подтверждает поговорку, которая гласит “Убей пастуха, и все стадо разбежится”»

³⁴⁵ Следующий отчет о холодном приеме, оказанном якобинцами кордельерам, взят из *Journal de la Montagne* No 127 (March 20, 1794) P 1028-1030, *Moniteur* Vol XX No 182 (March 22, 1794) P 9-11 и *Alphonse Aulard Jacobins* Vol V P 699-701 И «Монитор», и Олар приводят дату этого заседания — 18 марта «Журналь» указывает дату 17 марта, которая, похоже, ошибочна

³⁴⁶ Дюбуа был чиновником Парижского департамента и выборщиком 1791 и 1792 годов. Он был арестован на следующий день после того, как Лежандр подверг критике его заявление, но освобожден 24 марта. Его разоружили, однако вскоре, во флореале III года, он опять получил оружие. Его вновь арестуют 6 прерияля III года (25 мая 1795 года), но освободят и вернут ему оружие 16 мессидора (4 июля) того же года. *Albert Soboul, Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire* P 447

³⁴⁷ Шено был скомпрометирован делом Шометта, но оправдан 13 апреля 1794 года. Он будет позже изобличен комитетом по надзору 4-го района как бывший председатель и секретарь Клуба кордельеров за то, что заявил, что погром 25 февраля 1793 года имел «моральную цель». Будучи разоружен во флореале III года и арестован 5 прерияля III года (24 мая 1795 года) после так называемого голодного восстания, он будет временно выпущен на свободу 20 мессидора III года (8 июля 1795 года) *ibid* P 123

ных, которых предполагалось уничтожить. Он предложил, чтобы якобинцы направили обращение своим филиалам по поводу того «ада», из которого были спасены все хорошие граждане. Столкнувшись с таким отношением, кордельеры ничего не могли поделать, они лишь глухо роптали после заседания³⁴⁸.

16 марта якобинцы заслушали доклад Кутона об Индской компании. Последовавшая дискуссия выявила, что, хотя некоторые якобинцы хотели воспользоваться подавлением правительством как кордельеров, так и их врагов, Робеспьер и его сторонники проявили осторожность, не поощряя их. Когда Леонар Бурдон заговорил о многих «аристократах» в секциях и особенно об их подчиненных, которых, по его словам, якобинцы должны были вычистить, Робеспьер отверг его предложение. Он предупредил, что это разоружило бы народные общества, лишив конституционные власти влияния и воссоздав систему, против которой восстал народ. Этого-то как раз и хочет Питт, заявил он. После этого, вспомнив о тирадах Эбера, направленных против торговли, тирадах, которые провоцировали голод в городах, он связал Бурдона с «этим же заговором», заявив, что ее целью являлось посеять в народе сомнение. Тальен также предупредил против осуждения старых патриотов «патриотами момента, которые хотят подняться на обломках репутации старых защитников народных прав»³⁴⁹.

20 марта Бурдон (из Уазы) спросил своих коллег-депутатов, почему еще не арестован Бушотт и почему иностранным заключенным, питающимся за счет местного населения, разрешили остаться в Париже. Эта атака на военного министра была еще одним свидетельством того, что некоторые оппоненты правительства на самом деле хотели «подняться на обломках» старых патриотов. Конвент, однако, не был готов последовать за ним. Между тем, мэр Паш во главе делегации от Коммуны прибыл в Конвент, чтобы продемонстрировать преданность законодательному собранию. Председатель Филипп Жак Рюль заметил по этому поводу, что, хотя муниципалитет и не спешил с выражением чувств, он, тем не менее, надеется, что они искренние. Последовали горячие аплодисменты, и было похоже, что Конвент удовлетворен³⁵⁰.

³⁴⁸ Шармон сообщал о жалобах кордельеров 20 марта (*Pierre Caron Paris pendant la Terreur* IV P. 432)

³⁴⁹ *Journal de la Montagne* No 126 (March 19, 1794) P. 1021-1022, 1023. Говоря о «старых патриотах», Тальен использовал фразу «атлеты прав народа»

³⁵⁰ *Ibid* March 20, 1794 P. 1031

22 марта, когда их вожди предстали перед судом, кордельеры начали широкомасштабную чистку, на которой настаивали якобинцы. Бушезеш докладывал, что после того, как секретарь зачитал протокол последнего заседания (от 17 марта) некий член клуба заявил о своем удивлении по поводу того, что в нем не было упомянуто прозвучавшее на предыдущем заседании предложение провести банкет после суда над заключенными³⁵¹. Последовала долгая дискуссия, в ходе которой Прето (его уже восстановили) и Броше, новый лидер клуба, выступили с обвинением в адрес прежнего руководства. Прето призвал к всесторонней чистке, требуемой якобинцами. Помимо прочего, он предложил, чтобы газета, издававшаяся обществом, стала публиковать имена авторов статей, и перестала выступать от имени всей организации. Тем самым «низость» одного не бросала бы тень на все общество, объяснил он, перевернув аргумент Альбертины Марат с ног на голову. Аплодисменты, последовавшие за его предложением, продемонстрировали, что роль кордельеров в революции драматически завершилась. Броше также призвал к чистке. Он заявил, что при Моморо и Венсане не было свободы слова. Обществом руководила кабала, навязывавшая повестку дня и определявшая выступавших, которые поддерживали ее предложения. В зал даже сажали жен выступавших, которые пользовались возможностью, чтобы бурно аплодировать своим мужьям, а по сигналу одного или двух вождей из зала под критики «долой умеренных!» вытаскивали тех, кто не соглашался с предложениями главарей.

Броше рассказал, что имелся список старых членов Клуба кордельеров. В нем насчитывалось сорок четыре человека, четверо из которых являлись основателями клуба. Эти четверо плюс еще трое граждан были выбраны в комиссию по чистке из семи человек. Когда один из присутствовавших спросил, какого рода вопросы следовало ставить перед членами клуба во время чистки, кто-то ответил: это должны быть те же вопросы, которые задавали якобинцы. Броше добавил, что комиссарам следует внимательно заниматься делами тех, кто обязан своими постами бывшим лидерам кордельеров. Как и Прето, ему аплодировали. Очевидно, новые кордельеры сделали бы все в их власти, чтобы удовлетворить теперешних своих более сильных противников.

За Броше слово взял некий член общества, по имени Русселен, заявивший, что большая ошибка кордельеров заключалась в том, что

³⁵¹ Доклад Бушезеша см. *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* VI P. 23-24. О заседаниях Клуба кордельеров 22 и 24 марта 1794 года, описываемых здесь и далее, см. *Moniteur* Vol. XX No 189 (March 29, 1794) P. 69-70

они верили в различие между ними и якобинцами. Однако кордельеры действительно выглядели сильными только тогда, когда две организации были едины. Он предложил, следовательно, чтобы клуб попросил якобинцев назначить четверых членов их собственной организации в комиссию по чистке. Но это его предложение оказалось уже чересчур даже для смиренных кордельеров. Вместе с тем, ему аплодировали, когда он потребовал исключения всех сообщников «венсанистов, ронсенистов и момористов»³⁵².

Матюрен Буен из секции Болота, рабочий, приторговывавший чулками, предложил, чтобы общество провело чистку быстро, проинформировав якобинцев, что оно готово залечить раны, нанесенные разобщенностью двух организаций. Более того, он считал, что было бы мудро иметь лишь по одному обществу в каждой секции вместо многообразных клубов. Общество, однако, не отреагировало на это предложение, поскольку пора было начинать чистку³⁵³.

Чистка в Клубе кордельеров сопровождалась все усиливавшимися атаками умеренных в секциях на многих революционеров, пользовавшихся более солидной, чем они, репутацией. «Люди уже теперь не поверят так легко тем, которые говорят, что они их друзья», — заявила секция Сите, добавив, что «подлые конспираторы» хотели уничтожить свободу именем Марата³⁵⁴. По сообщению Ле Аривелия от 29 марта, во время заседания Якобинского клуба некий член революционного комитета секции Тюильри, Бертран Лакомб, осудил администрацию полиции за «свержение бюстов Шалье» с пьедесталов в различных общественных местах³⁵⁵.

Приходится констатировать, что никакой организованной оппозиции в связи с арестами вождей кордельеров не возникло. И дейст-

вительно, вряд ли такая оппозиция могла появиться: ведь эбертисты находились в тюрьме, обвинения со стороны Сен-Жюста были предъявлены общественности. Оппозиция существовала, но это был протест лишь нескольких индивидуумов, понятно, неэффективный.

Ярый патриотизм санкюлотов и их преданность Конвенту и его комитетам препятствовали возможности организованного движения в поддержку арестованных кордельеров.

Чувства преданности и патриотизма были усилены искусной клеветой правительства на своих оппонентов. Более активные и опытные члены Клуба кордельеров, конечно, не приняли на веру чудовищные обвинения, предъявленные Сен-Жюстом и якобинцами. Но у огромной массы санкюлотов не было причины подвергать сомнению честность их депутатов. Всякая оппозиция революционному правительству была «заморожена», если использовать выражение Сен-Жюста. Безусловно, замороженной была и любая серьезная мысль о восстании со стороны кордельеров. С их подавлением, однако, политическая ситуация в самой Франции изменилась.

Будучи атакованы с обеих сторон, правительством и умеренными, активисты в секциях, остававшиеся еще верными старому духу Клуба кордельеров, оказались на распутье. Порвать с Горой означало усилить контрреволюционеров, но принять клевету и уничтожение своих вождей означало отказаться от собственных целей и идеалов. Это было равносильно принятию другого варианта революции, отличавшегося от того, который они избирали в июле 1789 года, августе 1792 года и мае 1793 года. Так что же они могли сделать? «Свыкнуться с . . . предательством . . . их лучших друзей», как писал 18 марта Перьер, было для них невозможным³⁵⁶. Равным образом не могли они допустить наступления умеренных. Из двух зол поддержка комитетов казалась меньшей. У многих, однако, не было выбора. Они стали пассивны и индифферентны. Революция для них закончилась.

³⁵² Русселен предложил, чтобы каждый член Клуба объявил о своем финансовом состоянии письменно с тем, чтобы, если он стал зажиточным, ему можно было бы задать вопрос, каким образом он приобрел это богатство. Предложение было принято. Русселен, о котором идет речь, по-видимому, являлся Александром Русселеном из секции Единства, игравшим важную роль в создании Революционной армии департамента Об. *Albert Soboul and Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire* P. 441.

³⁵³ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* VI P. 25. Бушезеш считал, что Буен говорил мудро. О Буеце см. *Albert Soboul, Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire* P. 203.

³⁵⁴ Адрес секции Сите, направленный Конвенту, документ на пяти страницах, в котором секция обещает свою поддержку, хранится в С 299, pl. 1045, p. 32, AN.

³⁵⁵ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* VI P. 191-192. О Бертроне Лакомбе см. *Albert Soboul Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire* P. 50. Мари Жозеф Шалье (1747-1793) был вождем якобинцев в Лионе. Его группа потерпела поражение от блока жирондистов, различных умеренных и роялистов. Он был казнен 16 июля 1793 года и стал якобинским мучеником. См. *W. D. Edmonds Jacobinism and the Revolt of Lyon, 1789-1793* New York, 1990, *Morris Slavin Theodore Leclerc An Anti-Jacobin Terrorist — Historian* Vol XXXIII (May, 1971) P. 398-414.

³⁵⁶ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* V P. 397.

Глава 7

ЭБЕРТИСТЫ

Революционные карьеры эбертистских вождей и тех, кто примыкал к ним, демонстрируют их преданность санкюлотам и народной революции. Хотя ни Жан Пьер Бертольд Проли, ни Антуан Игнас Франсуа Декомб не были членами Клуба кордельеров, политические принципы и общая судьба этих двух активистов связала их с эбертистами теснейшим образом. Историки находят мало того, что отличало бы Проли и Декомба от большинства других вождей санкюлотов. Если и было между ними различие, то оно состояло в том, что эти двое не имели ничего общего с вымышленным «заговором» против революционного правительства.

Отличаясь по происхождению и профессии, эбертисты и те, кто примыкал к ним, были равным образом преданы революции. Все они являлись активными участниками главных событий. Все занимали важные посты, как бюрократические, так и выборные. В отличие от некоторых членов Конвента-якобинцев, которые ставили под вопрос их патриотизм, они рисковали жизнями при осаде Бастилии, атаке на Тюильри, а также будучи агентами центральных властей на различных фронтах или в Вандее.

Да, некоторые из них могли быть обвинены в чересчур несправедливом и нетерпимом отношении к их умеренным и консервативным врагам. Однако надо признать, что сама революция по существу была «аномалией». Все шестеро являлись эгалитаристами и демократами по убеждению, если не всегда на практике. Пятеро были еще относительно молоды, когда взойшли на эшафот. Самому молодому, Антуану Декомбу, было всего тридцать. Самому старшему, Жакобу Перейре, пятьдесят один.

По всей видимости, именно революционный энтузиазм привел их к оппозиции правительству в то время, когда они убедились, что это правительство изменило их общим принципам. Настроения крайнего экстремизма, личные амбиции и отрицание власти, характерные для них, граничили, однако, с анархией. Это ощущалось многими, от чьего имени они говорили. Безусловно, их экстремизм стал одной из причин их поражения. Все они оставались в оппозиции революционному правительству, несмотря на то, что последнее

находилось под тяжестью внешней войны, внутренней контрреволюции, растущей инфляции и фракционной борьбы.

Антуан Франсуа Моморо, председатель Клуба кордельеров, отражал общую преданность этих людей демократии и равенству (по крайней мере в теории; его поведение как председателя на общих собраниях своей секции явно доказывает наличие противоречий между его принципами и практикой). В целом в своей революционной деятельности в отличие от других активистов Моморо демонстративно исходил из теоретических принципов, анализ которых позволяет объяснить его убеждения. Это не означает, что у его коллег не хватало принципов или теоретических знаний, но в отличие от него они не оставили письменных свидетельств этого.

Родившись в 1756 году в старинной испанской семье, Моморо прибыл в Париж молодым человеком, вероятно, в 1780 году, и стал умелым типографшиком и успешным книготорговцем. В 1785 году он опубликовал руководство по истории и искусству книгопечатания. Когда в июле 1789 года вспыхнула революция, он был нанят типографшиком в редакцию газеты Демулена «Франс либр» («Свободная Франция») ³⁵⁷. Вскоре после этого он вступил в Клуб кордельеров и был избран его секретарем и редактором его журнала. Впоследствии он стал президентом Клуба, в также народного общества секции, Друзья народа, связанного с кордельерами. Его политическая деятельность сделала его достаточно популярным: на первом же собрании своей секции (Французского театра, будущей секции Марата) он был избранным ее секретарем, а затем и выборщиком. После неудавшегося бегства короля в Варенн, Моморо присоединился к Друзьям правды (Общественному кругу), популярному реформаторскому обществу Парижа для того, чтобы бороться против восстановления королевской власти. Сразу же вслед за массовой бойней на Марсовом поле он составил возмущенный доклад, обвинив маркиза де Лафайета в том, что произошло. В результате Моморо был заключен в Консьержери 9 или 10 августа 1791 года и освобожден не ранее 15 сентября. Выйдя из тюрьмы, он горько переживал свой арест, в результате которого потерял состояние ³⁵⁸.

³⁵⁷ *Antoine François Momoro* Traite elementaire de l'imprimerie, ou. Le Manuel de l'imprimeur Paris, 1796, *Alexandre Tuetey* Répertoire general Vol XI P xxviii

³⁵⁸ *Antoine François Momoro* Pétition a l'Assemblée nationale. Paris, n d 3 p — Ln 27 14429. BN Моморо просил компенсацию как жертва события 17 июля 1791 года — массовой бойни на Марсовом поле. О роли Моморо в этих событиях см. *Albert Mathiez* Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et la massacre du Champ de Mars. Paris, 1910 P 131-137, 174-179 (яркое и возмущенное описание Моморо расстрела), p 255, 286 (аресты и обыски в доме Моморо), p 302-309 (допрос Моморо) и p 369 (обвинительный акт общественного прокурора)

25 сентября 1792 года Моморо опротестовал волонтаристские акции президента Электорального собрания, настояв на свободной дискуссии как единственном пути избрания законодателей³⁵⁹. Обращение от 30 июля 1792 года, подписанное Дантоном, Шометтом и Моморо от имени секции Французского театра, критиковало идею разделения граждан на категории «активных» и «пассивных». «Какой-либо отдельный класс граждан не имеет права узурпировать исключительное право служить стране», — писали эти трое. Они убеждали «пассивных» граждан служить в Национальной гвардии и посещать общие собрания, короче говоря, осуществлять «законные права, которыми обладают секции»³⁶⁰. То, что секция Французского театра была готова реализовать свое законное право собственными силами, можно видеть из ее недвусмысленных шагов, сделанных через день после бегства короля в Варенн. Общество приказало батальону Сент-Андре де Арт принимать приказы только от Постоянного комитета (т.е. специального полицейского комитета муниципалитета), а не от штаба Национальной гвардии, попавшего в то время под подозрение. Более того, секция постановила «арестовывать каждого адъютанта», который может появиться на ее территории. Оба приказа были подписаны Моморо³⁶¹.

После свержения короля Моморо был избран в администрацию Парижского департамента (21 августа 1792 года) и в его директорию (29 декабря). Он был обвинен в получении выгоды от аннулирования декрета об изъятии собственности, принадлежавшей некому эмигранту, но дальше обвинений дело не пошло³⁶². 11 мая 1793 года он был направлен в Вандею в качестве одного из комиссаров Исполнительного совета. Там он стал активным и преданным агентом Ронсена. В споре между Россиньодем и представителями в миссии Бурдоном (из Уазы) и Гупийо де Фонтане он поддерживал Россиньоля, заявляя, что за первые поражения, которые потерпели республикан-

³⁵⁹ Резолюция, подписанная Моморо и другими, была принята Электоральным собранием заседавших в Епископстве. Среди прочего в ней осуждались решения «определенного общества, манипулирующего за закрытыми дверями», т.е. консервативного клуба Сент-Шапель. *Enne Charavay*, ed. *Assemblée electorale de Paris*, 18 novembre 1790 — 15 juin 1791. Vol. II. Paris, 1890. P. 512-513.

³⁶⁰ MSS Nouv. Acq. fr., 2684, f. 125, BN. Цит. по *Albert Soboul* *Sans-Culottes*. P. 506.

³⁶¹ *Jules Michelet* *Histoire*. Vol. I. P. 611 (подчеркнуто в резолюции). Генеральный совет аннулировал этот декрет, отменив позже июльскую резолюцию секции, которая стремилась вовлечь пассивных граждан в политическую жизнь общества.

³⁶² *Alexandre Tuetey* *Repertoire général*. Vol. X. No. 2357. Шарль Горе, агент Комиссии по снабжению армии, обвинял Моморо в получении 24 тыс. ливров от бывшего посла Колбер-Мольериера.

ские силы, отвечают профессиональные генералы. В своем докладе в Конвент он написал, что дворяне, переодевшись крестьянами, отправляли молитвы и жили среди селян, завоеывая, таким образом, их доверие и убеждая их в том, что они все сражаются за общую религию. После описания нескольких стычек и сражений, Моморо объяснил поражение у Сомюра разобщенностью командования и отказом республиканских генералов преследовать восставших тогда, когда у них имелись для это все возможности.

Моморо заметил, что боевые действия в Вандее кардинальным образом отличались от войны против Коалиции. В Вандее врагом было целое население, «доведенное до фанатизма» священниками и возглавлявшееся дворянами. Женщины выполняли роль шпионов, и крестьяне проявляли чудеса героизма на полях сражений. Более того, у вандейцев было три армии численностью в 30 тыс. солдат каждая со 120 артиллерийскими орудиями. У них имелись запасы зерна на зиму. Отдельному бойцу платили только провизией (исключение составляли солдаты определенных частей восставшей армии). Священники молились вместе с солдатами, и когда Моморо проанализировал состояние общественной морали в департаментах, которые посещал, он пришел к выводу, что «республика не может более терпеть священников внутри себя»³⁶³.

В июле 1793 года Моморо стал членом Военного совета (организации стратегического планирования, состоявшей из генералов и представителей в миссии) и подписал письмо, посланное из Сомюра Ронсеном и Россиньодем в Комитет общественного спасения, в котором те взваливали вину за первые поражения на своих оппонентов. Вскоре после этого в письме Венсану он выступил против Вестермана, потребовав, чтобы все дворяне были уволены из армии. В своем докладе он обратил внимание на коренные различия между Россиньодем, с одной стороны, и Бурдоном (из Уазы) и Гупийо де Фонтане, с другой, резко осудив смещение Ронсена, которое было делом рук этих двух представителей в миссии. По его словам, некоторые стратегические города были оставлены генералом Тунком и этими двумя представителями в миссии без войск в нарушение четких приказов Конвента и генерала Россиньоля. Снабжение восставших не было прервано, и Ла Рошель была без всякой нужды оставлена врагу на произвол судьбы. Моморо завершил доклад требованием отзыва Гупийо, Бурдона и Тунка и восстановления

³⁶³ *Antoine François Momoro* *Rapport sur l'état politique de la Vendée, fait au Comité de salut public de la Convention nationale*. Paris, [October 13, 1793] — Lb 41 3389, BN.

Ронсена в должности Комитетом общественного спасения и Конвентом (в отдельном письме он требовал и восстановления в должности Россиньоля)³⁶⁴.

В письме якобинцам из Сомура от 13 августа 1793 года Моморо описал победу у Лусона, преувеличив число врагов. Когда же Конвент снял Гупий и Бурдона и восстановил в должности Россиньоля, Моморо послал копию объявления об этом в «Журналь дю суар» («Вечернюю газету»), где она и была опубликована. Россиньолю поблагодарил Моморо, заверив своего покровителя в том, что его единственным страстным желанием было победить или умереть за родину³⁶⁵. В течение сентября и октября Моморо продолжал обвинять генералов, несших ответственность за неправильную стратегическую линию в Вандее. Он делал это в ряде докладов якобинцам, Исполнительному совету и кордельерам.

В Вандее Моморо находился вместе с женой, Мари Франсуа Жозефиной Фурнье, на которой женился в 1786 году. Он относился к ней как к «гранд даме», что вызывало ненависть его будущих врагов. Один из последних позже показал, что она представляла на показ скандальную роскошь — дорогую мебель, богатые одежды и красивый экипаж. Через несколько месяцев Жозефина изображала богиню свободы во время празднования культа Разума в бывшем соборе Нотр Дам. Ничто из этого не могло расположить к Моморо его политических соперников или более пуританских якобинцев, типа Робеспьера. Сообщения о том, что Моморо позволял себе ублажать изощренные вкусы своей жены, возможно, на самом деле заслуживают доверия: по словам его дяди, портного по профессии, племянник всегда расплачивался с долгами, и его состояние равнялось около 80 тыс. ливров³⁶⁶. Социально-экономические взгляды Моморо были левее якобинских: вероятно, это и явилось одной из

³⁶⁴ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2352 Моморо предлагал использовать армию из Маинца против вандейцев в своем письме, озаглавленном *Rapport des evenemens relatifs a la visite faite par le General en chef Rossignol, des differentes divisions composant l'armee des cotes de la Rochelle* Paris n d — Lb 41 3324, BN. Оценку Лусона со стороны Моморо см. в его *De Saumur* Paris, August 13, 1793 — Lb 46 3219, BN.

³⁶⁵ *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 352-354, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2353, 2354.

³⁶⁶ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2370, заявление Пьера Франсуа Себилло та Арману Марсьялю Клоду Эрману, председателю Революционного трибунала (16 марта 1794 года) и по 2375.

Жозефина была арестована вместе с другими женами осужденных кордельеров, но была освобождена 27 мая. 25 августа 1794 года она была вынуждена просить государственной финансовой поддержки. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P xxxiv.

причин его осуждения. В мае 1793 года, стремясь обосновать необходимость введения максимальных цен на зерно, он анализировал вопрос о правах собственности. Пытаясь доказать, что регулирование цен являлось не только важным, но и полезным мероприятием, он утверждал, что продукты земли принадлежат обществу, а не индивидуальным собственникам. Максимум, писал он, понизил бы цену на зерно, подорвал спекуляцию, установил справедливую пропорцию между рыночной ценой на урожай и оплатой труда рабочего, укрепил уважение к собственности и способствовал бы развитию сельского хозяйства, торговли и искусства. В отличие от других сторонников этой меры, он выступал за скользящую шкалу этого максимума, добавляя к общей рыночной цене на зерно цену на транспорт. На вопрос о том, обладает ли владелец куска земли правом собственности на продукты, произведенные на ней, Моморо отвечал: «Никоим образом. Эти продукты предназначены для снабжения общества в обмен на равную компенсацию, которой является справедливая цена. Эта компенсация должна быть соизмерима со средствами граждан»³⁶⁷.

Среди его ранних работ было описание прав человека. В отличие от официальной Декларации статья 2-я у Моморо гласила, что «социальные различия . . . базирующиеся на общей пользе и те, которые не наносят вреда равенству, будут приняты нацией и могут быть отменены по желанию». Статья 27-я гарантировала неприкосновенность только промышленной собственности. Среди других статей статья 1-я заявляла о том, что «нация устанавливает равно для граждан гарантию и неприкосновенность того, что ошибочно называется земельной собственностью», но даже эта гарантия была ограничена законом, который призван был определять окончательный статус такой собственности. Впоследствии Моморо нападал на Сиенеса, требуя от него доказательств того, что священники-присяжные заседатели достойны доверия. Сам он отрицал различия, существовавшие между этими церковнослужителями и священниками, не являвшимися присяжными заседателями. Когда был взят под стражу Марат, Моморо как президент своей секции составил апелляцию в Конвент. Она была поддержана Генеральным советом, который уполномочил его передать этот документ в другие со-

³⁶⁷ *Antoine François Momoro* Opinion de Momoro administrateur et membre du directoire du departement de Paris Paris n d — Le 38 2464 BN. Моморо также утверждал, что Франция производит больше, чем ей нужно, поэтому не следует импортировать зерно из-за границы. Это было неверным в период, о котором идет речь.

рок семь секций для поддержки³⁶⁸. Короче говоря, Моморо был политически активным оратором, писателем и администратором, готовым рисковать собой ради своих принципов.

Председательствуя в секционном собрании, Моморо затыкал рот своим оппонентам, угрожая им Революционным трибуналом или отказываясь предоставить им слово.

У Моморо были более глубокие политические взгляды, нежели у его коллег, отчасти потому, что он подходил к теории и принципам, исходившим из этой теории, серьезно. 7 марта 1794 года, отвечая якобинской делегации, он заявил: «Мы признаем только принципы. С нашей точки зрения, люди не заслуживают того, чтобы их принимали в расчет, если они подрывают принципы». В тексте его последней речи, так никогда и не произнесенной, содержится резкая критика умеренных и всех тех, «кто предаст доверие народа». Он отрицал «вероломную систему этих трусливых людей, которые в силу того, что у них не достаёт энергии, объявляют преступлением то, если у кого-то она есть». Он обвинял этих людей в нарушении принципов свободы и равенства³⁶⁹. Радикальные взгляды Моморо в защиту потребителя и его вера в равенство во владении собственностью завоевали на его сторону беднейших членов секции, особенно так называемых «людей 40 су». Таким образом, у него была готовая база для того, чтобы установить контроль над секцией. Умеренные мало что могли сделать против него до того, пока его арест не изменил ситуацию.

Моморо был допрошен 12 марта судьей Революционного трибунала в присутствии Фукье-Тенвиля. Когда его спросили о подстрекательских афишах и «возникающих инцидентах», он ответил, что ему о них ничего не известно. Он, правда, упомянул, что предложение Дюкроке о восстании было единогласно принято общим собранием, на котором он председательствовал. После его ареста комиссар Комитета общей безопасности и два члена революционного комитета секции, обыскав дом Моморо, опечатали его. Они конфисковали три пистоля и саблю, но не нашли никаких подозрительных бумаг. Жозефина должна была оставаться хранителем имущества Моморо, однако она также была арестована. Отчет о допросе Моморо был представлен Рене Франсуа Дюма, председателю Революционного

трибунала. На вопрос о том, участвовал ли он в заговоре против республики, Моморо ответил, что нет. В качестве своего защитника он выбрал Гобера³⁷⁰.

Если Моморо был и теоретиком, и активистом, то еще один обвиняемый, Франсуа Дефье, в гораздо большей степени являлся последним. Виноторговец, он родился в Бордо в 1755 году и приехал в Париж где-то в июле 1789 года. По его воспоминаниям, написанным в тюрьме Сент-Пелажи, Дефье проявил активность уже в революции 12 июля, потребовав вооружить народ против королевского двора. Он был одним из первых, кто, взойдя вечером того же дня на баррикады, выставил на показ розетку, символ сопротивления. Он присоединился к Французской гвардии и воевал против солдат короля. Затем предложил расширить численность национальных гвардейцев, рекрутировав в них «пассивных» граждан. Он также разоблачал роялистских агентов в гвардии. 14 июля он был участником штурма Бастилии. К октябрю он вернулся в Бордо, где основал народное общество, названное Клуб национального кафе, чьим президентом он и являлся до своего возвращения в Париж. В июне 1790 года он помог создать народный клуб в Тулузе, откуда был послан в Париж участвовать в Празднике федерации в июле 1790 года. Оставшись в столице, он вступил в Клубы кордельеров и якобинцев, став казначеем, а позже вице-президентом последнего³⁷¹.

Дефье был политически активен на протяжении 1791 и 1792 годов, агитируя за восстание против монархии. Он осудил Байи и Лафайета за их роль в событиях в Нанси, где расстреляли солдат, возмущавшихся офицерским контролем за полковыми финансами. Он находился на Марсовом поле во время побоища и в отличие от других остался членом Якобинского клуба в период репрессий. К 1792 году он поселился в секции Библиотеки (позже секции Девяносто второго года, а затем Лепелетье) и к лету того же года стал открыто призывать к восстанию против короля. Страна в опасности, предупреждал он, требуя от народа уничтожить «грязный центр контрреволюции в Париже», т.е. двор. По его словам, федераты (войска различных департаментов) только ждали сигнала из Парижа³⁷².

³⁷⁰ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2363, 2365, 2371, 2373

³⁷¹ F7 4672, dos 2, AN. Дефье писал, что уважал «декреты по поводу евреев» явно демонстрируя свою врожденную толерантность и уважение закона

³⁷² *Ibidem*, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol IV P 166 Дефье был убежден, что из семисот депутатов, заседавших в Национальном собрании, только сорок четыре или сорок шесть были надежными *Alphonse Aulard* Jacobins Vol IV P 166

³⁶⁸ *Antoine François Momoro* De la Convention nationale Declaration des Droits Paris, n d — Lb 41 2978, BN (выделено Моморо), *Antoine François Momoro* Reflexions d'un citoyen sur la libere des cultes religieux, pour servir de reponse à l'opinion de M. l'Abbe Sieyes Paris, 1792 — Ld 4, 3556, *Antoine François Momoro* Section du Theatre-François dite de Marseille Paris, April 15, 1793 — Lb 40 542, BN

³⁶⁹ *Annales historiques* Vol III P 484-492 (три речи Моморо, опубликованные Матъезом)

После падения короля, Дефье был назначен присяжным поверенным вновь созданного Революционного трибунала, стал выборщиком, и его, как президента секции, попросили выступить в связи с открытием бюстов Марата и Лепелетье. Во второй половине октября он вернулся в Бордо, но вынужден был бежать из города под угрозой расправы со стороны местных жирондистов, чьих вожди он начал критиковать после падения короля³⁷³.

Дефье писал, что был одним из первых, кто изобличил Дюмуре и (9 марта 1793 года) выступил за смещение подозрительных чиновников и создание революционного трибунала. Когда Пьер Виктюриен Верньо, один из руководителей жирондистов, напал на него как на апологета сентябрьского побоища, Дефье контратаковал, заявив, что этот жирондист опасен для республики. В следующем месяце Бушотт послал Дефье с миссией в Швейцарию, но тот вынужден был сократить визит из-за того, что жирондистские издания объявили агентов Марата и Робеспьера шпионами, посланными провоцировать анархические беспорядки. За две недели до восстания 31 мая 1793 года Дефье председательствовал на якобинском собрании, принявшем делегацию волонтеров из секции Единства накануне их отправки в Вандею. Он заявил, что в то время, когда они отправляются сражаться с «фанатиками в Вандее», главари врага (т.е. жирондисты) находятся в Париже, и что «вандейские бандиты являлись только их оружием» — свидетельство того, насколько обострилась фракционная борьба³⁷⁴.

Когда жирондисты были исключены из Конвента после восстания 31 мая — 2 июня 1793 года, Дефье был в Базиле. Он вернулся в Париж 10 июня и объявил, что победа «партии Марата» подняла цену ассигнатов. 21 июля он поддержал предложение Эбера исключить всех дворян из гражданских и военных ведомств, а в следующем месяце потребовал, чтобы министр внутренних дел, Доминик Жозеф Гара, отчитался о работе, прежде чем ему будет разрешено занять другой пост³⁷⁵. 8 сентября он доложил якобинцам об аресте Жака Ру

³⁷³ Среди жирондистов, которых он критиковал, были Клод Фоше и Луи Мари Жак Нарбонн (бывший военный министр) (*Alphonse Aulard Jacobins Vol IV P 293, 295-303*) Выступление Дефье по поводу открытия бюстов Марата и Лепелетье см. в досье Проли (F 7 4774 83, AN) что означает, что оно было написано для него Проли. Выступление должно было быть сделано где-то в июле 1793 года, после смерти Марата. Оно начинается следующими словами «Марат и Лепелетье всегда будут объединены в сознании французов, которые будут поклоняться их памяти»

³⁷⁴ Descombe — F7 4672 AN, *Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 195*

³⁷⁵ *Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 246, 309, 365*

и о создании комиссии, призванной взять показания против Ру и его соратника из числа «бешеных» Теофиля Леклерка³⁷⁶. Сомнительно, что Дефье испытывал симпатию к этим двум «бешеным», несмотря на заботу последних о благосостоянии санкюлотов и безопасности республики, заботу, которую он разделял.

Дефье создал себе много врагов своими разоблачениями и личными выпадами. В результате он был теперь обвинен как интриган и негодяй. 15 октября 1793 года его арестовал революционный комитет секции Лепелетье; однако он был немедленно освобожден благодаря вмешательству Колло д'Эрбуа — возможное свидетельство неопределенной роли, которую Колло играл в то время. Через три дня Дефье вновь появился в Якобинском клубе и под всеобщие аплодисменты заявил, что надеется продолжать служить революции, как это делали великие патриоты, такие как Марат, Робеспьер и другие³⁷⁷.

Вскоре после этого он обвинил Луи Пьера Дюфурни, председателя директории Парижского департамента в том, что тот был повинен в его аресте. Дюфурни отрицал, что когда-либо отдавал приказ об аресте Дефье, но Колло дал свои заверения в том, что это было именно так. 3 брюмера (24 октября) Колло изменил свое мнение о Дефье. Он развернул резкую атаку на него, начав обзывать его негодяем и — довольно странно — обвиняя якобинцев в том, что те защищали его. Некий якобинец Самба, присяжный поверенный Революционного трибунала, заявил, что Колло извинился за то, что защищал Дефье. Колло якобы узнал, что связь Дефье с бельгийским банкиром Пьером Бертольдом Проли носила подозрительный характер. Дефье ответил, что со времени начала революции знал Проли как хорошего патриота. Затем он попытался еще более выгородить себя, заявив, что подлинной причиной выставленных против него обвинений является то, что он был первым, кто изобличил Дюмуре. Его декларация никого не убедила, и 21 ноября Робеспьер потребовал исключения Дефье и некоторых других — Дюбюиссона, Проли и Перейра. Через два дня Дефье был арестован и заключен в Сент-Пелажи, а его имущество опечатано. Эбер в Коммуне также обвинил его, хотя и воздал должное

³⁷⁶ Ibid P 392

³⁷⁷ *Moniteur Vol XIII No 26 (October 17, 1793) P 130* Колло выступил перед Генеральным советом 15 октября, заявив о том, что «подлинные патриоты не должны быть третированы, как аристократы», и запрашивая полицию, почему Дефье был арестован. См. *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI No XLVII-XLIX* о его последних месяцах перед судом в вантозе. См также *Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 475-477*, *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2456*, где Дефье пребывает «тщательного анализа своего поведения со времени революции» и по 2557 об его аресте

его патриотизму. Дефье попросил революционный комитет своей секции разрешить ему получить свои бумаги, чтобы он мог подготовиться к защите и убедить Робеспьера в том, что тот ошибся³⁷⁸.

Он оставался в тюрьме более двух месяцев, находясь в той же камере, что и Ронсен и Перейра. В конечном счете это помогло уничтожить его, поскольку облегчало его обвинение в сообщничестве с этими двумя. Некий ювелир Жан Жакемье дал показания, что слышал, как Дефье говорил, что если бы революция 31 мая была осуществлена так, как задумывалось, не осталось бы ни Конвента, ни каких бы иных конституционных властей. Более того, ему вменялось в вину следующее заявление: «Я хочу увидеть, когда дела достигнут такого момента, когда отец будет е... свою дочь у столба на углу и даже на Новом мосту [Пон Нёф]». Обстоятельства, при которых это показание было дано и неуместное смешение политической критики с вульгаризмом, вызывают определенный скептицизм. 10 плювиоза (29 января 1794 года) Дефье написал письмо в Комитет общей безопасности, вскоре после чего был переведен в тюрьму Сен-Лазар. Тюремщик в Сен-Лазар попросил, чтобы Дефье и его сообщники были направлены куда-нибудь в другое место, потому что, по его словам, были слишком опасны, чтобы оставаться под его охраной. 18 февраля Дефье был помещен в Консьержери, которую покинул только тогда, когда отправился на гильотину³⁷⁹.

Среди сокамерников Дефье и Ронсена был Жакоб Перейра, торговец табаком. Португальский еврей по происхождению, родившийся в

³⁷⁸ Descombes — F7 4672, AN 22 октября два члена революционного комитета секции Лепельте составили доклад, в котором заявили, что ничего подозрительного среди его бумаг не было найдено. Дефье попросил комитет разрешить ему поменять белье. 3 декабря он отстоял свою революционную роль, начиная с 12 июля 1789 года, подчеркивая, что никогда не просил никакого поста. Дефье датировал свое письмо 10 плювиоза (29 января 1794 года), подписавшись «якобинец в душе и до смерти». См. также *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2458–2465.

Робеспьер произнес свою длинную и чрезвычайно резкую речь с нападками на Дефье, Дюбюиссона, Проли и Перейра в Якобинском клубе 1-го фримера (21 ноября 1793 года) *Moniteur* Vol XVIII No 66 (November 26, 1793) P 509. На следующий день Шометт доложил Коммуне об исключении Дефье, Дюбюиссона, Проли и Перейра, извинившись (вместе с Эбером) за опоздание на заседание совета, поскольку они должны были снять с себя обвинения, выдвинутые против них Шабо и Базиром, замешанными в скандале с Индской компанией. *Moniteur* Vol XVIII No 65 (November 25, 1793) P 498.

³⁷⁹ Descombes — F7 4672, AN. В письме к Фукье-Тенвиллю (15 марта) приводятся слова Дефье, сказанные им в тюрьме: «Нам нужно восстание». 20 марта Дефье был приведен к Клоду Добсану, судье Революционного трибунала, и ему был дан адвокат. См. также *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2201, 2262, 2466, 2467, 2469. Матъез ошибочно объединяет Дефье с «бешеными». Он называет его «субъектом очень подозрительным» и «почти неграмотным». *Albert Mathiez* La Revolution française Vol II P 202, Vol III P 94 (Цит. по Альбер Матъез Французская революция С 466 ([Прим. переводчика])).

Байонне в 1743 году, он обосновался в Париже вскоре после начала революции и стал «производить» табачные изделия. Судя по его петиции об освобождении из тюрьмы, Перейра был первым, кто взялся за оружие в Бордо 16 июля 1789 года, а затем участвовал в военной экспедиции в Монтанбане. Через некоторое время он перевез свою семью в Париж, вступил в Якобинский клуб и попал «под огонь» как участник демонстрации на Марсовом поле. 10 августа 1792 года он участвовал как артиллерист в атаке на Тюильри³⁸⁰.

В следующем году Перейра был избран юридическим советником мирового судьи своей секции, Бонконсейль, президентом которой он стал. Он был послан в Исполнительный совет с миссией к генералу Дюмуре, которого изобличил, вернувшись в апреле, за что удостоился чествования в Конвенте. Он подписал обращение своей секции с требованием обвинительного приговора ведущим жирондистам и вместе с членами своей секции в течение трех дней участвовал в вооруженном восстании, начавшемся 31 мая 1793 года. 19 июня якобинцы послали его комиссаром в Комитет общественного спасения, где он просил смещения всех дворян с гражданских и военных постов. Когда генерал Франсуа Кристоф Келлерман написал якобинцам, что его враги называют его «генералом-якобинцем», прося Парижский клуб подтвердить за ним это звание, Перейра не только не поддержал его просьбу, но и потребовал, чтобы Келлермана лишили членства в обществе. Общество приняло его предложение без обсуждения³⁸¹.

В брюмере Франсуа Луи Мишель Дефорж, министр иностранных дел, послал Перейру с миссией на Север. Он был с энтузиазмом принят народными обществами Дюнжерка и Лилля (в ноябре 1793 года), но через два дня после знаменитой речи Робеспьера 21 ноября, осуждавшей антирелигиозный поход Парижской коммуны и тех, кто был связан с этим, Перейра был арестован. Его бумаги были опечатаны, и переданы его жене Рашель на хранение. Примерно через три недели его товарищи-артиллеристы опротестовали арест, поручившись за его республиканизм. Несмотря на заступничество, Перейра остался в тюрьме Сент-Пелажи. В конце вантоза его перевели в Сен-Лазар, где он был допрошен судьей. Затем его отправили в Консьер-

³⁸⁰ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2509, Vol XI P liv. В обращении, озаглавленном «К французскому народу...» якобинцы писали, что Перейра был одним из трех комиссаров, которые разоблачили Дюмуре. Еще одним был Дефье, которого характеризовали как «горящего патриотизмом гражданина». И когда общество постановило послать комиссаров в Комитет общественного спасения, чтобы проинформировать его о своей резолюции снять всех бывших дворян с гражданских и военных постов, Перейра был назначен одним из шести комиссаров. *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 158, 267.

³⁸¹ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2509 *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 468.

жери, и вскоре после этого, 24 марта 1794 года, он разделил судьбу своих товарищей³⁸².

Среди иностранцев в Париже был банкир Пьер Бертольд Проли, который отправился с миссией в Голландию и Бельгию вместе с Перейрой и Дюбюиссоном. Он родился в Брюсселе в 1752 году, вырос в Нанте и прибыл в Париж в 1783 году, выдавая себя за сына принца Коница. Нажив большое состояние в Вест-Индии, он мог позволить себе жить как богатый человек до тех пор, пока удача не отвернулась от него в 1789 году. Впоследствии он играл на бирже, но не преуспел. Наконец, он стал издавать газету «Космополит». Последняя публиковалась с 15 декабря 1791 года по 31 марта 1792 года. Кто финансировал это предприятие? Примерно половину средств Проли получил от бывшего адвоката Ренье, вторая же половина, по некоторым данным, поступила от австрийского двора, секретным агентом которого Проли якобы был³⁸³.

Присоединившись к Клубу якобинцев, Проли начал встречаться с важными людьми. В марте 1793 года он был послан в Голландию и Бельгию вместе с Перейром и Пьером Дюбюиссоном как делегат якобинцев и агент министра иностранных дел. Эта миссия состояла в том, чтобы подорвать банк Англии посредством вмешательства португальских и еврейских банкиров в его дела в Амстердаме. Свидетельств того, что они добились многого, нет. По возвращению Проли и его компаньоны были направлены в лагерь Дюмурье, как раз в тот момент, когда этот генерал готовился разогнать Конвент и установить личную диктатуру. Они доложили об этом заговоре, и Проли был удостоен личной похвалы Пьера Анри Элен Мари Лебрене, тогдашнего министра иностранных дел (6 апреля 1793 года). Позже все трое будут обвинены в том, что подали свой доклад с опозданием. Между тем Проли стал политически более активен. Он основал ряд секционных обществ, объединив их под своим контролем. Возможно, это и было одной из причин его ареста правительством³⁸⁴.

³⁸² F7 4774 67, dos 2, AN, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2504-2508, 2510 Vol XI P Iv

³⁸³ F7 4774 83, dos 1, AN, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2446 (допрос Проли революционным комитетом секции Лепелетье 20 февраля 1794 года), XI, XLI, *Gerard Walter* Table Analytique — *Jules Michelet* Histoire Vol II P 1531-1532

³⁸⁴ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2451, 2437, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 10. Некий якобинец Бриар обвинил Проли, Переиру, Дюбюиссона и Дефье в использовании своего патриотизма только для того, чтобы ввести в заблуждение общество. Одним из обвинений, выдвинутых Робеспьером против Проли 21 марта 1793 года, было то, что он сформировал около пятидесяти народных обществ. *Moniteur* Vol XVIII No 66 (November 26, 1793) P 509 *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI No XLIII, *Jules Michelet* Histoire Vol II P 1532

27 брюмера (17 ноября 1793 года) оба комитета подписали декрет об аресте ряда банкиров, Проли в том числе (следует заметить, что это произошло за несколько месяцев до арестов кордельеров, к которым Проли не имел отношения). Революционный комитет секции Проли, не застав его дома, опечатал его бумаги, в которых не нашел ничего подозрительного. Члены комитета затем допросили его любовницу, слугу и ряд других лиц, названных слугой как его знакомые либо как люди, имевшие с ним дело. Дефье также был допрошен, но не мог ничего сказать. Проли между тем скрывался, и его не могли найти. Возможно, что Эро де Сешель, защищавший его, предоставил ему убежище в своем доме. Колло также был его другом и покрывал его³⁸⁵.

9 нивоза (25 декабря 1793 года) Комитет общественного спасения вмешался в это дело, вменив в обязанность революционного комитета секции Лепелетье арестовать Проли. Тому, однако, по-прежнему удавалось скрываться, меняя каждую ночь место ночлега. Это, очевидно, объясняется не только тем, что Проли укрывали друзья, но и тем, что шестеро полицейских офицеров, рыскавших по городу в его поисках, чувствовали себя, вероятно, не в своей тарелке, зная, что Колло и Эро являлись его влиятельными сторонниками³⁸⁶.

По разному маскируясь, Проли избегал ареста в течение четырех месяцев. Наконец, 18 февраля 1794 года его схватили и привели на допрос. Он отрицал, что нападал на Конвент или республику, указывая на свои прошлые заслуги в деле защиты революции и изблечения бриссотинцев. Он обвинил Демулена и Фабра д'Эглантина в клевете на «чистых патриотов», назвав этих депутатов «раскольниками» и «мятежниками». Дюфурни выразил свое удовлетворение, узнав, что Проли в конце концов арестован. Выступая перед якобинцами, он заявил, что банкир оставался на свободе путем интриг. Он обвинил его в том, что тот являлся агентом Австрии. Колло — было очевидно, что Дюфурни изблечивал и его в этих интригах — поднялся на странную защиту бельгийца, ответив, что хотя он и считает Про-

³⁸⁵ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2410-2415, 2418 (в котором домашний слуга Проли, Франсуа Бомбар), тридцати лет от роду, называет различных людей и сам заключается под стражу до тех пор, пока Проли не будет найден) 2423, 2430-2432 (допросы знакомых Проли) Ряд предшествующих документов см. F7 474, 43, AN

³⁸⁶ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 221, X, Nos 2447, 2448 (а также F7 4774 83, AN) Некий документ Комитета общей безопасности, датированный 11 нивозом, вменяет в обязанности революционного комитета секции Лепелетье принять все необходимые меры для того, чтобы выполнить его приказ. Оригинал документа см. F7 4774 83, AN

ли негодеям, тот все же является якобинцем и, как таковой, заслуживает его поддержки³⁸⁷.

21 февраля Комитет общей безопасности поместил Проли в тюрьму Карме, из которой тот написал апелляцию, прося о помощи друга, депутата Пьера Луи Бентаболя. Разве не правда, спрашивал Проли, что он всегда являлся другом свободы, борясь с аристократами, феианями и бриссотинцами? В конце апелляции он обвинил Фабра, Демулена и Дюфурни в своем заключении. Однако Бентаболь не имел возможности помочь ему, даже если бы и хотел. 9 марта Проли был допрошен Комитетом о своих отношениях с Перейра и Дюбюиссоном и об их миссии в Голландию и Бельгию. Во время последнего допроса Добсаном 20 марта он отрицал, что находился в заговоре против республики. Как и другим заключенным, ему был дан защитник для предстоявшего суда. Но на следующий день Робеспьер предпринял ожесточенную атаку на «иностранный заговор». Против бури, поднятой речью Неподкупного, мало что могли сделать Проли или его защитник. Проли должен был быть уничтожен просто потому, что был иностранцем и банкиром³⁸⁸.

В камере в Сент-Пелажи вместе с Ронсеном, Дефье и Перейрой находился и Пьер Ульрих Дюбюиссон, «литератор» и бывший комиссар Исполнительного совета. Он родился в 1746 году в Лавале, департамент Майенн, и был сыном врача. Его семья выехала из Франции в одну из колоний, но вернулась перед революцией. Дюбюиссон был в разводе, у него было две дочери, одной из которых исполнилось одиннадцать, а другой четыре года в момент его ареста. Он написал семь или восемь пьес: комедий, комических опер и трагедий. Дюбюиссон говорил, что жил на заработки от своих пьес, так что денег у него не должно было быть много, даже если принять во внимание, что он зарабатывал и как театральный менеджер.

Дюбюиссон принял участие в штурме Бастилии, а затем уехал в Бельгию, где присоединился к революционному движению против аристократии и был заключен в тюрьму. Освободили его в 1790 году. Во время атаки на Тюильри 10 августа 1792 года, он находился среди нападавших и был легко ранен. Вскоре он присоединился к якобинцам и был избран вице-председателем Клуба во время председательства Марата. Якобинцы поручили ему составить обращение против политики Бриссо и Ролана, с которым он выступил 7 января

1793 года. Как упоминалось, он был послан в качестве комиссара вместе с Перейрой и Проли в Голландию и Бельгию в марте 1793 года с тем, чтобы подорвать Банк Англии, а позже в том же месяце сопровождал Перейру и Проли к Дюмуре³⁸⁹.

По возвращению в Париж 31 марта 1793 года, Дюбюиссон был арестован вместе с Перейрой и Проли Комитетом общей безопасности, очевидно, по подозрению в связях с Дюмуре³⁹⁰. Однако через два дня он уже читал доклад в Якобинском клубе о предательстве Дюмуре, доклад, который он же ранее и представил Конвенту. После того, как Конвент одобрил доклад, Дюбюиссон был избран президентом Якобинского клуба на период с 10 по 22 апреля 1793 года. Лебрен послал его с миссией в армию Нижнего Рейна и Швейцарию. Вернувшись, он оказался у Полины в департаменте Юра, где услышал об убийстве Марата. Похоже, он был так тронут, что чересчур сильно выражал свои эмоции. Он был арестован местными властями, хотя и не ясно, на каком основании. 29 июля 1793 года он вновь появился в Якобинском клубе, рассказав в деталях о падении Майнца, где, должно быть, присутствовал.

Будучи арестован по обвинению, предъявленному ему двумя комитетами 17 ноября 1793 года, он был заключен в Сент-Пелажи. Вскоре после этого Робеспьер осудил его, как «интригана» и агента иностранных держав — обвинение, которое Неподкупный начал использовать против иностранных революционеров. В результате Дюбюиссон был исключен из Якобинского клуба вместе с сотоварищами-комиссарами. Когда его обвинили в заговоре против Конвента, он, по слухам, сказал: «Нам нужно новое 31 мая, но нет никого, кто мог бы его возглавить». Во время допроса Добсаном 20 марта 1794 года, он отрицал, что был участником заговора против республики и, как и другие, получил адвоката. Ронсен предложил ему, чтобы он вкратце изложил свою политическую карьеру, взяв материалы из документа, который сам же готовил для комитета по надзору секции Горы, и послал письмо своему покровителю Дантону. Ничто, конечно, не помогло, так как его судьба была решена до начала суда³⁹¹.

Поскольку правительство решило свалить вину за дефицит товаров на тех, кто был арестован, что могло сделать его обвинения более

³⁸⁹ Ibid Vol X No 2651 Vol XI P lxxi-lxxii

³⁹⁰ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 118 Дюбюиссон представил свой доклад Комитету общей обороны

³⁹¹ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 531, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2650 Vol XI P lxxii-lxxiii

³⁸⁷ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 658-659, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2446, в котором Проли дает краткий отчет о своих делах

³⁸⁸ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2449, 2451, 2453 Vol XI P xlv-xlv

достоверными, чем предъявление их чиновникам сферы обеспечения Парижа товарами? Антуан Игнас Франсуа Декомб из секции Прав человека, не имевший ничего общего с кордельерами, стал жертвой именно из-за того, что его героические усилия снабдить Париж продовольствием не разрешили продовольственный кризис. Рожденный в Безансоне в 1764 году, он сначала работал как зеленщик, а потом, в возрасте девятнадцати лет, получил степень магистра языкознания. Когда началась революция, он находился в Марселе, но возвратился в свой родной город и вскоре вступил в Клуб якобинцев. В апреле 1791 года он прибыл в Париж. Там он стал политически активен, атаковал Лафайета и в июне 1792 года был арестован за участие в демонстрации против короля. В декабре он был избран секретарем, а затем председателем своей секции. В следующем месяце его как одного из представителей секции направили в Генеральный совет Коммуны, где вскоре после его столкновения с жирондистской Комиссией двенадцати он был избран комиссаром в Революционное собрание³⁹², заседавшее в Епископстве и поднявшее восстание 31 мая. Вскоре он получил назначение в комиссию Коммуны, которая делала все возможное для организации снабжения столицы зерном и мукой³⁹³.

Вначале он был послан в департаменты Луаре и Эр и Луар, а затем в департамент Сена и Марна и, наконец, в районы Розой и Провен, находившиеся в этом последнем департаменте. Вместе с ним работал комиссар Пьер Басс Шампо, старавшийся снабдить продовольствием голодных парижан. В августе 1793 года администрация продовольственной комиссии Коммуны проинформировала двух своих агентов о том, что снабжение Парижа сократилось до 100 мешков муки в день (обычно требовалось две тысячи мешков). Чтобы преодолеть катастрофический кризис, два представителя в миссии обязали Декомба собирать зерно, не останавливаясь даже перед использованием вооруженных сил. В дополнение к проблеме снабжения, как будто ее одной не хватало, Декомб вынужден был опровергать измышления своего личного врага в секции, продавца Шолле³⁹⁴.

³⁹² Полное название этого органа власти было «Общее и революционное собрание город Парижа». Прим. переводчика

³⁹³ Краткий биографический очерк Декомба базируется на его досье, I (см. F7 4672, AN, оп. W 94) (картонная коробка, в которой содержатся материалы Декомба, администратора продовольствия в Провене по снабжению Парижа), AN, и его брошюра "Descombes, electeur, membre du Conseil general" (Paris N d) — Ln 27 5894, BN. См. также Morris Slavin The French Revolution in Miniature P 251-257

³⁹⁴ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2556, 2558, 2567, 2593, 2596, 2598, 2566 Vol XI P lxvii-lxviii

К октябрю Декомб должен был отдать распоряжение муниципальным властям Провена реквизировать транспорт, чтобы отправить муку в столицу. Тревожные письма, однако, продолжали поступать. Декомб был не в силах разрешить одну из причин постоянных нехваток товаров — непрерывное обесценивание ассигнатов, единственной валюты, которая была в его распоряжении. В первый и единственный раз он подумал о том, чтобы уйти в отставку со своего тяжелого поста, да и то только тогда, когда решил, что кризис уже миновал. Но, осознав, что его отъезд обострит проблему, решил остаться. 10 ноября 1793 года мэр Паш попросил его взять на себя управление снабжением Коммуны. Эта задача требовала интенсивной переписки с центральными властями. Декомб согласился, но в следующем месяце его попросили сдать все счета и сопутствующие документы вновь созданной Комиссии продовольственного снабжения, находившейся под прямым контролем Комитета общественного спасения и его агентов³⁹⁵.

Снабжая столицу, Декомб был вынужден прибегать к непопулярным реквизициям. Не удивительно поэтому, что он нажил себе врагов в своей секции. Среди них были Пьер Каррон, комиссар по борьбе со спекуляцией, и Филипп Дени Пине, капитан вооруженных сил секции, который работал на почте. Они очернили Декомба перед народным обществом за мягкое отношение к бывшему судье секции Луи Файелю. По слухам, Каррон сказал Декомбу: «Я бы лучше был Маратом, чем предателем Мирабо, как ты». Эта личная ссора была спровоцирована по заказу высших властей для того, чтобы «амальгамировать» различных лиц для суда. 29 декабря Комитет общей безопасности арестовал Декомба и препроводил его в тюрьму Ла Форс. Его бумаги были просмотрены членами революционного комитета секции перед тем, как на них наложили печать, и переданы на сохранность его жене Жанне Антуан Бернар. Конечно, в них не было ничего подозрительного. Напротив, они демонстрировали неослабевающее внимание, которое Декомб уделял своей работе³⁹⁶.

Жена Декомба апеллировала в Комитет, требуя освобождения мужа и обвиняя аристократов и умеренных в его заключении. Его друзья горячо выступили в его защиту на общем собрании секции; петиции с просьбой об освобождении начали прибывать из его родного Безансона. Сослуживец Декомба по Провену также приехал поддер-

³⁹⁵ Ibid Vol X Nos 2603, 2606, 2617 Vol XI P lxviii

³⁹⁶ Descombes — F 7 4672, AN, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2620, 2621, 2523

жать его. Помимо прочего, были представлены письмо от Управления продовольствия, свидетельствовавшее о «важной службе, которую Декомб сослужил делу народа», и резолюция в его поддержку, принятая общим собранием секции Прав человека. Даже народное общество этой секции, в котором имелся ряд его личных врагов, просило освободить его³⁹⁷.

Ничего, однако, не помогло. Даже эгалитаризм Декомба был, похоже, использован против него, ибо, когда депутат Гарнье из департамента Об как-то посетил Провен, Декомб в разговоре с ним заявил «Вы [всего лишь] человек, и я тоже», что теперь интерпретировалось как неуважение. По словам Бакона, общее собрание его секции 18 марта было многолюдно. Когда революционный комитет доложил, что его члены прождали пять часов в офисе Комитета общей безопасности, а их петиция в поддержку Декомба так и не была заслушана, собрание взорвалось криком негодования.

Между тем Декомба допрашивал Добсан, ныне председатель Революционного трибунала. Ситуация ухудшилась, когда Этьен Ласн, командир батальона секции, доложил, что, по словам Декомба, тот не ожидал, что получит свободу раньше, чем в тюрьме вместе с ним окажутся такие же, как он, пять или шесть хороших патриотов. Подразумевалось восстание с целью освобождения. Эти слова были переданы общественному прокурору. 3 жерминаля (23 марта) Франсуа Дюпомье, бывший член революционного комитета секции и ювелир по профессии, подтвердил угрозу бегства, якобы прозвучавшую со стороны Декомба. Именно это и нужно было Фукье-Тенвилю, чтобы «амальгамировать» его с эбертистами. За два дня до своего осуждения Декомб написал письмо жене, в котором выразил убеждение в том, что будет скоро освобожден. 4 жерминаля он был гильотинирован вместе с другими³⁹⁸.

Казнь шестерых активистов «кордельеров» нанесла удар не только по народному движению, но и по радикальной демократической

фазе якобинизма. В конце концов политическая деятельность этих революционеров составляла саму историю якобинизма. Более того, якобинизм, который они представляли, вряд ли отличался от якобинизма кордельеров. И если бывшие руководящие чиновники и ораторы Якобинского клуба могли быть ныне осыпаны бранью, исключены из клуба и казнены, не означало ли это, что теперь ни один человек, чьи взгляды отличались от официальной политической линии Конвента и его Больших комитетов, не был в безопасности? Если же именно это оно и означало, то ни о каких инициативах снизу нельзя было уже говорить: сами якобинцы, а не только кордельеры, превратились в послушных слуг правительства. Таким образом, конец кордельеров означеновал также конец раннего, демократического, периода якобинизма.

³⁹⁷ Descombes — F 7 4672, AN, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2226, 2632 2636, 2639

³⁹⁸ Descombes — F 7 4672, AN, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X Nos 2226, 2632 2636, 2639, 2647, Vol XI P lxx-lxxi, *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 376-377

26 фрюктидора II года (12 сентября 1794 года) Жанна Антуан Бернар, вдова Декомба, направила петицию в Конвент с тем, чтобы с имущества ее покойного мужа были сняты печати ей с ее маленьким ребенком не на что было жить. Помимо прочего, она платила 3 ливра в день хранение этого имущества, и его содержание уже обошлось ей в 500 ливров. Пометка на полях говорит о том, что петиция была переправлена в Комитет по законодательству (D III, 240, dos 4, AN)

Собуль писал, что Декомб получал 1800 ливров в год, оставив после себя собственность, которая стоила всего 400 ливров. Как многие другие санкюлоты, Декомб не был официально женат. Это был предлог для Конвента отказать в помощи его жене и сыну (Sans-Cullotes P 791)

Глава 8

«АМАЛЬГАМИРОВАННЫЕ» УЧАСТНИКИ
«ЗАГОВОРА» И ИНТЕРЕСЫ ГОСУДАРСТВА

Если «террор замораживает сердце», как заявлял Сен-Жюст, то чем шире террор, тем больше потенциальных оппонентов правительства он остудит. Тем не менее, политика террора, по всей видимости, принималась французами и француженками повсеместно. Они, вероятно, были убеждены, что Большие комитеты защищают их интересы, безжалостно истребляя врагов народа. Санкюлоты, должно быть, верили, что патриотизм кордельеров был фальшивым, вводящим народ в заблуждение. И разве можно было подтвердить это лучшим образом, чем объединить контрреволюционеров, уголовников и других сомнительных элементов с честными политическими оппонентами? Короче говоря, «амальгамируя» различных оппозиционеров правительству с честными политическими диссидентами, можно было убедить санкюлотов в том, что кордельеры заслуживали смерти.

Если вожди кордельеров представляли политическую оппозицию, то лишь некоторые из тех, кого амальгамировали с ними, были движимы одними политическими мотивами. Альбер Мазюель был амбициозным военным офицером, Анахарсис Клоотс — прусским экс-дворянином, Жан Шарль Буржуа — инженером, а Арман Юбер Леклерк — архивистом (последние двое были связаны с Венсаном). Жан Батист Анкар являлся подлинным санкюлотом, Жан Арман — студентом, Мишель Ломюр — экс-губернатором Пондишери в Индии, Жан Конрад де Кок — голландским банкиром, а Фредерик Пьер Дюкроке — мастером по парикам и парикмахером. Имелась также женщина, госпожа Кетино, полная решимости вызволить своего мужа из заключения. И был еще Жан Багист Лабуру, врач по профессии, исполнявший обязанности правительственного шпиона. Для того, чтобы амальгама работала, достаточно было связать этих различных людей с вождями кордельеров, даже если между ними не существовало настоящей связи.

Мазюель, например, был связан с Ронсеном как командующий кавалерийским эскадроном Революционной армии. Его никогда не производили в командующие всех четырех эскадронов, но он любил говорить о себе как о таковом и часто упоминал «свою кавалерию». Мазюель родился в графстве Ницца, впоследствии переименован-

ном в Вильфранш (департамент Приморские Альпы) в 1766 году. Он работал сапожником, а затем — в течение девяти лет дизайнером (рисовальщиком узоров по шерстяному материалу или вышивальщиком по шелку) в Монпелье (департамент Эро). Последняя профессия ввела его в круг других ремесленников, занимавшихся торговлей предметами роскоши, да к тому же его близкие родственники сами являлись то ли мелкими торговцами, то ли разбогатевшими мастерами-рабочими. Мазюель никогда не был санкюлотом, только психологически он принадлежал к ним. Хотя он был женат и имел ребенка, он оставлял жену дома, когда наносил визиты или путешествовал с многочисленными любовницами. Короче, это был дамский угодник, и когда мог, всегда одевался, как денди.³⁹⁹

Подобно другим амбициозным молодым людям, Мазюель нашел возможность сделать политическую карьеру в Национальной гвардии, в ряды которой вступил в начале революции. Позже он будет хвастаться своей борьбой против «фанатизма» в Монпелье, где он поддерживал патриотов южной Франции. В брошюре, написанной им для сограждан, он объяснял свое преследование тем, что оказывал поддержку Марату, Горе и якобинцам⁴⁰⁰. К 1792 году его репутация и популярность выдвинули Мазюеля в состав командования войск департамента Эро. Он вошел в группу, отправившуюся на Праздник федерации в Париж.

Во время атаки на Тюильри 10 августа Мазюель очень отличился. Вследствие этого он стал делегатом от федератов: ведь, несмотря на свою бесшабашность, Мазюель обладал храбростью, знал, как командовать людьми под огнем, имел убеждения и был политически амбициозен. Более всего, как молодой провинциал, он жаждал очутиться в столице, в головокружительном мире революции. Теперь он имел и политическую базу для этого: он являлся защитником национальных гвардейцев.

Примерно в это время появилось сообщение, что он убит при штурме Тюильри — это была ошибка, которую 12 августа он поспешил исправить в Якобинском клубе, членом которого стал незадол-

³⁹⁹ *Richard Cobb* Les Armées révolutionnaires. Instrument de la Terreur dans les départements, avril 1793 — floréal an II. Vol. I The Hague, 1961-1963 P. 131-133 Эта книга переведена на английский язык под названием "The People's Army. Instrument of the Terror in the Departments" (New Haven, 1987) 12 октября 1793 года Ронсен был вынужден сообщить своим офицерам, что Мазюель никогда не являлся ни командиром кавалерийской бригады, ни командующим четырех эскадронов Гиом Антуан Граммон, начальник штаба Революционной армии, напомнил Мазюэлю об этом еще раз через некоторое время *Richard Cobb* Les Armées révolutionnaires, Vol. I P. 131

⁴⁰⁰ *Albert Mazuel* Mazuel a ses concitoyens [Paris, Nivôse II] — Wla, AN Цит. по *ibid* P. 133

го до этого (также как и членом Клуба кордельеров). Через неделю он выразил свое недовольство репортажами, в которых вся заслуга в победе восставших приписывалась марсельскому батальону (на чьей стороне сражался его собственный батальон). Он посоветовал не проводить различий между вооруженными частями секций и федератами из департаментов. Все должны были разделить славу. Его эгалитарные инстинкты заставили его также поддержать предложение отменить все знаки различия между волонтерами для того, чтобы не дать развиваться мелким интригам и амбициозным склокам в вооруженных силах. Более того, понимая, что солдатам необходимо было оружие и бараки, в противном случае они не могли выполнять задачу, ради которой добровольно вступили в армию, Мазюель предложил разоружить подозрительных лиц, а их оружие передать в войска. Якобинцы поддержали эту идею, постановив также купить оружие и распределить его среди своих союзников. 29 августа в страстной речи в обществе Мазюель потребовал чистки аристократов в Генеральном штабе армии, призвав всех уважать крестьянина в его доме⁴⁰¹.

8 сентября Мазюель жаловался якобинцам на то, что Коммуна все еще не вооружила гвардейцев департамента и что Сантерр убеждал его «взять какие-нибудь пики и выступить». Сантерр, очевидно, шутил, но Мазюель был слишком серьезно настроен, чтобы почувствовать это. «Как мы можем противостоять артиллерии с пиками?» — возопил он, выразив недовольство тем, что у федератов не хватало даже сапог. Сантерр с улыбкой ответил ему, что патриоты воюют босиком. После того, как два члена общества защитили патриотизм Сантерра, извинившись за его «юмор», Мазюель, запинаясь, ответил, что никогда не ставил под сомнение его патриотизм. Через четыре дня он проинформировал общество о своей петиции в Конвент, в которой вновь запрашивал вооружение для своих федератов. 19 октября он отправил эту петицию в общества, ассоциированные с Якобинским клубом. 22 октября он объявил, что федераты выступят на фронт через несколько дней, попросив, чтобы их отправка была отмечена специальной церемонией⁴⁰².

Мазюель участвовал в зимней кампании в пфальцграфстве, но большую часть времени провел в народном обществе Нанси. Позже, когда он был подвергнут критике Фабром д'Эглантином и другими, он смог процитировать показания депутатов Андре Дюмона и Рене

⁴⁰¹ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI P lxiii-lxiv, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol IV P 236-237, 246

⁴⁰² *Alphonse Aulard* Jacobins Vol IV. P 262-265, 2826 4096 415-416

Левассера относительно своего республиканского поведения во время кампании. Он вернулся в Париж в апреле 1793 года как адъютант Бушотта, используя новое назначение для того, чтобы пристроить многих родных и друзей на административные и командные должности. Он проявлял активность накануне и во время восстания 31 мая, проинформировав, в частности, якобинцев о том, насколько возмущен и обеспокоен был пригород Сент-Антуан после того, как жирондист Максимен Иснар угрожал разрушить Париж до основания. Охраняя Комиссию двенадцати, Мазюель слышал, как многие парижане повторяли: «Если бы Конвент не спас нас, мы бы сделали это сами». За этими словами стояла угроза жирондистам. Его призыв к якобинцам изобличить Иснара в секциях вызвал мощный взрыв в обществе.

После исключения жирондистов из Конвента Мазюель был послан Бушоттом в Вандею, где встретил Ронсена и Россиньоля, на которых произвел хорошее впечатление. Он возвратился в июле, а в следующем месяце получил назначение сформировать новые кавалерийские эскадроны. Вновь он использовал свое положение для того, чтобы назначить своих друзей и родственников на должности лейтенантов в эти новые вооруженные силы, создав, таким образом, свою клиентуру. Понятно поэтому, что, когда революционное правительство начало амальгамировать эбертистов с другими людьми, его военная часть не случайно попала под подозрение: она представляла своего рода частную армию под командованием Мазюеля. 9 августа он без достаточных на то оснований был арестован революционным комитетом секции Бют-де-Мулен, но сразу освобожден, как только секция «признала свою ошибку»⁴⁰³.

После того, как Мазюель разругался с Гийомом Антуаном Граммоном, начальником штаба, Колло д'Эрбуа предупредил его, что он подрывает репутацию своих собственных войск в глазах санкюлотов. То, что Мазюель был недисциплинирован, большого сомнения не вызывает: переходя из одного города в другой, он отказывался занять свой пост в Лионе. Позже это нарушение долга также будет использовано против него в суде: он будет обвинен в желании оставаться

⁴⁰³ *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 210-211, 339 Кобб поднимает важный вопрос: могли Мазюель использовать эти войска для организации переворота? Похоже, он был ограничен двумя эскадронами, находившимися в его распоряжении в Версале. Когда Мазюель был арестован в плювиозе, многие подписали петицию с требованием его освобождения, но в вандее некоторые поздравляли Конвент с раскрытием «заговора» Мазюеля. Тем не менее, он, похоже, был опасен властям, потому что у него было так много друзей в кавалерии. Он действительно набирал подозрительных лиц для того, чтобы легче контролировать их. Для многих Мазюель был «вождем банды» *Richard Cobb* Les Armees revolutionnaires Vol I. P 136

ближе к Парижу, чтобы осуществить предполагаемый переворот. На самом деле он просил, чтобы его послали в Южную армию, а не в Париж. К его сожалению, его просьба была отклонена⁴⁰⁴

Поскольку он был хорошим другом Венсана, Мазюель был назначен генерал-адъютантом Революционной армии. Один якобинец возражал против этого назначения, когда узнал, что у Мазюеля не хватает военного образования, необходимого для этого высокого поста. Мазюель, однако, и сам отказался от назначения и попросил организовать вместо этого под его командованием шесть кавалерийских эскадронов. Он получил «добро», и к 20 октября 1793 году кавалеристы Мазюеля собрались на плацу перед членами Конвента. Когда эта группа была готова выступить в Бове (департамент Уаза), Мазюель отказался отправиться в поход как простой солдат, а когда его предупредили, что офицеры не должны пользоваться большими привилегиями, он, как говорят, ответил, что за «пятнадцать жалких франков, которые Нация платит мне в день, я мог бы просто, не оглаживая в долгий ящик, выбросить мою саблю в клозет»⁴⁰⁵. Скорее всего, таким образом, во время похода он находился в более привилегированном положении, чем остальные.

7 ноября Мазюель вместе с двумя товарищами представил Конвенту два ящика золота и девятнадцать крестов из Сент-Луи, которые были конфискованы кавалеристами его эскадронов⁴⁰⁶. Вручив эти подарки, он приобрел уважение. Однако оно оказалось подорвано очень скоро: 22 декабря он вновь был посажен под арест за провоцирование скандала в театре. Мазюеля обвинили в дискредитации кавалерии; его поступок вызвал негодование среди его собственных офицеров. Хотя он и объяснял, что пал жертвой своего патриотизма, и многие его сторонники заступились за него, немало людей начали относиться к его поведению критически⁴⁰⁷. Ко времени своего ареста он уже приобрел сильных врагов в Конвенте, и не исключено, что те только и ждали подходящего момента, чтобы сместить Мазюеля с его поста. Инцидент в театре, по-видимому, предоставил им эту возможность.

⁴⁰⁴ Richard Coob Les Armees revolutionnaires Vol 1 P 137

⁴⁰⁵ Alphonse Aulard Jacobins Vol V P 426, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2328, Vol XI P lxx

⁴⁰⁶ Цит по Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI P lxx

⁴⁰⁷ Оригинал доклада революционного комитета секции Мон-Блан хранится в досье Мазюеля, 3 в F7 4774 40, AN. Жена Мазюеля была назначена хранителем его имущества

Во время инцидента в театре Мазюель хотел арестовать актера, по имени Элевью, из труппы Комеди-Итальян, который по какой-то причине вызвал его неудовольствие Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2551

Фабр д'Эглантин, друг Дантона, не раз обвинял Мазюеля в «ультрареволюционности». Один из сторонников Фабра показал, что слышал, как Мазюель заявлял: «Все, что делает Конвент, создает впечатление заговора. Если бы какой-нибудь депутат вызвал мое неудовольствие, я бы выплюнул его оттуда [из Конвента]». Пьер Жозеф Камбон, член Комитета общественного спасения и его «финансовый эксперт», также осудил Мазюеля, потребовав у Комитета общей безопасности расследовать его поведение — закономерная просьба, если принять во внимание буиное поведение Мазюеля в театре, поведение, за которое он на следующий день будет арестован революционным комитетом секции Мон-Блан (по крайней мере, так говорилось в официальном сообщении). В его бумагах, однако, ничего подозрительного обнаружено не было, и Камбон отпустил его. При этом он извинился, назвав Мазюеля горячим патриотом — вероятно, отдавая дань его тогдашней популярности и влиянию. Между тем Мазюель опубликовал свою собственную оправдательную речь 12 января 1794 года. Вадье из Комитета общей безопасности доложил Конвенту, что обвинения Фабра не подтвердились — еще одно свидетельство того, что Мазюель все еще имел влиятельную поддержку в Конвенте. Это заявление отражало и углублявшийся раскол между монтаньярами и «снисходительными», сторонниками Дантона. Конвент освободил Мазюеля, и вскоре тот был направлен в Лион командиром шестого эскадрона⁴⁰⁸.

Когда Мазюеля арестовали 16 марта, ему вменили куда более серьезные обвинения. Некий свидетель показал, что Мазюель, услышав о заключении Ронсена и Венсана, угрожал повести свою кавалерию, взвод за взводом, на Париж, если этих двоих не освободят. Эта угроза так и осталась не реализованной, если вообще была высказана. Что касается Робеспьера, то Мазюель якобы назвал его «Янусом . . . [который] умрет, как и все остальные». Мазюель отрицал все обвинения, и ему дан был защитник. Ему было только двадцать восемь лет, когда он взшел на эшафот⁴⁰⁹.

По паспорту Мазюель был брюнетом пяти с половиной футов роста, с длинным и крупным носом, карими глазами, обычным ртом и выпуклым лбом с небольшой шишкой на нем. Он всегда говорил с любовью о санкюлотах, проявляя заботу о благосостоянии страны

⁴⁰⁸ F7 4774 40, AN, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol XI P lxx-lxxi Vol X Nos 2545 2547

⁴⁰⁹ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2546, 2550, 2549 Этим свидетелем был Никола Энрион F7 4774 40 AN содержит пометку на полях первого документа «Гильотина»

По характеру он напоминал Венсана, этого «неистового человека революции», чьи идеи, включая общее стремление развивать народные общества, разделял. (Венсан писал ему о необходимости увеличить число таких клубов, которые Мазюель часто посещал в Монпелье, Нанси, Бове и Париже). Мазюель был членом Клуба кордельеров, но какова была его роль в этом обществе в действительности и насколько активен он был в нем, неизвестно. В целом он считал народные общества естественными союзниками Революционной армии, создание которой во многом было его заслугой⁴¹⁰.

Как и многие другие революционеры, Мазюель был яро антиклерикален в своих публичных выступлениях, хотя и трудно сказать, каковы на самом деле были его религиозные взгляды. Он считал церковь врагом революции, обращаясь к своим солдатам со следующими словами: «Бравые собратья по оружию... Мы выступаем против врага, мы собираемся бороться против фанатизма и суеверия... Везде нас подстерегает опасность... лжецов-священников, чьи догмы — ничто иное, как обман; чья миссия — не более, чем иллюзия, чья империя основана лишь на доверчивости женщин, человеческой слабости и необразованности народа. Именно они наши противники»⁴¹¹. Если он отрицал загробную жизнь, то одной из причин этого было, безусловно, то, что он любил бурную активную жизнь в настоящем. Среди его любовниц была талантливая и красивая актриса и революционер Клер Лакомб, с которой он, без сомнения, разделял общую преданность санкюлотам и недоверие высшим властям. Он знал, как тратить деньги, растратив однажды 1200 ливров на себя и своих друзей. Все, что он делал, могло лишь вызывать недовольство более аскетических якобинцев. Его неуравновешенный и легко возбудимый характер осложнял отношение населения к Революционной армии, которой он так горячо был верен. Воинственность и честолубие привели его к гибели⁴¹².

Среди иностранцев, амальгамированных с эбертистами, был Анахарсис Клоотс, пруссак, дворянин в пятом поколении, чей род насчитывал около 450 лет. Родившийся в Клеве 24 июня 1755 года, он был наречен Жаном Батистом в честь своего дяди, богатого торгов-

ца. В возрасте девяти лет мальчик изъявил желание уехать в Париж, стал скептиком, начитавшись Вольтера, и, наконец, атеистом. Он учился в Брюсселе, Монсе и Париже, посещал военное училище в Берлине и много путешествовал. В какой-то момент он принял имя Анахарсис в честь древнескифского философа. Наследовав большое имущество, он мог позволить себе наслаждаться жизнью, даже несмотря на то, что вскоре растратил большую часть своего состояния. В 1780-е годы он опубликовал ряд книг, стал достаточно хорошо известен в зарубежных кругах и 19 июня 1789 года возглавил делегацию, приветствовавшую Национальное собрание. После падения Бастилии его революционный энтузиазм не ослабевал⁴¹³.

Клоотс совершил паломничество в Бастилию, прежде чем она была разрушена, и был безумно счастлив, когда Национальное собрание отменило феодальные привилегии 4 августа. Он считал важным создание Бретонского клуба — будущего Клуба якобинцев — и переехал на улицу Жакоб, на левый берег Сены, потому что этот район казался ему наиболее передовым в Париже. Позже он купил сельский домик примерно в тридцати милях от столицы. Когда были приняты планы по проведению Праздника федерации, он попросил пригласить участвовать в нем всех эмигрантов, живших в Париже, воскликнув с энтузиазмом: «Я клевицец по рождению и парижский космополит по идеологии. Да здравствует Галлия! Да здравствует человечество!» Затем он представил красноречивый адрес от имени человеческой расы.

Когда Николя де Бонвиль и Клод Фоше организовали Общественный круг, Клоотс нашел его слишком консервативным. Он присутствовал на его собрании в Национальном цирке 13 октября 1790 года, но остался разочарован речью Фоше, так как в ней христианская религия связывалась с масонством⁴¹⁴. Клоотс был потрясен бегством Людовика в Варенн и после побоища на Марсовом поле по-

⁴¹³ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol I P 1-3, 8-9. *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol XI P 1 Согласно легенде, скифский Анахарсис жил около 600 г. до н. э. Он путешествовал в Афины, где встретился с Солоном и стал первым иностранцем, получившим афинское гражданство. Вернувшись домой, он преподавал своим соотечественникам законы и обычаи более передовых афинян, но был убит братом, когда попытался ввести культ Сибула, более рациональный, нежели верования скифов. См. *Encyclopedia Britannica* 13th ed. London, 1926 P 906. Авенель (*Anacharsis Cloots* Vol I P 209-210) цитирует Клоотса, говорившего, что он был «*вандалом*», как и древний Анахарсис, и прибыл в современные Афины, т. е. Париж.

⁴¹⁴ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol I P 221-226. *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol XI, 1 Собрание в Национальном цирке описано в различных изданиях Общественного круга. Одно из них — «Буш де Фер» («Железный рот») дающее описание этого митинга в своем 3-м номере (октябрь 1790 года) (LC 2 317, BN).

⁴¹⁰ *Richard Cobb* *Les Armees revolutionnaires* Vol I P 138

⁴¹¹ Цит по *ibidem*

⁴¹² *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X No 2551. Арестованные бумаги Клер Лакомб хранятся в T 1000, Vol I, p 138. AN Событь (Sans-Culottes P 786) пишет, что, когда Мазюель арестовали 16 марта, он был ошибочно назван помощником командующего Революционной армией. Эта ошибка, возможно, и привела к его гибели.

рвал с более консервативными фейянами. Тем не менее он защищал Людовика и даже приветствовал Конституцию 1791 года, которая была направлена на восстановление монархии. Он знал, что был среди тех, кого объявили вне закона, и в период репрессий заметил, что почти все бывшие вожди народного движения сбежали за границу, а якобинцы раскололись, не выработав единой политики по важным политическим вопросам момента⁴¹⁵.

Клоотс поддержал также объявление Законодательным собранием в апреле 1792 года войны Австрии. Он считал, что война распространит идеи революции. Робеспьер, храбро боровшийся против объявления войны, так никогда и не простил Клоотса и его кружка «иностранцев» за ее поддержку. Экономические проблемы, вызванные войной, и последующие политические потрясения, заставили Клоотса, как и многих других бывших сторонников компромисса с королем, отойти от этой политикой и ее апологетов. Он порвал с бриссотинцами, став активным якобинцем.

Весной и в начале лета 1792 года Клоотс с энтузиазмом поддерживал войну, организуя проживавших в Париже иностранцев в «Прусский легион». Он был убежден, что «наступило правление храбрых санкюлотов» и что он являлся их «недостойным представителем». В письмах к родным и друзьям он писал, что патриотические чувства среди парижан были высоки. Он просил своего дядю рассказать ему, каковы настроения в Клеве по поводу последних событий во Франции. В июле он расхваливал одного друга, который жил тогда в Лондоне, за его решение вернуться во Францию, чтобы вступить в армию. А в одном рекомендательном письме к Кондорсе, высоко отзываясь о военной службе некоего жандарма, он прямо говорил, что в подобных письмах отпала бы необходимость, «если бы замок Тюильри» не существовал. Таким образом, Клоотс в конце концов порвал с монархией и своей прежней политикой компромисса с Людовиком⁴¹⁶.

Новые политические взгляды Клоотса не примирили его, однако, с Робеспьером, о котором Клоотс написал, что «уважение к этому Тартюфу — позор нашей революции». Он заявлял, что «король Людовик XVI и король Робеспьер» представляют большую угрозу Фран-

ции, чем армии австрийцев и пруссаков. Он также был убежден, что Робеспьер — пенсионер короля, его марионетка или и то, и другое вместе. Кто же тогда был для него героем момента? Лафайет, названный им «наш Фаби»⁴¹⁷. Короче говоря, республиканизм Клоотса был консервативен.

Во время атаки на Тюильри Клоотс послал двух своих слуг присоединиться к восставшим, в то время как сам поспешил в Законодательное собрание. Через три дня после успешного восстания он направил в Законодательное собрание красноречивое послание; оно было опубликовано и имело хождение в войсках и среди федератов. 25 августа он послал туда же петицию с предложением предоставить слугам гражданство. Этот документ заканчивался словами: «Каждый, у кого есть руки, — богатый собственник на почве всеобщего закона». Вскоре ему было предоставлено гражданство наряду с другими иностранцами, и он был избран выборщиком от своей секции Четырех наций (будущей секции Единства). Другие выборщики в свою очередь рекомендовали его депутатом во вновь сформированное законодательное собрание, Конвент. Не все поддержали его кандидатуру: Марат отверг его, назвав Клоотса «доносчиком». Несмотря на эту оппозицию, он был избран от двух департаментов, приняв назначение от департамента Уаза. Только Томас Пейн получил больше, чем он, голосов в Электоральном собрании⁴¹⁸.

Во время дискуссии по поводу того, какую республику следовало создать, Клоотс выступил против федерализма, за который ратовали Бриссо, Ролан и их сторонники, поддержав идею централизма. Якобинцы одобрили его позицию и 18 ноября 1792 года согласились опубликовать его предложения. Многие члены клуба, однако, осуждали его нападки на Марата, содержащиеся в брошюре Клоотса «Ни Марат, ни Ролан». На этот раз они захотели открыто объявить о своей защите Марата, опубликовав специальное заявление от редакции. Спор, публиковать ли предложения Клоотса с редакционным предисловием или без него, привел к резкому разделению членов клуба, однако в конце концов Клод Базир убедил большинство в том,

⁴¹⁷ Письмо Клоотса своему другу Ронжье (без даты, но, должно быть, написанное накануне 10 августа), хранящееся в F7 4649, dos 5, AN. Ссылка на Фабию Кунктатора, разгромившего Ганнибала, отражает уверенность Клоотса в том, что политика Лафайета, а не Робеспьера, принесет победу Франции.

⁴¹⁸ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol I P 391-392, 395-397, 403, 410, 411, 413, Vol II P 14. Клоотс заявлял: «Во все времена я галлофил: мое сердце французское, моя душа санкюлотская». В письме Ронжье от 21 августа 1792 года (F7 4649, dos 5, AN) он выразил удовлетворение победой над монархией, заявив о желании быть избранным в Конвент.

⁴¹⁵ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol I P 291-292, 293, 297-298.

⁴¹⁶ Досье Клоотса, 5 см. в F7 4649, AN. Письмо его дяди датировано 22 января 1792 года, записка с похвалой шевалье д'Ен написана 14 июля, а его разрыв с королем произошел 24 июля 1792 года. Помимо этого, есть ряд чисто личных писем. *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol I P 389.

что совершенно неважно, что Клоотс думал о Марате, если его работа, направленная против федералистов, заслуживала публикации⁴¹⁹. Общество постановило (единогласно) распространить предложения Клоотса, озаглавленные «Универсальная республика», без замечания о Марате.

В своем памфлете Клоотс выступал против провинциальных и национальных организаций, называя их «чумой человечества», в защиту «универсальной нации». Он предложил, чтобы французский язык в конце концов стал универсальным: владение французским всегда было отличительной чертой образованного человека, но если раньше это было свидетельством аристократизма, сегодня это доказательство демократизма. После этого, перейдя к другой теме, Клоотс с жаром набросился на религию, превознося атеизм. «Вера в Бога приносит много бед», — резюмировал он, объявив, что «религиозный человек — это развращенное животное». За этим утверждением следовала не слишком замаскированная атака на Робеспьера: «Тирания софистики хуже, чем тирания королей. И тот человек, который в глазах простонародья — добродетельный и неподкупный», в моих глазах — наиболее ужасный и наиболее коррумпированный из двух». Наконец, вернувшись к первоначальной теме, Клоотс воздал похвалу Парижу как месту, из которого лучше всего защищать общие интересы всех, а не провинциальные или личные интересы⁴²⁰.

Вне зависимости от того, сказала ли поддержка якобинцами идеи Клоотса об унитарной республики на решении опубликовать его работу, ясно, что от Робеспьера вряд ли мог ускользнуть содержащийся в этой работе выпад против него лично. Антирелигиозные же настроения автора еще более вооружили его против прусака. Шовинистские лозунги, направленные против «универсального» государства в период подъема национализма, также ослабляли позиции Клоотса. Удивительно, что те якобинцы, которые так остро реагировали на выступления Клоотса против Марата, почему-то не замети-

ли не менее острые выпады с его стороны в отношении Робеспьера. Возможно, правда, они предпочли игнорировать их. Ведь якобинцы изберут Клоотса своим председателем на период с 11 ноября по 1 декабря 1793 года. Легко представить, что должен был думать об этом Робеспьер.

26 ноября 1792 года якобинцы исключили Ролана, Жана-Батиста Луве (заклятого врага Робеспьера) и некоторых других из своего общества. Отвечая на прозвучавшие в то же время обвинения в «паразитизме», Клоотс указывал, что мог бежать в Англию или Америку, а вместо этого решил остаться на своем посту в Париже, потому что одним из его неизменных принципов было «освобождение мира». В то время, как английские кредиторы оказывали давление на своих должников-беженцев во Франции, заявлял он, санкюлоты, напротив, везде представляли одну семью⁴²¹.

Когда Конвент обсуждал, что делать с Людовиком, Клоотс голосовал «за» в вопросе о виновности короля, «против» в вопросе, следовало ли запрашивать мнение народа, и «за смерть» при обсуждении меры наказания. Во время решающей схватки между монтаньярами и жирондистами весной 1793 года Клоотс изменил своим прежним союзникам, призвав к восстанию против них. Вскоре он опротестовал обвинения Марата в том, что, как член дипломатического комитета Конвента, он должен был являться другом министра Лебрена. Он отрицал эту связь в Клубе якобинцев, заявив, что его брошюры распространялись Лебреном только как средства пропаганды. Лебрен делал это совсем не из дружеских чувств, сказал он, отрицая, что обедал с министром в доме последнего⁴²².

Во время восстания 31 мая — 2 июня 1793 года Клоотс был слишком болен, чтобы встать с кровати. Находясь в жару, он ошибочно решил, что восстание провалилось и что якобинцы и санкюлоты потерпели поражение. Поправившись, он начал агитировать за открытие новых школ, чтобы все французы овладели грамотой. Хотя его высмеивали за предложение создать универсальную братскую ассоциацию всех людей, Клоотс оставался твердо верен своей мечте о космополитическом государстве⁴²³. Этот идеал начинал вызывать подозрения по мере того, как депутаты, якобинцы и обычные французы

⁴¹⁹ *Alphonse Aulard Jacobins* Vol. IV. P. 486-488. В письме генералу Кюстину 26 октября 1792 года Клоотс осуждал «резкий шум, производимый мелкими федералистами-республиканцами», выступая в поддержку «универсальной республики». 2 декабря он назвал Дюмуре «новым Мессией, освободителем человеческой расы» и т.п., предложив ему свои антифедералистские публикации. Оба письма хранятся в F7 4649, dos 5, AN.

В брошюре «Ни Марат, ни Ролан. Мнение Анахариса Клоотса, депутата Узасы» (Париж, 1792) Клоотс назвал Бриссо «изоляционистом» (р. 8), обвинив федералистов в использовании сентябрьских расстрелов в своих целях (р. 14).

⁴²⁰ *Anacharsis Cloots* La République universelle, ou, Adresse aux tyrannicides. Paris, [1792]. Приведенные цитаты см. на стр. 7, 25 и 28. Клоотс добавлял, что «Французская революция есть начало мировой революции» (P. 59).

⁴²¹ *Alphonse Aulard Jacobins* Vol. IV. P. 485, 519, 522.

⁴²² Письмо Клоотса Марату, 15 мая 1793 года — F7 4649, AN. Клоотс в своей брошюре обращался к «бельгийцам, батавам, пьемонтам и космополитам», заявляя, что «сорвал маску» с роланов, «этих двух монстров». Его письма различным лицам, написанные поздней осенью 1793 года, дышат патриотизмом и республиканизмом.

⁴²³ *George Avenel Anacharsis Cloots* Vol. II. P. 198, 151-152.

избавлялись от своих прежних восторгов по поводу прав всех людей, начиная ратовать за более узкие права для одних французов.

В дополнение к этому не только деистов, как Робеспьер, но и более практичных политиков, желавших договориться с европейскими державами, раздражал и воинствующий атеизм Клоотса. Демулен атаковал Клоотса как «патриотического лжеца», надоедливо, вслед за Робеспьером, твердя о нем как о «пруссак» и «немецком кузене». Проли. Бурдон (из Уазы), следуя той же «логике», предложил, чтобы Конвент отменил свои декреты от 2 и 27 августа, по которым иностранным беженцам следовало оказывать специальное покровительство для того, чтобы попытаться ослабить Коалицию. Все враги Клоотса ясно говорили о том, что ему следует уйти в отставку с поста депутата; иначе его исключат из Конвента. Но якобинцы выступили против этих подлых атак на Клоотса, свидетельством чего является уже упоминавшееся избрание его президентом клуба. Более того, бельгийцы, льежцы и батавы сгруппировались вокруг него, осознав, что, защищая Клоотса, они тем самым защищали себя⁴²⁴.

Давление на иностранцев и особенно на иностранных банкиров продолжалось, однако, усиливаться. За несколько дней до атаки Демулена на Клоотса голландский банкир Ванденивер был арестован за то, что якобы являлся сообщником мадам Дюбарри. Он был гильотинирован 8 ноября 1793 года⁴²⁵. У Клоотса с ним были чисто деловые отношения, но растущее подозрение в отношении иностранцев поставило его под угрозу. Ситуация особенно обострилась, когда Робеспьер резко обрушился на него в Клубе якобинцев. «Можем ли мы считать санкюлотом человека, владеющего более чем 100 тыс. ливров? Можем ли мы верить в то, что он республиканец, когда этот человек ведет дела только с банкирами и контрреволюционными врагами Франции? Нет, граждане. Давайте будем бдительны в отношении иностранцев, которые хотят выглядеть больше патриотами, чем сами французы». Называя Клоотса предателем, Робеспьер обвинял его в том, что тот ходатайствовал перед Комитетом общей безопасности, прося освободить «вандениверов». Что касается щедрых дотаций, которые Клоотс жертвовал на различные патриотические цели, то Робеспьер убеждал своих слушателей, что в данном случае речь шла только об интригах Клоотса. Он подверг его осуждению и за его «экстравагантные взгляды», развенчав «универсальную республику» «Презирая титул французского гражданина, он хочет быть только гра-

жданином мира». Робеспьер затем обвинил Клоотса в «философских маскарадах», направленных против религии, в результате которых от Франции отвернулись бельгийцы. «Граждане, считаете ли вы патриотом иностранца, который хочет быть большим демократом, чем французы?» — спросил он снова. Стремясь доказать, что в их среде существует «иностранная партия», Робеспьер сослался на избрание Клоотса председателем общества. «Клоотс — пруссак», — заключил он⁴²⁶.

Якобинцам этого было достаточно. Они быстро исключили Клоотса. Ему даже не дали ответить, и после экстраординарной атаки со стороны Робеспьера он смог только с удивлением спросить: «И это все обо мне? Нет, этого не может быть!» Понятно, что два антагониста терпеть не могли друг друга. Клоотс ненавидел религию и поддерживал культ Разума. Вряд ли он мог сделать что-нибудь большее, чтобы вызвать нелюбовь Робеспьера. 17 ноября Клоотс направил в Конвент свое «Свидетельство доказательств магометанства», представляющее собой атаку на христианство. Это было всего за несколько дней до того, как Робеспьер предъявил обвинения тем, кто выступал против христианства за культ Разума. Клоотс вряд ли мог найти более неподходящее время, чтобы представить свою работу. Более того, если Робеспьер и его сторонники на самом деле считали возможным заключение мира с Коалицией, как полагают некоторые историки, они должны были стремиться остановить антирелигиозный поход, ибо его продолжение делало невероятным взаимопонимание между Францией и другими державами⁴²⁷.

Исключение Клоотса из Якобинского клуба превратило его в подозрительное лицо, подлежащее аресту. Он был допрошен 28 декабря двумя комиссарами революционного комитета секции Единства в присутствии двух агентов Комитета общей безопасности. Клоотс показал, что приехал в Париж, когда ему было одиннадцать, т.е. провел в этом городе двадцать семь лет. Когда его спросили о отношениях с банкиром Ванденивером, он ответил, что у него были деловые отношения с банкирами (во множественном числе), что эти люди не явля-

⁴²⁶ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol V P 555-557

⁴²⁷ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol II P 326, *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X P II Авенель убежден, что Робеспьер был готов на то, что он называет «дефективным миром» мог он и принести в жертву санкюлотов для достижения понимания с европейскими державами (*George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol II P 279, 287)

Дехристианизация является одной из главных тем работы Герена «Классовая борьба». См., например, его интересный анализ мирной политики Робеспьера в vol I, chap 8, secs 11-15 Эбер и Шометт вместе с якобинцами осуждали Сулави (аббата Жана Луи Гиро), французского посланника в Женеве, за его «антиреволюционные интриги». Герен называет его «черным животным» эбертистов (*ibid* Vol I P 399)

⁴²⁴ *Ibid* P 280, 283, 284, *Vieux Cordelier* November 10, 1793 P 44-45

⁴²⁵ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol II P 285

лись преступниками и что у них с Дюбарри было не более общего, «чем с Девой Марией»⁴²⁸. Ничто, конечно, не помогло, и его поместили в Люксембургскую тюрьму, а затем перевели в тюрьму Сент-Лазар.

Из своей камеры Клоотс убеждал «людей доброй воли» сопоставить выступления жирондистского депутата Армана Жансонне против него с нынешними выдумками, прося членов Комитета общей безопасности внимательно изучить его бумаги. Они бы обнаружили в них, писал он, изложение его религиозных убеждений, политических взглядов и оценки людей и событий. Вновь он повторял, что страной его рождения была «Галлия», выражая при этом «беспристрастно мыслящим гражданам» уверенность в том, что «человеческая раса была бы благодарна за его освобождение»⁴²⁹. Через несколько недель, в конце января, он призвал не считать его подозреваемым и иностранцем, попросив освободить его с тем, чтобы он смог опубликовать свое «Обращение к английским санкюлотам», в котором он «сдергивал маску с агентов Питта»⁴³⁰.

Опровергая обвинение в том, что он был и иностранцем, и дворянином, Клоотс напоминал его преследователям, что Лепелетье был маркизом, а Брут «иностранцем». И если бы Марат родился на пол-лье восточнее, он был бы «прусаком». Если он сам и был дворянином, то таким же как католик, который отказался от своего первого причастия. Задавая вопрос, следовало ли ограничивать права человека только французами или они предназначались всему человечеству, Клоотс напоминал своим читателям, что Робеспьер в прошлом сам защищал права всех людей. «Санкюлотизм — не французское и не английское явление; он космополитичен, универсален», — писал он. Не принимая постулат, гласивший, что существовать может либо республика, либо атеизм, Клоотс заявлял, что любая другая республика, кроме атеистической, — «химера». Признать «ко-

⁴²⁸ F7 4667, AN. Клоотс воспроизвел протокол допроса в своем «Appel au genre humain, par Anacharsis Cloots, représentant du peuple sauveur», который можно найти в Duval, Michel, ed. Anacharsis Cloots. Ecrits Revolutionnaires, 1790-1794 (Paris, 1979) P. 632-633.

Защищая Клоотса против Робеспьера, Авенель на протяжении всей своей книги называет последнего «близоруким неподкупным», ставя вопрос о том, были ли Пеин и Клоотс арестованы по приказу Питта или Робеспьера. Он приводит протесты по поводу несоблюдения Французским правительством прав человека, поступившие из Женевы и Шотландии, где продолжалась борьба за избирательное право для мужчин. Ряд журналов монтаньяров также критиковал политику правительства (George Avenel. Anacharsis Cloots Vol II P. 336-337, 338-339, 340-342).

⁴²⁹ Anacharsis Cloots aux Hommes de bonne volonté, salut — Michel Duval, ed. Anacharsis Cloots. Ecrits Revolutionnaires P. 645-648, F7 4649, AN.

⁴³⁰ Alexandre Tuetey. Répertoire general Vol X No. 2500.

роля на небесах, — утверждал он, — означает вводить в свои стены Троянского коня»⁴³¹.

Большинство в Конвенте, повернувшись спиной к Конституциям 1789 и 1793 годов, проголосовало за исключение всех депутатов, рожденных вне Франции. Это решение было направлено против Пеина и Клоотса. Комитету общественного спасения было приказано подготовить доклад о смещении их со всех общественных постов. Помимо этого, было решено изгнать всех иностранных дезертиров, присоединившихся к Французским армиям, разрешив им остаться во Франции только до тех пор, пока их не обменяют⁴³². Все чувства интернационализма и солидарности с «хижинами против дворцов», подвигшие депутатов ввергнуть Францию в войну весной 1792 года, исчезли. Космополитизм стал теперь непатриотичен.

Правительство начало готовить дело против Клоотса. 7 марта прокуратура представила некоего прусского офицера-дезертира Фредерика Гугенталя, который показал, что видел три письма, написанные Клоотсом герцогу Брауншвейгскому на квартире, занимаемой генералом Калгстайном. За две недели до этого некая женщина, по имени Хаквин, рассказала Комитету общей безопасности, что Клоотс сговаривался с Перейра и Дефье в тюрьме Сент-Лазар свергнуть Конвент и уничтожить монтаньяров, начиная с Робеспьера и Барера. 20 марта Клоотс был допрошен Добсаном, ему был дан адвокат и его перевели в Консьержери⁴³³.

Все очевидцы обращали внимание на невероятную смелость, с которой Клоотс встретил смерть. Он умер так же, как и жил, веря в

⁴³¹ George Avenel. Anacharsis Cloots Vol II P. 318-319, 326-330. Michel Duval, ed. Anacharsis Cloots. Ecrits revolutionnaires P. 641.

Клоотс писал, что дворянин — это слуга, а он сам никому не служил. Он признавал, что выступал за союз Клеве с Францией, разделяя с бельгийцами, батавами, льежцами и клевинцами желание изгнать немецкого врага за Рейн. Это эссе было написано 12 декабря 1793 года. В нем Клоотс называет Робеспьера «несдержанным». См. Appel aux genre humain — Anacharsis Cloots. Anacharsis Cloots. Ecrits Vol III Paris, 1980 P. 689-708.

⁴³² George Avenel. Anacharsis Cloots Vol II P. 332-333. Авенель замечает, что «в глазах господ из Комитета, они [иностранцы-дезертиры] были не более чем нарушители европейского равновесия».

⁴³³ Alexandre Tuetey. Répertoire general Vol X Nos. 2501, 2502, 2194. С другой стороны, свидетель Миллен, хотя и признавал, что в тюрьме Сент-Лазар опасались, что «передовые патриоты» будут освобождены, а другие убиты, заявлял, что доказательств того, что Клоотс, Дефье и Перейра участвовали в этом заговоре или знали что-либо о нем, нет. Другой очевидец, Шоле, названный Хаквин, заявил, что Хаквин спутала трех патриотов с «кровавыми людьми», о которых он с ней говорил. Сам Шоле, по его словам, никогда не сомневался в их патриотизме и никогда не слышал, чтобы они говорили что-то непатриотичное (Ibid. Nos. 2195, 2196). Миллен и Шоле должны были быть необычайно смелы и честны, принимая во внимание обстоятельства их допросов.

атеизм. На крики врагов: «Пруссак — на гильотину!» — он ответил: «На гильотину? Так тому и быть. Но вы, граждане, должны признать, что было бы довольно странно, что человек, подлежащий сожжению в Риме, повешению в Лондоне и колесованию в Вене, был бы гильотинирован в Париже на волне высочайшего подъема республики». По данным многих источников, посреди негодующих криков, протестовавших против вынесенных им приговоров, узники Консьержи слышали спокойный голос Клоотса, цитировавшего меланхоличные строки: «Мне снилось в эту ночь: измученный болезнью, я похоронен был в одной могиле с нищим». Каким-то образом это всех успокоило, и они обнялись в последний раз. Клоотс смело взшел на эшафот и умер с достоинством⁴³⁴.

Наряду с более известными жертвами, осужденными Революционным трибуналом, обвинения были также предъявлены еще девяти мужчинам и одной женщине. Все, за исключением одного, полицейского шпиона Лабура, были казнены. Среди осужденных был Жан Шарль Буржуа, командир вооруженных сил секции Муция Сцеволы, секции Венсана. Это был двадцатипятилетний инженер, бывший плотник, ставший гражданским комиссаром и выборщиком секции Люксембурга (будущая секция Муция Сцеволы) в 1792 году. В сентябре того же года он был послан Исполнительным советом с миссией в Тионвиль и Лонгви, а во время восстания 31 мая — 2 июня в следующем году возглавил вооруженные силы своей секции. В III году он работал в Бюро по контролю. Арестованный 16 марта 1794 года он потребовал опечатывания своих бумаг, чтобы иметь возможность доказать свою невиновность. Через два дня его допросили, дали ему адвоката, а затем осудили вместе с остальными⁴³⁵.

Связанным с Венсаном был и Арман Юбер Леклерк, работавший в Военном министерстве с 21 июля 1793 года. Он родился в Кони (будущий департамент Нижняя Сена) и по профессии был архивариусом. Свидетель, жена Жана Луи Буше, обвинила его в том, что он зло отзывался о депутатах-монтаньярах. Когда его спросили, что стало бы с Францией, если бы все монтаньяры были гильотинированы, он ответил: «Ба! Даже если бы только один остался, и то было бы более,

чем достаточно». Во время допроса, Леклерк отрицал, что состоял в заговоре против республики или имел какую-либо связь с кем-то из обвиняемых. Он настаивал на том, что был слишком занят в Военном министерстве, чтобы участвовать в заговоре против кого бы то ни было, и что видел Венсана всего раз шесть. Опровергая обвинения Буше, он назвал ее аморальной, заявив, что она была широко известна под именем «похотливой Саррон». Ничто, конечно, не помогло, и он был гильотинирован вместе с остальными⁴³⁶.

Если Буржуа и Леклерк принадлежали к среднему классу и, по словам Собуля, «являлись характерными представителями революционеров II года»⁴³⁷, то Жан Батист Анкар происходил из низших слоев санкюлотов. По профессии он был закройщик-поденщик⁴³⁸. Он родился в Гренобле в 1742 году, переехал в Париж и поселился в секции Единства. Он поступил на работу к Пашу, который послал его в Майнц, после чего Бушотт направил его в армию в Дюнкерк, а затем в Вандею, где он стал адъютантом Ронсена. Анкар был членом военной комиссии в Туре, что могло служить доказательством либо его компетентности, либо политического влияния. В момент ареста он работал в офисе, занимавшемся расследованием дел эмигрантов.

Анкар вступил в Клуб кордельеров и стал известен благодаря своим сильным, даже грубым, выражениям. Он, похоже, поддерживал то самое восстание, о котором так много говорилось, и не скрывал своих чувств. По данным одного очевидца, когда Анкара спросили, имел ли он в виду под восстанием такую же стрельбу, которая имела место в Вандее, он якобы ответил: «Нет, такую, которая имела место 2 сентября» (т.е. побоище). Тот же свидетель показал, что, когда все члены Клуба кордельеров поднялись поддержать Колло д'Эрбуа, осудившего мнимое восстание, только Анкар остался на месте. Более того, говорилось о том, что он якобы осуждал Комитет общественного спасения как еще одну Комиссию двенадцати, репрессировавшую патриотов. Жена Анкара, по слухам, говорила, что если бы кордельеры были менее осторожны, они «победили бы якобинцев»⁴³⁹.

Анкар был также обвинен в клевете на представителей народа и распространении вновь издаваемой газеты кордельеров в кафе, завес-

⁴³⁴ *George Avenel* *Anacharsis Cloots* Vol II P 459, 463 Некто Рюфф, составивший отчет о последних мгновениях жизни Клоотса, писал, что Клоотс выказал такое мужество, которое от него не ожидал. *Mémoire d'un détenu — Charles Dauban* *Les Prisons de Paris sous la Revolution d'après les relations des contemporains* 1870, rpr Genève, 1977 P 118 В досье Клоотса, 5 (F7 4649 AN) имеется отчет двух депутатов Конвента, Брера и Лалон, с описанием того, как они изучали и опечатывали бумаги Клоотса в его доме в секции Лепелетье 25 июня 1794 года

⁴³⁵ *Alexandre Tuetey* *Repertoire général* Vol X Nos 2540-2542, Vol XI P lxiii

⁴³⁶ *Ibid* Vol X. Nos 2536, 2538, Vol XI Nos 225, 226, P lxiii

⁴³⁷ Цит. по *А. Собулю* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры С 383

⁴³⁸ *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 786

⁴³⁹ *Alexandre Tuetey* *Repertoire général* Vol X Nos 2527, 2520-2522, Vol XI No 227 Свидетелями были Клод Тессье из секции Республики, Жан Этьен Броше и гражданка Матрас (среди прочих) Не все кордельеры аплодировали Колло, как мы видели

гдатаем которых он был. По словам одного очевидца, он хотел, чтобы в течение двух недель пало 80 тыс. голов, а когда кто-то ему возразил, сказав, что две недели слишком короткий срок, чтобы осудить так много человек (по-видимому, возражавший считал, что для таких экзекуций нужны были бы еще две недели). Анкар якобы заявил, что не имеет значения, как падут эти головы, если они падут. После этого он добавил, что необходимо, чтобы эгоисты-богатые «разделили свое имущество с санкюлотами»⁴⁴⁰. После его ареста и допроса ничего не было подтверждено за исключением некоторых его высказываний, которых хватило на то, чтобы его осудить.

Посторонним в этой группе был Жан Антуан Флорен Арман, студент-хирург, уроженец Шейлара (будущий департамент Ардеш). До революции его отец, прокурор в Вильнёв-де-Берг, нанял его в свой офис. Вскоре он стал секретарем муниципалитета Тура и оставался в этой должности вплоть до того, как поступил в университет. Переехав в Париж, Арман, похоже, стал плести интриги против правительства и был настолько наивен, что рассказал о своих планах кому-то, кто донес о них Комитету общей безопасности. В эти планы входило освобождение заключенных и убийство Анрио, Шабо и Барера. Арман признал, что развешивал афиши на рынках в надежде, что аналогичные постеры появятся и в других местах. Когда один из будущих свидетелей указал ему на абсурдность заговора, он заверил его, что разрабатываемый им план не может провалиться, так как в столице существовало по крайней мере сорок других таких же заговоров. Арман был арестован, допрошен и заключен в Консьержери. Ему было двадцать семь лет, когда он взошел на эшафот⁴⁴¹. Похоже, между Арманом и кордельерами не было никаких связей; Фулье-Тенвиль амальгамировал его с эбертистами, чтобы продемонстрировать близость последних к роялистами.

Связанным с заговором был генерал Мишель Ломюр, бывший губернатор Пондишери в Индии. Он родился в Париже в 1730 году и

⁴⁴⁰ Ibid Vol X No 2525 Туте, без маленшей доли скептицизма, ссылается на ряд очевидцев, которые обвиняли Анкара в отравлении своей жены, двух детей и брата, а также в том, что он был вором, избежавшим клеймения только благодаря вмешательству своего брата (не того ли самого, которого он отравил?), и в других подобных отвратительных поступках Ibid Vol XI P lvi-lx

⁴⁴¹ Ibid Vol X Nos 2517-1519, Vol XI P lvi Арман рассказал о своем заговоре Шарлю Франсуа Фредерику Генделю, бывшему офицеру Немецкого легиона, исполнявшему обязанности командира 11-го гусарского полка Жена Генделя, Жельета Дюркван, которую Арман тоже посвятил в свой заговор, была заверена, что в отличие от 10 августа 1792 года в столице имело место большое волнение. Со своей стороны, Гендель встречался с госпожой Кеттино, которая хотела ускорить осуществление плана до того, как в Париж придут новые транспорты со снабжением

сделал карьеру в Индии. Выйдя в отставку в 1782 году по состоянию здоровья, он вернулся на службу в 1792 году в чине лейтенанта-полковника. Его дружеские отношения с Дюмуре способствовали его продвижению, и вскоре он получил чин бригадного генерала. В конце концов, однако, эта связь привела к его аресту. Шпион Лабура обвинил его в том, что тот являлся аристократом, составившим заговор против правительства. Где-то в марте посол Франции в Швеции, Раймон Вернинак, сообщил о разговоре, в котором Ломюр заявил ему о приближавшемся восстании кордельеров и о плане назначить «верховного судью», которым должен был стать Паш. Этого было достаточно для общественного прокурора, который арестовал Ломюра 13 марта. Через пять дней он был допрошен и 24 марта осужден⁴⁴².

Помимо увязывания различных обвиняемых с роялистами, правительство было очень обеспокоено тем, чтобы разоблачить их связи с иностранными банкирами. Среди последних был Жан Конрад де Кок, родившийся в Хьюсдене, Голландия, и бежавший во Францию в 1787 году. 15 мая 1791 года его имя появилось на петиции батавских патриотов, представленной в Клуб якобинцев. В ноябре 1792 года он получил паспорт для поездки в Антверпен в сопровождении жены и слуги. После этого он стал одним из снабженцев армии Дюмуре, а потому стал часто ездить в Бельгию. Демулен обвинил его в близкой дружбе с Дюмуре, что, возможно, и было правдой. Похоже, что Эбер часто посещал де Кока в его доме в Пасси, где частыми гостями были также Ронсен, Анрио и другие офицеры⁴⁴³.

14 марта 1794 года де Кок был арестован, а его бумаги опечатаны. Он отрицал все обвинения, заявляя, что ничего не знал о подстрекательских бумагах или заговорах против общественности. Он признал, что бывал в доме Эбера за четыре или пять дней до своего ареста, когда там собралась толпа в ожидании распределения солонины, конфискованной в доме виноторговца. Более того, Эбер и его товарищи сказали ему, что получили двадцать четыре фунта этой солонины. По словам де Кока, Эбер добавил, что ему доставляет боль видеть такие толпы народа (собиравшиеся в ожидании получить немного еды)⁴⁴⁴. Де Кок часто делал жертвоприношения на различные патриоти-

⁴⁴² Ibid Vol X. No 2383, Vol XI P xxxviii

⁴⁴³ *Alphonse Aulard* *Jacobins* Vol I P 439. *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X Nos 2391-2392, 2405, 2211, 2214 Свидетели на суде над де Коком в один голос называли эти визиты «оргиями». Судя по тому, что Фулье-Тенвиль я, он не знал его, он неправильно написал его имя. Показание Вернинака, в которых он заявляет, что кордельеры планировали назначить Паша «верховным судьей» во время или после восстания, см. *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X No 2387

⁴⁴⁴ *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X Nos 2402-2404 2407, 2408

ческие цели в секции Бон-Нувель, где находился его офис. Это была и секция Эбера. Таким образом, де Кок был обвинен в том, что был иностранцем, банкиром и другом Эбера.

Женщина, амальгамированная с эбертистами, Мари Анн Катрин Латрей, родилась в Монрюиль-Беллай, недалеко от города Сомюр. Ей было тридцать четыре года, и она была женой генерала Пьера Кетино, который находился в тюрьме в Аббае. Стремясь вызволить его, она оказалась втянутой в интриги Армана, который жил в том же доме, что и она. Имелись сообщения о том, что вместе с Арманом она радовалась длинным очередям голодных женщин на Центральном рынке. Нехватка товаров вселяла в обоих надежду на восстание против правительства.

Кетино была арестована 17 марта 1794 года и заключена в тюрьму Сент-Пелажи, а затем переведена в Консьержери и осуждена 4 жерминаля. Она объявила, что находится на четвертом месяце беременности, что и было подтверждено после ее обследования. Революционный трибунал вынес решение отложить ее казнь до рождения ребенка, но вскоре после этого у нее случился выкидыш. Через три недели, 11 мая, она была казнена⁴⁴⁵.

Одним из нескольких мастеровых, привлеченных к суду, был Фредерик Пьер Дюкроке, мастер по парикам и парикмахер, уроженец Амьена, занимавший пост комиссара по борьбе со спекуляцией и скупкой секции Марата. 5 марта 1794 года он резко выступал против спекулянтов, противопоставляя их богатство голоду санкюлотов. Дюкроке находился среди первых, кто призвал завесить Декларацию прав в секции Марата траурной вуалью. Он также советовал, помимо прочего, послать делегацию в Коммуну удостовериться, действительно ли все было сделано для снабжения Парижа; и если окажется, что сделано не все, что требовалось, заявлял он, секция должна будет объявить себя в состоянии восстания. Это требование и привело к его аресту 13 марта. Через пять дней он был допрошен. Ряд очевидцев показал, что слышал, как Дюкроке призывал к восстанию в случае, если не будет обеспечено продовольственное снабжение. Он был заключен в Консьержери, а его бумаги опечатаны. 21 марта (1 жерминаля) он написал трогательное письмо жене и двум детям, прощаясь с ними. Вне зависимости от того, как сложится его судьба,

⁴⁴⁵ Ibid Vol XI P lvi, Nos 236-238. В источниках существуют разные данные относительно беременности госпожи Кетино. По другой версии, обследование показало, что она совсем не была беременной. В любом случае абсолютно точно, что она была казнена после того, как уже не могла утверждать, что ждет ребенка.

писал он, он был движим любовью к стране, и его поведение было безупречным. Он был убежден, что «республика, единая и неделимая, не погибнет»⁴⁴⁶. Собуль называет его «настоящим санкюлотом» и «самым скромным» из тех, кто был арестован⁴⁴⁷.

Из двадцати человек, привлеченных к суду, только Жан Батист Лабуро был оправдан. Врач по профессии, он был назначен первым уполномоченным в Комитет здравоохранения, а затем комиссаром здравоохранения Военного министерства. Лабуро родился в Шарнай-сюр-Арро (в будущем департаменте Кот-д'Ор), и в момент ареста ему был сорок один год. Активный член секции Марата, он стал секретарем ее революционного комитета. Говорили, что он вызвал неудовольствие Робеспьера, был арестован, но освобожден по амнистии после того, как дал показания против обвиняемых в так называемом заговоре заключенных. 12 марта 1794 года один из судей Революционного трибунала получил заявление Лабуро о том, что произошло на общем собрании секции Марата за неделю до того. Речь шла о заседании, на котором Дюкроке настаивал на предложении объявить секцию в состоянии восстания и завесить Декларацию прав человека. Лабуро донес и о заявлении Моморо в Коммуну по поводу волнения в секции в связи с нехваткой товаров, впутав и его в это дело⁴⁴⁸.

На заседании народного общества Марата, Дружья народа, 14 марта Лабуро неистово протестовал против ареста Моморо, заявляя, что если голова последнего упадет, его собственная голова тоже должна будет слететь. Он, похоже, имел репутацию протеже Моморо, но соответствовало ли это действительности и он изменился под угрозой быть осужденным или же он стал провокатором с самого начала, трудно сказать. В любом случае он требовал, чтобы общество назначило двух защитников для Моморо, чтобы выяснить у Комитета общественного спасения и Фуке-Тенвиля, какие ему предъявлены обвинения. Сам Лабуро был арестован вскоре после этого, заключен в Консьержери и допрошен 16 марта. Его бумаги были опечатаны три дня спустя в его отсутствие, что вызвало неудовольствие его жены⁴⁴⁹.

⁴⁴⁶ Ibid Vol X P lvi, Nos 2528, 2531, 2534, 2535, Vol XI No 215, P lx.

⁴⁴⁷ «Вопреки насмешкам некоторых историков, Дюкроке остается олицетворением тех скромных и пламенных революционеров, без которых республика не восторжествовала бы» (Albert Soboul Sans-Culottes P 788, 789. Цит. по А. Собуль. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры. С. 385).

⁴⁴⁸ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2653, Vol XI P lxxiii.

⁴⁴⁹ Ibid Vol X Nos 2655, 2657, Vol XI P lxxiv.

15 марта, на следующей день после того, как большинство осужденных были гильотинированы, Лабуро написал одному из судей Революционного трибунала странное письмо, в котором заявил, что до своего ареста ничего не знал о заговоре. Он утверждал, следовательно, что Венсан никогда не выказывал к нему ни малейшего доверия в отличие от Моморо, всегда демонстрировавшему ему расположение и дружбу. Он приводил слова Моморо о «фракции Проли», которую Моморо рассматривал как осколок группы Дюмуре, находившийся среди обвиняемых. Что касается его самого, то Лабуро утверждал, что не мог определить, кто был прав, а кто виноват⁴⁵⁰.

Признание Лабуро действительно странно. Могло ли оно быть вызвано муками совести? Его показание на суде помогло осудить эбертистов и тех, кто был «амальгамирован» с ними. Он один избежал гильотины.

Из двадцати человек, представших перед судом, лишь немногих можно считать санкюлотами или *маленькими людьми*. Анкар и Дюкроке были мастеровыми. Мазюель — вышивальщиком и сапожником. Лекрерк — архивариусом, Буржуа — инженером, а Арман — студентом. Последние трое были связаны с кордельерами только по делам службы. Декомб был учителем, не санкюлотом и не кордельером.

Эбер, Ронсен, Венсан, Моморо (бывший типографщик) и Лабуро были правительственными чиновниками. Клоотс — экс-дворянином, в то время как Проли, Перейра и де Кок принадлежали к крупной буржуазии. Дефье был виноторговцем, Ломюр — генералом, а Дюбюиссон — литератором. Последняя, госпожа Кетино, было домохозяйкой.

Социальное происхождение этих мужчин и женщины не определяло, однако, ни их отношения к революции, ни их патриотизма. На это отношение скорее всего влияло то, какими идеалами они руководствовались, какую идеологию принимали (или, говоря современ-

ным языком, их отношение к революции определялось их политической культурой). Не надо, однако, обладать большим даром воображения, чтобы представить, насколько мучительным было для обвиняемых, являвшихся патриотами, оказаться жертвами правительства, которому они так доверяли. Все преданные революционеры, и не только санкюлоты, должны были неизбежно отвернуться от революции, которую они прежде так горячо приветствовали, после того, как увидели своих лучших вождей поверженными, оклеветанными и подвергнутыми поношению. Многие вскоре стали пассивны и индифферентны, отказав, тем самым, революционному правительству в своей поддержке, а только на эту поддержку правительство и могло опираться.

⁴⁵⁰ Ibid Vol X No 2659, Vol XI P lxxiv Судья, получившим письмо Лабуро, был Франсуа Жозеф Денизо. Оригинал письма не подписан. Лабуро опубликовал брошюру, озаглавленную «Рапорт о том, что я видел и слышал со времени моего показания под присягой», в которой, по данным Тютте, выразил сомнения в «заговоре» Эбера. Тютте добавляет, что многое из того, что Лабуро написал, соответствует наблюдениям тех людей, на которых ссылается Добан в своей книге «Тюрьмы Парижа». На самом деле Добан ссылается (р. 329-332) на ряд заявлений того же Лабуро, сделанных в его памфлете, включая нонсенс о «фракции Проли». Однако некоторые из разговоров с Ронсеном кажутся аутентичными, и их часто цитируют мемуаристы и другие авторы. Лабуро описывает его как вечно веселого человека. Ронсен понимал, что суд носит политический характер, и что, таким образом, юридические споры бессмысленны. Тем не менее, он был убежден, что его сын отомстит за него. Он поклялся, что не вздрогнет под гильотиной. В то же время он обвинял Эбера в том, что тот болтал попусту вместо того, чтобы действовать.

Глава 9

ПРОЦЕСС

Если, как утверждал Маркс, история повторяется дважды, вначале как трагедия, а затем как фарс, то московские процессы старых большевиков безусловно относились к первому разряду. Аналогия между этими процессами и инсценировкой суда над эбертистами поразительна. Те же абсурдные обвинения, мотивированные «интересами государства» или интересами, полагавшими таковыми; то же «примешивание» людей со стороны; та же клевета на бывших товарищей, пожертвовавших всем ради революции; та же попытка найти в делах обвиняемых «иностранный заговор»; и тот же предопределенный итог. И если большевики на опыте французской «великой буржуазной революции» научились тому, как организовывать восстание, та же революция послужила моделью и для разрушения их движения. Какие бы причины ни назывались историками для оправдания суда над лидерами кордельеров, итог отрицать нельзя: суд привел к разрушению «фракций» и в дальнейшем — к усилению «Республики Добродетели»⁴⁵¹.

Можно добавить также, что суд над эбертистами был самым запутанным образом связан с процессом над дантонистами. С точки зрения правительства, обе фракции представляли угрозу его стремлению установить единство, необходимое в условиях войны против Коалиции. И пусть ни одна из фракций не осознавала этого, но существование одной зависело от наличия другой. Усилия же обеих групп, направленные на взаимоуничтожение, облегчили правительству возможность выступить в качестве единственной объединяющей силы нации.

14 марта 1794 года Фуке-Тенвиль в письме в Комитет общественного спасения сообщил об аресте всех «заговорщиков, как и было приказано». 20 марта Кутон доложил от имени обоих комитетов, что суд начнется на следующий день (1 жерминаля). Обществен-

⁴⁵¹ Альбер Матьез в "Les Deux du procès des Hébertistes" (Annales révolutionnaires Vol. XI, 1919 P. 1-27) писал о том, что суд явился эпизодом в борьбе между революционным правительством и умеренной фракцией, вдохновляемой Дантоном (см. сноску 496 далее). Он игнорировал угрозу со стороны кордельеров. Собыль, однако, полагал суд «эпизодом в борьбе против народного движения» (Sans-Culottes P. 779).

ный прокурор перечислил обвинения против арестованных, объявив правительства Англии и Коалиции «подлинными главарями заговора»⁴⁵².

Обвинительный акт содержал имена двадцати человек, начиная с Ронсена и заканчивая Проли. Все эти люди обвинялись в заговоре, преследовавшем цель уморить Париж голодом, захватить власть в правительстве, открыть тюрьмы, уничтожить представителей народа и распространить брошюры и прокламации, подрывшие идеалы свободы. Эбертистов особенно обвиняли в том, что они в тайне желали приобрести богатство и власть. Без всякого на то основания утверждалось, что заговор был составлен в доме де Кока в Пасси: это было сделано для того, чтобы связать эбертистов с иностранными банкирами. По словам обвинителей, эбертисты хотели обострить проблему нехватки товаров первой необходимости, раздуть разногласия между якобинцами и дантонистами и поднять восстание в окраинных районах Парижа⁴⁵³.

Сопrotivления при арестах оказано не было, так как обвиняемые, считая себя невиновными, полагали, что смогут доказать это в суде. Вместе с тем во время процесса не было оглашено ни одного документа: это, без сомнения, объясняется тем, что будь таковые представлены, заключенные могли бы их опровергнуть. Что же касается огульных обвинений «очевидцев», то их оспорить только при помощи фактов было труднее. Ронсену, например, помимо прочего, ставилось в вину спешное командирование одного молодого немецкого пленного во Франкфурт, чтобы проинформировать «наших врагов»

⁴⁵² Debats du 1er Germinal, plaq. 1, F7 4438, AN представляет собой опись свидетельских показаний на двадцать человек, проходящих по обвинительному акту. Отчет Революционного трибунала хранится в W 173, AN. Это тридцатистраничный документ, содержащий список обвиняемых, краткие биографические данные свидетелей и сжатые обвинительные акты против всех двадцати (1-3 жерминаля II года), он был опубликован правительством в "Procès des Conspireurs Hébert, Ronsin, Vincent, Momoro, Desfieux, et complices" (Paris, 1794). Последняя часть документа (P. 109-126) есть не что иное, как чрезвычайно критический очерк жизни Эбера. Jugement rendu par le tribunal révolutionnaire [Paris], n d — Lb 41 2232, BN — это вердикт, подписанный А. К. Фуке. См. также Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2042, AP Vol LXXXVI P. 719-720, Moniteur Vol XX No 183 (March 23, 1794) P. 17-20. Обвинительный акт одобрил подписи судьи Революционного трибунала

⁴⁵³ Отчет трибунала — W 173, AN, Journal de la Montagne No 132 (March 25, 1794), Moniteur Vol XX No 183 (March 23, 1794) P. 19, 20, No 197 (April 2, 1794) P. 139, Alphonse Aulard Jacobins Vol VI P. 40, Henri Wallon Histoire du tribunal révolutionnaire Vol III P. 45-47, 49, 55, 58, 59, B & R Vol XXXI P. 360-362, 363-354 364-369, General Herlaut Ronsin P. 230, 231, 233 «Бюллетень» Революционного трибунала (№ 1-7), опубликованный B & R, приводит список и возраст арестованных, а также четырнадцать членов суда

о времени приведения заговора в исполнение. Ронсен обратил внимание на абсурдность этого обвинения в письме Фукье-Тенвиллю. Утверждалось также, что банкир де Кок был посредником между Питтом и «заговорщиками», в то время как Ломюр, бывший друг Дюмуре, имел связь с эбертистами. Эбертистов обвиняли также в заговоре с целью восстановления монархии. Кутон дважды, по разным поводам, информировал Конвент о том, что обвиняемые надеялись посадить на трон маленького Капета.

Суд сослался на два номера эберовской «Пер Дюшен», 269-й и 275-й, доказывая, что издатель подвергал нападкам принцип концентрации власти в руках комитетов. Защищаясь, Эбер заявлял, что можно уничтожить человека, процитировав несколько предложений, если не принимать во внимание обстоятельства, в которых эти фразы писались. Председатель трибунала Дюма ответил, что со времени восстания 31 мая — 2 июня 1793 года Эбер сознательно стремился к тому, чтобы дезорганизовать работу всех конституционных властей «и все поджечь». Более того, он обвинил Эбера в получении 100 тыс. ливров из национального банка за те услуги, которые патриоты исполняли даром⁴⁵⁴.

Первый свидетель, Луи Лежандр, вспоминая о язвительных речах Венсана на обеде у мэра Паша, заявил, что Венсан ранее принимал его таким, каков он был, а у Паша назвал «умеренным». Венсан ответил, что Лежандр раньше был его другом, но их дружба закончилась; никакого иного значения эпизод у Паша не имел. На вопрос же президента о том, не означало ли высмеивание им одежды Лежандра издевательством над всеми депутатами, Венсан ответил, что у него не было намерений очернять Конвент. По его словам, он считал, что пестрота цветов в одежде депутатов «могла поразить тех, кто не успел привыкнуть к этому». Возможно, заключил он, его замечания были бессмысленными, но у него и в мыслях не было критиковать депутатов и их работу.

Следующим свидетелем был Луи Пьер Дюфурни, председатель директории Парижского департамента, показавший, что после восстания 31 мая — 2 июня Венсан публично выражал ненависть в отношении конституционной власти, стремясь подорвать позиции патриотов в народных обществах. Что касается Ронсена, то, по его словам, он хотел гильотинировать его (Дюфурни), Робеспьера и других,

плетя заговор, направленный на установление собственной диктатуры: иными словами, хотел стать «Кромвелем» и вычистить Конвент. Дюфурни в качестве подтверждения ссылался на некое письмо от генерала Бирона, но предъявить этот документ суду не смог. Ронсен отрицал, что когда-либо требовал исключения каких бы то ни было видных депутатов из Конвента или «сардонически» смеялся — еще одно абсурдное обвинение, предъявленное ему.

После выступления Ронсена в зале суда произошел беспорядок. Тогда Дюма обвинил собравшихся, что они скрывают контрреволюционеров, и порядок был восстановлен только после того, как все предъявили свидетельства о гражданской благонадежности. Был ли этот взрыв эмоций свидетельством симпатии к обвиняемым или обвинения казались настолько абсурдными, что присутствовавшие не смогли сдержать себя?

22 марта было заслушано девятнадцать свидетелей, включая генерала Луи Мишеля Огюста Тевене Даникана, который заявил, что Ронсен подготовил кавалерийский эскадрон против Конвента. Ронсен ответил, что ему был отдан приказ Анрио послать эскадроны помочь муниципалитету Парижа при обыске домов. Даникан был роялистским агентом, обязанным продвижением по службе в период своего пребывания в Вандее Ронсену, но снятому с командной должности за трусость, проявленную при Анжере.

Одним из шпионов Фукье в тюрьме Сен-Пелажи был бельгиец Шарль Жобер. Этот человек был вначале арестован как бывший адъютант австрийского генерала. Хотя его и выпустили, он плохо был принят бельгийскими беженцами в Париже, которые относились к нему с подозрением. Будучи вновь арестован Комитетом общественного спасения в 1793 году, он попытался спасти себя, обвинив ряд банкиров в заговоре против республики. Сейчас же он ограничился заявлением о том, что Ронсен выступал против «антилиберальной» фракции Бурдона (из Уазы), Демулена и Филиппо, а также обвинением Ронсена в изучении истории Англии по английской книге: имелось в виду, что Ронсен хотел стать Кромвелем.

Ронсен атаковал Жобера как врага Франции. Он отрицал чтение истории Давида Юма, указав, что не знает английского. Что касается Кромвеля, то Ронсен относился к нему как угнетателю своей страны, а не как к человеку, достойному подражания. Удивительный это был поворот в его показаниях! По логике кордельеры должны были бы приветствовать своего собрата по цареубийству, однако то, что Кромвель вынужден был стать диктатором (лордом протектором), не давало им морального права восхвалять его. Же-

⁴⁵⁴ Henri Wallon Histoire du tribunal révolutionnaire Vol III P. 58-59. Дюма как раз в это время сменил на посту председателя Марсьяля Жозефа Эрмана. До начала суда над эбертистами Дюма был вице-председателем.

лая разъяснить свое отрицательное отношение к диктатуре, Ронсен торжественно заявил об уважении Конвента⁴⁵⁵.

Отвергал он и обвинение в том, что хотел дать оружие заключенным, говоря, что, хотя их и плохо охраняли, у него не было намерения вооружать тюрьму. Он потребовал заслушать многих депутатов, а также Анрио, Буланже и друга Дантона Сентена. Попросил он привести и врача Робеспьера, намекая на то, что этот человек знал такие вещи, которые обычно скрываются в спальне. Фукье оставил все это без ответа: он, конечно же, не собирался вызывать свидетелей, некоторые из которых могли дать показания в защиту Ронсена.

После этого Дюфурни зачитал отрывки из «записок», якобы сделанных Дефье. Это «свидетельство» было представлено для того, что поддержать обвинение, гласившее: Дефье совместно с другими участвовал в заговоре с целью освободить заключенных и положить начало контрреволюционному перевороту. Дефье ответил, что не признает этих записок своими. Он был убежден, что его невиновность будет доказана, а его очернители посрамлены. Не то, чтобы он планировал какие-либо «необычные действия» или жаждал возмездия не было заговоров, подчеркивал он; просто хорошо известные патриоты собирались в его доме и думали, как воодушевить народ. Наконец, он показал, что ничего не знал ни о каком оружии, украденном Мазюелем, связанным с Ронсеном. Он также отрицал, что у него были какие-либо связи с Лебреном⁴⁵⁶.

Затем последовал допрос Проли, которого обвинили в выступлении против декрета от 15 декабря 1792 года (по этому декрету Франция аннексировала Бельгию), а также в распространении заявления о том, что в Бельгии не надо было трогать дворян и священнослужителей. Он ответил, что, с его точки зрения, Бельгия еще не созрела до того, чтобы воспринять французскую революцию, а потому в ней нельзя было уничтожить дворян и церковников. Его спросили, являлся ли он сторонником Дюмуре, имел ли связь с Лебреном, бывшим министром иностранных дел, клеветал ли на патриотов и не пытался ли создать новое правительство, поставив в этом известность департаменты.

⁴⁵⁵ Свидетельства того, что Ронсен когда-либо читал биографию Кромвеля нет, хотя и известно, что две биографии лорда-протектора были опубликованы на французском языке еще в 1671 году. См. *François Raguenet Histoire Oliver Cromwel* (Paris, 1671) и *F. Ferdinand de Galardi La Tyrannie heureuse, ou, Cromwel politique* (Paris, 1671). См. также *Wilbur Cortez Abbot A Bibliography of Oliver Cromwell* Cambridge, Mass., 1929.

⁴⁵⁶ B & R Vol XXXI P 369-370, 371, 373-376, 377-378, *General Herlaut Ronsin* P 233-234, 244 247-249. Клоотс также отрицал, что он хотел подкупить Дюфурни. B & R Vol XXXI P 376-380

Проли признал, что одно время испытывал глубокое уважение к военным способностям Дюмуре и был сбит им с толку, отрицая, однако, все прочие обвинения, в том числе в критике французов за разграбление церкви и в выступлении против антицерковного движения в Бельгии. Один свидетель заявил, что Проли предлагал союз с жирондистами, если Дюмуре пойдет на Париж, а также что он был за мир с Пруссией. Другие обвиняли его как шпиона императора, клеветая при этом и на Ронсена и Россиноля как на лиц, не заинтересованных в окончании войны в Вандее⁴⁵⁷.

На следующий день Комитет общественного спасения потребовал, чтобы Фукье закончил процесс, предъявив свидетелей из резерва, которые разоблачили бы заговор, направленный на освобождение заключенных и чистку Конвента. 4 жерминаля Дюма, подталкиваемый Комитетом, опросил присяжных, достаточно ли они уже слышали и могут ли завершить дебаты. Те ответили отрицательно. На самом деле это было заранее спланированной уловкой, направленной на то, чтобы создать видимость справедливого суда. В результате был представлен сорок четвертый свидетель, Шарль Франсуа Фредерик Гендель, бывший подполковник Немецкого легиона, пруссак по рождению. Он подтвердил уже выдвинутые обвинения, представив и новые — на этот раз против Армана и Кетино. Заговор, о котором, по словам Генделя, он услышал случайно, был якобы составлен 11 марта. Его жена, однако, вплоть до 27 марта, то есть до тех пор, пока после казни заключенных не прошло уже три дня, отказывалась подтвердить его слова. Оба, и Арман и Кетино, конечно, отрицали обвинения. После того, как присяжные объявили, что теперь достаточно ознакомились с делом, Дюма обрушился на обвиняемых с яростной речью: «Вы называете себя людьми революции, но вы агенты контрреволюции. Вы говорите о себе как о патриотах . . . и друзьях народа, но вы никогда не были не чем иным, как амбициозными узурпаторами его доверия . . . Негодяи! Вы умрете!»⁴⁵⁸

Если отбросить тривиальные и абсурдные обвинения, все основное, что предъявлялось эбертистам можно свести к четырем пунктам: распространение объявлений и брошюр бунтарского содержания, попытка организации восстания, планы по уничтожению некоторых заключенных наряду с освобождением других с тем, чтобы ум-

⁴⁵⁷ B & R Vol XXXI P 385, 387, 394-395. Ряд свидетелей припели к делу Паша, настаивая на том, что он должен был быть «верховным судьей» или диктатором, которого эбертисты провозгласили бы после восстания.

⁴⁵⁸ *General Herlaut Ronsin* P 250-252

ножить ряды восставших, при использовании революционной армии и, наконец, осуществление мер, направленных на провоцирование голода в Париже. Насколько эти обвинения соответствовали действительности?

Среди упоминавшихся афиш была одна, написанная Венсаном в секции Кенз-Вен и привлекавшая внимание Конвента, хотя о чем собственно в ней говорилось, неясно. Более серьезное обвинение было выдвинуто против неизвестных агитаторов, обклеивших афишами с осуждением нехватки товаров секцию Рынка. Обвиняя Конвент, авторы афиш призывали женщин идти на него маршем и заменить семьсот депутатов на диктатора. Декреты Конвента также были осквернены: это продемонстрировал революционный комитет секции Неделимости. Под именами членов Комитета общественного спасения, которые подписали декрет, повышающий плату за определенный вид работ, значились такие нелестные отзывы, как «каннибал» (под именем Робеспьера), «предатели народа, вечно мерзкие и глупые» и «воры и убийцы» (под именами Приёра, Ленде и Барера). Полицейские комиссары также нашли афиши, обвинявшие Конвент в том, что он обрек людей на голод. Поджигательские афиши появлялись не только на улицах, но и во многих общественных местах. Какие-то работники Национального казначейства, например, написали на его стенах: «Смерть республике, да здравствует Людовик XVII!»

То, что эти афиши действительно разжигали имевшее и без того место недовольство среди населения, не вызывает сомнения. Революционные комитеты секций Марата и Сите, например, должны были мобилизовать свои вооруженные силы с тем, чтобы восстановить порядок, оказавшийся под угрозой из-за того, что масло и яйца не были распределены должным образом: они были вместо этого складированы в караульном помещении. Гнилые продукты, продававшиеся на рынках, также обостряли ситуацию. Вызывал недовольство и расцвет черного рынка: по свидетельству ювелира Эспри Ружье, транспорт с продовольствием останавливался и товары раздавались прямо на улицах, а не на обычных рынках, так как доход от этого был выше. Продолжавшая нехватка товаров и перебои в снабжении продовольствием были на руку контрреволюционерам⁴⁵⁹.

⁴⁵⁹ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 1-7, 16-17, 96 (за вторую половину вантоза), Vol XI P lxxv-lxxvi, lxxix Как видно из показаний нескольких комиссаров в секциях Севера Пвассоньер и Обсерватории, не все члены революционных комитетов знали об этих поджигательских афишах Ibid XI No 153 См также показание восьми свидетелей по поводу насильственного распределения яиц и масла между голодными бунтовщиками, которые остановили снабженцев, когда те везли товары Двое из свидетелей полагали, что имел место заговор, и именно этим объясняли нападение Ibid Vol XI No 163 [неверная нумерация Должно быть 162]

Призывать к восстанию или даже делать вид, что призываешь к восстанию, было в данных обстоятельствах крайне опасно. Профессор Александр Руель из революционного комитета секции Обсерватории, согласно его показанию, был удивлен, узнав, что, по данным полицейских комиссаров, рассматриваемые афиши были отпечатаны в типографиях Парижа. Когда же он прочитал в «Монитер», что патриоты призывали к восстанию в то время, когда власти боролись против контрреволюционных врагов, он огорчился. Не один, конечно, профессор, был убежден, что восстание планировалось на самом деле.

Любен, председатель Генерального совета, доложил, что случайно слышал, как двое мужчин, по виду санкюлотов, выходя из Якобинского клуба, обсуждали необходимость нового восстания⁴⁶⁰. Хотя и нет доказательств того, что кордельеры предприняли какие бы то ни было практические шаги, дабы осуществить мятеж, и хотя само слово восстание часто использовалось для обозначения демонстрации или какого-то иного ненасильственного действия, беззаботное отношение эбертистов к призывам начать движение, подобное тому, которое имело место во время великих событий, должно было испугать если не всех, то некоторых представителей власти. Более того, даже если ответственные лидеры, говоря о «восстании», и имели в виду лишь демонстрацию, подразумевали ли то же самое их сторонники? Вполне возможно, что двое мужчин, случайно подслушанные Любеном, принимали необходимость нового мятежа всерьез. Вряд ли любое революционное правительство, стремившееся подчинить нацию «общей воле», могло найти более подходящее оправдание тому, чтобы расправиться со своими оппонентами.

Конечно, можно возразить, что призывы к восстанию были лишь простым разглагольствованием отчаявшихся людей и что за грубой речью кордельеров не обязательно скрывались намерения поднять такого рода движение. И, все же эти призывы были сделаны в моменты кризиса, что могло усилить и без того нараставшее напряжение. Даже если бы подобные угрозы исходили от людей, слишком много выпивших, а потому не отдававших себе отчета в своих словах, нельзя игнорировать и то обстоятельство, что вино может «развязывать языки». Когда термидорианцы арестовывали членов революционных комитетов за то, что те якобы нарушали закон, они часто слышали в качестве оправдания: «Я был слишком пьян».

Нельзя сомневаться и в том, что идеи заговоров могли родиться в воспаленном мозгу. Лабуру, например, показал 25 марта, что генера-

⁴⁶⁰ Ibid P lxxix-lxxx и по 27

лу Вестерману казалось, что кордельеры вынашивали планы провозглашения «верховного судьи». По слухам, Ронсен, прочитав биографию Кромвеля, заявил, что он хотел бы быть лордом протектором всего на двадцать четыре часа, имея в виду, что он расправился бы со своими врагами так, как они того заслуживали. Может быть, идея «верховного судьи» и была утопичной, а не реальной, но все же, она витала в воздухе. Слишком много свидетелей доносили о том, что слышали разговор о приближавшемся восстании. Работники оперного театра, например, сообщили, что трубач из оркестра говорил следующее: «Скоро будет переворот, во время которого Конвент и якобинцы будут подвергнуты чистке». По его словам, он провел всю ночь, изготавливая патроны. Театральные деятели, правда, признали, что музыкант был пьян, когда делился с ними своими тайнами⁴⁶¹. И все же такое откровение — если предположить, что это было откровение — нельзя сбрасывать со счетов.

Еще одно свидетельство вероятности восстания могло быть с легкостью подтверждено рядом инцидентов, имевших место накануне ареста обвиняемых. 12 февраля 1794 года Венсан выступил с обращением, принятым кордельерами единогласно и предназначенным секциям, департаментам и народным обществам. В нем требовалось восстановить революционные законы. Обращение было явно направлено против методов правления, применявшихся комитетами Конвента. Когда кто-то спросил Венсана, в чем разница между старыми законами и декретами революционного правительства, тот ответил: «Черт возьми! Разве ты не видишь, что революционные законы уничтожают негодяев в течение двух недель, одерживая победу над всеми, в то время как твое революционное правительство продолжает и будет продолжать давить тебя своим ужаснейшим деспотизмом, но так ничего и не закончит. Ты презренный мерзкий ублюдок и больше ничего!»⁴⁶² После такого взрыва эмоций немногие кордельеры рискнули обратиться к нему за дальнейшими разъяснениями.

Каррье, выступивший за Венсаном, выразил удивление по поводу того, что среди монтаньяров нашлись умеренные. Он также призвал к восстанию, ссылаясь на 34-ю статью Декларации. Как говорилось, за восстание ратовал и Эбер, атаковавший Амара за то, что тот якобы преследовал Шабо и Фабра. Когда же его обвинили в ослаблении на-

падок на «снисходительных», он обещал, удвоив энергию, изблечь умеренных или погибнуть. Кто-то слышал, как Буланже заметил: «“Папаша Дюшен” будет писать, а мы будем бить в барабан»⁴⁶³. Революционное правительство, однако, не собиралась маршировать под этот бой.

Были допрошены и другие очевидцы, слышавшие те же призывы к восстанию. Полицейский Рене Шарль Мерсеро процитировал агитатора Брута, требовавшего нового «31-го мая» для того, чтобы уничтожить «105 депутатов-негодяев». Еще один полицейский, Рене Декоин, показал, что Брут требовал казни «50 тыс. хлыщей, феиянов, шапеленов, [и] певцов [“антигражданских петиций”]». То, что слышали эти двое, подтвердили другие граждане⁴⁶⁴.

Как мы видели, призыв к восстанию раздавался и в секции Марата. Вуарме, член Генерального совета, свидетельствовал, что Дюкроке предложил занавесить вуалью Декларацию прав, объявив восстание в секции. Дюкроке старался объяснить Марсьялю Жозефу Эрману, бывшему председателю трибунала, что его предложение не подразумевало открытия тюрем и нанесения удара по Конвенту; он хотел только привлечь внимание Генерального совета к нехватке товаров с тем, чтобы совет изыскал меры для снабжения рынков⁴⁶⁵. Тем не менее, он использовал наводящее ужас слова восстание, и суд мог трактовать его действия, как хотел.

Трибунал должен был знать, что не все члены секции Марата выступали за то, чтобы идти толпой в Коммуну. Некий член революционного комитета секции отмечал, что многие были против этого. Если восстания были необходимы 10 августа 1792 года и 31 мая 1793 года, аргументировал он, то сегодня важным являлось, чтобы правительство действовало эффективно — по его словам, со «всею строгостью». Другой присутствовавший на общем собрании, Антуан Симон, городской чиновник, старался предотвратить планировавшую-

⁴⁶³ Ibid No 21 и P lxxx-lxxxi

⁴⁶⁴ Ibid No 56. Фамилия Брута была Энок. Мерсеро слышал, как Брут говорил: «Нам нужно еще одно 31-е мая, есть 105 депутатов-негодяев, которых мы должны выкинуть». Жако Вильнев, сорока девяти лет, тоже слышал Брута в нескольких народных обществах. Слышал его и Гином Лалуме, заявивший: «Брут хвастался, что занавесил вуалью Декларацию прав». Лалуме назвал его «трусливым и невоздержанным».

⁴⁶⁵ Ibid No 34. Жак Луи Фредерик Вуарме, чиновник Военного министерства, не подписал резолюцию секции, а отправился в Коммуну, чтобы постараться смягчить противоречие Жан Жак Роз, купец и член гражданского комитета секции, заявил, что был удивлен «бунтарским предложением», сделанным секцией Коммуне. Луи Эдм Туссен Дартеген добавил, что когда член секции Гесперо постарался смягчить тональность дискуссии, Моморо прервал его, и Гесперо был вынужден уйти с трибуны.

⁴⁶¹ Ibid Vol X Nos 2659, 2204

⁴⁶² Ibid Vol XI No 29 (заявление Шарля Сулара)

ся демонстрацию, благоразумно предупреждая, что захват съестных продуктов, таких как масло и яйца, лишь ухудшит ситуацию на рынках товаров. Усилия Симона вызвали в ответ шум и крики, и собрание стало «бурным».

Несколько других выступавших признали опасный характер предложения Дюкроке и потребовали не зашивать Декларацию. Будучи не в силах заблокировать его предложение, ряд участников покинули зал заседаний⁴⁶⁶. После этого, как рассказывали очевидцы, президент секции Единства Себастьян Лакруа обрушился на Робеспьера. Многие свидетели заявили, что слышали, как он говорил: «Робеспьер был глуп, что не оседлал лошадь и не провозгласил себя диктатором после смещения Людовика». Один из дававших показания якобы возразил: «Мы что же, завоевали свободу, чтобы создавать новых хозяев?» Когда же Лакруа объявил, что Робеспьер «мстителен», другой очевидец назвал президента секции «пигмеем» за нападки на человека, «наделенного всеми добродетелями». Таким образом, вряд ли можно сомневаться, что даже в таких боевых секциях, как секция Марата, к Робеспьеру относились лучше, чем к кордельерам⁴⁶⁷.

Комитеты были не только озабочены самой возможностью восстания, но и использованием в нем Революционной армии. Вестерман, генерал, связанный с Дантоном, а, следовательно, находившийся под подозрением, сообщил общественному прокурору, что другой генерал, имя которого он забыл (имелся в виду Ломюр), заявил в Клубе кордельеров: «Восстание состоится, и Революционная армия будет играть роль в этом событии». Слова Вестермана подтвердил какой-то гражданин, служащий в администрации военного транспорта. В результате восстания Паш должен был быть провозглашен диктатором. Надо добавить, что Вестерман был офицером регулярной армии и, как таковой, терпеть не мог Революционную армию и тех, кто в ней служил.

Один из свидетелей, Жан Кордье, ремесленник, изготовлявший корзины, и комиссар революционного комитета секции Пуассоньер, «якобы заявил, что слышал», что часть Революционной армии

была готова вступить в Париж. Кое-кто, по слухам, выражал сожаление, что эти войска не были активны. Солдаты из Финистера жаловались, что вместо того, чтобы идти в деревню отбирать съестное, они должны были выполнять функции охранных войск. Подразделения из секций Единства, Муция Сцевола и Нового моста, дислоцированные в Понтуаз, были недовольны тем, что у фермеров в «шкафах и бочках» хранилось множество яиц и масла. Они требовали разрешить обыски. Заверяя своих компатриотов в том, что они по-прежнему «республиканские монтаньяры», солдаты обвиняли муниципальные власти в нехватке товаров в Париже. Сам Фукье-Тенвиль объяснял эти настроения наличием дефицита в столице. Конечно, правительство опасалось вхождения Революционной армии в Париж. Когда некий сержант Гийом был послан своими сослуживцами, дислоцированными в Лаоне, с поручением в Париж, он был арестован при въезде в столицу. Гийом писал общественному прокурору: «Мне крайне не повезло, я прибыл в плохой момент». Он выехал из Лаона 15 марта и прибыл в Париж 18-го, всего за три дня до начала процесса над кордельерами⁴⁶⁸.

Помимо ажиотажа и призыва к восстанию вождям кордельеров вменялось в вину намерение организовать массовую резню заключенных. Стоит ли сомневаться в том, что многие из тех, кто находился под стражей, с облегчением вздохнули, когда эбертисты оказались арестованы? Некоторые из заключенных, по слухам, были убеждены, что «эти господа принесли бы нас в жертву». Множество очевидцев показало, что Ронсен и другие повторяли угрозы избавиться от всех заключенных за исключением «одной тридцатой». Кое-кто из эбертистов утверждал, что заключенные — «бесполезные рты» и их следовало убивать, как кошек и собак; другие выражали негодование по поводу того, что во время нехватки товаров те, кто находился в тюрьмах, ни в чем не испытывали недостатка — таково было широко распространенное предубеждение. Крайним выражением этого недовольства было заявление сапожника, по имени Бо, из секции Рынков, потребовавшего зажарить и съесть арестованных. Правда, ряд граждан для разре-

⁴⁶⁶ Ibid Nos 30, 54

⁴⁶⁷ Ibid No 66 Тютте убежден, что призыв к восстанию не отозвался в массах. Требование «вождя», эберовская атака на «правителей» и «высшие власти», равно как и венсановское разоблачение «кромвелистов» — ничто не могло подорвать престиж Робеспьера. Ibid P lxxii-lxxiv Себастьян Лакруа был комиссаром Исполнительного совета в Миди и бывшим другом Дантона. Он был связан с Венсаном и казнен вместе с Шометтом вскоре после суда над эбертистами. *Albert Soboul, Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire P 440

⁴⁶⁸ *Alexandre Tuetev* Repertoire general Vol X Nos 24, 84, 174, *Albert Soboul* Sans-Culottes P 801 Письма Гийома Фукье-Тенвилю от 7 и 18 мая 1794 года хранятся в W 168 и W 136, AN соответственно. Вестерман связывал эбертизм с проблемами воинской морали, говоря, что, хотя и не знал Эбера, был убежден: планы этого человека коварны, Эбер сильно влиял на моральный дух солдат. См. *Alexandre Tuetev* Repertoire general Vol X No 2264 (письменные показания против Ронсена)

шения продовольственной проблемы все же склонялся к гильотинированию торговцев⁴⁶⁹.

Многие свидетели утверждали, что Ронсен тоже составлял список заключенных, которых планировал освободить, если бы те объяснили ему причины, по которым он должен был это сделать. Никто, правда, не видел, как он трудился над списком, но все заявляли, что «слышали» об этом⁴⁷⁰. В письме Фукье-Тенвилю Шарль Жильбер заявил, что один гражданин, которого он назвал «хорошим человеком» (Клод Анри Сен-Симон, социалист-утопист), мог бы выступить свидетелем против Ронсена. 19 марта еще один Жильбер (Пьер) сообщил, что Ронсен обещал освободить «хорошего человека», а кроме него и ряд других заключенных. По каким-то причинам общественный прокурор не вызвал никого из названных Жильбером людей. Эта информация, тем не менее, может означать, что между Сен-Симоном и группой Дефье, являвшейся, по словам Матьеза, «авангардом эбертизма» изначально существовала связь. В любом случае видно, что власти всерьез воспринимали угрозу массовых казней в тюрьмах. Анрио направил вооруженный отряд в тюрьму Сен-Лазар для охраны обеспокоенных узников⁴⁷¹.

Гораздо большую опасность стабильности революционного правительства представляла неразрешимая проблема нехватки продовольствия. Свободная рыночная экономика оказалась разрушенной в результате введения максимума; имели место случаи нападения или угрозы нападения на транспорты с товарами, пребывавшие в Париж. Голодные женщины останавливали подводы и распродала товары, иногда по максимуму, а иногда и ниже. Купцы-оптовики выражали недовольство высокими ценами, которые они должны были платить за доставку продовольственных товаров из отдаленных районов. Они утверждали, что не только не могли получить никакую прибыль, но и возместить затраты. Люди стояли в очередях часами и то, только для того, чтобы обнаружить пустые прилавки. Ситуация вынуждала власти возложить вину за все происходящее на эберти-

стов. Если бы можно было убедить публику в том, что дефицит создан искусственно или, иными словами, существовал заговор, направленный на то, чтобы произвести голод в Париже, правительству удалось бы оторвать многих санкюлотов от лидеров кордельеров.

8 марта Фукье-Тенвиль написал Пашу, что он расследовал попытку инспирировать голод в Париже путем обращения «к источнику». Он обследовал коммуны в радиусе около 10 лье от столицы, а также внимательно изучил метод ее снабжения. Судьи Революционного трибунала допросили жителей городов, от Антони до Витри. Было заслушано Управление провианта и мэры коммун, которых обвинили в отказе снабжать столицу. Ряд свидетелей заявил, что некоторые люди в различных секциях обостряли ситуацию, угрожая фермерам и поставщикам, в результате чего те боялись посылать свои товары в Париж⁴⁷². Многие указывали на Дюкроке. Часть очевидцев, вместе с тем, настаивала, что чиновники Управления сделали все, чтобы снабдить столицу, но частые проходы войск через сельские районы оставляли Парижу мало провианта⁴⁷³. Ролен доложил, что, несмотря на все меры предосторожности, предпринимавшиеся Анрио, женщины из близлежащих коммун, смогли захватить значительное количество продовольствия, предназначавшегося Парижу. Когда их спросили, как им удалось это сделать, одна из них ответила, что «буржуи» на баррикадах сделали вид, что не заметили этого⁴⁷⁴.

Подстрекательства Эбера, направленные против торговли, негативным образом сказывались на деятельности купцов, однако Эбер не один выражал подобные настроения. То, что жадные торговцы были ответственны за дефицит и высокие цены, не вызывало сомнения у широких масс. Эта тема разговоров была популярна. Помимо прочего, сами секционные власти, в особенности комиссары по борьбе со скупкой, полагали, что только строгое применение решительных мер могло разрешить кризис. Но обыски, реквизиция незарегистрированного продовольствия и принудительные продажи по максимуму только раздражали торговые классы.

Более того, ревностный партикуляризм секций дезорганизовал снабжение. Комиссары секции Марата захватывали продукты на за-

⁴⁶⁹ *Alexandre Tuetev* Repertoire general Vol XI Nos 63 (длинные показания Франсва Мари Тьерри против «клики»), 72 (письмо Бенонс, комиссара), 73 (Мари Жозеф Мартен, сержант егерей о состоянии тюрем), 75 (Луи Клод Уе, тюремщик, и Антуан Северен Левассер, охранник в тюрьме), 78 (немецки музыкант, по имени Буш, и типографщик Тарен) и 80 (Луи Феи Дюпра незнакомой профессии)

⁴⁷⁰ *Ibid* Vol X Nos 2266, 2264, 2287, 2289 XI No 72 Большая часть этих свидетельских показаний основана на слухах.

⁴⁷¹ *Albert Mathiez* Saint-Simon et Ronsin — *Annales historiques* 1926 Vol III P 493, *Alexandre Tuetev* Repertoire general Vol XI No 80

⁴⁷² *Alexandre Tuetev* Repertoire general Vol X Nos 161, 94 (в которых свидетельница Мари Шампиньи заявляла, что слышала как какой-то фермер говорил, что он лучше бы продал свои товары по максимуму, нежели потерял их в результате реквизиции)

⁴⁷³ *Ibid* Nos 157, 158, 123, 178, 160, 166, 170 Ряд очевидцев рассказал, как женщины останавливали подводы и распродала товары ниже максимума

⁴⁷⁴ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol IV P 397

ставе и продавали их по максимуму, однако это приводило к нехватке товаров в окрестных секциях. На это указывал Шармон, добавлявший, что захват товаров секцией Марата подобен «Вандее» в самой столице. 1 октября 1793 года Дюкроке отобрал у одного гражданина три дюжины яиц, одного кролика и одну индейку. Он разделил яйца между тридцатью шестью людьми. Позже он оправдывался, говоря, что единственное его преступление состояло в том, что он хотел «удовлетворить всех граждан». Что же касается обвинения, выдвинутого в конце концов против Декомба по поводу его участия в «заговоре», направленном на организацию голода в Париже, то оно было настолько неубедительным, что не было даже включено в приговор Революционного трибунала. Конечно, никого заговора не существовало, однако меры, принятым в безумном поиске продовольствия, показывают, что те, которые хотели «удовлетворить всех граждан», были ответственны за продовольственный кризис⁴⁷⁵.

Помимо прочего, кто-то наживался на всем этом. Как же могло быть иначе, когда стремительное сокращение товаров вело к росту цен сверх официально установленного максимума? Если принять во внимание, что армия закупала значительное количество мяса по заниженным ценам, понятно, что цена на тот минимум товара, который оставался для гражданских лиц, должна была возрастать неизбежно. Нередко кусок говядины перепродавался трижды, до тех пор пока цена на него не возрастала до 200 ливров. Комиссары по борьбе со спекуляцией жаловались на мясников в Венсенне, отказывавшихся продавать товары беднякам, так как они могли получить гораздо больше с «буржуа». По заключению одного муниципального чиновника, «господа такого рода . . . очень опасны, поскольку не признают никакого другого бога, кроме своекорыстия и своей контрреволюционной торговли; их мораль чрезвычайно сомнительна, и все же никто не осмеливается изобличить их»⁴⁷⁶.

Мэры близлежащих коммун неистово отрицали саботаж в деле снабжения Парижа. Они настаивали на том, что владельцы товаров в их коммунах любили республику, и сваливали вину на армию, закупавшую продовольствие. За дефицит винили также мясников, забивавших скот: последние покупали его по ценам выше максимума, и, соответственно, не могли не продавать мясо выше официально уста-

новленного ценового предела. В некоторых случаях даже национальные агенты противились отправке всех требуемых товаров в Париж. Часть граждан, однако, жаловалась Пашу на то, что спекуляция приводила к затовариванию продуктов в деревне, что лишало продовольствия столицу. Еще одним явлением, негативно сказывавшимся на положении в Париже, было то, что купцы распродавали товары по дороге любителям наживы, готовым рисковать своими шеями. И все же во многих районах столицы было много мяса, масла, яиц и других предметов первой необходимости. В других же местах, несмотря на то, что там не было спекулянтов (если можно верить показаниям свидетелей), существовал дефицит⁴⁷⁷.

На все вопросы, поставленные Фукье, — относительно того, имел ли место саботаж в деле снабжения Парижа продовольствием, допускались ли в отношении крестьян действия, препятствовавшие отправке товаров, замечались ли случаи предложения покупателями более высоких, нежели максимум цен, а также устраивались ли засады на пути следования транспортов, были получены отрицательные ответы. Свидетели либо отводили эти обвинения, либо ничего не знали об инцидентах. Коммуна Лонгумо, например, потребовала от Фукье-Тенвиля опровержения, после того, как тот сообщил в Конвент, что она задерживала товары, предназначавшиеся столице. Революционный комитет коммуны доказал, что ее члены не только не препятствовали отправке транспортов в Париж, а напротив, остановив одну из подвод, сопроводили ее в город. Более того, по словам чиновников, они настояли на том, чтобы коммуна строго следовала максимуму — от чего сами страдали. Парижская коммуна выразила им благодарность, но, если общественный прокурор извинился, то никаких письменных свидетельств тому не сохранилось. В такой же диспут оказались втянуты и другие коммуны⁴⁷⁸.

Таким образом, анализ документов показывает, насколько безосновательны были обвинения Фукье-Тенвиля. И все же председатель суда Дюма упорно поддерживал их: «Готовили ли вы ужасный план уморить людей голодом, организовать искусственный дефицит и в своем неистовстве страшиться ли вы, что вернется изобилие?» Дюма, вероятно, был знаком с донесением полицейского шпиона Рус-

⁴⁷⁵ *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 157* (четверо свидетелей, повторяющие обвинение против Дюкроке), X No 2526 (то же обвинение против Дюкроке) Замечания Шармона см. в *Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol IV P 388*

⁴⁷⁶ *Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 100, 172*

⁴⁷⁷ *Ibid Nos 86, 91, 109*

⁴⁷⁸ *Ibid Nos 102, 136 138, см также Nos 135, 103, 158, 123, 128, 132, 148, 155* Доминик Савур, сорока трех лет, чиновник по делам здравоохранения и председатель народного общества Лонгумо, сваливал вину за дефицит на «неравномерность» максимума, недостаточную бдительность чиновников, эгоизм богатых собственников и алчность торговцев в коммунах *Ibid No 102*

селена: «Почти во всех районах граждане говорят, что именно негодяй Эбер и его клика старались уморить нас голодом»⁴⁷⁹. Это обвинение было мощным оружием в руках революционного правительства. Голодные мужчины и женщины, даже если и проявляли какой-то скептицизм, в целом были готовы принять вердикт суда.

Конечно, между потребностями революционного правительства в увеличении производительности труда в целях ведения войны и настраиваниями санкюлотов как потребителей существовало известное противоречие. В конце концов, насколько производительны могли быть голодные мужчины и женщины? Осажденное население, применив силу, настояло на введении контроля за ценами и на других мерах, нанеших тяжелый удар по теории и практике свободного рынка. Конечно, Эбер выражал настроения, направленные против купцов и фермеров, широко распространенные среди санкюлотов. Этим, безусловно, и объяснялась популярность его «Пер Дюшен». Но это могло только доставлять неприятность комитетам, которым нужны были и увеличение производительности труда, и «общая воля». Как могли фермеры увеличивать производство, а купцы продолжать снабжать армию, когда сама их деятельность в глазах санкюлотов становилась подозрительной, во многом благодаря инсинуациям Эбера и его коллег по Клубу кордельеров? Однако, жертвуя ораторами, использовавшими санкюлотов в своих целях, правительство должно было похоронить в народе чувства страсти и преданности, которые давали ему (правительству) возможность выжить. Это драматическое противоречие, которое революционное правительство не смогло преодолеть, в конце концов привело к разрешению его самого.

Помимо обвинения в атеизме, наиболее серьезным из того, что инкриминировалось Эберу, было то, что он являлся частью «предательского заговора, целью которого было уничтожить торговлю путем осуждения всех граждан, задействованных в ней». Луи Ру, бывший член «Временной коммуны», охарактеризовал Шометта и Эбера как тех, кто изо дня в день поносил торговлю и сельское хозяйство, представляя купцов, снабжавших Париж, спекулянтами, а хлебопашцев и фермеров — душителями народа. Лулье, национальный агент, обвинил их в изображении торговли в таком неблагоприятном свете, что почтенные граждане стыдились заниматься ею. После подавления эбертистов правительство перестало следить за контролем над ценами; оно стимулировало производителей и тех, кто занимался торговыми операциями, в ущерб потребностям потребителей. В

условиях ежедневного роста «стоимости жизни» санкюлоты не могли свести концы с концами, если бы не прибегали к жестоким мерам. Необходимость в применении этих мер систематически выражалась глашатаями кордельеров. «Они требовали принятия против них [купцов и земледельцев], — заявил Луи Ру, — таких мер, как гильотина, заключение в тюрьму в качестве подозрительных, учреждение передвижной гильотины, передвижного Революционного трибунала и передвижной “революционной армии”, чтобы внушить страх и ужас»⁴⁸⁰.

Кордельеры также выражали оппозицию усилению центральной власти. Конвент и его комитеты, однако, не могли позволить нарушить баланс общественных сил, к чему угрожала привести подобная оппозиция. Кордельеры, конечно, играли на этом противоречии. И этого тоже правительство не могло допустить. После жерминаля оно взяло народные организации под свой контроль. Но, осуждая кордельеров, оно дезавуировало и политическую практику, и стремления санкюлотов. Таким образом, не отвергая вероятность того, что члены комитетов действительно верили в существование заговора, направленного на свержение правительства, можно заметить, что использование жупела «тайный сговор» позволяло им расправиться с оппозицией, которая, хотя и была зачастую неорганизована, все же представляла опасность, так как эксплуатировала общественные настроения и политические взгляды, не сочетавшиеся с концепцией рыночной экономики и потребностями национальной обороны. Тем не менее, выступив против глашатаев санкюлотов, правительство неизбежно лишилось поддержки со стороны рядовых граждан. Ибо, несмотря на недолговременную веру в Конвент, санкюлоты не могли не утратить иллюзии в новых общественно-политических условиях, выгодных для других социальных классов. Теперь полной свободой пользовались, как мы бы сейчас сказали, «группы, обладавшие особыми интересами»: крупная буржуазия, зажиточные фермеры, спекулянты и т.п.⁴⁸¹

Из всех руководителей кордельеров Эбера боялись больше всего. К сожалению, трудно с точностью оценить влияние его газеты, поскольку мало что сохранилось из его личных бумаг. Отсутствует как его частная переписка, так и финансовые отчеты. Только несколько документов было возвращено его душеприказчику и помощнику

⁴⁸⁰ Цит. по *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 805-806 (*А Собыль* Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры С 396 *Прим. переводчика*)

⁴⁸¹ См. комментарии Собыля в его *Sans-Culottes* (P 804-806)

⁴⁷⁹ Цит. по *ibid* P xxi (Карон не упоминает доноса Русселена)

Жаку Кристофу Марке⁴⁸². К лету 1793 года он начал критиковать Комитет общественного спасения за концентрацию власти в своих руках и, подобно «бешеным», потребовал обновления Конвента. В конце августа он писал: «Свободу послали ко всем чертям, когда власть оказалась сосредоточена в руках неприкосновенных людей». В сентябре и октябре он продолжал свои нападки. В 297-м номере «Пер Дюшен» следующий абзац был поставлен в скобки (это было явно сделано полицейским чиновником, вероятно, из парижского департамента): «Если бы те, кто нами правит, вместо того, чтобы жадно все пожирать, подобно орлам и грифам, были бы, как и мы, усердными муравьями, республика бы вскоре наслаждалась счастьем и торжествовала победу. Но каждый хочет идти своим путем; все хотят писать закон, никто не желает ему подчиняться. Мы похожи на кошек и собак, вместо того, чтобы быть братьями»⁴⁸³.

Конечно, подобные настроения беспокоили комитеты, поскольку в отличие от изданий Жана Варле и Теофиля Леклера, этих двух «бешеных», «Пер Дюшен» распространялся чрезвычайно широко. То, что его жадно читали и то, что задержки в его доставке в воинские лагеря вызывали жалобы, видно из письма депутатов, находившихся в миссии при армии Севера. 23 августа 1793 года они сетовали по поводу того, что в их лагерь в течение трех недель не поступило ни одного номера. Вся армия «громогласно» требовала эту газету, писали они, утверждая, что газета разъясняла солдатам их обязанности и права. По словам депутатов, их жалобу разделяли их коллеги из Арденской армии⁴⁸⁴.

За два месяца до того Венсан попросил Эбера вставить в его газету ответ по поводу «злойной клеветы» на Бушотта как якобы «умеренного». 22 ноября 1793 года представитель в миссии Сильван Фалье Лежюн написал Эберу письмо из Лиона, хваля его и советуя продолжать изобличать «интриганов и трусов», мешающих маршу революции. Лежюн уверял Эбера в том, что тот будет вознагражден согра-

жданами и потомством за свою революционную преданность. Из девяти писем, хранящихся в досье Эбера, только в одном содержится критика в его адрес (за «клевету» на генерала Кюстина)⁴⁸⁵. Конечно, этих писем недостаточно, чтобы правильно оценить его влияние. И тем не менее, они дают определенное представление⁴⁸⁶. Когда, например, Варле выступил против декрета, предписывавшего проводить заседания общих собраний в секциях не чаще двух раз в десять дней, его никто не тронул. Но критика Эбером Комитета общественного спасения представляла нечто иное. «Люди воспринимали» его с гораздо большим доверием, писал один из обвинителей. Таким образом, к его удивлению, он оказался центральной фигурой на процессе «В лице Эбера, хорошего журналиста, но плохого политика и бесхарактерного человека, был нанесен удар “Пер Дюшен”», — писал Собуль⁴⁸⁷.

Если Эбер колебался и держал нос по ветру, чувствуя изменение политического климата, то Ронсен, напротив, «сохранял спокойствие — то ли потому, что был невиновен, то ли потому, что смел», свидетельствовал Лабуру. Революционный комитет секции Мон-Блан после того, как был выписан ордер на его арест и подготовлен соответствующий отчет, опечатал бумаги Ронсена и препроводил его в тюрьму Консьержери⁴⁸⁸. Лабуру случайно услышал, как он сказал Моморо, что он в течение долгого времени знал, что их преследовал опасный человек, т.е. Робеспьер, и что бесполезно готовиться к юридической защите, поскольку это «политический процесс». Ронсен обвинил Моморо в том же, в чем и Эбера (см. главу 8, сноску 450): «Вы болтали в Клубе кордельеров, когда надо было действовать. Это неосторожное поведение погубило нас». Теперь им следовало приго-

⁴⁸⁵ Ibid No 2228 Письмо солдата Дотиве в защиту Кюстина. См. ibid No 2218.

⁴⁸⁶ Собуль (Sans-Culottes P 808-809), анализируя эти письма, приходит к выводу, что в них были представлены мнения граждан различных местностей, которые отражали социальное положение тех, кто их писал.

⁴⁸⁷ Ibid P 809 Цит. по А. Собуль Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры С 398 Прим. переводчика.

⁴⁸⁸ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2265, 2268 Жена Ронсена, Мари Анжелика Лекесн, и его брат, Жан Сезар Ронсен, пивовар из Суассона и начальник военных перевозок, присутствовали во время ареста Ронсена. Жена Ронсена была арестована 21 марта и находилась в заключении вплоть до 20 октября. Она выписывала газету Бабефа «Трибюн дю пепль». Позже она выйдет замуж за генерала Тюрро, бывшего друга Ронсена, которого Наполеон произведет в члены Почетного легиона. Он станет послом в Соединенных Штатах, и после его смерти Мари Анжелика вернется в эту страну с четырьмя детьми. В США она пожертвует деньги на основание школы. General Herlaut Ronsin P 265-270.

⁴⁸² Марке (1764-1832), бывший адвокат, издавал газету Эбера. Он был председателем собрания в Епископстве накануне восстания 31 мая — 2 июня 1793 года. Несколько раз арестовывавшийся и выходивший на свободу, он в течение всей карьеры занимал ряд административных должностей. После казни Эбера и его жены Марке удочерил их ребенка. О его роли в восстании см. Albert Soboul, Raymonde Monnier Répertoire du personnel sectionnaire P 178, Morris Slavin The Making of an Insurrection P 77 и chap 5.

⁴⁸³ W 78, plaq 1 P 89, AN О «кошках и собаках» говорится на стр. 7 «Пер Дюшен» (№ 297). На первой странице этого номера есть пометка «Газета, в которой Эбер чернил Национальным конвентом». Далее указывается на стр. 7.

⁴⁸⁴ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 2219.

товиться умереть, сказал он, поклявшись, что никто не увидит его дрожи. Более того, он был убежден, что они будут отмщены — нож, заметил он, стоит всего «два сольдо». Он успокаивал себя тем, что воспитал приемного сына в духе свободолюбия⁴⁸⁹.

Как мы уже видели, Ронсен действительно призывал в Клубе кордельеров к восстанию, но столкнулся с оппозицией внутри самой этой организации. Эбер должен был убеждать своих слушателей в том, что под восстанием Ронсен имел в виду лишь разоблачение таких «предателей», как Фабр, Бурдон и Шабо. Это, конечно, было неправдой, но попытка Эбера смягчить призыв Ронсена к восстанию говорит о том, что внутри кордельеров существовал раскол. Не говоря уже, что само по себе восстание не разрешило бы ни экономического, ни политического кризисов, неопределенность и разброд в среде санкюлотов и активистов из числа кордельеров обрекало его заранее на поражение.

Что касается Венсана, то мы уже знаем о его невожатанных вспышках гнева и авторитарном поведении как в Клубе кордельеров, так и в секции. Вне сомнения, он был предан республике и делу санкюлотов. И все же его бранный язык не только умалял его роль, но и подвергал опасности Бушотта и других сотрудников Военного министерства, на что поспешил указать Лежандр. Многие очевидцы рассказывали, что Венсан, выступая, не желал прислушиваться к тем, кто опровергал его или имел другую точку зрения. Он прерывал и часто оскорблял тех, кто не соглашался с ним, третируя их как дураков. Он предлагал удалить женщин с общего собрания секции Муция Сцевола, говоря, что от них много шума, который часто мешает проводить заседания. Один из его противников показал, что он отобрал «свидетельство о гражданской благонадежности» у человека, которому собрание только что его вручило. Другой обвинил его в том, что, когда жены солдат, находившихся на фронте, обратились к Венсану с просьбой выдать им причитавшиеся им денежные дотации, он обругал их контрреволюционерками, и те ушли от него в слезах. Многие говорили о его антипатии в отношении тех или иных индивидуумов, которая, похоже, основывалась на чисто личных разногласиях и мало была связана с политикой⁴⁹⁰.

Кроме того, мы уже видели столкновение между Венсаном и депутатом Лежандром. После первого освобождения из тюрьмы Ронсен

обратился к Лежандру с просьбой поговорить с Венсаном — «чтобы спасти его от его же ошибок», как выразился Ронсен. Спор, возникший между Венсаном и Лежандром на обеде у Паша, был той же «ошибкой», от которой Лежандр должен был спасти молодого бузотера. Что же касается замечания Ронсена о том, что, будь Венсан другим человеком, он не был бы так ценен, то оно, если и было сделано серьезно, говорит лишь об отсутствии у Ронсена понимания необходимости в примирении его молодого друга с важным депутатом. Если Ронсен считал важным победить «снисходительных» в Конвенте, ему безусловно надо было завоевывать симпатии таких депутатов, как Лежандр. Но Ронсен предпочел угрозы, заявив, что, если эта фракция не будет исключена Лежандром и компанией, то они, имеются в виду кордельеры, покажут им, как это сделать. Его замечание должно было углубить раскол между левыми якобинцами и кордельерами. В любом случае, если Ронсен и имел в виду то, что сказал, было неразумно с его стороны хвастаться тем, к чему кордельеры были совсем не готовы. Более того, Лежандр дал ясно понять, что не намерен заключать мир с Эбером, назвав его «интриганом» и обвинив в непатриотизме. В отличие от Бушотта он был убежден, что «Пер Дюшен» принес армии мало пользы. Как мы видели, он предупредил, что поведение Венсана может скомпрометировать военного министра⁴⁹¹.

Судя по тому, что он написал жене Нанетт, Венсан во время допроса горячо отрицал, что замыслил что бы то ни было против республики. Он все еще думал, что может доказать невиновность, однако на следующий день описал ужасы заключения: отсутствие связи с кем бы то ни было, вонючий воздух, закрытые на засов двери и грубости палача. Венсан просил Нанетт оставаться спокойной, выражая надежду, что их сын вырастет и станет полезным человечеству и республике. Он считал, что общественное мнение отомстит за него. В своем последнем письме, датированном 20 марта, он выражал сожаление по поводу того, что доставил ей столько боли, прося утешить его мать. Затем он простился⁴⁹².

Процесс длился три с половиной дня. Все очевидцы сообщали, что улицы перед Дворцом правосудия были заполнены народом. Клевета со стороны правительства уверила огромное большинство, что обвиняемые виновны в том, что им было предъявлено. Полицейский шпион доносил, что «люди не могут простить Эберу то, что он их обманы-

⁴⁸⁹ Charles Dauban Les Prisons de Paris P 330-331, Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 29, 2290, 2659 Слова Ронсена См General Herlaut Ronsin P 237

⁴⁹⁰ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X Nos 2341, 2331, 2349

⁴⁹¹ Ibid No. 2329

⁴⁹² Ibid Vol XI. Nos 206, 207, Albert Mathiez Les Dernieres Lettres de Vincent a sa femme Annales revolutionnaire 1913 Vol VI P 250-251

вал». И все же, кос-кто был готов защищать его как нового мученика свободы⁴⁹³.

Существует свидетельство, что правительство хотело завершить заседания как можно скорее. Если верить Авенелю, Робеспьер из всех сил стремился ускорить процесс. Он считал, что в отличие от Дюма остальные судьи откажутся осудить невиновных. Желая прощупать настроения некоторые из них, он пригласил одного из судей, Габриеля Туссена Ссье, на обед. Когда Робеспьер высказал сожаление по поводу медлительности заседаний, Сулье ответил, что закон строго определяет процедуру, которой судьи обязаны следовать, дабы не пострадал невиновный. Он далее дал понять, что считает любое нарушение этих норм отвратительным и нетерпимым. Робеспьер парировал, заметив, что они примут закон, разрешающий суду не так строго следовать этой процедуре. На это судья возражать ничего не стал.

Не мог Робеспьер быть уверен и в том, что присяжные вынесут обвинительный приговор. Чтобы запугать их, правительство 20 марта решило арестовать одного из присяжных, Антонеля, имевшего мужество сложить полномочия, не желая участвовать в правительственной игре. Он опубликовал работу, озаглавленную «Observations du juré» с комментариями, в которых отстаивал точку зрения о том, что человек часто оказывается лучше, чем можно судить по его действиям⁴⁹⁴.

Таким образом, в обстановке давления на Трибунал со стороны комитетов, требовавших ускорения дела, обвиняемые были приведены в зал, где находились только присяжные. Последние уже знали об аресте Антонеля. В то же время на окрестных улицах все увеличивались толпы народа, уверенного, что лидеры кордельеров замыслили заговор против их интересов. Естественно, обвиняемые чувствовали себя изолированными и одинокими. Правительство побеспокоилось о том, чтобы клерки и писцы записывали все, что говорилось в его пользу. Только один присяжный, Нолен, правдиво описал то, что произошло, но его отчет имел не более, как историческую ценность, так как был составлен после того, как все кончилось⁴⁹⁵.

⁴⁹³ Henri Wallon Histoire du tribunal revolutionnaire de Paris Vol III P 62

⁴⁹⁴ George Avenel Anacharsis Cloots Vol II P 442-443

⁴⁹⁵ Ibid P 451 Альбер Матез в своем "Les Deux Versions du proces des Hebertistes" утверждает, что существовало два варианта суда, официальный и неофициальный. Последним был «дантонистским» вариант, по которому к делу привлекались и Паш, и Анрио. Для того чтобы избежать их обвинения, Комитет общественного спасения, и в особенности Робеспьер, подменили показание против Паша так, чтобы оно выглядело как показание против Дантона. Кроме того, многословные показания Дюфурни, использованные в неофициальном варианте, оказались значительно сокращены в официальном отчете. Если говорить кратко место «верховного судьи», которое, как первоначально предполагалось, должен был занять Паш, занял Дантон. Матез указывает, что эбертисты никогда не нападали на Дантона, и их современники даже полагали, что как эбертисты так и Дантон разделяли общее отношение к Комитету общественного спасения.

Когда Венсан, Моморо и другие потребовали, чтобы в качестве свидетелей были вызваны Паш и Анрио, Дюма отказал им⁴⁹⁶. Против Эбера были использованы его собственные цитаты, выдернутые из контекста. Напрасно он протестовал, говоря, что в то время, когда он писал цитируемые статьи, Дантон был членом Комитета общественного спасения, а Шабо — членом Комитета общей безопасности. Ничто не помогло. Когда другие подсудимые потребовали, чтобы были вызваны Колло, Каррье, Паш и Анрио, они были удалены из зала с помощью жандармов. Суд завершился неистовой атакой Дюма на обвиняемых. После того, как присяжные объявили, что уже достаточно разобрались в деле и могут вынести приговор, обвиняемые попытались что-то сказать, но их голоса потонули в криках «Да здравствует республика!» По сообщениям очевидцев, Эбер был настолько подавлен во время суда, что растерял все свою былую воинственность. Когда все завершилось, жандармам пришлось почти что выносить его из зала суда⁴⁹⁷.

На вопрос «существовал ли заговор и имело ли место подстрекательство к мятежу?» присяжные ответили: «Да». Суд объявил, что приговоренные планировали воспользоваться нехваткой продовольствия и понятным «желанием» народа наказать предателей для того, чтобы поднять восстание. Они также надеялись провести чистку Конвента от «негодяев», обвиняя правительство в том, что оно провоцирует новую бойню, подобную происшедшей на Марсовом поле. Что касается средств осуществления их плана, то суд установил, что обвиняемые собирались использовать Революционную армию, истребить заключенных, «поднять на бунт» 20 тыс. женщин и лишить Париж продовольствия. Наконец, говоря о целях восстания, Трибунал констатировал, что обвиняемые собирались уничтожить большинство Конвента, ликвидировать оба комитета, Якобинский клуб и Исполнительный совет, провозгласив диктатором «верховного судью» и восстановив монархию⁴⁹⁸. Всех, за исключением Лабуро, приговорили к смертной казни, которая должна была быть произведена в тот же день, 4 жерминаля (24 марта), в 4 часа пополудни.

⁴⁹⁶ Лекуантр посвящает двадцать шесть отдельных параграфов, каждый из которых содержит определенное обвинение, членам обоих комитетов. Параграф 13-й возлагает на них ответственность за отказ разрешить шестнадцати депутатам, затребованным обвиняемыми эбертистами, выступить в защиту последних, а также за фабрикацию донесения, которое должно было продемонстрировать, что эбертисты восстали против закона. См. *par Lanvent Lecointre Denonciation faite a la Convention nationale — Le 38 2175, BN*

⁴⁹⁷ Henri Wallon Histoire du tribunal revolutionnaire de Paris Vol III P 63-64, 65

⁴⁹⁸ Alexandre Tuetey Repertoire general Vol X No 214

Фукье-Тенвиль дал письменное распоряжение Анрио принять меры, чтобы пресечь попытки освободить обвиненных. Ничего этого оказалось не нужно. Похоже, мощная правительственная пропаганда убедила огромное большинство народа, включая многих санкюлотов, бывших верных сторонников кордельеров, в том, что их прежние лидеры предали их. Слишком многие разделяли мнение безымянного санкюлота, который, по слухам, сказал: «Комитеты общественного спасения и общей безопасности . . . вот это мои присяжные поверенные. Они никогда меня не предадут». Многие говорили о «радости народа», получившего известие об осуждении «заговорщиков» на гильотину. Мало кто задавался вопросом, почему Бушотт держал Венсана так долго в Военном министерстве, хотя некоторые и выражали подозрение в отношении Паша и Сантерра⁴⁹⁹.

Еще до суда все бывшие друзья эбертистов начали поздравлять Конвент. Только Коммуна хранила молчание. Но когда Леонар Бурдон 19 марта выразил удивление по поводу отсутствия инициативы у Генерального совета, делегация, возглавляемая Пашем, прибыла с поздравлениями. После этого последовали делегации от Парижского департамента и части Революционной армии. Полицейский шпион доносил, что «на всех улицах, во всех публичных местах, везде, где собираются два-три человека, люди говорят о заговорщиках и единогласно высказываются за их уничтожение»⁵⁰⁰. Несмотря на возможное преувеличение, мало сомнения в том, что подавляющее большинство народа, санкюлоты и их союзники из других групп, были убеждены в справедливости действий правительства.

После вынесения вердикта, вернувшись в тюрьму и ожидая казни, Эбер оплакивал свою судьбу. Обратившись к Ронсену, он заявил, что свобода теперь потеряна. Ронсен ответил: «Ты не знаешь, о чем говоришь. Свободу сейчас нельзя уничтожить. Те, кто посылает нас на смерть, в свою очередь последуют туда же, и это уже не за горами». Между тем, согласно имеющимся данным, Лабуро приветствовали аплодисментами в Якобинском клубе. Интересно, могли ли якобинцы, безусловно, осведомленные об интересах государства и знакомые с революционной политикой, быть настолько наивны, чтобы принять осуждение кордельерских лидеров, не задавая при этом неприятных вопросов?

В 4 часа пополудни осужденные были помещены на три телеги, и их повезли на гильотину сквозь огромные толпы народа и под раз-

дававшиеся отовсюду враждебные крики. Стоя на дне телеги, мужчины обнялись. Ронсен проявил огромное мужество. Толпа выказала ему восхищение за спокойствие и добродушие, с каким он встретил гибель. В то же время она проявила особенную враждебность к Эберу. Женщины кричали: «Он же не мужчина; он ничтожество!» Казнь заняла не более семнадцати минут, и при падении очередной головы в корзину люди кричали: «Да здравствует республика!»⁵⁰¹.

Кветено была возвращена в тюрьму на основании заявления о безреценности, но отсрочка исполнения приговора в ее отношении оказалась кратковременной (см. главу 8). Еще оставались жены осужденных. Супруги Эбера, Моморо и Ронсена были арестованы по приказу Комитета общей безопасности и оклеветаны. Опорочила их газета этого комитета; то же сделали остальные средства массовой информации. Жена Эбера, Мари Маргарита, была казнена 13 апреля 1794 года, что свидетельствовало об особой ненависти (и страхе?), которые внушал правительству ее муж. Жена Моморо была освобождена 27 мая 1794 года, а супруга Ронсена — только через пять месяцев после этого⁵⁰².

Вероятно, наиболее удручающим итогом этого дела была относительная легкость, с которой правительству удалось убедить такое большое число простых санкюлотов, членов секций, и тех, кто сочувствовал им, отринуть своих старых друзей. Понятно, мужчины и женщины, опасавшиеся за свои жизни и жизни членов семей, не стали бы протестовать. Но трудно поверить, что после стольких месяцев революционной активности, в течение которой лидеры кордельеров доказали верность республике, обвинения против них, в том числе в стремлении восстановить монархию, были восприняты с таким повсеместным доверием. Возможно ли, чтобы правительственная кампания была такой эффективной? Более вероятно, что, когда возник выбор между верой в Большие комитеты или в эбертистов, санкюлоты избрали первых. Престиж Робеспьера и его коллег не мог быть подорван Эбером или Ронсеном.

Это не означает, что у лидеров кордельеров не было преданных до конца сторонников. Полицейский шпион Бери писал, что единомышленники Эбера, подслушанные им в Национальном парке, про-

⁴⁹⁹ *Henri Wallon* Histoire du tribunal révolutionnaire de Paris Vol III P 45, 66

⁵⁰⁰ *Ibid* P 43-44.

⁵⁰¹ *Gerard Walter Hebert et le "Pere Duchesne"* P 268. *General Herlaut Ronsin* P 253 254 255
Казнь Эбера была особенно жестокой. В то время, как он лежал, привязанный к доске, поставив его юв под нож гильотины, Сансон — общественный палач — проводил красным колпаком несколько раз перед его носом.

⁵⁰² *General Herlaut Ronsin* P 254 255 256

должали защищать его⁵⁰³. Другой шпион докладывал: «Похоже, у него [Эбера] есть свои прозелиты». По данным Бакона, некоторые граждане признавали, что, несмотря на их доверие правительству, они не поверили бы в виновность эбертистов, если бы не видели доказательств собственными глазами.

Некоторые рабочие, занятые на оружейном заводе, обсуждали «Саппер санкюлот», газету, основанную неким солдатом, стремившимся заменить издание Эбера. Топорная газетенка, повторявшая клевету правительства и финансировавшаяся властями, пыталась подражать стилю и языку «Пер Дюшен», очерняя в то же время перед санкюлотами их бывшего глашатая. Ее первый номер открывался статьей, в которой говорилось о том, что никому больше не удастся обманывать народ; утверждалось также, что Эбер был «большим негодяем» и что «гильотина слишком хороша для такого подлеца»⁵⁰⁴. В том же номере Эбер обвинялся в том, что накрывал роскошный стол для себя и своих гостей и что его финансировали Англия и Австрия. Изобличалась жена Эбера, о которой было написано, что она была «монахиней-растригой . . . страшной, как смертный грех, злобной, сварливой, высокомерной, словом, отбросом общества». В следующем номере говорилось о «великой радости» в связи с арестом Шаббо, Делоне, Фабр д'Эглантина и их сообщников, замешанных в скандале вокруг Индской компании. В третьем номере также с радостью сообщалось, что Эбера заставляли «петь» во время допроса; рассказывалось о том, что, когда головы осужденных «отделяли от тел», все вокруг танцевали «карманьолу»⁵⁰⁵.

Бакон сделал примечательное замечание: «У нас много простонародья. И что вы думаете? У Эбера все еще значительное число сторонников среди этих граждан». Более того, циркулировал слух, что около трехсот его единомышленников из Сент-Антуан должны были появиться у Дворца правосудия в знак солидарности с ним. 4 жерминаля Ролен написал, что «много гражданок» поддерживают партию «Эбера и его сообщников»⁵⁰⁶.

⁵⁰³ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol VI P 3

⁵⁰⁴ *Le Sappeur Sans-Culotte Premier numéro* [March 18, 1794] — Le 2 2596 BN Ее содержание можно оценить по следующей цитате «Великий гнев народа в отношении печально известного папши Дюшена и его сообщников, которые хотели освободить из Тампля [тюрьмы] волчат [детей Людовика], позволить всем заговорщикам, находящимся в тюрьмах в Париже, свободно передвигаться, уничтожить членов Национального конвента и провозгласить королем сына гирана Капета»

⁵⁰⁵ *Ibid* Nos 2 и 3

⁵⁰⁶ *Pierre Caron Paris pendant la Terreur* Vol VI P 1, 33-34, 89

Не все кордельеры были напуганы арестом их лидеров. Одно письмо, написанное неким Робером, рядовым членом клуба, обнажает многое из того, о чем, возможно, думали люди во время суда. В начале своего трехстраничного послания он написал: «Париж[,] сего [дня,] первого жерминаля[, в] последний год свободы[,] если наши враги восторжествуют». Затем он обратился к обществу: «Бессмертные кордельеры! Если для прав человека уже нет места в ваших сердцах, то со свободой покончено. Если вы, граждане, проанализируете все [прошедшие] революции, то увидите, что во всех них существовали некие фракции, которые уничтожали Философов, называемых нами сегодня Патриотами. Члены вашего общества тоже не совершали никакого преступления, оставаясь горячими и истинными патриотами. Мощная фракция поклялась, что уничтожит их. И они погибли, если смелый Фуке де тенвиль [Фукье-Тенвиль], честные судьи и истинные республиканцы-присяжные заседатели не обратят на них своего внимания и не выступят твердо против части народа, которую эта фракция преступно сбила с пути, направив против своих наиболее страстных защитников . . . Робеспьер, кутон [Кутон] и бийо де варенны [Бийо-Варенн] обмануты, также как и вы, храбрые кордельеры; вы находитесь в оцепенении большем, нежели то, в котором вы были на Марсовом поле».

Робер заклинал своих читателей поднять голоса и потребовать справедливости. «Если вы будете хранить молчание перед нечестивцами, они уничтожат вас», предупреждал он, заключая письмо словами: «Почему не отнеслись по справедливости к петиции, дважды представленной в отношении 62 депутатов-заговорщиков [жирондистов] в то время, как с трудом предоставили 5-6 дней нашим друзьям, таким же хорошим людям, как и Шалье. Республиканцы, что стало с вашими клятвами? Вас обрекли на молчание, подлость, бесчестье и рабство. Вы сотни раз клялись умереть; так умрите, ибо у вас нет больше свободы». Он подписал свое письмо «Робер-кордельер», добавив: «Те, кто не видят революции, слепы»⁵⁰⁷.

Робер, конечно, не один поддерживал кордельеров. Латур-Ламонтань сообщает о драматической конфронтации между сторонником кордельеров и его оппонентом, которая, с одной стороны, доказывает, наличие граждан, поддерживавших осужденных, а с другой — демонстрирует их изоляцию. 22 марта Латур подслушал, как люди на площади Революции выражали недовольство тем, как проходил суд над эбертистами. «Они не дают им . . . свободно защи-

⁵⁰⁷ Письмо Робера кордельерам от 21 марта 1794 года — W 126, AN.

шаться; президент [суда] разговаривает с ними резко. Только да или нет, вот что я требую от вас, говорит он им каждый раз. Вопрос здесь не в [тонкости] оборотов и т.д.» Кто-то негодовал в связи с тем, что суд действует «вопреки законам гуманности и правосудия», но был прерван санкюлотом, заявившим, что первый раз слышит жалобы в отношении суда. Вероятно, сказал он, его оппонент аплодировал бы, если бы Конвент и якобинцы оказались на скамье подсудимых, а суд был бы таким же строгим. Это вызвало аплодисменты толпы, и протестовавший исчез⁵⁰⁸.

На следующий день Ролен написал, что сторонники Эбера воодушевлены недостаточностью улик против него и, «проникая всюду» («ils se glissent partout»), «делают вид», что он невиновен. Они убеждены, что обвиняемые «выйдут из зала заседаний Революционного трибунала в сиянии славы»⁵⁰⁹. Начальник отдела безопасности в полицейском управлении Легран сообщал о нарастающей напряженности в обществе в первые два дня процесса. Он признавал, что «невозможно определить, насколько сильна скрытая агитация». Он также считал, что надо было ускорить вынесение приговора. В то же время было необходимо, чтобы преступление Эбера стало очевидным для населения «с тем, чтобы избежать агитации со стороны части лиц, которые весьма к нему расположены»⁵¹⁰. Однако, по мнению Пурвайёра, среди защитников Эбера были только люди «40 су»⁵¹¹.

В результате полицейские приняли меры предосторожности, объяснив, что для того, чтобы предотвратить попытки освобождения арестованных, хорошо было бы применить вооруженную силу. После того, как приговор был уже вынесен, они опасались инцидента во время казни, но никаких усилий по спасению осужденных, предпринято не было. И все же несколько голосов в их защиту слышны были у самых дверей суда⁵¹².

⁵⁰⁸ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 34

⁵⁰⁹ *Ibid* P 71

⁵¹⁰ Цит по *Albert Soboul* Sans-Cullottes C 815 В докладе Леграна от 22 марта по поводу ситуации с продовольствием говорится, что существовали группы злодеев, представлявшие собой опасность: они отрицательно воздействовали на людей своей подпольной агитацией. «Появление вооруженных солдат предотвратило зло, но не уничтожило его», — писал Легран — *Ibidem*

⁵¹¹ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 69

⁵¹² 24 марта некий человек предпринял попытку спровоцировать людей против жандармов с целью освобождения осужденных. См. W 174, AN. Цит по *Albert Soboul* Sans-Cullottes P 816. На следующий день была арестована какая-то женщина за «контрреволюционные предложения», высказанные во время казни Эбера и его сотоварищей. См. Commune de Paris Department de Police A A/17 P 65, APP.

Таким образом, меньшинство санкюлотов или по крайней мере меньшинство тех, кто разбирался в политике комитетов, остались преданы бывшим товарищам и целям, за которые те боролись. Многие, конечно, были дезориентированы, а бывшие активисты, не проронившие ни слова, вероятно, чувствовали себя подавленными и несчастными. Подозрения в отношении старых коллег теперь начали отравлять отношения между ними. Бакон, например, доносил о новом молчании — явно в противоположность имевшим место ранее уверенности и энтузиазму. О Франсуа Ксавье Одуэне, зяте Паша и адъютанте Бушотта, он писал как «о пребывавшем в настоящий момент в такой печали, что все удивлялись». По его словам, он заметил, что «те, кто в кафе очень много говорил, после смерти Эбера замолчали»⁵¹³.

В поздравительном адресе секции Предместья Монмартр говорилось о «безосновательном [т.е. беспричинном] беспокойстве людей после такого большого количества преступлений» (совершенных эбертистами)⁵¹⁴. В донесении от 30 марта признавалось: «Есть еще люди, которые убеждены, что Эбер пал жертвой своего патриотизма, но они говорят об этом тихо». Кое-кто выражал недовольство умеренными, которых теперь избирали присяжными заседателями и членами революционных комитетов, сожалел о роспуске Революционной армии и вообще, говоря словами неизвестного, процитированного Латур-Ламонтанем, возмущался «всеми, что звучит революционно»⁵¹⁵.

Якобинцы тоже поняли, чего от них ждет суд. Во время собрания клуба 23 марта, арестованных обвинили как участников «инострального заговора», намеревавшихся сдать пограничные заставы врагам Франции.⁵¹⁶ Арест Дантона в ночь с 30 на 31 марта, менее, чем через неделю после казней, подлил масла в огонь. Гривель сообщал о беспокойстве среди санкюлотов⁵¹⁷. Полицейские доносы пестрели информацией о страхе и шоке, в котором находилось общество. Что

⁵¹³ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 117, 118-119 Одуэн двенадцати восьми лет был до того викарием церкви Сент-Эташ. Он будет казнен вместе с Пашем в 1795 году. *Ibid* Vol V P 403

⁵¹⁴ *Faubourg Montmartre* plaq 1045 p 8 (1 жерминаля) — C 299, AN

⁵¹⁵ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 190 Однако, сказав это, неизвестный поспешил скрыться

⁵¹⁶ *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 10-11

⁵¹⁷ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 226

можно было сказать, когда те, кто ранее обвинял дантонистов, были уже гильотинированы? Новая акция Комитетов еще более дезориентировала санкюлотов. Общество было парализовано⁵¹⁸.

Обвинение, предъявленное дантонистам, было в общих чертах сформулировано еще 19 марта, когда Колло д'Эрбуа, выступая с длинной речью в Клубе якобинцев, предупредил о существовании «фракции» (названной им «умеренной»), которая хочет воспользоваться арестом эбертистов. При этом он защищал Парижскую коммуну, говоря, что по этой организации не следует наносить удары без разбору, так как помимо «заговорщиков» в ней есть и «люди 10-го августа»⁵¹⁹. Это значило, что чистке будут подвергнуты как «снисходительные», так и Генеральный совет.

Как и можно было ожидать, от подавления кордельеров выиграли не только умеренные, но и роялисты. Робер подчеркивал это в своем письме. В секции Лепелетье некий слуга, по фамилии Вюллемо, был арестован за то, что открыто восхвалял Эбера — не потому, что сочувствовал его идеям, а потому, что считал: достигни эбертисты своих целей, Конвент, якобинцы и патриоты были бы изрублены на куски, а монархия восстановлена. 25 марта Суле сообщал, что во всех общественных местах аристократы и умеренные ликовали по поводу казни Эбера, притворно выражая «могучий патриотизм». Суле отметил одну деталь, особенно характерную. ликование выражали и патриоты, однако последние следили друг за другом⁵²⁰. Можно понять, насколько искренней была их «радость». Равным образом 20 марта Роллен доносил о восторгах в связи с арестами Эбера и Ронсена, которые выражали купцы, «притворно заявлявшие», что эти двое собирались их ограбить. Через несколько дней тот же полицейский шпион писал о том, что «аристократы», не появлявшиеся на секционных собраниях со времени 10 августа, праздновали казнь «негодяев, желавших восстановить монархию». Он обращал внимание на их «аристократические улыбки», с которыми они предрекали исчезновение всех «мерзавцев»⁵²¹.

Среди этих «мерзавцев», естественно, находились те, кто был близок к Эберу — Паш, Анрио, Бушотт, Шометт и Сантерр. Даже

⁵¹⁸ *Albert Soboul* Sans-Cullottes P 818

⁵¹⁹ *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 2-3

⁵²⁰ Революционный комитет секции Лепелетье о Жозефе Вюллемо — W 34, dos 2138, AN,

Pierre Caron Paris pendant la Terreur Vol VI P 117

⁵²¹ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 442, Vol VI P 44

члены Комитета общественного спасения не избежали нападок. 27 марта в одном кафе кто-то объявил, что арестован Колло д'Эрбуа. Ни один человек не подверг сомнению этот слух, который вызвал бы ажиотаж до процесса. Комитет общественного спасения Парижского департамента, получив информацию о том, что за границы ходят слухи об аресте патриотов и о повсеместной панике в связи с этим, решил опубликовать 2000 рекламных листов с уверениями, что патриотам бояться нечего «Давайте опровергнем клеветнические слухи, распространяемые контрреволюционерами о том, что тот или иной патриот будет или был арестован . . . патриотам нечего бояться, дрожать должны только заговорщики»⁵²².

24 марта Гривель обратил внимание на показания трех свидетелей в суде, заявивших, что «заговорщики» планировали сделать Паша «верховным судьей». Он допускал, что это могло дать пищу для размышления, ибо Паш состоял в связи с Бушоттом и, таким образом, мог держать в своих руках все нити заговора. Через три дня Суле написал, что люди с нетерпением желали узнать, кто являлся сообщником Эбера. Они хотели видеть их гильотинированными⁵²³.

Почувствовав себя в силе, контрреволюционеры попытались осквернить память Марата. Они считали его вдохновителем Эбера, человеком, проповедовавшим террор; по следам этого революционера, полагали они, якобы и шли «бешенные», до тех пор пока их не сменил Эбер. По данным Прево, некоторые граждане говорили, что, будь Марат жив, его бы тоже гильотинировали; о Марате высказывались как о горячем соратнике кордельеров. 20 марта Бакон сообщал, что на его глазах портрет Марата был испачкан в грязи. Он также доносил, что Конвент собирался вынести останки Марата из Пантеона. В то же время полицейский наблюдатель Шармон утверждал, что слышал, как люди судачили: «Именно Марат подал Эберу мысль о заговоре; хорошо, что он убит, иначе был бы гильотинирован вместе с эбертистами». Коллега Шармона, Моник, добавлял, что видел, как бюсты Марата выбрасывали из окон, подобно тому, как раньше выкидывали бюсты Мирабо. Кто-то слышал, как люди сетовали на то, что уже никому не верят, ибо Марат их тоже предал. По сообщению Бакона от 26 марта, в кафе в Сен-Дени, в тот момент, когда кто-то заговорил о выносе останков Марата из места его последнего упокое-

⁵²² *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol X No 2019

⁵²³ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol VI P 79, 138 В конце своих заметок Гривель написал, что «люди давно подозревали их [Паша и Бушотта] как подлинных виновников беспорядков»

ния, один из слушателей, вмешавшись в разговор, заявил: «Будем надеяться, что останки Лепелетье тоже вынесут»⁵²⁴.

Эта кампания, направленная против «мучеников свободы», взволновала представителей правительства и их верных сторонников. Согласно данным Бертрана, убрать бюст Шалье, находившийся в секции Тюильри, приказали полицейские (29 марта обвинение в адрес последних повторил Колло, однако полицейские отвергли его). Дюма видел в атаке на мучеников революции маневры «аристов» [аристократов. — Прим. переводчика], а Лежандр — попытки «контрреволюционизировать могилы». Колло защищал Шалье в Клубе якобинцев, предупреждая об умеренных, пытавшихся воспользоваться ударом по эбертистам. «Любой, кто подвергает сомнению уважение якобинцев к Марату и Шалье — контрреволюционер», — заявил он⁵²⁵.

Угрозы такого рода, а также арест Дантона, положили на время конец кампании, направленной на дискредитацию памяти Марата и Шалье. Дело, начатое умеренными, продолжат термидорианцы. До падения Робеспьера оставалось всего около четырех месяцев, а с его смертью придет конец и бюстам, и памяти бывших «мучеников». Гораздо важнее было то, что правительство теперь оказалось под давлением умеренных и правых. И это на фоне подозрительности и смущения, т.е. тех чувств, которые охватили массы санкюлотов, по каким-либо причинам ранее поддерживавших кордельеров. Правительство не могло более уравнивать умеренных эбертистами. И, если оно и не находилось полностью во власти «снисходительных», оно мало что могло сделать, чтобы окончательно подавить их. Бывшие радикалы либо исчезли с политической арены и где-то скрывались, либо, если они все еще появлялись на общих собраниях, хранили молчание. К тому же в революционной политике тот, кто говорит «А», должен сказать «Б». Иными словами, отныне уже ни один радикал не чувствовал себя в безопасности.

⁵²⁴ Ibid Vol V P 383, 428, Vol VI P 8, 63-64, 118

⁵²⁵ Ibid Vol VI P 191, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 29-32, *Moniteur* Vol XX No 192 (April 1, 1794) P 93, No 193 (April 2, 1794) P 106-107

Глава 10 РЕПРЕССИИ

Доклады представителей в миссии убеждали в том, что у эбертистов были союзники в различных провинциальных городах, а не только в Париже⁵²⁶. Эти сторонники лидеров кордельеров были подавлены вскоре после того, как чистки членов осужденной фракции начались в секциях столицы. Хотя некоторые и искали защиты у революционных комитетов в небольших городках вокруг Парижа, многие избежали ареста. Незадолго до падения Робеспьера Клод Жавог сообщал об аресте 20 тыс. человек по подозрению в эбертизме⁵²⁷.

Все без исключения репрессированные участвовали во всех важных событиях революции. В секции Революции трое основателей народного общества были заключены под стражу на основании вымышленных обвинений⁵²⁸. В секции Общественного договора комиссар революционного комитета был арестован, когда заявил, что не считает Эбера преступником. В эберовской секции Бон-Нувель под стражу взяли трех санкюлотов на основании таких неопределенных обвинений, что через несколько дней их вынуждены были отпустить⁵²⁹. В целом репрессии против революционных комитетов не были многочисленны. Тем не менее, *эбертизм* сделался ярлыком, которым клеймили любое политическое или общественное деяние санкюлотов, противоречившее установкам якобинцев и правительственных комитетов.

Шометт, символ народного движения, был арестован 18 марта 1794 года. Его обвинили в заговоре против правительства и пропаганде атеизма. Вместе с ним пред судом предстали 25 человек, включая бывшего епископа Парижа Жана Батиста Жозефа Гобеля и вдо-

⁵²⁶ *Alphonse Aulard* Recueil des actes du Comité de salut public Vol XII P 30, 160, 196, 245, 472, 473-475, 557, 561, XIV, P 143, 674

⁵²⁷ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 384-385, Vol VI P 27, 166, *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 241

⁵²⁸ Это были Жозеф Бодсон Младший, Жан Шарль Шеман и Пьер Тарро. См. *Albert Soboul* *Raymond Monnier* Répertoire de personnel sectionnaire P 416, 417, 418

⁵²⁹ Ibid P 417, 146, 175, 176 *Henri Wallon* Histoire du tribunal révolutionnaire Vol IV P 507, La Section de Bonne Nouvelle a toutes les sections et autorités constituées de la Commune de Paris Paris n d — Lb 40 1746, BN

ву Эбера⁵³⁰. 31 марта Сен-Жюст доложил о «заговоре» дантонистов Камилл Демулен и другие друзья Дантона были обвинены и «амальгамированы» с иностранными банкирами и депутатами, замешанными в историю с Индской кампанией. Менее чем через две недели после казни эбертистов дантонисты были отправлены на гильотину⁵³¹. Через восемь дней, 13 апреля, пришла очередь Шометта и же с ним⁵³².

Конечно, правительство не могло допустить слишком масштабного разгула репрессий в отношении лидеров санкюлотов. В противном случае позиции умеренных и контрреволюционеров укрепились бы. Именно этим, по-видимому, объясняется отказ властей репрессировать Паша, Анрио и Бушотта. Правительство провело, однако, чистку Генерального совета, в результате чего секции лишились своих представителей. Центральные власти сместили также полицейских начальников, назначив вместо них новых людей. Паш был арестован 10 мая 1794 году и содержался под стражей вплоть до амнистии 26 октября 1795 года⁵³³. Его арест еще более отдалил санкюлотов от правительства. Бывшие магистраты народа не являлись уже его представителями. Они превратились в простых функционеров и назначенцев центральных властей.

Все бывшие радикалы в секциях были теперь под ударом. Вот что по этому поводу сообщал Ролен: «Революционные комитеты теряют свое влияние с каждым днем»⁵³⁴. В секции Единства, например, несколько умеренных выступили против своего комитета из-за того, что он был якобы связан с бывшими эбертистами. Комитет, однако,

⁵³⁰ Постановления об аресте — F7 4435, pl 3, AN, *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 882, 891, *Moniteur* XX No 200 (April 9, 1794) P 166-167, No 203 (April 12, 1794) C 191-192, 205 (April 14, 1794) P 203-205

⁵³¹ AP Vol LXXVII P 629-638, Vol LXXXVIII P 151-152, 159, *Pieces annexes*, *Moniteur* XX No 192 (April 1, 1794) P 97-104

⁵³² Подробнее о Шометте см. *Chaumette procureur de la Commune a ses concitoyens* Paris n d — AD I 50, AN, *Moniteur* Vol XX No 97 (December 27, 1793), *Albert Mathiez* *Chaumette franc-maçon — La Revolution française* 1902 Vo XLIII P 121-141, *Albert Mathiez* *Contribution a l'histoire religieuse de la Revolution française* Paris, 1907 P 136-159, *Alphonse Aulard* *Le Culte de la Raison* P 82, *Fredric Braesch*, ed *Papiers de Chaumette* Paris, 1908 Introduction, p 90, *Maurice Dommanget* *Sylvan Marechal l'egalitaire, "l'homme sans Dieu"* Sa vie, son oeuvre (1750-1803) Paris 1950, *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 828

⁵³³ *Albert Mathiez* *L'Arrestation de Pache — Annales revolutionnaires* 1916 Vol VIII P 147-148 Жан Жорес считал, что Паш сыграл прекрасную роль во время восстания 31 мая — 2 июня 1794 года См. *Histoire socialiste* Vol VII P 448-449

⁵³⁴ *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol V P 224

парировал выпад, арестовав обвинителей. Он апеллировал к Комитету общей безопасности, прося дать оценку своим действиям. Тем самым, он обошел общее собрание секции из опасения возбудить умеренных. Эта тактика только усилила контроль за секцией со стороны правительства⁵³⁵.

Подобный же конфликт возник и в секции Брута. Руководящий член ее революционного комитета Шарль Шарден повздорил с Жаном Леймери, врачом, исключенным из народного общества секции. Леймери был взят под стражу, но его сторонники убедили Комитет общей безопасности освободить его, а вместо этого арестовать Шардена. Леймери затем набросился на своих врагов в секции, заявив, что им нельзя вмешиваться в политику. Свое выступление он заключил следующим образом: «Сапожник не должен мнить себя выше [подошв] своих сапог»⁵³⁶. Правда, его полигическая биография была не менее «революционной», чем биографии тех, кого он презирал. Очевидно, в его выступлении отразились классовые предрассудки, разделявшие так называемых патриотов 89-го года от патриотов 93-го.

Этот конфликт продолжался до тех пор, пока в спор не вмешался Пьер Муссар, представитель народного общества секции «В монархическом государстве парикмахеры — абсолютные ничтожества, — объявил он, — но в республиканском государстве они разумные существа, которые должны демонстрировать свой интеллект». Отвечая на попытки Леймери связать революционный комитет секции с эбертистами, он привел доказательства того, что секция первой представила в Конвент петицию, направленную против «нечестивой фракции». Жан Филипп Виктор Шарлемань, президент секции, поддержав усилия Муссара, помог ему остановить процесс поправления секции. Шарден был оправдан, а вместо него арестован Леймери⁵³⁷. Но и пос-

⁵³⁵ См. Dos 3994, Ventôse 27 (March 17, 1794) — W 74 AN, в котором содержится обвинение за подписью Жана Робера, виноторговца, в отношении Луи Давида Сандоза — купца, занятого типографским и гравировальным бизнесом — имевшим большой революционный опыт. Среди других обвиняемых были Берейтер, глава народного общества секции, и Мари Шарль Рулкес — скульптор, выступивший против выноса бюста Марата. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI No 894, *Albert Soboul*, *Raymonde Monnier* Repertoire de personnel sectionnaire P 440, 444 445

⁵³⁶ *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 931, 946, MS 118, fol 35 — *Bibliothèque Victor Cousin* Цит по *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 834-835.

⁵³⁷ Section de Brutus *Memoire instructif sur la conduite de Leymerie* Paris, 20 Germinal II — Lb 40 417, BN. *Alexandre Tuetey* Repertoire general Vol XI Nos 967, 1816, 2038, *Albert Soboul*, *Raymonde Monnier* Repertoire du personnel sectionnaire P 166 (Дюперо), 164 (Сарретт), 167 (Муссар), 166 (Шарлемань) и 163-164 (Леймери). Леймери был депортирован во Французскую Гвиану, где находился с 1801 по 1802 гг., после чего бежал в Соединенные Штаты. Он вернулся во Францию в 1812 году.

ледний, как уже говорилось, был не менее предан революции, чем его оппоненты.

Правительство полагало, что могло ограничить репрессии, однако атаки на эбертистов, выйдя из-под контроля, накалили атмосферу, в которой началось сведение личных счетов в секциях. К апатии и подозрительности, которые в то время распространились в них, добавилась озлобленность, вначале мало связанная с политикой, но постепенно оказавшаяся переплетенной с фракционной враждебностью. Все это только усиливало замешательство, сопутствовавшее процессам над Эбером, Дантоном и Шометтом, и чем дальше, тем больше разрушало связь между Комитетами и радикалами, которые их поддерживали.

Опыт Жана Матье Брише, помощника главы Военного министерства, в силу своего положения связанного с Венсаном, дает представление об опасности, которой подвергались бывшие радикалы, если они вызывали неудовольствие Робеспьера и якобинцев. Брише был членом революционного комитета секции Молота и секретарем Якобинского клуба. Его восхваляли как «великолепного гражданина», внесшего вклад в «духовное возрождение секции Молота». Однако, когда он предложил судить арестованных жирондистов, а депутатов Центра — исключить из Конвента, Робеспьер осудил его экстремизм и выкинул его из клуба без какого-либо разбирательства. Вскоре после этого якобинцы приняли решение, что ни один человек, исключенный из их общества, не может занимать государственных постов. Данное постановление привело к аресту и казни Брише (9 июля 1794 года).⁵³⁸

Личные отношения с бывшими вождями кордельеров являлись теперь достаточным основанием для осуждения кого бы то ни было. Из шестнадцати чиновников Военного министерства девять были арестованы на основе стандартного обвинения: их нанял на работу Венсан. Вот как отреагировала на обстановку жена одного члена революционного комитета секции Красного Колпака (то же должны были чувствовать многие): «Вы увидите, что вскоре лучшие патриоты Парижа окажутся уничтоженными; поэтому мой муж и я выйдем из всех обществ и больше не будем ни с кем встречаться. Мой муж выйдет из кордельеров, потому что у него нет никакого желания идти на гильотину»⁵³⁹.

⁵³⁸ Brichet, Mathieu Jean, dos 1 — F7 4617, AN, *Moniteur* Vol XIX No 144 (February 12, 1794) P 443-445, *Alphonse Aulard Jaconins* Vol V P 643-646, 670, *Henri Wallon* *Histoire du tribunal revolutionnaire* Vol IV P 454

⁵³⁹ *Albert Soboul* *Sans-Culottes* P 850, О других деятелях см *ibid* P 846-848, *Albert Soboul*, *Raymonde Monnier* *Repertoire de personnel sectionnaire* P 426, 471, 475, 483, *Richard Cobb* *Les Armees revolutionnaires* Vol I P 822, 823

Страх и апатия свели на нет политическую жизнь в секциях. Общие собрания занимались теперь чисто административными местными делами. Бурные споры и страстные дискуссии отошли в прошлое. На собраниях зачитывались официальные декреты, законы и декларации. Вооружение «кавалеристов» и выполнение других патриотических задач под руководством центральных властей заменило бывшие инициативы секций⁵⁴⁰.

Даже члены правительства не были застрахованы от террора, который, говоря словами Сен-Жюста, «замораживает сердца». Как и предсказывал Лежандр, Бушотт пал, будучи скомпрометирован тем, что назначил Венсана. В потрясающем письме Робеспьеру, военный министр теперь оправдывался в том, что раньше поддерживал Венсана и финансировал эберовскую «Пер Дюшен»⁵⁴¹. Интересно, что это письмо было адресовано не Комитету общей безопасности, а лично Робеспьеру.

27 марта 1794 года Конвент распустил Революционную армию. Армейские делегаты протестовали, заявляя, что Ронсен бывал в войсках редко. Они стремились продемонстрировать свою преданность Конвенту⁵⁴². Следующий удар народному движению был нанесен тогда, когда Генеральный совет ликвидировал должности комиссаров по борьбе со скупкой. Члены совета были деморализованы судом над кордельерами. Их самих подвергали нападкам за то, что вовремя не поздравили Конвент с раскрытием «заговора» эбертистов. Бурдон (из Уазы) даже назвал их сообщниками «фракции». Представитель коммуны Любен «объяснил»: Генеральный совет не мог прежде прислать делегацию с поздравлениями, потому что его члены считали, что должны оставаться на местах до тех пор, пока «заговор» не будет раскрыт полностью. Это заявление никого не обмануло, но коммуна на некоторое время обезопасила себя⁵⁴³.

⁵⁴⁰ Бакон доносил 24 апреля о том, что в нескольких секциях долго обсуждали покупку двух лошадей и вооружение двух «кавалеристов», добавляя, что «почти во все время собрания произносились патриотические речи» Роден заметил, что в секции Французского Пантеона «все протекало в спокойной обстановке, достойной подлинных республиканцев» *Pierre Caron* *Paris pendant la Terreur* Vol VI P 72-73, 90-91, 136

⁵⁴¹ Письмо Бушотта Робеспьеру 5 прериаля (24 мая) 1794 года — PI 4 P 164-165 — F7 4446 4, AN Это письмо опубликовано в *E B Courtois* *Rapport fait au nom de la commission chargée de l'examen des papiers trouves chez Robespierre et ses complices* Paris, Nivôse III (December, 1794 — January 1795) P 125-126 Об изменениях в генеральном штабе Революционной армии см *Richard Cobb* *Les Armees revolutionnaires* Vol I P 93

⁵⁴² *Moniteur* Vol XX No 188 (March 28, 1794) P 67-68

⁵⁴³ *Ibid* No 183 (March 21, 1794) P 17 No (March 31, 1794) P 91-92 Vol XIX No 179 (March 19, 1794) P 730, XX No 181 (March 22, 1794) P 3-4, *Alexandre Tuetey* *Repertoire general* Vol X Nos 2084, 2089

Среди тех, кто испытал на себе удар со стороны правительства в последнюю очередь, были народные общества, в особенности те из них, которые действовали в отдельных секциях. В своем докладе от 13 марта Сен-Жюст признавал важную роль этих обществ в прошлом, но заявлял, что в настоящий момент «народ» в них более не представлен. Эти общества, утверждал он, хотели похоронить общественное мнение под маской «революционности». Вскоре к его атаке присоединились и другие политические деятели, которые начали обвинять клубы в предоставлении убежища «аристократам и контрреволюционерам», жившими на «английские деньги»⁵⁴⁴.

Дополнительное оружие врагам секционных обществ давала хорошо известная заносчивость и сознание собственной исключительности, характерные для многих членов этих организаций. В их практике нередко случалось, что предложения, не принятые на общих собраниях, принимались затем секционными обществами в период между созывами общих собраний. Тем самым, воля собрания не принималась народными обществами во внимание. Полицейские шпионы свидетельствовали, что многие граждане в секциях выступали против своих клубов. Шармон, например, обнаружил, что «большинство граждан, не являвшихся членами народных обществ, опасалось тех, кто таковыми являлся». Бери доносил, что меры, предложенные Сен-Жюстом в отношении членов обществ, «были встречены всеобщими аплодисментами». Пурвайёр добавлял: люди говорили, что народные общества «менее народны, чем собрание заговорщиков»⁵⁴⁵.

Пытаясь продемонстрировать чистоту нравов, кордельеры постановили: все члены их клуба должны представить отчет о собственности, бывшей в их владении до революции, а также о ее стоимости в настоящий момент⁵⁴⁶. Однако, попытки распустить народные общества не ослабевали. Уже в ноябре 1793 года, как мы видели, Робеспьер критиковал последние за отсутствие патриотизма. В декабре он выступил против присоединения народного общества секции Инвалидов к якобинцам. Секционные общества, заявил он, являются «главным источником злобы, стоящей на пути свободы».

⁵⁴⁴ *Moniteur* Vol XX No 174 (March 14, 1794) P 686-692, Vol XX No 187 (March 27, 1794) P 49-51. Колло д'Эрбау подверг критике «опрометчивых людей», часто посещавших эти общества, призывая якобинцев бороться с ними. *Ibid* Vol XX No 205 (April 9, 1794) P 202-203.

⁵⁴⁵ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 202, 313, 42.

⁵⁴⁶ *Ibid* Vol VI P 142, 224.

Он назвал их «ублюдочными обществами», не достойными «святого имени» народных⁵⁴⁷.

15 мая 1794 года Якобинский клуб принял решение, запрещавшее его членам состоять в секционных обществах. Постановление обязывало якобинцев в десятидневный срок выйти из обществ. В случае отказа они лишались своего членства в клубе. В результате под нескончаемыми атаками секционные общества начали закрываться. В этой связи характерно поведение членов общества секции Арси, попытавшихся «сохранить лицо», несмотря на поражение. Это общество проинформировало Конвент о самороспуске, «идя навстречу общественному мнению»⁵⁴⁸, однако, заявило о непоколебимости своих республиканских принципов. Вскоре после этого большинство оставшихся секционных обществ также приняло аналогичные решения⁵⁴⁹.

После доклада Амара 29 октября 1793 года был запрещен женский Клуб революционных республиканок, возглавлявшийся Клер Лакомб и Полен Леон. Даже старейшее феминистское «Братское общество патриотов обоих полов, защитников Конституции», основанное в 1790 году и заседавшее в одном здании с Якобинским клубом, попало по огонь критики⁵⁵⁰. По мере того, как правительство и Клуб якобинцев усиливали свои атаки, секционные общества предоставляли Конвенту информацию о прекращении своего существования⁵⁵¹. Несколько клубов, членство в которых было ограничено отдельными секциями, попытались было сохраниться, несмотря на возрастающее давление. Однако с монополизацией якобинцами политической жизни они были обречены. К июню

⁵⁴⁷ *Alphonse Aulard* Jacobins Vol V P 503-504, *Moniteur* Vol XX Nos 236, 238, 240 (May 15, 17, 19, 1794) P 467-468, 482-482, 489-499, *Journal de la Montagne* Nos 45, 46 (December 28, 29, 1793) P 356-358, 363-364.

⁵⁴⁸ *Pierre Caron* Paris pendant la Terreur Vol V P 222. О Вильгельме Телле см. Fol 6, April 29 1794 — A A/266, APP, о секция Арси см. MS 119, fols 105-106, May 18, 1794 — *Bibliothèque Victor Cousin*.

⁵⁴⁹ Adresse de la section de la Fontaine-de-Grenelle composant la Societee des Amis des loix revolutionnaires, a la Convention nationale. Paris, 18 Floreal II — Lb 40 1832, BN. Многие из прекративших существование групп перечислены в *Moniteur* XX (различные даты) No 237 P 474-475, No 240, P 499, 501, 516, No 242 P 518, No 243 P 522, No 252, P 598, No 262, P 680 No 263, P 689. См. также *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 143, *Petition de la section des Tuileries* Paris, 1er Sans-Culottide II. — Lb 40 526, BN и *Moniteur* XXI No 363, 3e sans-culottide II (September 19, 1794) P 784.

⁵⁵⁰ См. *Morris Slavin* Feminists and Antifeminists in the French Revolution — Women in History Literature, and the Arts (Youngstown, Ohio, 1989) P 17-92.

⁵⁵¹ О народном обществе Социальной гармонии секции Арсенала см. C 303, plaq 1113 P 23, AN, о народно-республиканском обществе секции Бонконсейль и народном обществе Друга народа секции Марата соответственно см. *ibid* Pl 1114 P 9 13.

1794 года Вадье из Комитета общей безопасности объявил, что народные общества не отличаются от секционных. Только «первое и законное Общество», т.е. Клуб якобинцев, должно было существовать⁵⁵². Менее, чем через шесть месяцев, сами якобинцы перестанут быть «законными»

Таким образом, революционное правительство в попытке создать унитарную и централизованную республику, начав с объявления вне закона кордельеров и нанеся удар по «снисходительным» и их умеренным сторонникам, закончили разрушением всех органов власти, так мучительно создававшихся народным движением. Сомнительно, чтобы ради победы в войне требовалось такое единство. Еще более сомнительно, что революция могла достичь победы в самом своем начале без народного движения, в первую очередь без народных обществ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Эбертисты не поддаются простому описанию. В них, как и во многих революционерах, сочетались противоречия их характеров и принципиальность. Будучи несовершеннолетними представителями санкюлотов, они отражали их противоречивые взгляды и настроения. С трудом могли они быть последовательными в своих социальных и политических идеях и, подобно самому Эберу, выражать «великий гнев» или «великую радость». И если в их поведении имела место некая иррациональность, то в этом также сказывалась характерная для санкюлотов особенность.

Борясь за эгалитаризм и демократию в секциях Парижа, кордельеры лишали права на эти два идеала-близнеца огромное большинство французского народа, крестьян и фермеров. Их движение, подобно санкюлотизму в целом, было чисто городским феноменом. Правда, и это утверждение требует поправки. Эбертисты относились к коммерческим классам с такой же подозрительностью, какую проявляли к крестьянству, чьи товары их Революционная армия без колебания реквизировала. Но, поскольку великое множество санкюлотов сами являлись мелкими торговцами и разносчиками или были связаны с коммерческой сферой посредством семейных связей, выступление эбертистов против торговой деятельности неизбежно отталкивало от них тех, кто мог быть на их стороне. Более того, осуждение кордельерами коммерции ставило вопрос об их собственной экономической программе, которую они сами могли бы предложить в замен той, на которую нападали.

Конечно, правда, что понятия частной собственности и рыночной свободы оказались значительно переосмыслены революционным режимом. Монтаньяры приняли *максимум*, даже невзирая на то, что в него не верили. Максимум облегчил сиюминутное экономическое положение санкюлотов в больших городах Франции, однако не мог обеспечить санкюлотов-потребителей товарами первой необходимости. В этом эбертисты потерпели полное поражение. Они не приложили никаких усилий к тому, чтобы выработать программу, реализация которой способствовала бы росту произво-

⁵⁵² *Alphonse Aulard* Jacobins Vol VI P 181 В отличие от Вадье Паш утверждал, что свободным людям нужно общаться друг с другом по поводу общественных дел *Observations sur les Sociétés patriotiques*, par J. N. Pache, citoyen Paris, n d — Lb 39 5788, BN

длительности труда в деревне и в то же время привела бы к увеличению необходимых промышленных товаров в городах для их обмена на продукты земледельческого труда.

Интенсивные усилия кордельерских деятелей, направленные на то, чтобы выкапывать селитру и выковывать пики, не сопровождалось производством невоенных товаров. Ведь реквизиции представляли собой вынужденную меру, применение которой не могло разрешить фундаментальных противоречий между городом и деревней. Конечно, эбертисты не могли перепрыгнуть через целую историческую эпоху, и в обществе по-прежнему главное внимание уделялось сфере потребления, а также надуманной концепции физиократов о «чистом доходе». Не имея экономической программы для санкюлотов, эбертисты должны были вместо этого опираться на меры чисто политического и морального характера. Но такой подход изолировал их от их же собственной массовой базы, только обостряя проблему их соперничества с Конвентом и его Комитетами за дальнейшую поддержку со стороны санкюлотов.

Были ли эбертисты жертвами «буржуазии», историческими защитниками которой являлись якобинцы? Для начала надо признать, что многие историки подвергают сомнению традиционное представление, согласно которому социально-экономические устремления буржуазии выражались якобинцами. Однако, если не отвергать тот факт, что Французская революция была социальной революцией и в 1789 году произошло столкновение общественных классов с различными экономическими, политическими и культурными интересами, трудно будет отрицать, что долговременные исторические интересы среднего класса Франции, сознательно или бессознательно, выражали монтаньяры. В целом, можно утверждать, что эгалитарные и демократические цели санкюлотов угрожали буржуазии и ее представителям, но в то же время якобинцы-монтаньяры столкнулись и с конкретной, непосредственной угрозой «фракционности», подрывавшей их усилия, направленные на ведение войны.

Продолжавшаяся борьба партий спровоцировала революционное правительство на принятие контрмер точно так же, как и угроза «федерализма», исходившая от жирондистов после восстания 31 мая — 2 июня 1793 года. Конечно, якобинцы-монтаньяры были обеспокоены, помимо прочего, положением на фронтах. И ради установления «единства и неделимости», санкюлотизм должен

был бы принесен в жертву, а его представители отброшены на обочину дороги. В этом отношении правительство, похоже, исходило не из каких-либо абстрактных классовых предубеждений, а из непосредственной необходимости оказать поддержку армии. Робеспьер не был одинок в своей страсти к «общей воле».

Эбер заплатил свою цену за вызов, который он этой «воле» бросил. Слишком много историков и биографов, в том числе его современники, были, однако, убеждены, что ему не доставало «характера». Это серьезное обвинение заслуживает переоценки. Возможно, было бы правильное сказать, что ему не доставало твердости тогда, когда обстоятельства этого требовали. Со стороны Эбера было весьма наивным полагать, что после выступления против Робеспьера и Комитетов его оставят в покое. Все его действия — крестовый поход за дехристианизацию, резкие угрозы в адрес коммерции, навязчивые требования уничтожить арестованных жирондистов, распри с Демуленом и призыв к восстанию — все это и в обычное время поставило бы правительство, стремившееся к установлению «единой и неделимой» республики, в нелегкое положение. В период же войны против внешнего и внутреннего врага усилия Эбера, даже если они ограничивались одними словами, тем более такими, которые оказывали на людей самое большое влияние, неизбежно должны были вызвать противодействие.

Ничто из сказанного не отрицает его заслуг. Если кто и привил санкюлотам чувства самоуважения и достоинства, так это Эбер и «Пер Дюшен». То, что его газету читали во внутренних дворах улиц, не снижает ее значения. И пусть Эбер амбициозно стремился занять правительственный пост (он хотел стать министром внутренних дел), популярность ему обеспечивала его борьба за эгалитарные и демократические идеалы его читателей. Этого было достаточно центральным властям: они не сомневались, что Эбер даже с министерским портфелем, будет, как всегда, выступать глашатаем народного движения, продолжая защищать интересы санкюлотов. Поэтому, полагали они, на него нельзя было положиться как на человека, который бы действовал по указке правительства. Одно дело было иметь в министерстве Бушотта, и совершенно иное — Эбера.

Те, кто считает достойной целью подъем политической сознательности масс, агитируя за их участие в делах правительства, верят, что роль, которую сыграл Эбер заслуживает, если не восхищения, то уважения. Возможно, его политические взгляды были от-

части демагогичными, но его самым горячим желанием было вывести народное движение на самостоятельный путь. Более того, сам испытав муки голода, он знал, что значило «унижение гордого человека». Разумеется, этого было достаточно, чтобы идти одной дорогой с санкюлотами, выражая их «великий гнев» и деля с ними их «великую радость». Помимо прочего, Эбер был интересен и как человек. Он был образован, и нет никаких свидетельств его безнравственного поведения в семье, с друзьями или гостями. Слишком много было сделано выводов из его якобы трусости, проявленной в момент казни. Эбер слишком любил жизнь, чтобы уйти из нее в раннем возрасте. Да и вообще, более важно знать, как он жил, чем то, умер ли он с такой же, как и Ронсен, уверенностью в себе.

Весьма вероятно, что Эбер использовал продовольственный кризис в своих политических интересах. Но ведь это был действительно кризис и гораздо более серьезный, чем война. Именно поэтому Эбер и смог убедить санкюлотов в необходимости самим думать о своих непосредственных нуждах. Конечно, оба кризиса питали друг друга. Военные поражения усиливали тяжелые настроения в столице, а уверенность в том, что дефицит был создан искусственно (люди считали, что если бы не контрреволюционеры, Франция могла бы прокормить себя) обостряла обстановку, усиливая нетерпимость к инакомыслию и подозрительность к политическим оппонентам. Таким образом, с одной стороны, существовала массовая база, которую могла эксплуатировать любая партия, оказавшаяся бы в состоянии направить это недовольство против властей. С другой стороны, неразборчивое в средствах правительство могло использовать то же недовольство против любой партии, которая ему угрожала.

Сомнительно, что кордельеры могли бы пользоваться влиянием в секциях, если бы не нехватка товаров первой необходимости. Вместе с тем вожди клуба не знали, как увязать продовольственный кризис со своими политическими целями. Великие дни 4 и 5 сентября 1793 года дали Коммуне, Клубу кордельеров и радикалам в секциях большое преимущество. Конвент согнулся, хотя без энтузиазма, перед волей санкюлотов, однако закон о максимуме оказался слаб и несовершенен, а закон против спекуляции и скупки было вообще невозможно провести в жизнь. Более того, потребность любой ценой снабдить армии приводила к забвению гражданского сектора. Реквизиции, закупки товаров для армии по ценам выше максимума,

набор солдат и конфискация лошадей на военные нужды, а также блокада со стороны Англии — все это подрывало сельское хозяйство. У кордельеров не было решения этого кризиса.

Чрезвычайная экономическая ситуация сопровождалась политическим кризисом, начало которому положила Вандея. Спор о стратегии развел по разные стороны санкюлотовских генералов Ронсена и Россиньоля, поддержанных депутатами в миссии Шудье, Ришаром и Бурботтом, и офицеров-профессионалов — таких, как генералы Бирон и Вестерману, за которыми стояли Филиппо, Бурдон (из Уазы) и оба Гупийо. Этот спор не ограничивался военными вопросами. Конфликт имел более глубокие политические и социальные корни.

Можно, конечно, утверждать, что осуществление важной военной кампании должно было находиться в руках наиболее способных военных лидеров. Очевидно, что такому гражданскому человеку, как Ронсен и такому солдату, как Россиньоль, не имевшему даже простого офицерского звания, не хватало подготовки и опыта профессионалов. Конечно, они не должны были стоять во главе кампании. Но данный аргумент был бы правомерным, если бы во внимание принималась только военная компетентность. Реальная же проблема состояла в том, что решения по поводу стратегии и даже тактики носили политический характер.

Более консервативные депутаты не были полны желания получить репутацию санкюлотовских чиновников. Они понимали, конечно, что военные победы могли только способствовать политическим успехам последних. «Снисходительные», заклятые враги санкюлотов и кордельеров, готовы были пойти на риск поражения республиканских армий, только бы победой в Вандее не воспользовались командиры-санкюлоты.

Помимо прочего, существовал еще и вопрос о немалой собственности, находившейся во владении Гупийо. Ронсен и Россиньоль не проявляли ни малейшего желания идти на компромисс: они проводили политику выжженной земли в отношении бунтовщиков, не думая о сохранении в неприкосновенности собственности двух депутатов. И это тоже было достаточной причиной для возникновения острых разногласий по поводу того, как командовать армией. Конечно, нельзя забывать, что даже с чисто военной точки зрения стратегия «снисходительных» дорого обошлась республиканским войскам. Вандея привела к появлению двух фракций,

которые сражались друг с другом не на жизнь, а на смерть.

Назначение Ронсена командующим Революционной армией через месяц после демонстраций 4 и 5 сентября ознаменовало, вероятно, высочайший взлет санкюлотизма. К ноябрю, после речи Робеспьера против дехристианизации, Парижская коммуна была вынуждена отступить. В декабре ей был нанесен новый удар: ее заставили отказаться от контроля за революционными комитетами секций. Национальные агенты, напрямую ответственные перед Конвентом, стали теперь инструментами централизации в ущерб интересам местных органов власти. 17 декабря 1793 года Ронсен и Венсан были арестованы и оставались в тюрьме до 2 февраля 1794 года. Иными словами, триумф Ронсена был недолговечным.

Хотя все революционные партии вне всякой меры расхваливали «республиканцев» Древней Греции и Рима, они осуждали и не понимали историческую роль Кромвеля. Кордельерам следовало принять этого цареубийцу и основателя Содружества как своего единомышленника, даже если он действительно подверг чистке Парламент и в конце концов вынужден был управлять страной как военный диктатор. Ронсен явно не мог читать по-английски, хотя и должен был специально оправдываться, доказывая, что не зачитывался книгой Юма о Кромвеле. Это свидетельствовало о непреходящем страхе милитаризма, господствовавшем во французском обществе в то время. В атмосфере этого страха мог ли он использовать Революционную армию против Конвента в случае, если кордельеры и разрабатывали планы восстания? Более чем сомнительно.

Вожди кордельеров мечтали о мятеже, но не сделали ничего конкретного для его осуществления. Вместе с тем не удивительно, что идея нового восстания их увлекала. Они участвовали в трех успешных выступлениях: 14 июля 1789 года, 10 августа 1792 года и 31 мая — 2 июня 1793 года. С каждым разом положение санкюлотов все более улучшалось. В результате нового бунта их экономические и политические проблемы могли бы быть решены на долгое время. Однако вместо тщательной подготовки восстания, характерной для всех предшествовавших мятежей санкюлотов, на этот раз эбертисты ничего не предприняли и никого не организовали.

Они действительно вели разговоры о восстании, и это явилось их фатальной ошибкой. Каррье, Эбер и Ронсен угрожали новым восстанием, шумели о его необходимости, но становились косноязычными, когда их начинали спрашивать о целях восстания и о

том, против кого оно должно было быть направлено. Восставить против умеренных не имело смысла; умеренные не обладали властью. Бунт против монтаньяров, руководивших Конвентом и двумя его Комитетами, был еще менее целесообразен для санкюлотов, а потому и для членов общества кордельеров. Они сами внесли вклад в исключение жирондистов и утверждение монтаньяров у власти. Предположим, им удалось бы свергнуть правительство. Что тогда? Могли ли они прекратить войну и покончить с нехваткой товаров? Нет, у них не было никакого магического рецепта, чтобы сделать хоть что-нибудь.

Кто бы пошел за эбертистами, даже если бы они попытались организовать такие *journées*? Эбер был достаточно известен в некоторых районах Парижа, но полицейские доносы и другие источники показывают, что его популярность не шла в сравнение с популярностью Робеспьера. Немногие радикалы последовали бы за ним против Робеспьера, если бы им пришлось выбирать между ними двумя.

Более того, правительство вело очень умную игру. Конечно, вантозские декреты были не более, чем искусной пропагандой. Однако само признание правительством необходимости распределения конфискованных земель и другой собственности среди нуждавшихся патриотов было достаточным. Конвент завоевал массы на свою сторону. Правительство, проводившее энергичную политику, направленную на разгром Коалиции, успешно апеллировало к молодежи и престарелым, призывая к жертвованиям. Оно одно, похоже, олицетворяло стабильность в хаотичном мире. Такое правительство не могло не пользоваться поддержкой санкюлотов.

Вожди кордельеров оказались между двумя стульями. Они не могли ни организовать восстания, ни остаться безучастными в обстановке нехватки товаров и перед лицом новых трудностей. Вне зависимости от их популярности в секциях, народных обществах и среди отдельных граждан, они не имели возможности использовать свое преимущество против Комитетов и Конвента. Кордельеры могли завесить черной вуалью Права человека, а секция Марата — продемонстрировать Конвенту свое недовольство, но реальная власть и популярность были у революционного правительства.

Наряду с другими популярностью пользовался и Колло д'Эрбуа. Но его случай был парадоксален: своим назначением членом Комитета общественного спасения он был обязан массовой демонстрации санкюлотов в начале сентября. Среди вождей демон-

страции были кордельеры и их союзники в Генеральном совете. Более того, по возвращению из Лиона, этот «гигант» атаковал умеренных и их сторонников в Конвенте не менее страстно, чем эбертисты. Однако в решающий момент, т.е. как раз тогда, когда кордельеры были уверены, что он на их стороне, Колло выступил как представитель и защитник Комитетов против Эбера, Ронсена, Моморо и их последователей.

Что повлияло на его поведение? Осознал ли он соотношение сил и пришел к выводу, что кордельеры были слишком слабы? Или действительно понял, что их политическая линия вела к катастрофе революции? Ответить на этот вопрос нельзя. Но то, что его роль вплоть до разрыва со своими прежними товарищами определялась его отношением к вождями кордельеров, вряд ли вызывает сомнения. В условиях, когда за его спиной стояли Комитет и общество якобинцев, конфронтация Колло с Моморо после катастрофического заседания Клуба кордельеров 14 вантоза могла привести только к поражению последнего. Резолюции о дружбе между двумя народными обществами лишь камуфлировали раскол.

Шумный скандал вокруг двадцати четырех фунтов мяса, якобы полученных Эбером нечестным путем, привел в еще большее замешательство его сторонников. Защитник санкюлотизма, постоянно гремевший по поводу скупки, был теперь вынужден защищаться сам, оправдываясь перед голодными санкюлотами в получении «подарка». Полицейский донос, в котором так рельефно был представлен санкюлот, чесавший в затылке после прочтения объяснительной речи Эбера, очень точно запечатлел проблему. Кому теперь верить? Вот в чем заключался вопрос.

Могло ли издание «Ами дю пёпл» укрепить положение кордельеров в глазах общественного мнения? Вряд ли. Что могла эта газета сказать такого, чего «Пер Дюшен» не мог? Да и вообще, могли ли его издатели пользоваться большим доверием, если не желали подписывать свои статьи? Соблюсти анонимность было невозможно ни в коем случае. Агенты Комитетов хорошо знали авторов, и никаких формальностей не требовалось.

Энтузиазм, с которым секции приветствовали речь Сен-Жюста о «международном заговоре», являлся не менее показателен. Огромное большинство встало на сторону правительства, и лишь немногие подняли голос против ужасных обвинений со стороны Комитета в адрес эбертистов. Не все поддержали правительство из страха. Мно-

гие санкюлоты верили его представителям и тому, что те говорили о «заговоре». Остальные были просто парализованы. Вероятно, это и было наиболее удручающим следствием выступления Сен-Жюста.

И все же нельзя забывать, что, судя по полицейским доносам, имелись и диссиденты. И если некоторые историки, например Матьез, с трудом находят хоть что-нибудь, что свидетельствовало бы о нарушении обычного течения жизни в секциях после того, как стало известно об аресте эбертистов, такие ученые, как Герен, преувеличивают поддержку, оказанную обвиняемым. Более проницательные радикалы в секциях, разумеется, знали о том, что арестованные кордельеры являлись патриотами, а, следовательно, жертвами правительства. Кое-кто сделал безрассудные заявления о необходимости операции по освобождению заключенных, однако никаких серьезных усилий по организации мятежа не предпринял.

Были ли Колло и Бийо-Варенн вовлечены в «заговор» кордельеров? Есть определенные факты, свидетельствующие о такой возможности, однако не вызывает сомнения, что оба эти деятеля, достаточно умные, вряд ли стали бы рисковать своими политическими карьерами и жизнями в таком безнадежном деле. Они могли эксплуатировать народное движение для удовлетворения собственных амбиций, но никогда не смогли бы позволить этому движению атаковать Комитет, нераздельной частью которого сами являлись.

Роль мэра Паша также неясна, но есть достаточно оснований связывать его с эбертистами. В донесениях полицейских шпионов постоянно приводятся высказывания различных людей по поводу его возможной роли в эбертистском путче в качестве «верховного судьи». Идея прихода диктатора к власти в результате военного переворота не была чем-то незнакомым парижанам. Марат также говорил о «начальнике», который возьмет власть после устранения жирондистов. Более того, отсутствие документов в досье Паша указывает на сознательное уничтожение всех свидетельств против него. То, что он наряду с Анрио и Сантерром избежал ареста, поразило многих современников. Хотя, если бы Комитеты арестовали этих троих, они порвали бы все связи с народным движением. Пока же было достаточно лишь ограничить движение на какое-то время. То, что начали Комитеты, завершат термидорианцы.

По всей видимости, арестованным кордельерам очень больно было осознавать, насколько эффективной оказалась правительственная кампания против них. За исключением нескольких предан-

ных сторонников и скептиков из народных обществ и секций, огромное большинство, казалось, приняло обвинения, выдвинутые общественным прокурором против их бывших вождей. Даже не располагая современными средствами коммуникации, правительство обладало почти полной монополией на дозировку «новостей» по своему желанию. С арестом Эбера его газета прекратила существование, после второго номера перестал выходить и кордельеровский «Ами». Кто же мог защитить кордельеров? Ведь даже выражение уверенности в том, что суд освободит обвиняемых, само по себе уже вызывало подозрения. Да и почему простые мужчины и женщины должны были сомневаться в решениях ими же избранных представителей?

Сообщение об «удивлении» кордельеров при известии об обвинениях, выдвинутых в адрес их вождей, следует воспринимать довольно скептически. Трудно поверить, что кордельеры были настолько наивны, чтобы «удивляться». Они безусловно понимали, что этот переворот носил политический характер и процесс тоже должен был стать политическим, а не юридическим. «Удивление» Шено по поводу того, что ни один член общества не выступил в защиту арестованных лидеров, равным образом кажется наивным. Конечно, страх сказался на реакции кордельеров. Аппарат репрессий к тому времени был уже полностью отработан, и выступление против правительства получило бы мощный отпор. Риск быть арестованным жирондинской Комиссией двенадцати в то время, когда огромное большинство санкюлотов, секций и народных обществ выражали симпатию арестованным, не шел ни в какое сравнение с шансом быть заключенным под стражу в условиях, когда многие народные общества оказались на стороне властей.

Резолюции в поддержку правительства и проклятия, доносившиеся из секций, соревновавшихся между собой в том, кто жестче заклеймит арестованных кордельеров, вероятно, усиливали угнетенное настроение большинства граждан, за исключением наиболее отважных революционеров. Развал кордельеров и извинения, принесенные секцией Марата за то, что ее общее собрание оказалось одураченным «интриганами», доказывают, что выступать в защиту арестованных эбертистов было нельзя. Конечно, задержка в выражении радости по поводу действий правительства свидетельствовала о том, что кое-кто из наиболее радикально настроенных членов секций капитулировал, желая тем не менее сохранить

достоинство. Однако если какая-то оппозиция центральным властям и оставалась в секциях и народных обществах, она исчезла в течение сорока восьми часов, после чего общие и народные собрания присоединились к хору, которым дирижировали сверху.

Руководство кордельерами со стороны Моморо и Венсана в корне отличалось от политики всех этих Шено, Броше и Прето. Своей поддержкой Ронсена и Россиньоля Моморо доказал преданность не только республике, но и духу эгалитаризма, пропагандировавшемуся им так горячо в брошюрах и выступлениях. Его социальные и философские принципы были явно левее якобинских, а его предложения по поводу максимума показывают, что он размышлял над экономическими проблемами, которые могли вызвать применение данной меры. Убеждение Моморо в том, что общество имеет приоритетные права на продукты земли в противоположность праву частной собственности, разделялось рядом философов (например, Руссо), социальными реформаторами (подобно Фоше и Бонвиллю) и политическими деятелями (такими, как Ру и Варле). Однако, как президент Клуба кордельеров и руководитель секции Марата, Моморо обладал политическим влиянием, которого не имели другие. Его «Права человека» показывали, какое внимание он уделял социальному фактору в отличие от факторов личностного и частного. Он выступал в защиту бедноты и против имущих, а его восхваление «людей 40 су» обеспечило ему массовую базу в секции. Правда, его эгалитарные принципы не соответствовали тому, как он вел секционные собрания — он делал это явно недемократично.

Равным образом нетерпимым к инакомыслию был его коллега Венсан, который имел опору как в Военном министерстве, так и в секции Муция Сцеволы. Его несдержанные вспышки против оппонентов или тех, кого он считал таковыми, можно было отнести частично на счет его страстной натуры, а частично — молодости: он был моложе Моморо более чем на десять лет. Сен-Жюст тоже был молодым, но в отличие от Венсана мог сдерживать чувства, подчиняя их своим интересам или тому, что он полагал интересами государства. Историки обращали внимание на грубый язык Венсана, который давал знать о себе даже в наиболее изысканных из его выступлений в Конвенте. Как и в диатрибах «Пер Дюшена», в резких обличительных речах Венсана выражалась страсть санкюлота, проявлявшаяся в борьбе за республику. Не следует также забывать, что оба, и Моморо и Венсан, не раз рисковали жизнями ради революции.

Не менее преданы революции были и остальные арестованные с Моморо и Венсаном. Дефье, Перейра и Проли прошли долгий революционный путь; они выполняли опасные поручения по заданию правительства. Ни один из них не был санкюлотом; все происходили из среднего класса и были связаны с коммерцией или банковским делом. Мало отличались от них Дюбюиссон и Декомб, получившие известное образование и принадлежавшие к лицам свободных профессий. Один Мазюель мог бы считаться санкюлотом, по крайней мере в ранние годы жизни. Однако после того, как он стал командиром кавалерийского эскадрона, его социальный статус изменился.

То, что революцию и должны были возглавлять лица, принадлежавшие к среднему классу, конечно, неудивительно. Такого рода руководство характерно для современных революций, как буржуазных, так и пролетарских (или тех, которые таковыми считаются). Санкюлоты, у которых не хватало образования, свободного времени и политического опыта, не могли быть вождями первого ранга. Не могли они и конкурировать с названными революционерами до тех пор, пока не приобрели политический и административный опыт.

Арест этих людей и тот цинизм, с которым они были принесены в жертву, вряд ли имели аналоги вплоть до XX века. Знала ли французская история более пылкого патриота, чем Анахарсис Клоотс? По происхождению он был дворянин, по рождению — прусак, по политическим взглядам — умеренный, по устремлениям — космополит. Во взглядах же на мировую политику он был французским империалистом. То, что французский национализм превратился в шовинизм под влиянием Робеспьера, становится понятно, когда мы анализируем обвинения, выдвинутые последним против, говоря словами Луи Блана, «бедного Клоотса». Универсальные «Права человека», на которые Клоотс указывал в запросе, посланном Робеспьеру, превратились в права для одних французов. За робеспьеровским обвинением Клоотса стоит империалистическая политика.

Что же касается «амальгамированных», не имевших никакого отношения к эбертистам, то подобные политические трюки типичны и в наше время. Для того, чтобы уничтожить политическую репутацию кордельеров с помощью клеветы, их надо было окружить преступниками как можно низшего разряда. Отдав последним «поли-

тическую» роль, а первым — роль преступников, общественный обвинитель создал прекрасную амальгаму. Процесс эбертистов, как и суд над дантонистами, был явной и простой фабрикацией. Он не имел ничего общего с юриспруденцией; как раз наоборот, это был политический акт, что и понял Ронсен. Как и старые большевики на сталинских процессах, эбертисты были оклеветаны, обесчещены, осыпаны бранью, и, в конце концов, осуждены и казнены.

Некоторые из обвинений, брошенных им, были настолько абсурдны, что, если бы итог процесса не был столь трагичен, они звучали бы забавно. Венсан высмеял одежду Лежандра; неожиданно это превратилось в серьезное обвинение, раздутое до таких пределов, что стало рассматриваться как атака на достоинство Конвента. Чтение книги о жизни Кромвеля было воспринято как доказательство того, что Ронсен хотел подражать протектору Содружества. Авторитарное поведение Моморо, не дававшего своим противникам слова, было поводом послать его на гильотину. Проли, знавший бельгийцев лучше, чем его следователи, считал, что в Бельгии следует сохранить дворянство и духовенство; этой «умеренной» точки зрения было достаточно, чтобы осудить его.

Антинародный характер репрессий в наибольшем виде выразился в аресте и осуждении Шометтта. Объявить его «ультра» — значило вымазать всех эгалитаристов одной краской. Благодаря его влиянию на Генеральный совет, монтаньяры получили поддержку парижских властей. Если он и был радикален, то только в своих антиклерикальных чувствах. Как главный чиновник муниципалитета, он выражал и защищал стремления санкюлотов к осмысленной жизни. Казнь Шометтта явилась прямым ударом по народным институтам, их членам и массе парижан, которые так много отдали, чтобы создать независимое городское правительство.

Многие свидетели, заслушанные в суде, были, похоже, обычными мужчинами и женщинами, занятыми торговлей и ремеслом или являвшимися лицами свободных профессий. Были среди них и мелкие государственные чиновники. Вряд ли они не понимали, что от них хотело правительство. Это, конечно, не мешало им дать честные показания. Проблема заключалась в том, что многое из того, что они говорили, базировалось на слухах, и нет никаких свидетельств их перекрестных допросов адвокатами, если таковые вообще проводились.

Осуждение и казнь эбертистов и амальгамированных завершили народную фазу французской революции. Бывшие активисты и

глашатаи санкюлотов исчезли с политической арены, отойдя от движения. Революция стала бюрократическим мероприятием, войдя в безопасное русло, что исключало инициативу снизу. Натиск и рвение санкюлотов, которым в прошлом отдавали дань такие люди, как Робеспьер, сошли на нет. Парижская коммуна, секционные собрания и даже Якобинский клуб, все эти организации были теперь укрошены.

Народные общества, в которых родилось столько инициатив, оказались отныне в обороне. Следует помнить, что именно революционное правительство начало атаку на них, распустив вначале секционные общества. Различие между последними и старыми народными обществами было зачастую настолько неопределенным, что члены как одних, так и других организаций должны были обращаться к своим истокам для того, чтобы с уверенностью сказать, принадлежали ли они к тем или иным. Да, более старые клубы склонялись к тому, чтобы выражать взгляды своих основателей, деятелей 1789 года, в отличие от новых секционных собраний 1793 года. Но и в этом случае депутаты правого крыла не проводили различий между патриотами 89-го и 93-го годов, подобно тому, как термидорианцы амальгамировали «преданных патриотов» с их умеренными оппонентами. Через несколько коротких месяцев созданные клубы будут опять закрыты. Последними эта участь постигнет самих якобинцев. Таким образом, ликвидация секционных обществ и укрошение кордельеров предзнаменовали конец самого «общества-прародителя». Не менее важно и то, что подавление народного движения в лице кордельеров-эбертистов привело непосредственно к Термидору. Последний же, в свою очередь, изменил характер революции.

У эбертистов не было целей, фундаментально отличавшихся от идеалов Конвента и его Комитетов. Правда, с их точки зрения, главной задачей было удовлетворение противоречивых социально-политических устремлений санкюлотов. Их поражение принесло с собой конец и якобинцам. Ибо, несмотря на различные «исторические задачи», которые каждая из этих партий ставила перед собой, якобинизм и эбертизм на самом деле были взаимосвязаны. И если якобинцы хотели оставаться у власти, им нужна была поддержка народного движения. А последнее возглавлялось эбертистами. Уничтожив кордельеров, якобинцы подорвали свои собственные позиции. Таким образом, «папаша Дюшен» в конце концов взял реванш.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

Архивы

Национальный архив Франции

Série C. Резолюции и обращения в Национальный конвент различных секций и народных обществ.

- 290, plaque 990, section Arsenal
- 295 plaq. 991, section Faubourg du Nord
- 295 plaq. 995, section Poissonnière; революционный комитет секции Homme Armé; народное общество Amis du peuple of section Marat
- 299 plaq. 1045, адрес секции Faubourg Montmartre Конвенту; p. 32, адрес секции Cité Конвенту
- 300 plaq. 1057, секция Gardes-Françoises складывает сулитру
- 303 plaq. 1099, section Brutus; plaq. 1113, народное общество Harmonie sociale секции Sans-Culottes; plaq. 1114, народное общество (La Société populaire et républicaine) секции Bon-Conseil

Série F7. Документы, относящиеся к индивидуумам

- 4435, plaq. 1, Fouquier-Tinville's "Justification"
- 4435, plaq. 3, Постановление об аресте Шометта
- 4435, plaq. 7, Письмо Фукье-Тенвиля в Комитет общественное безопасности по поводу Коффа (sic!)
- 4436, plaq. 4, Письмо Бушотта Робеспьеру
- 4438, plaq. 1, Опись документов обвиняемых
- 4617, dossier 1, Brichet, Mathieu Jean
- 4649, dos. 5, Cloots, Anacharsis
- 4672, dos. 1, Descombes, Antoine Ignace François
- 4672, dos. 2, Desfieux, François
- 4774 40, dos. 3, Mazuel, Albert
- 4774 67, dos. 2, Pereyra, Jacob
- 4774 83, dos. 1, Proly, Pierre Berthold
- 4775 48, dos. 2, Vincent, François Nicolas and Ronsin, Charles Philippe

Serie W Документы, относящиеся к Революционному трибуналу

34, dos 2138, революционный комитет секции Lepeletier о Joseph Vuillemot

74, dos 3994, обвинения Робера в адрес революционного комитета секции Unite, о членах секции Unite

77, plaq 379, показание Mathias Halm

136, Письмо сержанта Гийома общественному прокурору

168, Еще одно письмо сержанта Гийома

173, письменный отчет трибунала об обвиняемых, свидетелях и обвинениях

Другие документы

AD I 50, Защита Шометта

AD 155, Ответ Морена на обвинения против него

AF II* 286, Письмо Комитета общей безопасности революционными комитетам секций

AF II* 294, освобождение Венсана и Ронсена 14 and 15 Pluviose, II год

BB 3 58, dos Pache

D III, dos 4, письмо Декомба жене

T 1000¹, арестованные бумаги Клер Лакомб

Опубликованный документ

Proces des conspirateurs Hebert, Ronsin, Vincent, Momoro, Desfieux, et complices Paris, An II 126 p

*Национальная библиотека Франции**Manuscrits в Nouvelles acquisitions françaises (Nouv Acq, fr)*

2662, folios 63, 72, 73, 155, 156

Брошюры Антуана Франсуа Моморо

Lb 40 542, Section du Theatre-Français dite de Marseille Paris, April 15, 1793 2 p

Lb 41 2978, De la Convention nationale Declaration des droits Paris, n d 7 p

270

Lb 41 3324, Rapport des evenemens relatifs a la visite faite par le General en chef Rossignol, des differentes divisions composant l'armee des cotes de la Rochelle Paris, n d 6 p

Lb 41 3389, Rapport sur l'etat politique de la Vendee, fait au Comite de salut public de la Convention nationale Paris, [October 13, 1793] 36 p

Lb 46 3219, De Saumur Paris, August 13, 1793 3 p

Ld 4 3556, Reflexion d'un citoyen sur la liberte des cultes religieux, pour servir de reponse a l'opinion de M l'abbe Sieyes [Paris], 1792 8 p

Le 38 2461, Opinion de Momoro, administrateur et membre de directoire du departement de Paris [Paris], n d 14 p

Ln 27 14429, Petition a l'Assemblee nationale Paris, n d 3 p

Другие опубликованные источники

Lb 39 5788, Observations sur les Societes patriotiques, par J N Pache, citoyen Paris, n d 8 p

Lb 40 417, Section de Brutus Memoire instructif sur la conduite de Leymerie Paris, 20 Germinal II 8 p

Lb 40 526, Petition de la section des Tuileries Paris, 1er Sans-Culottide II 2 p

Lb 40 1746, La Section de Bonne-Nouvelle, a toutes les sections et autorites constituees de la Commune de Paris Paris, n d 4 p

Lb 40 1727, Extrait du registre des deliberations de la Section de Bon-Conseil Paris, 10 Ventose 4 p

Lb 40 1818, Soutiens aux patriotes, guerre aux moderes Discours prononce de Quintidi de la premiere decade Ventose, a l'Assemblee generale du F B Montmartre Paris, 5 Ventose 8 p

Lb 40 1832, Adresse de la section de la Fontaine-de-Grenelle composant la Societe des Amis des loix revolutionnaires, a la Convention nationale Paris, 18 Floreal II 7 p

Lb 40 1891, La Section de l'Indivisibilite a la Convention nationale Paris, 30 Pluviose II 8 p

Lb 40 2194, Liberte, egalite Societe republicaine de l'ami du peuple Paris, 9 Ventose 4 p

Lb 40 2438, Discours prononce par C Camus a la Societe populaire de la section Constante du faubourg Montmartre Paris, 11 Ventose 8 p

Lb 40 2457, Societe fraternelle des deux sexes du Pantheon-Français Adresse presentee le 27 Ventose, par cette Societe, a la Convention nationale [Paris] 1 p

Lb 41 1040 B, Reponse de Philippeaux a tous les defenseurs officieux des bourreaux de nos freres dans la Vendee, avec l'acte solennel d'accusation, fait a la seance du 18 nivose, suivie de trois lettres ecrites a sa femme, de la prison Paris, III 94 p Опубликовано вдовой Филиппо с двухстраничным предисловием

Lb 41 2232, Jugement rendu par le tribunal revolutionnaire [Paris], n d 15 p

Le 38 2175, Denonciation faite a la Convention nationale par Laurent Lecointre Article 11 [Paris], 11 Fructidor II 10 p

Le 39 64 bis, Pierre Choudieu a ses concitoyens et a ses collegues [Paris], n d 47 p

Архив префектуры полиции г. Парижа

A A/266, p 6 [dossier Arcis, nos 1-17]

A A/17, p 65, Commune de Paris, Departament de Police

Опубликованные документы

Abbot, Wilbur Cortez A Bibliography of Oliver Cromwell Cambridge, Mass , 1929

Aulard, Alphonse Recueil des actes du Comite de salut public avec la correspondance officielle des representants en mission et le registre du conseil executif provisoire 28 vols Paris, 1889- 1951

Aulard, Alphonse La Societe des Jacobins Recueil de documents pour l'histoire du Club des Jacobins de Paris 6 vols Paris, 1889-1897

Barriere J F, ed Memoires particulieres de Mme Rolland Paris, 1847

Barrucand, Victor, ed La Vie veritable du citoyen Jean Rossignol (1759-1802) Paris, 1896

Berville, Saint-Albin and Jean Francois Barriere, eds Collection des memoires relatifs a la Revolution francaise Paris, 1828 Vol LVIII of *Berville and Barriere*, eds Debats de la Convention nationale 2d ser , 65 vols

Braesch, Frederic, ed Papiers de Chaumette Paris, 1908

Brissot de Warville J P Sur la propriete st sur le vol 1780, rpr Brussels, 1872

Buche P J B and P C Roux, eds Histoire parlementaire de la Revolution francaise 40 vols Paris, 1843-1838

Calvet, Henri L'Accaparement a Paris sous la Terreur Essai sur l'application de la loi du 26 juillet 1793 Paris, 1933

Caron, Pierre Paris pendant la Terreur Rapport des agents secrets du ministre de l'interieur 6 vols Paris, 1910-1964

Charavay, Etienne, ed Assemblée electorale de Paris, 18 novembre 1790 – 15 juin 1791 3 vols Paris, 1890

Cloots, Anacharsis Anacharsis Cloots Oeuvres 3 vols Paris, 1980

Cloots, Anacharsis La Republique universelle, ou, Adresse aux tyrannicides Paris, [1792]

Cloots, Anacharsis Ni Marat, ni Roland Opinion d'Anacharsis Cloots, depute de l'Oise Paris, 1792 16 p

Courtois E B Rapport fait au nom de la commission chargee de l'examen des papiers trouves chez Robespierre et ses complices Paris, Nivose III (December, 1794 – January 1795)

Dauban, Charles Aime Les Prison de Paris sous la Revolution d'apres les relations des contemporaines 1870, rpr Geneva, 1977

Duval, Michel, ed Anacharsis Cloots Ecrits Revolutionnaires, 1790-1794 Paris, 1979

Fortescue J B The Manuscripts of J B Fortescue, Esq , Preserved at Dropmore 10 vols London, 1892-1927

Hamel, Ernest Papiers inedits, trouves chez Robespierre 3 vols Paris, 1828

Mably, Gabriel Bonnot, de De la legislation, ou, Principes des loix 2 vols Lausanne, 1777

Mathiez, Albert Le Club des Cordeliers pendant la crise de Varennes et le massacre du Champ de Mars Paris, 1910

Mavidal M J and M E Laurent et al, eds Archives parlementaire de 1787 a 1860 Recueil complet des debats legislatifs et politiques des chambres francaises Series I, 90 vols Paris, 1879—

Momoro, Antoine Francois Traite elementaire de l'imprimerie, ou, Le Manuel de l'impimeur Paris, 1796

Rapports de Grivel et Siret, commissaires parisiens du conseil executif provisoire sur les subsistances et le maximum Paris, 1908

Schmidt, Adolphe Tableaux de la Revolution francaise 3 vols Leipzig, 1869

Senart, Gabriel Jérôme Revelations puisees dans les cartons des comtes de salut public et de sûreté générale, ou, Mémories inédites de Senart 2d ed Paris, 1824

Tourneux, Maurice Bibliographie de l'histoire de Paris pendant la Révolution française 5 vols 1890, rpr Paris, 1968

Tuetey, Alexandre Répertoire général des sources manuscrites de l'histoire de Paris pendant la Révolution française 11 vols Paris, 1890-1914

Газеты и журналы

L'Ami du peuple par le club des Cordeliers
La Bouche de fer
Journal de la Montagne
Journal de Paris
Le Publiciste de la Révolution française
Le Père Duchesne
Le Sappeur Sans-Culotte
Le Vieux Cordelier
Reimpression de l'ancien Moniteur

Литература

Afanassiev, George Le Commerce des céréales en France au dix-huitième siècle Paris, 1894

Aulard, Alphonse Histoire politique de la Révolution française Origines et développement de la démocratie et de la république (1789 – 1804) Paris, 1901 **Олар А. Политическая история французской революции**

Aulard, Alphonse Le Culte de la Raison et le culte de l'Être suprême (1793-1794) 2d ed Paris, 1904 **Олар А. Культ Разума и Верховного существа во время Великой французской революции**

Avenel, George Anacharsis Cloots L'Orateur du genre humain 2 vols Paris, 1895

Barante, Amable Guillaume Prosper Brugiere, baron de Histoire de la Convention nationale 6 vols 1851-1853, rpr New York, 1976

Blanc, Louis Histoire de la Révolution française 12 vols 2d ed Paris, 1864-1870 **Блан Л. История Французской революции**

Bloch, Camille La Monnaie et le papier-monnaie Paris, 1912

Caron, Pierre Le Commerce des céréales Paris, 1907

Caron, Pierre Tableau de dépréciation du papier-monnaie Paris 1909

Cobb, Richard Les Armées révolutionnaires Instrument de la Terreur dans les départements, avril 1793 – floreal an II 2 vols The Hague, 1961-1963

Cobb, Richard Note sur Guillaume Boulard de la section du Finistère – Annales historiques de la Révolution française 1950 Vol XX P 152-155

Cobb, Richard The People's Armies Instrument of the Terror in the Departments New Haven, 1987

Dommanget, Maurice Sylvan Marechal l'égalitaire, «l'homme sans Dieu» Sa vie son oeuvre (1750- 1803) Paris, 1950

Duval, Louis Hebert chez lui – La Révolution française 1886 Vol XII P 961-981, 1887 Vol XIII P 4-65

Edmonds, W D Jacobinism and the Revolt in Lyon, 1789-1793 New York, 1990

Faye, Jean Pierre Les Grandes Journées du Père Duchesne, maître poëlier et fils du sacrifiant Paris, 1981

Furet, François La Gauche et la Révolution française au milieu du XIX siècle Edgar Quinet et la question du Jacobinisme Paris, 1986

Furet, François and Denis Richet La Révolution des États généraux au 9 thermidor 2 vols Paris, 1965

Gerbaux, Fernand and Charles Schmidt Procès-verbaux des comités d'agriculture et de commerce 4 vols Paris, 1908

Godechot, Jacques La Conterévolution Doctrine et action, 1789-1804 Paris, 1961

Guerin, Daniel La Lutte de classes sous la première république Bourgeois et «bras nus» (1793-1797) 2 vols Paris, 1946

Guilhaumou, Jacques L'Effet populaire dans le Père Duchesne L'Exemple de la figuralité du corps – Les Intermédiaires culturels 1981 P 401-423

Guilhaumou, Jacques La mise en scène de l'anglais à l'épreuve du paradoxe – Komparatistische Hefte 1979 No 2 P 102-115

Guilhaumou, Jacques Le «Moment actuel» et processus discursif Le Père Duchesne d'Hebert et le Publiciste de la Révolution française de Jacques Roux (14 juillet – 6 septembre 1793) – Bulletin du centre d'analyse du discours 1975 Vol III P 147-173

Guilhaumou, Jacques Les Mille Langues du Pere Duchesne La Parade de la culture populaire pendant le Revolution — Dix-huitieme siecle revue annuelle 1986 P 143-154

Guilhaumou, Jacques L'Ideologie du Pere Duchesne Les Forces adjuvantes (14 juillet — 6 septembre 1793) — Le Mouvement social 1973 No 85 P 81-116

Hamel, Ernest Histoire de Robespierre 3 vols Paris, 1865-1867

Harris, Seymour The Assignats Cambridge, Mass, 1930

Hatin, Eugene Histoire politique et litteraire de la presse en France 8 vols Geneva, 1967

Herlaut, General Le General rouge Ronsin (1751-1794) La Vandee, l'armee revolutionnaire parisienne Paris, n d

Jacob, Louis Hebert le Pere Duchesne Chef des sans-culottes Paris, 1960

Jaurès, Jean Histoire socialiste de la Revolution française 8 vols Paris, 1924, rpr with notes by Albert Soboul New York, 1973 *Жорес Ж. Социалистическая история*

Lafargue, Paul La Langue française avant et apres la Revolution — *Французской революции В 6 тт.*

Paul Lafargue Marxisme et linguistique Paris, 1977

Lamartine, Alphonse de Histoire des Girondins 8 vols in 4 tomes Brussels, 1847 *Ламартин А. Жирондисты*

Lefebvre, Georges Etudes sur la Revolution française Paris, 1963

Lefebvre, Georges Documents relatifs a l'histoire des subsistences dans le district de Bergues 2 vols Lille, 1914-1921

Lefebvre, Georges La Revolution française Paris, 1951, vol XIII of *Louis Halphen and Philippe Sagnac*, eds, Peuples et civilizations 20 vols

Manfred, Albert La Nature du pouvoir Jacobin — La Pensee 1970 Vol CV P 62-83

Markov, Walter Maximilien Robespierre, 1758-1794 Beitrage zu seinem 200 Gerburtstag Berlin, 1958

Mathiez, Albert L'Arrestation de Pache — Annales revolutionnaires 1916 Vol VIII P 147-148

Mathiez, Albert L'Arrestation de Santerre — Annales revolutionnaires 1916 Vol VIII P 149

Mathiez, Albert Chaumette franc-maçon — La Revolution française 1902 Vo XLIII P 121-141

Mathiez, Albert Contribution a l'histoire religieuse de la Revolution française Paris, 1907

Mathiez, Albert Les Dernieres Lettres de Vicent a sa femme — Annales revolutionnaires 1913 Vol VI P 250-251

Mathiez, Albert Les Deux Versions du proces des Hebertistes — Annales revolutionnaires 1919 Vol XI P 1-27

Mathiez, Albert Les Droits de l'Homme voiles au club de Sedan en pluviose — Annales historiques 1926 Vol III P 495-496

Mathiez, Albert La Revolution française 3 vols 10th ed Paris, 1951

Mathiez, Albert Saint-Simon et Ronsin — Annales historiques 1926 Vol III P 493-494

Mathiez, Albert Trois discours inedits de Momoro — Annales historiques 1926 Vol III P 498- 487

Mathiez, Albert La Vie chere et la mouvement social sous la tereur Paris, 1927 *Матъез А. Борьба с дороговизной и социальное движение в эпоху террора*

Mathiez, Albert Un Proces de corruption sous la Terreur L'Affaire de la compagnie des Indes Paris, 1920

Michelet, Jules Histoire de la Revolution française 2 vols Paris, 1961

Mignet François Auguste Marie Histoire de la Revolution française depuis 1789 jusqu'en 1814 2 vols 2d ed Paris, 1869 *Минье О. История Французской революции*

Palmer, R R Twelve Who Ruled The Year of the Terror in the French Revolution Princeton, 1941

Poulantzas, Nicos Political Power and Social Classes London, 1973

Quinet, Edgar La Revolution 2 vols Paris, 1865

Rose, R B Gracchus Babeuf, The First Revolutionary Communist Stanford, 1978

Rose, R B The "Red Scare" of the 1790s The French Revolution and the "Agrarian Law" — Past and Present 1984 Vol CIII P 114-130

Sewell, William H, Jr Work and Revolution in France The Language of Labor from the Old Regime to 1848 Cambridge, Eng, 1980

Slavin, Morris Feminists and Antifeminists in the French Revolution — Women in History, Literature, and the Arts Youngstown, Ohio, 1989

Slavin, Morris The French Revolution in Miniature Section Droits de l'Homme, 1789-1795 Princeton, 1984

Slavin, Morris The Making of an Insurrection Parisian Sections and the Gironde Cambridge, Mass, 1986

Slavin, Morris Theodore Leclerc An Anti-Jacobin Terrorist — Historian 1971 Vol XXXIII P 398-414

Soboul, Albert Les Sans-Culottes parisiens en l'an II Mouvement populaire et gouvernement revolutionnaire, 2 juin 1793 — 9 thermidor an II Paris, 1958 *Собуль А. Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры: народное движение и революционное правительство*

Soboul, Albert and Raymonde Monnier Repertoire du personnel sectionnaire parisien en l'an II Paris, 1985

Sonenscher, Michael The Sans-Cullotes of the Year II Rethinking the Language of Labour in Revolutionary France — Social History 1984 Vol IX P 301-328

Sybel, Heinrich von Geschichte der Revolutionzeit von 1789 bis 1795 5 vols 3d ed Dusseldorf, 1866-1870

Taine, Hippolyte Adolphe Les Origines de France contemporaine 6 vols 11th ed Paris, 1879-1894 *Тэн И. Происхождение современной Франции*

Thiers, Adolphe Histoire de la Revolution Française 10 vols 3d ed Paris, 1832 *Тьер А. История Французской революции*

Tissot, Pierre François Histoire complete de la Revolution Française 6 vols in 3 tomes Paris, 1834-1836

Tridon G Les Hebertistes La Commune de Paris de 1793 2d ed Paris, 1871

Wallon, Henri Histoire du tribunale revolutionnaire de Paris 6 vols Paris, 1880-1882

Walter, Gerard Hebert et le “Le Pere Duchesne” (1757-1794) [Dijon], 1946

Walter, Gerard Histoire de la Terreur, 1793-1794 Paris, 1937